Михаил Геллер

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Том I

М.Я. Геллер. "История Российской империи". В трех томах. М.: Издательство "МИК", 1997. — Том I — 448 с.

Это издание подготовлено и осуществлено при поддержке
Издательства Центрально-Европейского Университета (CEU PRESS), Института «Открытое общество»
и фонда «Goodbooks», Guernesey.

Это исследование охватывает огромный временной период — с первого летописного упоминания о славянских племенах до Октябрьской революции. Автор рассматривает, историю России под оригинальным углом зрения, прослеживая процесс многократного образования и распада Российской империи.
Книга написана живо, полемично, ясным, простым языком, и уже приобрела мировую известность: в 1996 г. она издана в Венгрии, в 1997 г. — во Франции (издательство "Плон").

ISBN 5-87902-073-8 © М.Я. Геллер, 1997
ISBN 5-87902-074-6 © Издательство "МИК", 1997
© Оформление Н.Е. Эляшберг

Том 1

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. ИМПЕРИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ

- Евразия
- Время и место
- Соседи: хазары, Византия и другие
- Первые шаги
- Владимир Красное Солнышко: крещение Руси
- Апогей и упадок
- «Слово о полку Игореве»

- На развалинах

Глава 2. МОНГОЛЬСКОЕ ИГО
- Нашествие
- Появление Москвы
- Возвышение Литвы
- Битва на Куликовом поле
- Битва на Куликовом поле и после

Глава 3. МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО
- Государь всея Руси
- Третий Рим
- Москва и мир
- Грозный царь
- Семибоярщина
- Годы реформ
- Время реформ и успехов
- На Восток и на Запад
- Апология самодержавия
- Опричнина
- Конец царствования
- Смутные времена
- Правитель и царь
- Царь Борис
- Самозванцы
- Цари и самозванцы

Глава 4. РОССИЯ МОСКОВСКАЯ
- Итоги смутных времен
- Трудное выздоровление
- Алексей Тишайший
- Осень Московии
- Раскол
- На юг и север
- Два наблюдателя: Григорий Котошихин и Юрий Крижанич
- В ожидании Петра

ВВЕДЕНИЕ

Ничто не меняется так быстро, как прошлое.

(Наблюдение)

Несовременная история подозрительна.

Паскаль

Необыкновенная хрупкость наших представлений о прошлом очевидна. Во всех странах взгляды на историю меняются в зависимости от разных причин: появляются новые документы, меняются политические режимы, приходят молодые историки, настаивающие на своем желании увидеть былое по-своему, по-новому. Нигде, однако, прошлое не менялось так часто, так радикально, как в стране, рожденной Октябрьской Революцией.

Первый русский историк-марксист Михаил Покровский, занявший после революции административные посты, давшие ему власть на «историческом фронте», сформулировал принцип отношения к прошлому: история есть политика, опрокинутая в прошлое. Можно при желании найти сходство между формулой Покровского и мыслью Паскаля. С той принципиальной разницей, что марксистско-ленинский принцип носит, прежде всего, инструментальный характер. Американский писатель Амброз Бирс, циник и пессимист, пришел к выводу, что «история — это рассказ, как правило неверный, о событиях, главным образом незначительных, которые были результатом деятельности правителей, в большинстве негодяев, и солдат, как правило дураков». Формула Покровского позволяла тем, кто осуществлял политическое руководство страной, рассказывать о прошлом то, что им было нужно, решать, кто в былые времена был негодяем, а кто героем, кто дураком, а кто великим мудрецом, пророком, видевшим будущее, т.е. коммунистом.

В 1931 г. Сталин впервые продемонстрировал возможности использования прошлого. Он представил Россию несчастной жертвой: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все за отсталость». Эпитафия по старой, отсталой России была нужна в период первой пятилетки для утверждения необходимости быстрого рывка вперед, превращения страны в индустриальную державу.

Проходит несколько лет, и вождь народов меняет свой взгляд на историю России. Желая использовать русский национализм для укрепления режима, он меняет прошлое. Движущей силой развития страны перестает быть классовая борьба, как учили марксисты, а становится строительство могучего государства, с постоянно расширяющимися границами. Новый учебник по «истории СССР» для школ, утвержденный в 1936 г., начинается рассказом о государстве Урарту, существовавшем в Закавказье у озера Ван в IX в. до нашей эры, поскольку оно было первым государственным образованием на территории будущей социалистической державы.

По мере нарастания напряжения в Европе во второй половине 30-х годов российское прошлое начинает меняться как в калейдоскопе; назначаются новые главные враги, а прежние временно амнистируются, история России изображается уже не как цепь поражений, но как вереница блистательных побед на востоке, западе и севере. Сталин давал указания. Их подхватывали, развивали, объясняли историки. Осип Мандельштам с некоторой гордостью заметил, что в Советском Союзе к поэзии относятся чрезвычайно

серьезно: поэтов убивают. Он имел в виду государственные убийства за стихи, которые чем-то не понравились властелину. Серьезным было отношение не только к поэзии: убивали, наказывали арестом, тюрьмой, лагерем за ошибочную (не совпадавшую с очередной директивой) интерпретацию прошлого, настоящего, будущего.

Споры о прошлом, которые велись и ведутся всегда и во всех странах, в Советском Союзе приняли характер борьбы за «истину», совершенно обязательную для всех в промежутках между очередным ее изменением по приказу сверху. Дискуссии о происхождении имени «Русь», о роли норманнов в образовании Руси, об авторстве эпоса «Слово о полку Игореве», о степени прогрессивности Ивана Грозного или Петра I носили государственный характер и расценивались как выражение отношения к социализму. В результате историки нередко опровергали сегодня то, что они писали вчера. В 1939 г. один из самых известных советских медиевистов академик Греков оценивал «Повесть временных лет» — первый летописный свод, источник основных сведений о начальном периоде истории Киевской Руси, написанную в XII в., неприязненно: «Несомненно, хроникер, представитель определенного класса, имеет собственную точку зрения и преследует определенные политические цели. Поэтому наше отношение к хронике как историческому источнику должно быть вдвойне осторожным»[1]. Проходит несколько лет, и в 1943 г. Борис Греков утверждает: «Повесть временных лет» — одно из трех творений человеческого гения, которым суждено вызывать негаснущий интерес на протяжении веков... Для нас это уникальный источник, дающий не всегда полный, но тем не менее... подлинный и содержательный рассказ о раннем периоде истории Руси...»[2].

Развал в начале 90-х годов нашего века советской империи, возникшей на обломках российской, еще раз изменил взгляд на русское прошлое, Его можно рассматривать сегодня как историю рождения, развития, расцвета и упадка империи. Понятие империи — государства, управляемого полновластным монархом и включающего в свой состав завоеванные и присоединившиеся народы, — позволяет проследить идею, определявшую внутреннюю и внешнюю политику страны, социальное устройство, нравы. «Толковый словарь русского языка» Владимира Даля определяет империю как «государство, которого властелин носит сан императора, неограниченного, высшего по сану правителя»[3]. Формально Российская империя родилась в 1721 г., когда Петр I, победитель в Северной войне, объявил себя императором. Но уже в XV в., после падения Константинополя, в Москве возникает идея преемственности, которая сто лет спустя будет выражена в знаменитой формуле: два Рима было, третий стоит, а четвертому не быть. В 1547 г. Иван IV Грозный примет титул «царя всея Руси». Царь — трансформированный Цезарь — объявил себя наследником Римской империи после гибели Византии. В эпоху монгольского ига царем называли на Руси татарского хана. Иван объявил себя также и наследником Золотой орды.

Восхваление государства, могучей державы, как цели в себе было свойственно многим русским историкам. Николай Костомаров (1817—1885), историк-украинец, профессор Петербургского университета, писавший по-русски, выражал в середине XIX в. надежду на близость времени, «когда встретить у историка похвалу насильственным мерам, хотя бы предпринимаемым и допускаемым с целью объединения и укрепления государства, будет так же дико, как теперь было бы дико услышать с кафедры одобрения инквизиционных пыток и сожжений, совершавшихся не только с высшей целью единства веры, но еще с самой высшей и благой — ради спасения многих душ от адского огня в будущей жизни»[4]. Не все русские историки восхваляли насильственные меры, использованные для создания империи, но все считали процесс расширения государства совершенно естественным. И поэтому, например, в *«Русской истории»* Василия Ключевского (1841—1911), на которой воспиталось несколько поколений, не упоминается колониальная политика России.

Две главные причины определяли это отношение. Прежде всего — натуральность раздвижения границ до географических пределов (гор, океанов) и далее. Как паровой каток, двигалось русское государство по гигантской равнине, неся цивилизацию и культуру. Второй причиной было существование могучей империи. Историки рассматривали ее прошлое, исходя из настоящего. Сила, размеры империи давали ей легитимность. И дополнительный стимул для восхваления страны, добившейся замечательных успехов. Могучее государство, как идеальная цель усилий поколений, превратилось — с интенсивностью, неизвестной дореволюционной науке, — в объект культа советских историков. Академик Тарле восторженно писал в 1946 г.; «У человека, который, по счастью нашему, руководит нашей Родиной, среди многих даров есть дар понимания заслуг людей, которые верно послужили народу. Сталинское поколение хорошо понимает, что такое история России, любовь к России»[5].

Крушение империи позволяет увидеть в новом ракурсе ее историю, значение и необходимость составлявших ее мастей для метрополии, возможности неимперского существования России. Алиса, попавшая в страну чудес, очень жалела бедную память, которая действует только назад, помнит только прошлое. История иногда помогает вспомнить и будущее.

Глава 1
ИМПЕРИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ

Евразия

Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания евразийского государства.

Георгий Вернадский. Берлин. 1927

Победа Красного интернационала — нашей коммунистической партии... историческое проявление евразийского государства.

Георгий Вернадский. Москва. 1941

Мы евразийцы; сохранение союза славян и тюрков, мусульман и православных — суть евразийской идеи.

Газета «День». Москва. 1992

Евразия, евразийство — понятия, вошедшие в научный и политический словари в 1921 г., когда группа молодых русских ученых, оказавшихся в эмиграции, выпускает сборник «Исход к Востоку». Авторы — историк, философ, богослов, лингвист — свидетели революции, гражданской войны, распада российской империи, катастрофы, напоминающей Смутное время XVII в. «Россия в развалинах. Разбито и растерзано ее державное тело.

Взбудоражена и отравлена, и потрясена русская душа...»[1] Нужна надежда. Евразийцы предложили новое издание известной идеи об особом пути развития России, ее миссии. Раскинувшаяся на двух континентах, соединяющая их, но не идентифицирующая себя ни с Европой, ни с Азией, являясь одновременно и Европой и Азией, Россия виделась авторам «Исхода к Востоку» Третьим миром, что было несомненным вариантом Третьего Рима. В год публикации манифеста евразийцев Николай Устрялов, идеолог отказа от борьбы с советской властью, зачинатель движения «Смена вех», видит в Третьем интернационале возможность реализации русской идеи Третьего Рима.

Евразийство, как и все его предшественники, провозглашавшие враждебность Западу, «латинству», настаивало на «третьем» пути между двумя субконтинентами. Но этот путь не проходил точно посредине. Евразийцы определенно склонялись к Востоку. Название сборника было недвусмысленной декларацией. Октябрьская революция показалась им доказательством поражения России на западном пути и знаком необходимого поворота на Восток. Решение Ленина перенести столицу из Петербурга, города, обращенного на Запад, в Москву, воспринималось как свидетельство понимания большевиками евразийского характера страны. Конгресс народов Востока, организованный Коминтерном в Баку в 1920 г. и объявивший «джихад» империализму, было еще одним доказательством евразийства большевиков. «Советская Россия, хотя и окруженная врагами, — объявил представитель Москвы, — может производить оружие, которым в состоянии вооружить не только русских рабочих и крестьян, но может вооружить индусских, персидских и анатолийских крестьян и повести их в совместные бои к общим победам»[2].

Историки-евразийцы представляли русскую послереволюционную катастрофу в контексте тысячелетнего колебательного движения народов Евразии — с востока на запад и обратно. Историк Георгий Вернадский утверждал: «Вся история Евразии есть последовательный ряд попыток создания единого евразийского государства. Попытки эти шли с разных сторон — с востока и запада. К этой цели клонились усилия скифов, гуннов, хазар, турко-монголов и славяноруссов. Славяноруссы одолели в этой исторической борьбе»[3].

Традиционная периодизация русской истории делила прошлое на время правления князей или царей, в зависимости от места пребывания столицы государства (Киев, Москва, Петербург). Марксисты добавили свою, классовую, периодизацию. Георгий Вернадский предложил «евразийскую» хронологию, положив в основу периодизации отношения между степью и лесом в русской истории. Попытки объединения степи и леса, причем он употребляет эти понятия не в почвенно-ботаническом значении, а в совокупности их природного и историко-культурного смысла, Вернадский кладет в основу русского исторического процесса. Историк отмечает колебательное движение с юга и востока на север и северо-восток, конечная цель которого — объединение леса и степи, или, иначе, распространение российского государства почти до естественных пределов Евразии.

В определении Г.В. Вернадским смысла исторического процесса в евразийском пространстве обращает на себя внимание выражение — «единое евразийское государство». Единство как условие мощи представляется историку необходимым условием, главной целью.

Евразийцы обратились на новом, послереволюционном витке русской истории к старым, надо бы сказать вечным, русским вопросам: Запад и Восток, демократия и самодержавие. Поворот к Востоку означал не только утверждение оптимистического взгляда на будущее, но и выбор новой модели для возрожденной России.

Философ и поэт Владимир Соловьев (1853—1900), горячий сторонник сближения православия и католичества, констатируя в конце XIX в. увлечение «Востоком», спрашивал Россию. «Каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса иль Христа?» Четверть века спустя евразийцы ответили: над Россией встает «тень великого Чингисхана, объединителя Евразии». Отвергнув традиционную византийскую модель, евразийцы выбрали в качестве образца монгольскую империю Чингиса и его потомков — языческую, деспотическую, подчиняющую всех обитателей интересам государства.

Евразийская концепция истории России — детище кризиса. В поэтическом исступлении Александр Блок кричал в 1918 г.: «Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы, с раскосыми и жадными очами!» В апреле 1941 г., подписав договор о ненападении с Японией, довольный Сталин уверял японского министра иностранных дел Мацуоку: «Мы с вами — азиаты». Близилась пугавшая Сталина война с Германией. В 1992 г. вновь раздается крик: «мы — евразийцы!» Как не один раз в прошлом, российское государство, теряя территории на Западе, надеется, уйдя на Восток, отлежаться, набрать новые силы, и вернуться к прежним границам. К началу 80-х гг. XX в. границы советской империи на Западе вышли далеко за пределы рубежей российской империи, за пределы Евразии, границы которой никогда не были достаточно точно установлены. Возможно, поэтому откат будет особенно сильным. Но это волновое движение происходило и происходит на территории, естественные границы которой задерживаются Тихим океаном на Востоке, пустынями на юге, Балтикой на Западе.

Время и место

Эти безграничные равнины были предназначены для политического единства.
Анатоль Леруа-Болье. Париж. 1898

Степи российские являются продолжением степей азиатских и сливаются со степями венгерскими. Степной материк — от Желтого моря до озера Балатон — был заселен кочевыми народами, которые с доисторических времен преодолевали в поисках пастбищ огромные дистанции. Волны нашествий, зарождаясь в глубинах Азии, накатывались на степь: пришельцы оттесняли прежних обитателей, которые, в свою очередь, занимали пастбища более слабых народов. Отец истории Геродот, посетивший в V в. до н.э. греческую колонию Ольвию, расположенную на правом берегу Буга, оставил основные сведения о первоначальных обитателях пространства, которые позднее станут называть южнорусскими степями.

Киммерийцы, первый — по сообщению Геродота — народ, обитавший на берегах Черного моря на рубеже II-I тысячелетия до н.э., оставил после себя немного следов. Пришедшие потом скифы известны значительно лучше; они оставили обнаруженные в погребениях великолепные памятники материальной культуры: золотые украшения, утварь, оружие. Сохранилась и память о скифах — воинственных наездниках, господствовавших на территории между Доном и Дунаем, совершавших набеги в район Кавказа и дальше. Образ скифа — свободного всадника, не знающего над собой никакой власти — воспламенил воображение поколения, пережившего захват власти большевиками в 1917 г. и настаивавшего на родстве русских и древних степных воинов.

Скифов вытеснили сарматы, пришедшие из Средней Азии и принадлежавшие к той же иранской языковой группе. Победа сарматов объяснялась лучшим вооружением — они знали стремя, пики, длинные сабли. Сарматы господствуют в степи с III в. до н.э. до начала III в н.э. Память о них сохранилась, в частности, в польском языке, длинные висячие усы называют сарматскими.

Следующее вторжение — в отличие от прежних — идет с севера. Германское племя готов двигалось с берегов Балтики на юго-запад. Восточная ветвь завоевателей — остроготы — создают государство на берегах Черного моря между Днестром и Доном. Впервые устанавливается связь между Балтийским и Черным морями. В конце IV в. готов сметают племена гуннов — народа тюркского происхождения. Явившись из Азии, гунны в короткое время овладевают степями между Волгой и Дунаем. В середине V в. их король Атилла подходит к стенам Рима: впервые прочерчиваются контуры евразийской империи. После смерти Атиллы его королевство распадается. Гуннов в VI в. сменяют кочевники-тюрки, покинувшие Азию в поисках пастбищ — авары (обры). Они подвергают опустошительным набегам не только племена, жившие на южно-русской равнине, но и обитателей Германии и Италии. После ста лет присутствия они исчезают так же неожиданно, как появились. Русская летопись сохранила поговорку, «погибоша, аки обре» — синоним бесследного исчезновения.

Перечисление кочевых племен, являвшихся из глубин континента, оседавших на какое-то время и исчезавших, создает впечатление непрерывного движения в пространстве между Карпатами и Кавказом на протяжении многих веков. Возникает вопрос: кем были постоянные обитатели территории? И другой: были ли среди них славяне, когда они появились?

Спор о происхождении славян, начавшийся очень давно, продолжается с неизменной, более того, нарастающей страстностью. Бедность источников усиливает остроту

разногласий, окрашенных идеологическими и политическими убеждениями. Историки предлагают различные, противоречивые, взаимоисключающие ответы на вопросы. Были ли славяне коренным населением восточной Европы? Если пришли, то когда и откуда? Каково происхождение руссов, давших имя народу и государству? Как началось русское государство? Ответы тем труднее, а возможность интерпретаций тем больше, что скудность письменных источников (реляции путешественников, краткие упоминания в книгах византийских, готских историков) не может быть полностью возмещена археологическими и лингвистическими данными. История — прежде всего письменные источники.

Споры историков, к тому же идущие не одну сотню лет, становятся в свою очередь источником, позволяющим понять многое в прошлом народа и страны. «Повесть временных лет», составленная в начале XII в. монахом Нестором, — первая русская история, дошедшая до нас, служащая главным источником информации для всех исследователей Древней Руси. Василий Ключевский называет Нестора «славянофилом», Лев Гумилев, современный историк, называет автора «Повести временных лет» западником. В 1903 г. и в 1989 г. русские историки употребляют по отношению к историку XII в. термины, которые определяют важнейшее противостояние русской истории.

Большинство ученых согласно с некоторыми ответами на вопросы о начальном периоде Руси. Нестор сформулировал их в первой фразе «Повести»: «...откуду есть пошла Русская земля...»

Прародиной славян признается — вслед за «Повестью временных лет» — территория от Карпат до Днепра. Византийский историк Прокопий (VI в.) и его современник историк готов Иорнанд первыми упоминают славянские племена (антов, венедов, склавинов). Они приходят в движение под напором кочевых племен. Бегущие от разгрома авары сдвигают обитателей карпатского водораздела со своих мест. По-видимому, в этот момент разрываются связи между восточными, западными, южными славянами. В частности, это отражается в языке: западные и южные славяне, на которых произвели огромное впечатление победы Карла Великого над хазарами, стали называть своих государей — король (краль, круль), восточные славяне заимствуют титул государя у восточных народов — каган (хакан).

С конца VI в. и до начала IX в. продолжается расселение восточных славян на территории от бассейна озера Ильмень до северо-западного побережья Черного моря. «Повесть временных лет» перечисляет 15 племен, обозначая территорию каждого. Границей, как правило, служат реки. Первыми называются поляне. Летопись говорит, что они поселились на Днепре и неоднократно повторяет, что их столица — Киев. Для Нестора, писавшего «Повесть» в Киеве — это несомненно важно. Названия рек и озер, перечисленных летописцем, дают ясное представление о географии распространения славянских племен: Днепр, Припять, Двина, Волга, Сож, Ока, Сейм, Сула, Десна, Буг, Днестр, Дунай. На озере Ильмень жило племя, построившее Новгород.

Василий Ключевский выделяет в летописи Нестора два факта, которые ставит в самое начало русской истории. Первый — создание в VI в. на Карпатах большого военного союза славянских племен под предводительством князя дулебов. Это — первая попытка объединения восточных славян, возникшая в ходе столкновений с Византией. Второй факт — расселение восточных славян на равнине, не имевшей естественных границ, разделенной на две части: северная — зона леса, южная — зона степей. Пришельцы заняли преимущественно лесную полосу.

Осью земель, занятых восточными славянами, столбовой дорогой, важнейшим хозяйственным путем, становится река Днепр. Геродот называл Днепр «самой производительной рекой не только в Скифии, но и во всем мире, за исключением Нила». Греческий историк расхваливал великолепные пастбища по берегам, чистую и необыкновенно вкусную воду, изобилие рыбы, залежи соли. Он говорит, естественно, о возможностях, которые открывала река, связывавшая — вместе с притоками — Балтику и

Черное море. Этот торговый путь использовали многочисленные греческие колонии, появившиеся на северном берегу Черного моря и восточном — Азовского — за многие века до нашей эры: Ольвия, Херсонес, Феодосия, Фанагория и др.

Самая известная фраза из «Повести временных лет» продолжает оставаться актуальной через тысячу лет после ее написания. Она вызывает ожесточеннейшие споры: некоторые из протагонистов не верят в ее подлинность, называя поздней — враждебной — вставкой в летопись. В год 862 г. — говорится в «Повести» — славянские племена, освободившись от варягов, которые брали с них дань, рассорились между собой, началась усобица, они стали воевать друг с другом. И тогда обитатели новгородской земли решили обратиться к заморскому князю с просьбой: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет... Приходите княжить и владеть нами».

Новгородские послы отправились за море, к варягам, в Скандинавию. Три брата — Рюрик, Синеус, Трувор вместе с дружинами — откликаются на призыв. Старший, Рюрик, становится князем Новгорода: династия Рюриковичей будет править в Киеве, а затем в Москве сотни лет, прервавшись в конце XVI в. Приобретают себе княжества и два других брата. Дружинник Рюрика — Аскольд — становится князем Киева.

История «призвания норманнов», рассказанная в «Повести временных лет», становится одним из самых спорных эпизодов начального периода русской истории. Отношение к рассказу летописи становится проверкой на «патриотизм». «Норманисты» и «антинорманисты» рождаются 6 сентября 1749 г. В этот день член императорской Академии наук в Санкт-Петербурге, официальный императорский историограф Герхард Фридрих Мюллер читал ежегодный доклад. На этот раз он был посвящен происхождению русского народа и его имени. Опираясь на труды своего предшественника Готтлиба Зигфрида Байера, академик Мюллер изложил теорию создания Киевской Руси норманнами. Но едва он успел развить свою идею, как его прервали крики слушателей. Академик Н.И. Попов, астроном, объявил, что докладчик «бесчестит наш народ». Спор был представлен на рассмотрение императрицы Елизаветы Петровны (1741 — 1762), которая назначила комиссию для расследования. В комиссию вошел также знаменитый русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов. Его мнение было однозначным: взгляды немцев «ночи подобны», работы Мюллера вредят интересам и славе российской империи. Публикации академика Мюллера были конфискованы и уничтожены, ему было запрещено заниматься древней русской историей.

Спор продолжат бушевать в XIX и XX вв. «Норманисты» и «антинорманисты» добывали убедительнейшие аргументы в пользу своих взглядов, опираясь на те же самые источники. Ожесточенность дискуссии нагнеталась патриотическими чувствами противников «норманнской» теории. В 30-е годы XX в. советские историки получили указание считать «антинорманнские» взгляды единственно правильными, следовательно, научными. В разгар войны с Германией академик Б. Греков в статье, опубликованной органом ЦК партии «Большевик», отвергал, как антипатриотическую, теорию «приглашения варягов», утверждая, что сильное, высокоразвитое русское государство существовало уже в VI в. Смерть Сталина не изменила официального советского отношения к истории Древней Руси. В 1963 г. Андрей Амальрик был исключен из Московского университета за студенческую работу «Норманны и Киевская Русь». В 1978 г., комментируя «Повесть временных лет», академик Д. Лихачев настаивает: «Легенда о приходе из-за моря Рюрика, Синеуса и Трувора... чистый домысел, трафарет исторического мышления летописца, его гипотеза, с которой пора перестать считаться»[4].

Следует признать, что летописец излагает событие, которое не перестает вызывать споры, чрезвычайно туманно. Новгородские послы отправляются по свидетельству Нестора, «за море», что достаточно неопределенно. А затем он разъясняет: «И пошли за море к варягам, к Руси. Те варяги назывались Русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы...» Возникает множество вопросов. Прежде всего — главный: приглашали

чужеземцев княжить или нет? Почему Нестор считает наименования варяг и Русь синонимами? Иначе говоря: каково происхождение слова «Русь»? Откуда взялось название государства? И дополнительный вопрос: каково отношение между славянами и Русью? Нестор отвечает на это: «А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались Русью, а прежде были славяне». «Антинорманисты» категорически отвергают утверждение летописца о тождестве варягов и руссов.

Поиски ответов на исторические загадки продолжаются. Выдвигаются новые гипотезы и теории. Идут поиски славянских племен, обитавших в Прибалтике, которые могли бы решить проблему: были ли приглашенные «варягами», но бесспорно славянского происхождения. На острове Рюген в Балтийском море, начиная с VI в. жило славянское племя, которое немецкие хроники называли руссами, русинами. Высказывается предположение, что в Новгород прибыли славяне-руссы. В состав дружины входили также скандинавские викинги. Обосновавшись в Новгороде и его окрестностях, дружины руссов и норманнов спустились по Днепру и основали Киевское государство. Омельян Прицак, американец украинского происхождение, профессор Гарвардского университета, предложил еще более неожиданную теорию. Используя письменные источники VI—VIII вв. на арабском, греческом, латинском и других языках, историк обнаруживает «Русь» в римской Галлии, на юге современной Франции, в окрестностях города Родез, который в VIII в. назывался Рутеницис по латыни, Руси — по-французски[5], Арнольд Тойнби производит «рус» от шведского «родгер» — гребец.

Исследования истории Древней Руси, не принося окончательного, невозможного, по всей видимости, ответа на вопросы, поставленные далеким прошлым, расширяют наши знания о былом, если не настаивают на их обязательном характере. Хорошо известно, что в спорах истина не рождается.

Споры о происхождении русского государства, русского народа не касаются признаваемого всеми факта: в IX в. Русь входит в историю. Современные хроникеры, мемуаристы, путешественники не ограничиваются упоминаниями о славянских племенах, они рассказывают о событиях, участниками которых были обитатели пространства между Балтикой и Черным морем. Летописцы отметили, в частности, что в 862 г. варяги на 20 судах напали на столицу Византии Константинополь. Опустошив окрестности, они так же внезапно, как напали, 24 июня сняли осаду и ушли.

Есть в появлении Руси в это время в письменной истории логика, которую можно назвать, используя слово, ставшее модным гораздо позже, логикой геополитики. Возникновение в середине VII в. арабской мусульманской империи делит Средиземное море на две части: южную — мусульманскую, северную — христианскую. Раздвигая границы своих владений, арабы в IX в. превращают Средиземное море в свой домен, закрывают его для западной торговли. Купцы поворачиваются на север. Создаются торговые пути, использующие Северное море, Рейн, Балтику. Из Балтики норманны, варяги, как называет их летопись, выходят в Черное море. «Повесть временных лет» подробно описывает «путь из варяг в греки» и обратно: вверх по Днепру, затем волоком ладьи перекатываются до Ловати, откуда попадают в Волхов, Неву, затем — Варяжское море, (Балтика), по нему — до Рима, из Рима в Константинополь, Черное море — и снова Днепр.

Торговый путь, становым хребтом которого был Днепр, связал в единую систему русскую равнину, открыв выход на северо-восток — в Балтику, на юго-запад, к бассейнам Волги и Дона — в Каспийское и Азовское моря, в Черное море. Он открыл также доступ из лесной полосы в степную. Вдоль «пути из варяг в грека» стоянки торговых караванов постепенно превращаются в укрепленные фактории, а затем — в города. Обилие городов — летопись Нестора называет крупнейшие — Киев, Псреяславль, Чернигов, Смоленск, Любеч, Новгород, Ростов, Полоцк — свидетельствовало об оживленной и прибыльной торговле. Список, насчитывающий 238 городов, составленный М.Н. Тихомировым, по мнению некоторых историков — неполон. Особое место среди городов занял Киев, ставший

столицей первого русского государства. Летопись называет 862 г. временем основания Киева, «матери городов русских».

Соседи: хазары, Византия и другие

Межи да границы — ссоры да брани.
(Русская пословица)

Начальная летопись, рассказывая в начале XII в. о событиях двухсотлетней давности, делит обитателей известного ей мира на три части: славянский народ, иноземцы, чужеземцы. Летописец пишет о славянах неясно, трудно различить, где кончаются славяне, где начинается Русь, какое место занимают варяги. Ряд историков, как сказано выше, вообще отвергают этот пассаж «Повести», как позднейшую вставку, другие спорят, пытаясь проникнуть в мысли летописца. Польский историк А. Брикнер пришел к выводу, что «человек, который даст верное определение термина «Рус», найдет ключ к древней русской истории»[6]. Оставляя в стороне споры «о происхождении», можно принять, что для «Нестора» было понятно родство славянских племен. Хотя и здесь он замечает, что «новгородцы... люди варяжского рода, а прежде были славяне». Позднее, рассказывая историю Киевской Руси, он отметит «ославянивание» варягов. Кто «свои» — было для него ясно. «Иноземцами» летописец называет финские племена, жившие на побережье Балтийского моря и в бассейне Волги. Их колонизация славянами шла, в основном, мирным путем в VII—начале IX в. «Чужеземцами» были враждебные соседи, на которых наталкивались славяне, продвигаясь по равнине.

Свидетельства редких путешественников, пересекавших равнину, дают представление о стране, покрытой лесом и болотами, обитатели которой охотились, разводили пчел, ловили рыбу, занимались хлебопашеством. Одновременно чужеземные гости отмечают наличие множества городов. «Страна городов» — пишут они. Это бесспорное доказательство оживленной торговой деятельности. Как мы уже знаем, она идет на «пути из варяг в греки». Летопись Нестора сообщает, что «в год 6367 (859) варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян, северян, и с вятичей». Хроникер называет «своих» — финнско-славянские племена, и врагов — варягов и хазар. Причем варяги стоят в начале торговой дороги — на Балтике, а хазары — в ее конце, занимая степи, ведущие к Черному морю, т.е. — Византии.

Характер отношений между варягами и местным населением меняется по мере того, как приглашенные или явившиеся по собственному желанию скандинавские воины перестают ограничиваться набегами за данью, но прочно утверждаются на завоеванной территории. Укрепленные города — фактории на торговой дороге — становятся столицами княжеств. Тысячу лет спустя Николай Карамзин, автор первой многотомной истории России (1808—1824) вспомнит «знаменитое варяжское поколение, коему Россия обязана бытием, именем и величием...» Иначе обстояло дело с хазарами.

Хазары, как и множество их тюркских предшественников, явились в южно-русские степи из Азии. Филологи полагают, что корень их племенного имени — каз — означает «кочевник». Этот корень можно найти и в именах — казак, казах. Дата появления хазар в Европе точно неизвестна. Но политическое значение хазарского государства, центр которого разместился на Северном Кавказе, начинает расти в VI в. В середине VII в., по мере

ослабления западных тюрков, а затем в VIII в. могущество хазарской державы достигает апогея. Под их властью оказывается территория в бассейнах Каспийского и Черного морей, они останавливают на Кавказе наступление арабов. Хазарское государство находится в центре международной торговли. По свидетельству современников, золотая печать на письмах хазарскому кагану, отправляемых византийской имперской канцелярией, весила больше, чем печати на письмах папе или императору Запада. Несмотря на формальное запрещение византийским императорам брать в жены варварских принцесс, дочери хазарского короля (кагана) нередко садились на трон в Константинополе. Император Леон IV носил прозвище «Хазар», в память матери.

Русские школьники более 150 лет знакомятся со словом «хазар» по стихотворению Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822). Поэт рассказывает об одном из первых русских князей Олеге, который собирается отомстить «неразумным хазарам»: за «буйный набег» князь собирается сжечь села и поля врага. Нормальное — для своего времени — поведение одной и другой стороны. Русские историки не питали к хазарам никаких особых чувств вражды, не имея для этого, казалось, специальных оснований. Ключевский сообщает: «Хазарское иго было для днепровских славян не особенно тяжело и не страшно. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им большие экономические выгоды. С тех пор для днепровцев, послушных данников хазар, были открыты степные речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам»[7].

Медиевист Ю.В. Готье рассказывает: «Благожелательное отношение к покоренным народам и религиозная терпимость позволили хазарам создать и сохранить на протяжении четырех веков большое государство, которое от Крыма до Яика (река Урал) не имело никаких естественных границ. Их лучшим средством обороны был внутренний пакс хазарика, который царил в эту эпоху от Каспийского моря до устья Днепра и от Кавказских гор до лесов средней России»[8].

Отношения с хазарами (лучше сказать: отношение к хазарам) начинают портиться в конце 40-х годов XX в. Послевоенная сталинская политика, нацеленная на полную изоляцию страны от внешнего мира, опиралась на идеологию крайнего национализма.

Ее лозунгами были: утверждение русского превосходства, борьбы с «преклонением перед иностранщиной» и «космополитизмом» (иначе — еврейским влиянием). Хазарское государство оказалось идеальным объектом борьбы за правильное понимание прошлого, а тем самым и настоящего. В VIII в. хазарский каган Булан вместе с двором принял иудаизм. Отвергнув ислам, шедший от арабов, и христианство — религию Византии, каган выбрал нейтральную веру.

Событие, долгие века интересовавшее только историков, превратилось в руках советских идеологов в средство воспитания народа. В январе 1952 г. «Правда» опубликовала статью, безжалостно громившую работы проф. М.И. Артамонова, крупнейшего знатока древней русской истории, автора «Очерков по истории хазар», вышедших в 1936 г. В свое время взгляды М. Артамонова, говорившего, в частности, о влиянии хазар на Киевскую Русь, не обратили на себя внимание властей. 15 лет спустя ситуация изменилась. Проф. Артамонова, готовившего новое издание своей книги, обвинили в преуменьшении значения древней русской культуры, в фальсификации истории, в идеализации хазарского государства. «Хазарский каганат, конгломерат примитивных племен, не играл никакой положительной роли в создании Государства восточных славян», — утверждала «Правда». Переработанная «История хазар» М. Артамонова вышла только в 1962 г., сохранив следы вмешательства партийного органа. В ней появились выражения «паразитический класс еврейской окраски», «воинствующий иудаизм» и т.д.

В 1989 г. выходит монументальный труд Льва Гумилева «Древняя Русь и Великая степь». Автор — историк и этнолог — выбирает особый угол зрения — «рассмотрение ранней истории Древней Руси как последовательности русско-хазарских связей»[9]. Хазарская держава видится им, как место первой встречи двух этносов, которым предстоит позднее

бороться на протяжении веков: евреев и славян (русских), воплощающих по мысли автора — зло и добро, болезнь и здоровье. «Трагедия хазарского этноса», — пишет Л. Гумилев, — объясняется тем, что хазары «были веротерпимы до полной неразборчивости»[10]. Такая «неразборчивость» дошла до того, что их каган принял иудейство, а это — сто лет спустя привело к гибели хазарскую державу, причем смертельный удар нанес ей киевский князь Святослав, разгромивший (965) столицу Хазарии — Итиль.

Л. Гумилев предъявляет хазарский державе множество претензий: покорила славянские племена и брала с них дань, была «купеческой державой», т.е. государством, уделявшим особое внимание внешней торговле, прежде всего — работорговле, а следовательно, подверженной влиянию Запада. Главный упрек, собственно, обвинение — иудейская религия верхушки хазарского государства. Степные народы Евразии не знали в то время государственной религии, поэтому обращение кагана, хана не распространялось на все племя, которое могло исповедовать другие веры. Лев Гумилев сочувствует тяжелому положению хазарского населения — христиан, мусульман или язычников, — угнетаемого «еврейской верхушкой Итиля».

Иудейство приходит в хазарскую державу вместе с купцами — рахдонитами, что означало по-персидски — знающие дороги. Международное положение, сложившееся в середине VIII в., объясняет, почему евреи были первыми купцами, нашедшими дороги в Восточную Европу. С половины VII в. мусульмане и христиане вели между собой непрерывные войны. Бывшие граждане римской империи еврейского происхождения — нейтральные, с точки зрения воюющих сторон, могли путешествовать, в сравнительной безопасности, из Марселя в Северную Африку, а оттуда — в Константинополь, добираясь затем до хазарской столицы — Итиля. Основным «товаром» были рабы. Лев Гумилев называет работорговлю «гнусным промыслом». И он, конечно, прав. Но не нравиться ему и то, что рахдониты торговали предметами роскоши. Так он пишет; «В переводе на понятия XX в. эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков»[11]. Следует, однако, спросить; можно ли рассматривать прошлое «в переводе на понятия XX в.»? В VIII в. работорговля была чрезвычайно уважаемой профессией, как и торговля предметами роскоши, как валютные операции в XX в., которые также вызывают отвращение у автора «Древней Руси и Великой степи».

Опрокидывание сегодняшних понятий или фобий в прошлое, превращение анахронизма в инструмент идеологического воздействия дает иногда странные результаты. Омелъян Прицак, развивая свою концепцию происхождения Руси, использует свидетельство арабского автора IX в. Ибн-Хордадбеха, который возглавлял разведку халифов аббасидской династии. Все русские историки цитируют его, ибо он первым упоминает «руссов». Но, цитируя арабского автора (русские купцы «вывозят меха белок, чернобурых лисиц и мечи из крайних пределов славянства к Римскому морю.»[12]), не вспоминают, что он говорил также о торговле рабами. Омельян Прицак, цитируя полностью, информирует, что Ибн-Хордадбех рассказывает о двух международных торговых компаниях, занимавшихся евразийской работорговлей, одна — еврейские рахдониты, вторая — нееврейские русы. Причем рахдониты торговали примерно в 750—830 гг., а заменили их русы, обошедшие своих торговых конкурентов, организовав торговый путь из Балтики, «из варяг в греки»[13].

Выход к Черному морю приводит восточных славян в соприкосновение с могучим соседом — Византией. Встреча с восточной римской империей сыграет необыкновенно важную роль в истории России. «Инициатором в развитии связей с Византией,

— пишет советский историк, — стало Русское государство. Чрезвычайно заинтересованное в установлении регулярных отношений с Константинополем, оно силой оружия преодолевало преграды, созданные усилиями византийской дипломатии»[14]. Не задерживаясь на убеждении, что «регулярные отношения» можно получить силой оружия, отметим очередной анахронизм в употреблении термина «Русское государство». Его, конечно, в IX в. еще не было.

Было несомненное и вполне понятно стремление установить регулярную связь с могущественной империей, главным рынком — конечной остановкой на пути «к грекам». Не мог не привлекать своим богатством Константинополь. Викинги были торговцами во вторую очередь, пиратами, разбойниками — в первую, Появление варяжских кораблей под Константинополем в 862 г. современники не называют торговым предприятием. Но в это же самое время скандинавские родственники варягов, выходцев из Восточной Швеции, атакуют Западную Европу: в 845 и 885 гг. датчане осаждают Париж, а в 1016 г. основывают королевство в Англии, в 839 г. норвежский конунг Торгсиль становится королем Ирландии. Викинги захватывают земли, оседают, смешиваются с местным населением, дают свои имена государствам.

Варяги, русы ведут себя так же. Спускаясь на юг, к Черному и Азовскому морям, варяжские дружины встречают на пути в столицу византийской империи народы, с которыми они ведут войны, вступают в союзы, торгуют. Со второй четверти VII в. между Кубанью и Азовским морем возникает сильное болгарское царство. Затем оно раскалывается на две группы: одна остается на месте, другая уходит на Запад, переходит Дунай и становится на долгое время серьезной угрозой для Византии. В 761 г. болгарский хан идет на Константинополь, но терпит поражение, в 811 г. новый болгарский поход завершается разгромом византийской армии, в бою гибнет император. Победитель, хан Крум, по старому гуннскому обычаю, велит сделать из черепа побежденного чашу. К середине IX в. хан Борис принимает христианство, а болгары, народ тюркского происхождения, все больше ославяниваются.

В начале IX в, между Доном и Днепром жили мадьяры (венгры) — еще один тюркский народ. Теснимые степными кочевниками печенегами, мадьяры, входившие в состав хазарской державы, отходят в дельту Дуная.

Император Константин VII Багрянородный (X в.) в сочинении «Об управлении империей», излагая множество фактов, неизвестных по другим источникам, прежде всего об отношениях Византии с соседними народами в первой половине X в., в том числе с руссами, говорит о принципах имперской внешней политики. Главный их них — это, конечно, не было открытием императора — использование одного соседа против другого. Византийские дипломаты были великими мастерами политики «разделяй и властвуй». На всех границах великой империи соседи Византии вели войны между собой, натравливаемые, покупаемые Константинополем. В конце IX в., например, император Леон VI, воевавший с болгарским царем Симеоном, позвал на помощь мадьяр. Под водительством Арпада они вторглись в Болгарию, разоряя ее огнем и мечом. В свою очередь болгары попросили помощи у печенегов, ставших в это время хозяевами русской степи. Печенеги, ударив в тыл мадьярам, вынудили их уйти в трансильванские горы.

Приглашенные (или пришедшие сами) в Новгород варяги, открыв путь «в греки», стали частью внешней политики Византии: воюя с ней, вступая в договорные отношения, заключая союз. Империя становится частью внешней политики варяжского княжества Олега, когда он переносит свою столицу из Новгорода в Киев. Рождается Киевская Русь, начинается история русского государства. Перемена столицы — первая из позднейших, многочисленных — была начальным движением исторического маятника, уводившего Русь с запада на восток, с востока на запад, из леса в степь, из степи в лес.

Первые шаги

История России есть история страны, которая колонизируется.
В. Ключевский

Первые шаги были сделаны по воде. В 882 г., через три года после смерти князя новгородского Рюрика, владевшего многими городами и землями, его преемник Олег отправился в поход. В его дружине были варяги, «находники», как называет их летописец, и «первые поселенцы», т.е. местные жители — славяне, финны. Захватив Смоленск и посадив там своих людей, Олег, спустился на ладьях по Днепру до «маленького города на горе». Это был Клев.

Выманив хитростью на берег правителей города Аскольда и Дира, Олег объявил, что отбирает у них власть, поскольку они не княжеского происхождения и представил им молодого Игоря, сына Рюрика — князя и наследника. Затем Аскольд и Дир были убиты, а Олег стал править в Киеве, который он назвал «матерью городов русских».

Так рассказывает о начале русского государства «Повесть временных лет» — единственный русский письменный источник о «начале начал». Историки справедливо отмечают, что Нестор, монах Киево-Печерского монастыря, составил «Повесть» в 1112 г., т.е. через полтораста лет после описанных событий, что было затем еще две редакции, переделанные, дополненные, поправленные. Легко обнаруживаются хронологические несуразности. Тем не менее, отсутствие других источников не позволяет отвергнуть летопись Нестора. Остается, правда, возможность анализировать, интерпретировать, спорить и опровергать «Повесть» в зависимости от взглядов историка и нужд времени.

Основатель династии — Рюрик — персонаж мифический: о реальной его деятельности ничего достоверно неизвестно. Олег — первый достоверный персонаж русской истории. Его существование и его поступки подтверждаются византийскими источниками. Имперские историки зарегистрировали появление у стен Константинополя варяжских кораблей в 860 г. Но это был анонимный враг. В 907 г. Олег, оставив в Киеве Игоря, «пошел на греков». Он собрал огромную рать — летопись перечисляет имена 12 племен, участвовавших в походе, не считая варягов. «На конях и в кораблях» Олег отправился на завоевание Константинополя.

Представление о размерах его армии дают цифры: 2 тыс. кораблей, на каждом корабле по «сорок мужей». Древние источники, как правило, невероятно преувеличивали численность войск, участвовавших в походах и воинах. Свидетельством силы армии Олега были успехи в окрестностях города, разоренного русскими. «Повесть» описывает, как воевал Олег, «...много греков убил в окрестностях города, и разбил множество палат, и церкви пожег. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других мучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают врагам».

Силу Олега подтверждает поведение византийцев: напуганные нашествием русских, они обещали заплатить дань, какую захочет князь. Был подписан первый русский международный договор: заключен мир (подтвержденный в 911 г.), дававший русским право беспошлинной торговли в столице империи, им выделено место в предместье города, стороны договорились о порядке урегулирования конфликтов, обмена и выкупа пленных, возвращения беглых рабов и преступников и т.п.

Отсутствие в византийских источниках упоминаний о походах Олега побудило некоторых историков усомниться в подлинности факта, описанного в «Повести». В 1938 г.

автор «Истории древней русской литературы» проф. Гудзий предположил, что «рассказ о победоносной войне русского князя» был поэтическим вымыслом[15]. Монументальная «История Византии», вышедшая в Москве в 1967 г., считает, что после находки у арабских авторов упоминаний о походе Олега в его подлинности «едва ли можно сомневаться»[16].

Летопись регистрирует смерть Олега, которого называли Вещим, в 912 г., после 33 лет правления, в том числе 30 — в Киеве. Княжество перешло в руки сына Рюрика — Игоря. Он продолжает политику Олега, вырубая мечом свои владения. Георгий Вернадский говорит о «военно-разбойничьей деятельности Игоря»[17]. Можно говорить о логичном поведении князя, расширявшего границы своего государства. Олег сделал его осью торговый путь от Новгорода до Киева, с Ладожского озера до подходов с Черному морю. Походы на левый берег Днепра (против северян и радимичей) и на правый (против древлян) должны были обеспечить фланги Киевской Руси. Целью военных экспедиций не был захват земли: территория имела несравненно меньшее значение, чем населявшие ее жители, с которых взималась дань, которых забирали в рабство.

Игорь расширяет размах набегов. В 912—913 гг. возглавляет поход на западное и южное побережье Каспийского моря. Русская дружина, явившаяся на 500 кораблях, разграбила Гилян, Табаристан, Ширван, набрала много добычи. На обратном пути она встретила мусульманскую гвардию хазарского кагана и была разгромлена. Это не остановило Игоря. Может быть, задержало на некоторое время, необходимое для восстановления военной силы. Летопись отмечает в 916 г. появление печенегов: «Придоша печенеги первое на русскую землю». Более ста лет этот народ тюркского происхождения будет господствовать в южных степях. Киевский князь заключает с ними мир, а затем привлекает в союзники, когда начинает набеги на Византию. В 941 г. легкие ладьи Игоря были встречены у входа в Босфор греческими кораблями, которые использовали могучее и таинственное оружие — «греческий огонь». Арнольд Тойнби назвал эту горючую смесь напалмом. И снова Игоря не останавливает поражение — в 943— 944 гг. он нападает, как 30 лет назад, на Каспийское побережье и Закавказье, а в 944 г. предпринимает новый поход на Византию. Императорские послы, встретив русскую армию на Дунае, убеждают заключить мирный договор. Менее благоприятный, чем договор 911 г., он, тем не менее, оставлял киевлянам определенные торговые привилегии, взамен за обязательство помогать Византии в защите ее крымских колоний. Несмотря на переменный успех походов Игоря, их несомненным результатом было включение Киевской Руси в сферу византийской политики. Об этом, в частности, свидетельствовал зарегистрированный византийскими авторами факт: среди дружинников, скреплявших договор 944 г., была группа, принесшая клятву в константинопольской церкви св. Ильи. «Повесть временных лет» сообщает, что Олег и его воины «клялись по закону русскому», т.е. языческому — «клялись своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота», За 35 лет, истекших между договорами, христианство пришло в Киевскую Русь, хотя население в своем подавляющем большинстве оставалось языческим.

В год мирного договора с Византией, едва вернувшись из похода, Игорь отправился собирать дань с древлян. Константин Багрянородный описывает в книге «О народах» (середина X в.) порядок сбора налогов с покоренных славянских племен киевским князем. В ноябре князь с дружиной отправлялся в поход за данью и собирал ее до апреля. Когда Днепр освобождался от льда, можно было вернуться с добычей в Киев. История, которую рассказывает летопись Нестора, была, видимо, случаем неординарным, ибо сохранилась в памяти современников. В 945 г., повествует летописец, дружина Игоря сказала князю, что дружина его наместника в древлянской земле воеводы Свенсльда живет лучше, чем княжеская. Дружинники предложили Игорю вернуться к древлянам, уже заплатившим дань, и собрать ее еще раз. Игорь согласился, древлян обобрали второй раз, причем, как сообщает Нестор, «творили насилие над ними (т.е. над древлянами)». Не удовлетворившись этим, Игорь, отпустив дружину домой, с небольшим числом воинов вернулся, чтобы взять дань в

третий раз. На этот раз древляне не выдержали. Решив, что «если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его», они вышли из своего города Искоростеня «против Игоря и убили его и дружину его».

Историки по-разному объясняли поведение князя Игоря — его жестокостью и беспощадностью, мятежным характером древлян, самоуверенностью, побудившей вернуться собирать дань в третий раз лишь с несколькими воинами. Лев Гумилев, не имея документальных оснований, опираясь на «внутреннее чувство», видит в гибели Игоря «влияние хазарского царя Иосифа». Вассал хазарского кагана, киевский князь, по мнению современного русского историка, научился «чисто еврейской постановке вопроса, где не учитываются чужие эмоции»[18].

Власть в Киеве после смерти Игоря перешла в руки его вдовы Ольги. «Повесть временных лет» чрезвычайно живописно рассказывает о жестокой мести киевской княгини убийцам ее мужа. Неутомимо и хитроумно четырежды наказывала она древлян, завершив мщение разрушением города Искоростеня: «взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань».

Правление Ольги, которое продолжалось примерно 17 лет, было временем «мирной передышки». Летопись не пишет о походах, подобных тем, какие не переставал совершать Игорь, зато сообщает об административной деятельности княгини, в частности, о реформе порядка взимания налогов. Зимние экспедиции князя за данью она заменила системой «погостов», контор по сбору налогов.

В 954—955 гг. Ольга обратилась в христианство. Летопись сообщает, что это произошло в Константинополе, но ряд историков считает, что княгиня приняла крещение в Киеве. Несомненно — это подтверждается греческими источниками, — что в 957 г. она посетила Константинополь, где была принята императором.

Константин Багрянородный в «Придворном уставе» подробно описал прием в Большом дворце, который он устроил для гостьи. Это был торжественный, но не перворазрядный прием, чем Ольга осталась недовольна. Византия считала, что крещение правителя делает его страну автоматически вассалом империи. Желая подчеркнуть свою независимость, Ольга посылает в 959 г. послов к германскому королю Оттону I (некоторые немецкие источники подчеркивают, что они были посланы лично княгиней) с просьбой прислать епископа. Король не торопился, дело затягивалось. Наконец, на Русь был послан Адальберт Трирский, монах монастыря Св. Максимина. Его поведение и недоброжелательный прием, оказанный королевскому посланнику князем Святославом, который уже сидел на престоле, сделали свое: миссия закончилась полной неудачей — Адальберт спасся и доехал до дому, многие его спутники погибли в дороге. Римская церковь не сумела воспользоваться шансом, который дала ей княгиня Ольга, не сознававшая, видимо, что христианство уже прочно расколото.

Княгиня Ольга передала сыну Святославу — впервые русский князь носил славянское имя — набравшую сил страну. С видимым удовольствием — несмотря на то, что Святослав отказался креститься и остался язычником, живописует его летописец. Он рассказывает о легкой, как у барса, походке, простой одежде, неприхотливой, такой же, как у воинов, еде («не варил мяса, но тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так и ел»). Необыкновенно активный, энергичный, смелый, соблюдавший рыцарские правила (он предупреждал врагов — иду на вы!), сын и Игоря и Ольги был типичным вождем викингов, обладавшим талантами полководца — строителя империи. Василий Ключевский называет его «шальной варяг». Георгий Вернадский, видевший русскую историю, как процесс развития народа в Евразии, считал, что Святослав Игоревич гениально понял связь народа, которым он правил, и места, в смысле географического пространства, в котором предстояло развиваться.

«Войны многи творяше», — говорит летопись о Святославе. И действительно: восемь лет княжения были заполнены военными походами. Первые удары киевский князь направляет против хазар. С ними воевали Олег и Игорь. Но ограничивались набегами на могучую державу, приносившими, в случае победы, богатую добычу. Святослав начинает войну. В 964 г. он приходит на Оку и покоряет вятичей, плативших дань хазарам. В следующий год, спустившись по Оке и Волге на ладьях, дружина Святослава захватывает и разрушает главные города хазар Итиль и Саркел (Белая Вежа). Хазарскому каганату был нанесен сокрушительный удар: нижняя Волга становилась добычей киевского князя.

Разгромив Волжскую Булгарию, Святослав отправляется в новый поход — на Дунай. Приглашение, сопровождаемое 15 кентинариями золота, приходит из Византии. Император Никифор Фока решил перестать платить дань болгарам; как предписывал договор 927 г. Набег русской дружины должен был продемонстрировать дунайским болгарам их уязвимость. По мнению Льва Гумилева, язычник Святослав чувствовал себя скверно в Киеве, где правила его мать христианка Ольга, заменяя постоянно отсутствовавшего на войнах сына. Христианское окружения княгини было также довольно, удаляя из столицы беспокойного воина. Поход Святослава закончился блестящим успехом: он разбил болгар, занял их города, в том числе Переяславец на Дунае.

Пока русская дружина побеждала болгар, печенеги, возможно побуждаемые Византией, обеспокоенной победами Святослава, окружили Киев. Клязь спешно бросился на выручку своей столицы, но услышал от горожан после разгрома печенегов: «Ты ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул. А нас едва не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих». В 969 г., продолжает летопись, Святослав объявил неожиданное решение: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки (шелк), вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха, воск, и мед, и рабы». Ольга, уже больная, просит сына повременить до ее смерти.

В 970 г. князь делит свои владения между сыновьями: старший, Ярополк, — получает Киев, средний, Олег, — землю древлян, младшего, Владимира, приглашают на княжение новгородцы. Святослав возвращается в Переяславец. Владея уже северовосточной Болгарией, он, перейдя Балканы, вторгается во Фракию. Передовой отряд его дружины терпит поражение на пути к византийской столице у города Аркадиополь. Святослав отходит за Балканы.

В декабре 969 г. очередной переворот в Константинополе, очередное убийство императора — Никифора Фоки — приводит на престол Иоанна Цимисхия, одного из талантливейших полководцев X в. Весной 971 г. Цимисхий начинает кампанию против Святослава. Поощряемые византийцами болгары восстают против русских завоевателей. Киевская дружина запирается в Доростоле, отчаянно отбивая атаки войск Цимисхия. Осажденный на суше и Дунае, Святослав соглашается уйти из Болгарии за свободный пропуск его воинов. Весной 972 г. у днепровских порогов князь попадает в засаду к печенегам и гибнет. По преданию, печенежский князь Куря сделал из черепа Святослава чашу, оковал ее серебром и пил из нее.

Византийский историк Лев Диакон изложил события 959-978 гг., оставил единственный детальный портрет князя-воина, каким его увидели византийцы на берегу Дуная, когда состоялась встреча между Святославом, командующим осажденным гарнизоном, и императором Иоанном Цимисхием.

Император на коне, в золотых доспехах, во главе процессии всадников, блиставших золотом и оружием, подъехал к самому берегу реки. Святослав подплыл на ладье, в которой греб вместе с воинами. Выглядел он так: «Среднего роста, не очень высокий, не очень низкий; брови у него густые, а глаза серо-голубые, нос курносый, подбородок бритый, но на верхней губе густые, пушистые усы. Голова бритая наголо, оставлен только длинный чуб, знак благородного рода. Шея массивная, широкая грудь, хорошо сложенный, но выглядел он

крутым и свирепым. В ухе висела серьга, украшенная красным гранатом между двумя жемчужинами. Его белое платье отличалось от одежды других гребцов только чистотой. Он коротко поговорил с императором о мирном договоре, сидя на корме ладьи, а потом отплыл».

Восьмилетнее, недолгое, по сравнению с предшественниками, правление Святослава оставило заметный след в русской истории, хотя значение военной деятельности самого скандинавского по духу и виду киевского князя потомки расценивают по-разному. Можно выделить три основных точки зрения историков. Первая — принятая большинством исследователей. По их мнению, разгром хазарского каганата был чреват многими неприятными последствиями для Киевской Руси. Василий Ключевский, считавший, что хазарская власть оберегала русских купцов на востоке, замечает: ослабление Хазарии позволило «варварам» прорваться на Запад за Дон и «засорить дотоле чистые степные дороги днепровских славян»[19]. Рене Груссе того же мнения: «Византийцы плохо рассчитали, помогая русским разгромить этих цивилизованных турок, самых старых и самых верных союзников империи. Вместо хазар новые дикие орды захватили верховенство в черноморских степях»[20]. М. Артамонов, В. Мавродин[21] также считают, что непродуманные действия Святослава разрушили защитный барьер, прикрывавший урало-каспийскую щелину — проход из Азии в Европу. Границы Киевского княжества оказались открытыми для непрерывных нападений печенегов и половцев: борьба с ними истощила силы Руси.

Второй взгляд представляет Г. Вернадский[22]. Он обнаруживает в деятельности Святослава политической план широкого размаха. Захватом дунайских болгар, — пишет историк, — киевский князь становился преемником кочевых императоров. В этот момент его империя — географически — достигала большего протяжения, чем империя авар потому, что в руках Святослава был не только нижний Дунай, но и нижняя Волга (или обратно: не только Волга, но и Дунай). Ее можно сравнить только с империей гуннов (IV—V вв.), которая не обладала Киевом и Новгородом, входившими во владения Святослава. Г. Вернадский считает, что, разгромив хазар, Святослав принял титул их государя — каган. Этот титул носили его преемники — Владимир Великий и Ярослав Мудрый.

Точка зрения историка Евразии заслуживает интереса, ибо, не имея возможности, в связи со скудностью источников, окончательно решить вопрос — действовал Святослав безрассудно или по плану, мы имеем все основания утверждать, что границы его империи были эскизом будущей российской империи: Волга, Днепр, Дунай — вошли в ее пределы.

Изложенные выше две точки зрения на последствия стратегии Святослава можно назвать геополитическими. Взгляд Льва Гумилева, наиболее современный, из конца XX в., следует назвать идеологическим. Исследователь степи и древней Руси исходит из тезиса, лаконично изложенного в формуле: «Хазария — злой гений Древней Руси IX—X вв.»[23] Следовательно, делает вывод Л. Гумилев: «Грандиозная победа Святослава спасла Клев и Русскую землю...»[24]. Имманентное зло Хазарии — в еврейской религии ее правящего сословия. Следовательно, продолжает рассуждать Л. Гумилев: «гибель иудейской общины Итиля дала свободу хазарам и всем окружающим народам»[25]. Он добавляет: «Иудаизм на Волге исчез без следа, уступив место исламу»[26].

Еврейская религия, вредная по своей сути, была, с точки зрения современного русского историка, чревата и другой опасностью — близостью с Западом, связями с католицизмом, «латинством». «Те славянские страны, — объясняет Л. Гумилев,

— в которых торжествовало католичество, немедленно входили в общую западноевропейскую экономическую систему.» — И немедленно приводит пример: «Не успел еще польский король Мешко (960—992) утвердить в своем королевстве латинскую веру, как евреи уже завели там торговлю солью, пшеницей, мехами и венгерским вином»[27]. Евреи помогали внедриться католичеству, католицизм покровительствовал евреям. Вместе они составляли западноевропейскую экономическую — и, следовательно, духовную — систему, в которой Л. Гумилев видит главную, смертельную опасность для Руси.

«Печальный и алчущий дух, Сатана, — пишет современный русский историк, имея в виду евреев, — бродил по опаленным солнцем холмам Лангедока, по цветущим полям Ломбардии, по горным теснинам Ирана и Памира. ...Но ни на Руси, ни в Сибири в X в. он не появлялся. Это была прямая заслуга князя Святослава Игоревича»[28]. Иначе: идейный язычник Святослав открыл Руси путь к православию.

В X в., по свидетельству современников «Повести временных лет», разгром Хазарии рассматривался как война с одним из соседей, как один из многочисленных походов Святослава. Л. Гумилев демонстрирует поразительную актуальность событий тысячелетней давности, интерпретируя их во вкусе своего времени, чтобы они могли послужить элементом актуальной идеологической системы.

Смерть Святослава завершает первый период истории древнем Руси. Примерно за сто лет — при четырех князьях, Киевская Русь завоевала себе заметное место на геополитической карте Европы, наметила желаемые границы и определила направления своего территориального развития. Важным элементом стабильности власти — это хорошо видно в свете позднейших событий

— была прямая передача власти от князя к преемнику: Олег— Игорь — Ольга — Святослав.

Владимир Красное Солнышко: крещение Руси

На дороге появился свет и все, как в алгебре, переменило знак.

Волков Владимир. Владимир Красное Солнышко.

Былины называют Владимира ласково, поэтично — Красное Солнышко. В историю он вошел под именем Великого. Церковь причислила его к лику святых, назвала Равноапостольным. Это внимание понятно. Как никто другой в русской истории Владимир определил характер будущего русского государства, характер народа, который в его время еще только формировался. С полным основанием его деятельность на киевском престоле может быть названа судьбоносной.

Новая эра началась еще при жизни Святослава. Впервые князь делил свои владения между сыновьями. Сколько было сыновей у Святослава — неизвестно. Полигамия, царившая среди норманнов и пришедшая вместе с ними на Русь, позволяет делать разные предположения. Зато известно, что князь дал старшему и среднему сыну земли, которыми он владел, а младшему — Владимиру, сыну ключницы Малуши, разрешил поехать княжить в Новгород, связанный с Киевом темными коммерческими узами, но — независимый. Буйные новгородцы хотели иметь князем потомка Рюрика, но скорее для украшения: княжеская власть была очень сильно ограничена народным собранием — вече. Владимиру было около 10 лет (точная дата его рождения неизвестна, предположительно 960 г.), когда он начал княжить в Новгороде. Поворот в его судьбе вызвал поход старшего брата Ярополка, которого начали называть великим князем, ибо он правил в Киеве, против брата Олега, князя древлян. Это был первый акт братоубийственной усобицы, которая станет важнейшим фактором русской истории на много столетий. Ярополк захватил владения брата (в схватке Олег погиб) и отправился на завоевание Новгорода. Владимир предусмотрительно покинул

город. Примерно два года князь, потерявший престол, бродит по миру — историки спорят о месте его пребывания: Франция, Италия, может быть Скандинавия. Споры тем более живые, что никаких свидетельств нет.

Ярополк, собрав под свою руку владения братьев, делает Киев стольным городом Руси, утверждает верховенство киевского князя. Хроникеры сообщают о попытках Ярополка поддерживать отношения с западным миром: он посылает послов с богатыми подарками к Оттону I (973), принимает легата папы Бенуа VII в Киеве (977). Некоторые современные историки упрекают его в «прозападных симпатиях».

В 980 г., рассказывает «Повесть временных лет», Владимир вернулся в Новгород «из-за моря», приведя с собой варяжскую дружину. Он отправил в Киев известие, что собирается воевать с великим князем, а в Полоцк — предложение местному князю Рогволоду отдать ему в жены дочь — Рогнеду. Получив отказ, ибо Рогнеда считала ниже своего достоинства выходить замуж за незаконнорожденного сына ключницы, Владимир отправился в поход. «Повесть» лаконично излагает ход событий: «И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены». После Полоцка — Киев. Город не сопротивлялся, Владимир нашел союзников в окружении Ярополка, который бежал в Родню. Владимир вступил в Киев победителем, в Родне Ярополк был убит.

Великий князь Владимир начал правление убийством брата, которое биограф Владимир Волков оценивает, как «может быть, не очень моральный поступок, но очень политический, совершенный элегантно с некоторой дозой цинизма»[29]. Во всяком случае, заключает писатель, «редко такие большие результаты были достигнуты такими малыми средствами.

«Большим результатом» был княжеский престол. Владимир будет править более 35 лет. Владимир Волков имел, несомненно, в виду главный результат правления — крещение Руси, которое произойдет по инициативе и по настоянию великого князя.

Правление Владимира начинается военными походами — он продолжает традиционную политику Рюриковичей. То есть прежде всего расширяет территорию, с которой можно собирать дань. Но очень многое происходит при Владимире впервые. В 981 г. киевский князь впервые сталкивается в ляхами (поляками). Г. Вернадский считает даже, что в этот момент «началась борьба с латинским западом, которая тянулась потом в продолжение всего хода русской истории». При желании можно говорить о первой войне между русскими и поляками. Поход Владимира на северо-запад, в направлении Вислы, увенчался успехом — были заняты Червенские города, позднейшая Волынь и Галинкая Русь. Противником киевского князя были восточно-славянские племена, объединившиеся во второй половине X в. В 965 г. первый исторический правитель территории — зерна будущей Польши — князь Мешко I Пяст принял христианство по латинскому обряду.

Столкновение, следовательно, произошло между христианами (формально раскол церквей произойдет только в 1054 г.) и язычниками, но предвещало будущие войны между католиками-поляками и православными-русскими.

Следующий поход (984 г.) был карательной экспедицией против радимичей, славянского племени, жившего между реками Сож и Десна, притоками Днепра. В 985 г., развивая движение на северо-восток, Владимир двинул свою дружину против болгар, живших на реке Каме, притоке Волги. Он одержал победу и немедленно заключил мир с камскими болгарами. Летопись рассказывает о разговоре между Добрыней, княжеским дядей, и Владимиром. Добрыня советовал князю подписать мир с болгарами и оставить их в покое, ибо все пленные были в сапогах. Они не будут нам платить дани, — пришел к выводу Добрыня, — пойдем воевать лапотников. Была в этом внешнеполитическая программа: не трогать богатых, следовательно, сильных соседей, но обратить внимание на слабые и бедные племена севера.

Владимир, однако, не следует благоразумному совету Добры-ни. Закрепив свои позиции на севере, выйдя на Буг, который стал границей между владениями Пястов и Киевской Русью, он обращает свои взгляды на юг. В 972 г. Святослав вынужден был подписать под Доростолом договор с Византией, в котором обязался никогда не посягать на Болгарию и византийские колонии в Крыму. Но отношения — торговые, дипломатические — между империей и Киевом не прекращались. В 986 (или 987) г. император Василий II, воевавший в Европе с болгарами, а в Азии с мятежными войсками Барды Фоки, попросил помощи у Владимира. Киевский князь потребовал, как плату, руку Анны, сестры императора[30]. Константинополь дал согласие, свидетельствуя об отчаянном положении империи, ибо Византия принципиально отказывалась давать багрянородных принцесс иностранцам. Владимир послал 6-тысячный корпус воинов, который способствовал разгрому мятежников Фоки летом 988 г. Император медлил с выполнением обещания, Владимир начал войну с Византией, осадив весной 989 г. византийскую колонию в Крыму — Херсонес. Летом город был взят, но после согласия императора выполнить обещание, Владимир вернул город Византии, перешел в христианство, обвенчался с Анной.

Исторические источники скудны и разноречивы. Историки не перестают спорить о месте крещения князя — в Херсонесе или Клеве, они не согласны в оценке причин и обстоятельств. Бесспорно одно: Владимир принял христианство. А за ним — по его велению — крестился народ, население Киевской Руси. Летопись рассказывает о массовом крещении киевлян в Днепре. Известно, что Новгород оказывал сопротивление, не желая расстаться с языческими богами. Сравнительная легкость обращения киевлян объясняется тем, что христианизация жителей города продолжалась уже около ста лет. Немецкий хроникер Титмар, писавший в первой четверти XI в., сообщает, что в 1018 г. — через три года после смерти Владимира — в Киеве было 400 церквей[31]. Вряд ли можно было их построить все за два десятилетия после крещения.

Вторая половина X в. — время победы монотеизма над язычеством; принимают крещение славянские племена, обитавшие на балтийском побережье, скандинавы, польский князь Мешко и венгерский герцог Геза; хазары выбирают иудейство, а волжские болгары — ислам. Киевская Русь — последняя языческая держава восточной Европы — предпочитает христианство. Несмотря на успехи христианизации во владениях Рюриковичей, Владимир сделал сознательный, обдуманный выбор. «Повесть временных лет» рассказывает о богословском споре — турнире религий, организованном при дворе Владимира в 986 г. Болгары-мусульмане, хазары-иудеи, посланники папы расхваливали достоинства своих религий. Великий князь киевский отверг их аргументы. Его привлекло описание магометанского рая, ибо, как сообщает летописец, «Владимир... любил жен и всякий блуд; поэтому слушал их всласть», но «было ему нелюбо»: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья. Летопись зарегистрировала наблюдение князя: «Руси веселие есть веселие пить, не можем без того быть». До появления водки нужно будет ждать еще шесть столетий, но питьевой мед удовлетворял веселую потребность, от которой, как понял мудрый князь, народ отказаться не мог. Христианство, пришедшее из Рима, было отвергнуто по той причине, что «отцы наши», предки Владимира, его не приняли. Еврейских послов (появление их свидетельствовало, что разбитая Святославом Хазария продолжала существовать, а сын победителя не питал к ней резко враждебных чувств) Владимир отослал, ибо они вынуждены были признать, что у них нет «своей земли», что разгневался на них Бог и «рассеял по разным странам».

Внимательно и сочувственно выслушал князь «греческого философа», посла из Византии. Не удовольствовавшись богословскими аргументами, князь послал в Константинополь делегацию, которая посмотрела, как молятся мусульмане и католики. Киевские послы рассказали, что мусульмане молятся «без веселия», что нет в «немецких храмах» красоты, зато в греческих храмах «красота и зрелище» были такими, что не знали они, где находятся — на «небе или на земле». Бояре и городские старейшины, собранные на

совет, высказались за принятие греческой веры, в частности потому, что приняла его Ольга, бабка Владимира, «мудрейшая из всех людей». Но на вопрос князя: «Где примем крещение?» ответили: «Где тебе любо». Владимир выбрал христианство по византийскому — православному обряду. Выбор был духовным, эстетическим, но не мог не быть и политическим,

Князь полян Мешко I расстается с язычеством и принимает христианство в 965 г. по латинскому обряду. Будущая Польша не имеет выбора — Оттон I, германский король, в 962 г. коронованный в Риме императором, неумолимо давит на славянские племена, вынуждая их креститься. Дранг нах Остен становиться важнейшим политическим фактором. Мешко I знает, что если он не примет христианство добровольно, его вынудят насильственно. Крещение становится формой политической зависимости от имперской короны. Сын Мешко Болеслав Храбрый, будущий противник Владимира, первый польский король, получает корону из Рима. Киевский князь добился выполнения данного ему обещания — руки принцессы Анны — с помощью оружия и лишь потом крестился.

Сознательность выбора тем очевиднее, что Владимир до Киева был князем новгородцев и, следовательно, знаком с ганзейской моделью. Он познакомился в годы скитаний с Европой, хотя ничего точно о его путешествиях неизвестно. Привлекательнее красоты православного богослужения могла быть византийская государственная система. К тому же, хотя жестокие споры раздирали христианскую церковь начиная с VIII в., окончательный раскол наступил только в 1054 г. Много позднее Владимир Мономах, как свидетельствует летописец, будет просить разъяснить ему различая в обрядах.

Приняв христианство в 988 г., великий князь Владимир, породнившись попутно с византийским императорским двором, заявил о новом, высоком ранге Киевской Руси. У него были для этого и материальные основания. Летопись сообщает, что Владимир, став христианином, заметил: плохо, что мало городов вокруг Киева. Он строит города по рекам Десне, Трубежу, Суле и другим, заселяет их воинами, «мужами лучшими», по словам летописца, вербуя их из разных племен — славянских и финских — населявших русскую равнину. Позднее эти укрепленные города соединились между собой земляными валами и засеками, создавая «стену» против степных кочевников. Территория Руси Владимира включала земли от Ладожского озера до притоков Днепра, с востока на запад она охватывала области от устья Клязьмы до верховьев Западного Буга. Спорной — за нее воевали русские и поляки — была территория древних хорватов, позднейшая Галиция. Русь владела древней колонией Тмутараканью, отрезанной от Киева — связь поддерживалась водными дорогами, по левым притокам Днепра и рекам Азовского моря.

Территория государства приобретает спаянность, которой не было еще при Святославе, мечтавшим о далеких завоеваниях и пренебрегавшим Киевом. Польский историк Г. Ловмянский попробовал подсчитать плотность населения в X в. Он исходил из того, что семья, состоявшая из 6 человек и применяющая двухпольную систему, нуждается для пропитания в 22 га земли. Это соответствует для Киевской Руси плотности — 3 человека на квадратный километр, что дало численность населения в 4500 тыс. человек. Соответственно — по этим подсчетам — в Польше проживало 1225 тыс., в Чехии и Моравии — 450 тыс., в Германии — 3500 тыс. человек[32].

Население Киевской Руси — древнейшего русского государства, не было еще государством русского народа. Ибо, как пишет Василий Ключевский, еще не существовало самого народа: «К половине XI в. были готовы только этнографические элементы, из которых потом долгим и трудным процессом выработается русская народность»[33]. Пройдет некоторое время, прежде чем христианство станет духовной связью, пока же разноплеменные элементы соединяются механически — княжеской администрацией. Она разрушает племенные границы, перекраивает родовые территории, создавая новую провинциальную организацию. Владимир вводит особую практику управления своими владениями: посылая сыновей княжить в разные области Руси, он никогда не задерживал их

подолгу на одном месте, чтобы не возникла прочная связь между местным князем и населением.

Государство возглавлял великий князь киевский. В одном из стариннейших памятников русской письменности «Слове о законе и благодати», написанном первым русским митрополитом Иларионом (1051-1055) при Ярославе и восхваляющем деятельность его отца — Владимира, князь, крестивший Русь, назван «каганом», титулом, который носил правитель Хазарии. Владимир представляется, следовательно, преемником хазарской державы. В «Повести временных лет» Владимир назван самодержцем и этот титул обозначен на княжеской печати. Самодержец — перевод греческого титула — автократор, который носил византийский император. В это, примерно, время Пясты называются в латинских документах — Dih, что надо переводить, как граф или герцог. Этот титул, даже в его польском переводе — князь — содержал в себе намек на зависимость от сюзерена, занимавшего более высокое положение в феодальной системе. Только в 1320 г. Владислав Локетек получил согласие папы именовать себя королем Польши.

Византийское духовенство, приходящее в Киев, приносит в русское княжество византийские политические понятия. Различие между ними и ганзейской моделью особенно хорошо видно на содержании титула государь. Он употреблялся в Новгороде, который именовал себя — Государь Новгород или Господин Великий Новгород. Титул обозначал город. В Киеве государем именуют великого князя — кагана — самодержца, который поставлен Богом не только для защиты страны от внешней опасности, но и для установления и поддержания внутреннего порядка. Главный вклад Византии в политическую концепцию Руси: представление о Государе — помазаннике Божьем.

Русь принимает христианство в X в., когда Византия, вновь переживающая подъем, вернувшая при Василии II многие, утраченные ранее владения, разгромившая опасного врага — Болгарию, создает классические формы византийской государственности. В основе государственного строя восточной империи лежала идея единства общества, общины, по греческой терминологии. Интересы общины — выше интересов отдельного человека. Патриарх Николай Мистик объяснял: «Вы хорошо понимаете, что спасение общины принесет каждому спасение его частных интересов, но если она гибнет, какая же останется защита для частного человека?.. Как же еще помочь в общей беде, если только все не возьмутся за исправление бед в меру своих сил?»[34].

Все граждане империи — члены общины, следовательно — они все равны, ибо все являются детьми отца-императора. Всеобщее равенство оборачивалось всеобщим бесправием: всеми правами обладал только император, подданные были его детьми, его рабами. Самодержавная власть императора имела своим источником волю божью — помазание. Божественность василевса-автократора выражалась и в том, что все его поступки, совершенные на пути к трону, очищались, прощались после коронования. Божественность закреплялась, можно сказать, реализовывалась ритуалом константинопольского двора. Ритм придворной жизни, писал Константин Багрянородный в книге о византийском церемониале, отражал гармонию и порядок, созданные Богом для вселенной.

Византийское право, сохранив принципы римского права, признавало частную собственность. Но верховное распоряжение всей земельной собственностью принадлежало императору. Вся недвижимость была подчинена государству, следовательно, воплощение государства — василевс — мог свободно распоряжаться землей и налогами: конфисковать и делить. Он назначал и смещал чиновников, издавал законы, командовал войсками, принимал послов. Единственным ограничением власти императора было отсутствие престолонаследия. До IX в. формальное провозглашение императора производилось на ипподроме в Константинополе — народу позволялось изъявлять свою волю. Позднее сам василевс объявлял имя своего преемника, что значительно смягчало ограничение.

Иерархическая структура власти в Византии IX—X вв. строилась не как западная феодальная система на вассально-ленных отношениях, а на титулах, раздаваемых

императором. Вся знать и все чиновники должны были иметь титул — один из 18 рангов. Почти семь столетий спустя Петр I, упорядочивая иерархию русской имперской администрации, сочинит Табель о рангах, насчитывающий 14 классов. Военный историк Дельбрюк, анализируя организацию византийской армии, подчеркнул отсутствие «души западного феодализма» — рыцарского сословия, основанного на личной связи с сюзереном, которому давалась присяга на верность[35].

Особенностью византийской системы было отсутствие наследственности званий. Это дополнительно усиливало власть императора, но способствовало социальной мобильности: в ряды служилой знати вливались отличившиеся воины, крестьяне, горожане, отпущенные на свободу рабы.

Киевская Русь Владимира, выбравшая как модель Византию, находилась в начальной стадии государственной организации. Управление, колонизация и защита земли были делом князя, его Дружины. Она представляла собой одновременно орудие войны и инструмент власти. Дружина делилась на высшую (бояре) и низшую (отроки). Старшие дружинники составляли государственный совет князя — думу. В думу входили также представители городов, которые были устроены по военному образцу. Каждый город имел свою вооруженную силу — полк. Он назывался — тысяча и делился на сотни и десятки. Командующий полком — тысяцкий — первоначально избирался городом, а затем назначался князем. Сотские и десятские оставались выборными.

Общество делилось на свободных и рабов. Между ними находилась категория полусвободных. Свободные делились на дружинников и не принадлежащих к дружине. Первый русский свод законов «Русская правда» (XI—XII вв.) регистрирует различные виды «полусвободы», кодифицируя положение крестьян, отрабатывающих долг землевладельцу, ссудившему сельскохозяйственные орудия и скот. Обилие рабов было связано с характером государства и его происхождением. Рабы использовались в хозяйстве и являлись важным предметом в торговле.

Княжеская власть ограничивались народным собранием — вече, которое — в разных городах в разной степени — принимало участие в решении как внешних, так и внутренних вопросов.

Христианство наложилось на существовавшую, сравнительно малоразвитую государственную и социальную структуру Киевской Руси, дав ему религию, модель политической системы, государственного устройства. Постепенно, преодолевая языческие верования, христианство будет формировать духовный облик, психологию славянских племен, обитавших между Днепром и Ладогой. Владимир крестился по византийскому обряду, определив на века направление и формы развития Руси. Из всех современных европейских государств только Россия никогда не была римской провинцией и не приняла религию из Рима. В 988 г. христианство еще было единым: несмотря на обострявшийся конфликт между восточной и западной ветвями христианства, Папа оставался главой церкви и для Византии и для Римской империи. Наступивший раскол разделил христианство на два враждебных лагеря. Споры с соседями, территориальные войны приобретут новую, идеологическую окраску. В X в. завяжутся узлы конфликтов, которые не будут развязаны и в конце XX в.

Летопись отмечает: Владимир, придя к выводу, что вокруг Киева слишком мало городов, приступил к их сооружению. Строительство городов имело в первую очередь оборонительную функцию. Описание деятельности киевского князя раскрывает и другое назначение укреплений: городское население составляли представители различных племен, которые переводились Владимиром из их родных мест. Городское строительство было одновременно и элементом разрушения племенных структур. Обитатели городов переставали называть себя «полянами», древичами и т.п., а становились владимирцами, ростовчанами и т.п.

Градостроительная активность Владимира имела еще одну особенность: сооружаемые на притоках Днепра города были обращены на Запад и юго-запад, они обозначали рубежи владений киевского князя и указывали направление его интересов. В 992 г. Владимир отправляется в поход на хорватов — небольшое славянское племя, обитавшее у западного подножья Карпат. Польские историки отмечают, что в мае 992 г. умер князь Мешко I и начавшиеся после смерти главы дома Пястов раздоры между наследниками могли побудить киевского князя начать военные действия против ленников польского княжества — хорватов. Впрочем, они пишут также о походе Владимира против ляхов и в 990 г. — о нем не упоминают русские летописи. Киевская дружина дошла до Вислы и Мешко, занятый в то время войной с чехами, вынужден был бежать в Краков.

Несомненным свидетельством антипольской, антилатинской направленности военной активности Владимира было создание в новом городе Владимире Волынском епископства. Оно должно было укрепить власть киевского князя в земле бужан — на Волыни.

Сын Мешко Болеслав Храбрый начинает ответные действия, привлекая в качестве союзников печенегов. Более тридцати лет будет идти первая русско-польская война: с одной и с другой стороны ее будут вести отец и сын — Владимир и Ярослав; Мешко и Болеслав. Победы Владимира сменятся победами Болеслава, который в 1018 г., поддерживая Святополка, старшего сына Владимира, войдет в Киев. После смерти Болеслава в 1025 г. и вспыхнувшей в Польше междоусобицы, Ярослав отвоюет утерянные области (Червенские города), откуда в 981 г. начались походы Владимира на Запад.

Продвижение на Запад, война с Польшей не носят при Владимире характера религиозной войны. Православие используется как инструмент политики. Владимир развивает связи с Западом, прежде всего династические. До крещения среди многочисленных жен князя были две чешки и болгарка. Наследник Владимира Святополк носил имя знаменитого правителя Моравии и был женат на сестре Болеслава Храброго, дочь Владимира стала женой Казимира, внука Болеслава. Летопись сообщает, что в начале XI в. Владимир поддерживает хорошие отношения с Болеславом Польским, Стефаном Венгерским, Андрихом Чешским — все они сравнительно недавно приняли христианство из Рима.

Военные столкновения и стремление сохранить связи с «латинянами» характеризуют политику Владимира, который стремится подчеркнуть свою независимость от Византии Могучая империя привычно считает, что «провинция», принявшая христианство, становится зависимой от метрополии, подчиняется ее интересам. Владимир обращается за духовной пищей — книгами, иконами, священниками — не в Константинополь, а в болгарскую патриархию — в Охриду. Современный русский историк Лев Гумилев подозревает Владимира в желании порвать с традициями «Святослава и Ольги» и «установить контакты с Западом», иначе говоря, подозревает в намерении уйти от православия в католичество. Обращение в Охриду кажется Л. Гумилеву опасным и вредным, ибо, по его мнению, болгарское духовенство было «очень ученое, даже слишком ученое»[36]. Имеется в виду сильная «манихейская и маркионитская» пропаганда среди болгар, ее успехи, влияние на священников. Нежелание византийского патриарха на протяжении 200 лет канонизировать Владимира свидетельствует о том, что подозрения современного историка разделялись в XI-XII в. Константинополем.

Прецеденты были. Моравия, принявшая православие, быстро перешла в католичество, убедившись, что связь с Римом политически более выгодна. До тех пор, пока наряду с константинопольским патриархом существовал охридский, поддерживаемый сильной Болгарией — соперницей Византии, русский князь имел возможность политического маневра. Она исчезла после разгрома Болгарии императором Василием II, получившим за свою свирепость имя Болгаробойцы.

Смерть Владимира в 1015 г. ставит вопрос о наследстве. Как свидетельствует летопись, великий князь оставил после себя 12 сыновей. Старший — Святополк, находился в

тюрьме в Киеве, ибо подозревался в связях с Польшей (он был женат на сестре Болеслава Храброго), Ярослав княжил в Новгороде, Борис, князь 'муромский, командовал войсками. Киевский престол занимает освобожденный из заключения Святополк. Он начинает княжение с убийства братьев — погибают Борис и Глеб (первые русские святые), а затем — Святослав.

В русскую историю Святополк вошел под именем Окаянного Различные значения этого слова сводятся к одному смыслу: злой дух, сатана, отверженный церковью. Святополк убил братьев и заслужил наказание историей. Но согласился в свое время с убийством брата и его отец Владимир. Позднее братоубийство станет рядовой практикой в междоусобных войнах русских князей. Летописец сообщает о странных обстоятельствах рождения Святополка, его мать была беременной, когда Владимир взял ее в жены, и будущего Окаянного называли сыном двух отцов. Подлинная причина безоговорочного осуждения старшего сына Владимира Святого была религиозно-политической или политически-религиозной.

Ярослав, сын Владимира, князь новгородский, не пожелал признать прав Святополка на киевский престол. Во главе дружины новгородцев, усиленных отрядом наемников — варяг, он отправляется в поход. Святополк вступает в союз с печенегами. Битва между севером (новгородцами и скандинавами) и югом (киевлянами и степняками) заканчивается победой Ярослава. Святополк бежит в Польшу — к брату жены Болеславу. Вступив в Киев, северяне, которые еще сопротивлялись христианизации, защищая свои языческие верования, сажают на престол Ярослава и одновременно жгут церкви. В 1018 г. польский король выступает в защиту прав Святополка. Встреча на Буге кончается поражением дружины Ярослава, он бежит в Новгород, а победитель вступает в Киев. Пройдет около 600 лет и ситуация повторится: поляки войдут в Москву, поддерживая права на русский престол Дмитрия Самозванца. Появление поляков в Клеве вызывает гнев горожан, который выражается в ночных нападениях на пришельцев и в еврейском погроме. В «неверных» евреях киевляне видят союзников «латинян» — поляков. В 1019 г. Ярослав окончательно разбивает Святополка и его союзников, берет Киев и утверждается в нем Он будет править 35 лет и войдет в историю как Ярослав Мудрый.

Историки-евразийцы назвали Святополка первым русским западником и видели в его действиях намерение перейти в католицизм, совершить «национально-религиозную измену»[37]. Это послужило для современников дополнительным основанием назвать наследника Владимира — Окаянным.

Прежде чем окончательно утвердится на киевском престоле, Ярослав вынужден был вновь покорять ранее завоеванные земли, утверждавшие свою самостоятельность, пользуясь сварами наследников Владимира. В 1023 г. объявил ему войну брат Мстислав, княживший в Тмутаракани (Таманский полуостров). Победив (1022) черкесское племя касогов, обитавших в предгорьях Кавказа, и присоединив их к своей дружине, в которой были русские и хазары, владевшие ранее территорией между Черным и Азовским морями, Мстислав двинулся в сторону Киева. В 1024 г. он взял Чернигов, а затем разбил Ярослава, приведшего из Новгорода очередную наемную дружину варягов.

По неясным причинам Мстислав отказался идти на Киев и подписал мир с братом Ярославом, который согласился на раздел государства: в 1026 г. границей стал Днепр. Поход тмутаракан-ского князя можно рассматривать как попытку повторить реализацию плана его деда Святослава, но в обратном направлении, с юга на север. Полная победа Мстислава восстановила бы границы хазарского каганата, возглавляемого христианским князем, с новой столицей на юге. Мстислав умер в 1034 г., и его земли вернулись под руку киевского князя.

Война Мстислава могла закончиться иным поворотом русской истории, она давала возможность «другого варианта». Он не осуществился, как и целый ряд других. Русь продолжала определенный ей путь.

Задержанный на Днепре Мстиславом, киевский князь повернул свои силы на север. Он начинает завоевание финских племен, совершает поход на чудь и закрепляет свои позиции в Ливонской земле, построив в 1030 г. город Юрьев. Переходя из рук в руки, он будет называться Дерптом, потом — Тарту. А земля будет называться — Ливония, Лифляндия, Эстония. В 1036 г. Ярослав разбивает печенегов, которые навсегда перестают угрожать Киеву. Новый враг из степей вторгнется в пределы Руси в 1061 г. — половцы.

Ярослав продолжает внешнеполитическую линию Владимира и поддерживает отношения с Западом, прежде всего со Скандинавией. Династические браки связывают в это время Киевскую Русь с крупнейшими государствами. Ярослав выдает сестру за польского короля Болеслава, дочерей — за венгерского короля, норвежского короля, французского Генриха, сыновья получают в жены — польскую принцессу, немецкую графиню, дочь византийского императора Константина Мономаха. Неудачная попытка выдать еще одну дочь за германского императора Генриха III свидетельствовала о желании укрепить связи с Западом еще больше,

В 1043 г. отношения с Византией портятся. Сын Ярослава Владимир возглавляет поход против Константинополя: русские легкие ладьи сжигаются греческим огнем, терпит поражение и сухопутная дружина. Неожиданная воина объясняется историками по-разному. Одни говорят об изменении византийской политики по отношению к Руси, другие об «антигреческой партии» при дворе Ярослава, состоявшей из варягов. Можно предположить, что столкновение было продолжением политики Ярослава, настаивавшего на своей независимости. Киевский князь, связанный многочисленными кровными узами с европейскими дворами, не мог не знать об отношениях между Папой и императорами Священной римской империи германской нации. На протяжении примерно столетия — со дня коронования Оттона I до смерти Генриха III (964-1056) — германские императоры ставили и смещали главу католичесоки церкви, выбирая его даже в своей семье. Ярослав не имел и не мог иметь влияния на выбор византийского патриарха, но он мог выбрать наместника патриарха на Руси. В 1051 г. он так и сделал. Впервые киевским мирополитом стал не грек, а славянин — Иларион, назначенный великим князем против воли патриарха. В 1054 г. митрополитом вновь стал грек, но это было уже после смерти Ярослава.

Внешняя политика Ярослава Мудрого примечательна умелым маневрированием между Западом и Востоком, между Константинополем и Римом, уравновешивающим неизбежный наклон в сторону Византии, откуда пришло на Русь христианство. Вместе с православием на Русь пришли греки: митрополит, возглавивший русскую церковь, и его многочисленный штат, но также византийские архитекторы, живописцы, стеклоделы, певчие. Ярослав хотел сделать свой стольный город таким же великолепным, как Константинополь. При нем были построены храм Св. Софии, Золотые ворота и другие впечатляющие сооружения. Князь поощрял образование; устраивал школы, собрал писцов для перевода на славянский язык греческих книг.

Обилие пришельцев, их высокомерная уверенность в себе, новизна религии не могла не возбуждать недовольства, антивизантийских настроений. Греческий философ и один из руководителей константинопольской политики при Константине IX Мономахе (1042—1055) Михаил Пселл объяснял войну 1043 г. «старой враждой»: «Это варварское племя все время кипит злобой и ненавистью к Ромейской державе и, непрерывно придумывая то одно, то другое, ищет предлога для войны с нами».

Двойственное отношение к Византии — стране, откуда пришло православие, и империи, которая притязает на духовную власть на Руси, ограничивая тем самым власть великого киевского князя — нашло блестящее выражение в одном из первых памятников древнейшей русской проповеднической литературы. Назначение Ярославом митрополитом бывшего священника в киевском предместье Березове, отмеченное «Повестью временных лет», могло бы показаться неожиданным. Причиной княжеского выбора было «Слово о законе и благодати», написанное березовским священником Иларионом между 1037 и 1050

гг. «Слово» состоит из трех частей: о законе и благодати; похвала кагану нашему Владимиру; молитва к Богу о нашей земле.

Богословский трактат, политический манифест, пламенная ораторская речь, «Слово» Илариона носило прежде всего полемический характер. Будущий митрополит стремился в первую очередь убедить византийскую церковь канонизировать великого князя Владимира, крестившего Русь. Он оспаривал претензии империи на мировое господство, не отвергая значения Византии, но утверждая, что и Русь имеет свою, назначенную ей богом миссию на свете. Иларион восхваляет не только Владимира, но также его предков — деда Игоря, отца Святослава, несмотря на то, что они были язычниками. «Слово» — первый в русской литературе патриотический манифест, свидетельствующий о силе державы Ярослава, достойного сына Владимира, содержащий зерно позднейших взглядов на судьбу России.

Не менее интересна богословско-философская часть «Слова», посвященная «закону» и «благодати». Иларион сравнивает Ветхий завет и Новый, утверждая превосходство Нового, то есть христианства над иудейством. В эпоху иудейства отношения между Богом и людьми определялись «законом», началом несвободным, принудительным, употребляя современную терминологию — формальным. В эпоху христианства — действует «благодать», означающая свободное общение человека с Богом. Для Илариона благодать — синоним истины, закон — подобие истины, ее тень. Закон — слуга и предтеча благодати, благодать — слуга будущему веку, жизни нетленной. Сначала закон, потом благодать, сначала подобие истины, потом — истина.

Проблема «закона», связывающего человека формальными узами, и «благодати», позволяющей душе свободное парение, станет позднее одним из главных предметов споров русских философов.

Актуальность «Слова» Илариона не ограничивается этим. Историки не перестают искать ответа на вопрос: чем объясняется антииудейская направленность текста? Только ли противопоставлением Ветхого завета Новому? Было ли «Слово» предупреждением об опасности еврейского прозелитизма в Киевской Руси? Исследователь древней русской литературы Н. Гудзий полагал в 1938 г., что Иларион излагает обычное в церковно-исторических концепциях средневековья представление о смене иудейства христианством как важнейшего момента мировой истории. «Нет никаких оснований усматривать в первой части «Слова» Илариона какие бы то ни было признаки полемики его с якобы существовавшей в древней Руси еврейской пропагандой...»[38]. В 1989 г. Л. Гумилев утверждает, что в Киевской Руси «проповедники иудаизма встретили мощное сопротивление развитого и продуманного богословия... Его (Илариона) огненные строки сыграли для Древней Руси ту же роль, какую для средневековой Франции одна фраза лотарингской пастушки — La belle France»[39].

Наконец, остается предметом живейшей дискуссии определение патриотизма, который восхваляет Иларион: был ли он русским или украинским? Для русских историков никаких сомнений нет, и они приводят в доказательство своего тезиса серьезные аргументы. Не менее серьезные приводят украинские историки. Михаиле Грушевский, историк и политический деятель, в краткой истории Украины, написанной в 1906 г., категоричен: «При Владимире и Ярославе украинская держава лежала между Карпатами и Кавказом, а на севере доходила до Волги и великих озер вблизи Петербурга»[40]. Для него украинский патриотизм Илариона несомненен — другого просто не могло быть. Польско-американский историк Генрих Пашкевич, не включаясь в спор украинцев и русских, высказывает уверенность в том, что автор «Слова» был варягом[41]. Исследователь древнерусской литературы называет Илариона русином[42]. Разногласия в интерпретации сочинения Илариона, споры о национальном происхождении патриотизма, восхваляемого в «Слове», подчеркивают значение текста, который можно назвать первым манифестом рождающегося имперского сознания.

Правление Ярослава Мудрого — время расцвета киевской державы. Разбив печенегов и устранив на некоторое время степную опасность, великий князь продвинул и закрепил западные границы. Активная деятельность по внутреннему устройству включала совершенствование административной организации, первую запись юридических норм, которая, дополняясь при сыновьях Ярослава, получит название «Русской правды» и станет основным законом Руси на долгие годы. Канонизация братьев князя — Бориса и Глеба — даст молодому христианскому государству первых святых (1020). В память святых мучеников Ярослав вводит «праздник новый Русской земли», который отмечается шесть раз в год (главный праздник — 24 июля).

Ярослав Мудрый — подлинный основатель династии Рюриковичей, правитель государства, которое, как пишет Иларион, «известно и слышно по всей земле», что подтверждают многочисленные иностранные путешественники. Киевская Русь Ярослава — одновременно высшая точка расцвета и начало упадка. После смерти князя власть в «новой Русской земле» перестает быть «самовластной», ни один из потомков Ярослава не будет иметь «власть русскую всю». Накануне смерти Ярослав Мудрый делит свои владения между сыновьями.

Каждый из пяти сыновей, а также племянник Всеслав, внук Владимира Красное Солнышко, получили владения отца. Изяслав — Киев и Новгород, оба конца пути из Варяг в греки; Святослав — Чернигов, Рязань и далекую Тмутараканию, Всеволод — Переяславль, Ростов, Суздаль и Белоозеро, Вячеслав — Смоленск, Игорь — Владимир Волынский; племянник — Полоцкое княжество. Перечень наследственных земель прежде всего иллюстрирует размах территориальных владений великого князя киевского. Ярослав делил огромную державу, раскинувшуюся от Белого до Черного морей. Затем обращает на себя внимание зависимость между возрастом наследника и богатством приходящегося на его долю княжества: чем старше — тем богаче. Важнейшая уникальная особенность киевского наследного права заключалась в принципе ротации. Князья получали в наследство владения на время: после смерти старшего младший переходил на его место.

Анализируя причины постепенного ослабления, а затем упадка Киевской Руси, историки называют в числе важнейших политическую систему, основанную на неизвестном другим народам наследственном праве. Справедливая по идее ротация, позволяющая каждому сыну в свое время посидеть на Киевском столе, на практике привела к непрекращавшимся около двух столетий братоубийственным войнам. По мере роста числа сыновей-наследников раздел владений и ротация становились все сложнее. К тому же возникали трудности, которые можно было преодолеть, поступая несправедливо. В случае смерти отца, который еще только ждал наследства, сын оказывался выброшенным из иерархического ряда. Возникает категория князей — изгоев. Порядок старшинства никогда не был окончательно выработан. Необходимо было учитывать и порядок поколений (генеалогическое старшинство), и порядок рождения (физическое старшинство). Второе условие было особенно трудным. Василий Ключевский изложил это так: дядя обычно старше племянника, но при обычае рано жениться и поздно умирать, племянник мог быть старше дяди. И тогда возникал неразрешимый вопрос: кто выше — младший летами дядя или старший по возрасту, но младший по поколению племянник? Большая часть княжеских усобиц XI и XII в., замечает историк, «выходила из столкновения старших племянников с младшими дядьями; столкновение старших физически со старшими генеалогически»[43],

Отсутствие ясного порядка наследования открывало возможности для самолюбия, жажды власти: личные качества претендента становятся причинами братоубийственных схваток. К тому же, если существовали обязанности сыновей по отношению к отцу, их не было в отношениях между братьями и их потомками. Нарастание хаоса демонстрируют цифры. После смерти Ярослава до смерти Владимира Мономаха (71 год) киевский престол занимали 5 князей (иногда с перерывами — их прогоняли, они возвращались). После смерти

Мономаха до нашествия татар — в течение 115 лет — Киев переходил из рук в руки 47 раз (иногда тоже с перерывами).

Политическая система осложнялась наличием городов, которые нередко участвовали в ротации, отвергая полагавшегося им князя, выбирая иного. Летописи полны фактов, свидетельствующих о роли городских собраний — вече. Князья не обязательно соглашались с решением вече — образцом прямой демократии, но вынуждены были его учитывать. Случалось, как, например, в Киеве в 1068 г., что вече изгнало князя: великий князь Изяслав вынужден был бежать (потом он вернулся), а на его место горожане посадили другого. К тому же вече собиралось в главном городе и было в княжестве одно, а князей было, как правило, несколько — по числу взрослых членов семьи. Дробление в масштабе княжества повторяло дробление в рамках всей русской земли.

Ротация, ощущение временности пребывания князя на княжеском престоле, снижали его авторитет, что вело к увеличению значения вече. Постепенно связь местного князя с управляемой им землей усиливается. Рождается новая идея, которая будет сформулирована в 1097 г. на княжеском съезде в Любече — идея «отчины»: земли, которой правил отец, следовательно, ею должен править его сын. Съезд решил: каждый князь держит свою отчину. В Любече не присутствовали все князья, решения съезда не были обязательными. Тем не менее, 1097 г. зарегистрировал появление центробежной тенденции, которая будет непрерывно расти.

Киевская Русь превращается в подобие федерации княжеств, связанных между собой не политическим договором, но генеалогическими узами. На Руси, по выражению В. Ключевского, в XII в. правит единая верховная власть, которая не была единоличной. Киев остается центром, главным городом, не только потому, что он самый богатый, самый сильный, но и потому, что ротация начинается здесь и ведет сюда. Вместе с великим князем киевским главную роль в политической жизни играют его два брата, князья Чернигова и Переяславля. Триумвират старших сыновей Ярослава и их потомки определяют судьбу империи Рюриковичей.

Согласие между братьями — сыновьями Ярослава — продолжалось недолго. Вскоре после смерти великого князя начинаются усобицы. Лишь на короткое время братья объединяются для борьбы с новым врагом, пришедшим из степи. Воинственные кочевники, известные, как кипчаки (по-тюркски), половцы (по-русски), куманы (по-гречески), занимают место печенегов. Все XII столетие Русь будет воевать с ними. До 1222 г., когда появятся монголы, половцы останутся хозяевами русской степи, побеждая, терпя поражения, активно участвуя в братоубийственных схватках Рюриковичей. В 1055 г. половцы появляются в Переяславском княжестве, Всеволод заключает с ними мир. В 1061 г. они приходят снова и остаются, В 1068 г. русские дружины терпят поражение на р. Альте. Переяславль в руках степняков. Всеволод и Изяслав бегут в Киев. Третий брат — Святослав — в свой Чернигов, готовить город к обороне.

Киевляне, возмущенные, по словам летописца, тем, что великий князь Изяслав не дал горожанам оружие для участия в борьбе с «погаными», изгоняют его. Князь бежит в Польшу и просит Болеслава II Храброго, двоюродного брата по матери, помочь ему. Польский король охотно соглашается и в мае 1069 г., вместе с Изяславом, въезжает в Киев. Враждебность горожан к полякам убеждает короля в необходимости вернуться домой. Политика Изяслава, жестоко преследовавшего своих противников, и сговор против него двух братьев — Святослава и Всеволода — снова обращают в бегство великого князя. Он снова ищет помощи у Болеслава, который на этот раз, по выражению летописца, «указал путь от себя». Изяслав отправляется за поддержкой к императору Генриху IV. Заинтересованный император послал в Киев своих послов к Святославу, настаивая на правах изгнанного Изяслава. Словесная поддержка императора в Киеве впечатления не произвела. Тогда Изяслав обратился к папе Григорию VII, который специальной грамотой подтвердил его

права на киевский стол, но — главное — убедил Болеслава II оказать изгнаннику конкретную помощь. В 1076 г. Изяслав вернулся в Киев, поддержанный польской дружиной.

Высказываются разные предположения о цене, которую великий князь киевский заплатил — или готов был заплатить — за помощь Запада. Сведений о том, что он отступил от православия, перейдя в католичество, нет. Во всяком случает киевляне приняли его во второй раз, хотя польские воины могли сыграть в этом некоторую роль. Отсутствие более теплого приема у императора и папы, соглашавшихся помочь киевскому князю, но прежде всего — словесно, объясняется тем, что в это время между духовным и светским главами Запада шла борьба. В январе 1077 г. Генрих IV стоял три дня в снегу у стен Каноссы, выпрашивая прощение Григория VII. Светская власть была побеждена и унижена.

В 1078 г., примерно через год после возвращения, Изяслав погибает в бою с половцами, которых привел его племянник Олег, бежавший в свое время в Тмутаракань. Киевский стол наследует третий сын Ярослава — Всеволод. В годы его правления, длившегося 15 лет, и правления пришедшего после него Святополка (сына Изяслава), сидевшего на троне 20 лет, основными событиями были войны с половцами и князей между собой. Остаются важными отношения с Византией, но междоусобицы, ослаблявшие власть киевского князя, разрушали единство внешней политики. В отношениях с Константинополем это выражалось, в частности, в желании каждого княжества иметь автокефальную церковь, собственного митрополита. Для этого было необходимо согласие патриарха, который мог вести в интересах империи тонкую игру, направленную против Киева. Сохраняются связи с Западом, которые являются ответом на византийские «игры». Всеволод выдает свою дочь за маркграфа Генриха Штаденского. Быстро потеряв мужа, молодая вдова венчается с императором Генрихом IV. Брак не был удачным: покинув супруга, императрица разоблачала его сатанинские практики на соборах в Констанце и Пьяченце. Как объясняет Лев Гумилев, «Евпраксия была женщина русская. Она не выдержала немецких безобразий»[44]. Не вдаваясь в семейную ссору, следует признать факт бракосочетания между императором и дочерью киевского князя свидетельством значения Киевской Руси.

Однозначное осуждение русскими историками половецких набегов не может удивлять: ежегодно степняки отправлялись в поход на Русь, разоряли, жгли, грабили, уводили в рабство поселян. Основную тяжесть борьбы с половцами несут княжества Черниговское, Северское и Переяславское. Продолжительность конфликта, кажущаяся невозможность справиться с врагом, защититься от него, объясняются не только военными достоинствами степных всадников, но, прежде всего, использованием половцев в борьбе русских князей между собой С одной стороны, князья воюют с «погаными». Северские предпочитают оборонительную тактику: организуют военную колонизацию окраин, строят укрепленные линии по рекам. Переяславские — особенно открытые со стороны степи — выбирают политику регулярных княжеских набегов, отбрасывавших врага подальше от границ. С другой стороны — они заключают союзы с половцами, наводят их на братьев и других родичей, вместе с ними грабят села и города, берут в рабство население. Русские князья часто роднятся с половецкими ханами, берут их дочерей в жены. Но родственные узы не мешают степнякам, как не мешают они потомкам Ярослава Мудрого.

Набеги за добычей — образ жизни степных кочевников — недостаточное объяснение более чем столетней войны с половцами. Василий Ключевский, излагая историю древней Руси, подчеркивает два момента: степи — бич киевского государства, благосостояние этого государства покоилось на рабовладении. В постоянных войнах, следовательно, были заинтересованы купцы-работорговцы, составлявшие главную силу в городах, имевшие решающие голоса на вече. Еще больше были заинтересованы княжеские дружинники, которые, по старым норманнским обычаям, участвовали в купеческих предприятиях и были чрезвычайно заинтересованы в победах и добыче, ибо получали от князя денежное жалованье. В летописях говорится, что некоторые князья имели дружины, насчитывавшие по 2—3 тысячи воинов. Принятым окладом жалованья было 200 гривен (не менее 50 ф.

серебра). Князь, следовательно, нуждался в крупных денежных суммах, если хотел иметь дружину. Но только большая и сильная дружина могла обеспечить ему эти средства, В отличие от Западной Европы дружинники (прежде всего старшие, которые требовали высокое жалованье) в XII в. не хотели иметь в качестве вознаграждения землю. Объясняется это прежде всего «подвижностью» князя, т.е. очередным порядком наследования — ротацией. Не было смысла получать землю, которая могла остаться в руках боярина всего лишь короткое время — до перехода князя в другой город.

Влиятельные силы были заинтересованы в походах за добычей, и война шла. Тем более, что основной противник — половцы — был чужой (язычники, поганые). Селившиеся в пределах русских княжеств побежденные степняки (торки, черные клобуки) — назывались «наши поганые». Отношение к ним было благожелательное, но линия религиозного раздела позволяла видеть в «неверных» вечного врага. Впрочем, междоусобные конфликты, ставившие друг против друга своих, православных, были не менее жестокими. В постоянных войнах не могли формироваться мягкие, чувствительные натуры. Век был жестоким, а впереди ждали еще более страшные перемены.

Понадобилось два княжеских съезда в 1100 и 1103 гг., чтобы Владимир Всеволодович, наследник третьего сына Ярослава Мудрого, уже прославленный военными талантами, сумел убедить князей объединиться для похода против половцев. Война шла с переменным успехом: победы перемежались разрушительными набегами половцев. В 1111 г. русские дружины наголову разбили врага: половцы ушли в степи, чтобы отдышаться и потом вернуться снова.

В 1113 г. умер великий князь киевский Святополк. 20-летнее правление, отмеченное прежде всего половецкими войнами, вошло в историю жестоким, даже для своего времени, поступком князя. Он приказал ослепить брата Василько, мешавшего его политическим целям. По странному совпадению киевский князь носил то же имя, что и его дальний родственник, прозванный за убийство братьев Бориса и Глеба «Окаянным». Ослепление Василько произошло в 1097 г., и Святополк продолжал княжить в Киеве еще 16 лет. После его смерти киевляне не пожелали принять в князья потомка Святослава, как полагалось по очередному порядку. Вспыхнуло восстание. Киевляне призвали Владимира Всеволодовича, звавшего себя Мономахом — по имени деда с материнской стороны, византийского императора Константина Мономаха.

Апогей и упадок

Владимиру было 60 лет, когда он занял «золотой киевский стол», на котором оставался до смерти в 1125 г. Правление его сына Мстислава продлится семь лет. Два десятилетия — 1113— 1132 гг. — были апогеем Киевской Руси. Василий Татищев, автор первой «Истории Российской с самых древнейших времен» (1768), говорит о непрерывном распространении русского государства от Рюрика до Мстислава — на протяжении 250 лет. Завоевание Мстиславом Полоцкого княжества, продвинувшее границы Киева далеко на Запад, заслужило князю имя Великого. Он был канонизирован. Авторитет Владимира Мономаха и его сила прервали княжеские усобицы, почти совсем прекратившиеся на 20 лет. Затихли на время и столкновения с половцами. И в этом была заслуга князя, известного своими воинскими победами. Летопись насчитывает 83 похода Владимира Мономаха против «поганых», 200 убитых половецких ханов.

Мятеж киевлян, отвергших в 1113 г. законного преемника Святополка, и призвавших Мономаха, сопровождался еврейским погромом. Историки по разному видят причины восстания жителей города: социальные, экономические, религиозные. Указывают на тяжелое положение городских низов, на возмущение «прозападной» политикой князя и поддержкой, которую он оказывал евреям-ростовщикам, пополнявшим его казну. Главный источник сведений о погроме — «История» Василия Татищева, ссылавшегося на позднее исчезнувшие документы. По его мнению, жертвами киевлян были хазары, принявшие еврейскую веру. Лев Гумилев, без ссылки на источник, полагает, что громили немецких евреев, «хитрых ростовщиков, приехавших через Германию в Польшу». Василий Татищев сообщает также, что в 1124 г. по предложению Владимира Мономаха съезд князей решил изгнать евреев. Историки резко расходятся в оценке этого сообщения, не подкрепленного известными сегодня документами. Летописи регистрируют восстание киевлян в 1113 г., сопровождавшееся избиением евреев, и пожар города в 1124 г., когда также пострадали евреи. Невозможно вернуться на восемь столетий назад и — без достаточных источников — точно восстановить, «как это было», что по словам Леопольда фон Ранке является целью историка. Но отношение последующих поколений к событию определяет его значение в истории народа. Василий Татищев, рассказав о погроме и выселении евреев, восхваляет веротерпимость России, которая «не токмо разных исповеданий христиан, но и магометан и язычников многим числом наполнена»[115]. Россия в это время была уже официально империей, следовательно, но определению, государством веротерпимым. Русский историк делает, однако, исключение для двух народов: «Едины жиды от Владимира II (Мономаха) до днесь не терпятся ... как и цыганов не для веры в государстве терпеть не безвредно». Татищев видит опасность в цыганах «не для веры», т.е. по причинам не религиозным, а национальным. Относительно евреев он колеблется: иногда говорит, что «не для веры», а из-за «злой природы», иногда осуждает веру. Советский историк Апполон Кузьмин в 1981 г. склоняется к мысли о зловредности верования, делая при этом ссылку на авторитетнейший источник: слова Маркса, назвавшего еврейскую религию «своекорыстной» и «эгоистической»[46]. Лев Гумилев, принимая как достоверные сообщения В. Татищева, видит значение события в «распрямлении» зигзага истории, породившего «этническую химеру», т.е. Хазарию. Исчезла опасность отравления для «этносов Восточной Европы», история которых «вернулась в свое русло»[47]. Владимир Мономах, таким образом, завершил дело, начатое его предком Святославом: хазарское государство перестало окончательно существовать, евреи не могли больше вредить.

Ожесточение историков, пытающихся, спустя многие столетия, понять смысл давних событий, берет свои корни в идеологии, которая зарождается на Руси в XI—XII в. Идут непрерывные войны — с половцами, на юго-востоке, с поляками, немцами — на Западных рубежах. Это жестокие, кровопролитные, разрушительные конфликты. Пленники обращаются в рабство. Василий Ключевский называет Владимира Мономаха «самым умным и добрым из Ярославичей», но в Поучении детям великий князь вспоминает, что напав однажды врасплох на Минск, он не оставил там «ни челядина, ни скотины». В Минске жили православные христиане.

Военные столкновения этого времени, откровенно грабительские, носят семейный, династический характер. Это касается и запада, и юга. Русско-половецкие связи были настолько сильны, что историки-евразийцы пришли к мысли о существовании единого полицентрического государства: Половецкая степь и Киевская Русь. Одновременно, как заметил французский историк Леруа-Болье, никогда — до XVIII в. — Россия не была такой европейской, как в эпоху Киевской Руси[48]. Это был результат, в первую очередь, брачных, династических связей. Следовательно и конфликты были семейными.

Войны между Владимиром Мономахом и Ярославом Святополчичем, князем Волынским, начались с того, что венгерский король Кальман отослал в Киев свою жену, дочь Владимира Мономаха, а Ярослав — свою, внучку Владимира. Великий князь киевский

немедленно отправился в поход против Владимира (Волынского), осадил его, взял — и согласился простить родственника — владимирского князя, который, однако, ушел в Венгрию, к другому родственнику (1118). В 1123 князь Волынский привел к городу, отобранному у него, дружину, состоявшую из венгров, чехов и поляков. В случайной схватке князь был убит и вражеское войско сняло осаду и ушло.

Положение начинает меняться по мере роста влияния церкви. Важнейший фактор формирования и единения народа, православная церковь усиливается в борьбе с врагами подлинной веры. Исчезновение хазарской державы устранило опасность иудейства, как конкурентной религии, не было религиозной опасности и со стороны «поганых», степняков. Угрозой был католицизм, латинство. Формальный разрыв 1054 г. легитимизировал — если бы в этом была необходимость — борьбу церквей. Религиозная литература того времени нацелена на защиту православия. Монах Феодосии Печерский (умер в 1074 г.) в «Слове о христианской и латинской вере» утверждает, что последняя хуже еврейской; если придется дать латиняну воду или пищу, необходимо потом помыть сосуды и очистить их молитвой. Киевский митрополит Иоанн II осуждал (1080) князей-Рюриковичей, отдавших дочерей в замужество западным принцам. Митрополит Никифор (1110—1121) горячо осуждал Владимира Мономаха за сохранение связей с латинянами. Особое письмо он направил князю Волынскому Ярославу (воевавшему с Мономахом), предупреждая его об опасности соседства ляхов. В Киево-Печерском патерике, возникшем в первой четверти XIII в., дьявол представлен в виде поляка.

Новгород и Псков, имевшие оживленные связи с немцами-католиками, также были в серьезной опасности, о чем их настойчиво предупреждала церковь. Новгородский архиепископ Нифонт (1129—1156) настаивал на необходимости — при переходе католика в православие — рассматривать его, как неофита. Псковичане изгнали своего князя Владимира за то, что он согласился на брак дочери с католиком. Псковская летопись изобилует выражениями: «поганый немец», «поганый латинян»...

Религиозная литература этого времени — почти исключительно дело рук греческих священников. Они вносят противопоставление православия и Запада, острое чувство вражды к «латинянам» — врагам Византии. Константин Кавелин, либеральный историк XIX в., имея в виду византийское влияние, говорит о первом (он перечисляет и последующие) интеллектуальном рабстве[49]. Дмитрий Лихачев во второй половине XX в. говорит о «трансплантации» — пересадке идей, знаний, представлений. Реальная политика мало учитывала заклинания авторов духовной литературы: князья вступали в брачные и военные союзы, не слишком заботясь о национальной или религиозной принадлежности возможного сторонника.

Историки говорят о торжестве православия в годы правления Владимира Мономаха. Имеется в виду создание развитой церковной иерархии, но также успехи в христианизации населения, которое, приняв православие, еще долго не отказывалось целиком от старых верований. Настолько, что некоторые исследователи говорят о «двоеверии» жителей Киевской Руси. Церковный устав, подготовленный при Владимире Красное Солнышко, был завершен его сыном Ярославом. Забота о душах была, естественно, первым делом священнослужителей, которые принесли новую веру и должны были бороться с пережитками старой. Одновременно на церковь было возложено много земных забот. Получив полную поддержку государственной власти, она помогала ей в устройстве общества и поддержания порядка. Церковь принесла высшую легитимность княжеской власти. Она была важнейшим фактором единства государства, принеся единый литургический язык, созданный на основе славянского алфавита, творцами которого были греки Кирилл и Мефодий. Православная литургия шла на понятном языке, что, несомненно, сближало обитателей державы Владимира Мономаха. Этот язык стал фундаментом русской культуры.

Все исследователи сходятся во мнении, что Владимир Мономах был самым крупным полководцем и государственным деятелем Киевской Руси. «Слово о погибели русской

земли» после смерти великого князя Ярослава (памятник XIII в.), посвященное монголо-татарскому нашествию, повествует о величии державы, достигшей расцвета при сыне Ярослава — Владимире Мономахе. Автор «Слова» восторженно описывает необъятные пределы «светло светлой и прекрасно украшенной земли Русской»: от венгров и до поляков и чехов, от литовцев до немцев и карелов, до Белого моря и Ледовитого океана, до болгар, черемисов и мордвы — все эти «поганые страны» повиновались киевскому князю[50]. Мстислав, сын Владимира, захватив в 1127 г. Полоцк, обозначил пик территориальных захватов киевской империи. В 1132 г., сразу же после смерти Мстислава, полоцкие князья отвоевывают свои владения. Начинается упадок Киева.

Оставшееся в русском языке выражение. «Тяжела ты, шапка Мономаха!» напоминает о том, что «шапкой» великого князя киевского Владимира Мономаха будут короноваться все московские цари, видевшие в ней связь с Древней Русью и Византией. Выражение напоминает о тяжестях царской власти и о заслугах первого владельца «шапки». Владимир расширил пределы своей державы, но, что еще важнее, сохранил внутренний мир — главное требование империи. В своем Поучении — предсмертном обращении к сыновьям (их было 8) — великий князь прежде всего предупреждает о необходимости согласия между братьями, между князьями, которые получили в наследство части державы. Мстислав, наследовавший киевский стол, опытный и решительный полководец, еще поддерживает престиж великого князя. Он правит семь лет (до 1132 г.) и власть в столице Руси переходит к его брату — Ярополку. К этому времени все князья выходят из подчинения Киеву.

Распад империи Рюриковичей будет длиться несколько десятилетий. Он был вызван многими причинами. Прежде всего политическими, связанными с государственным устройством — системой наследования. Князь Волынский Изяслав, внук Мономаха и сын Мстислава, бесцеремонно расширявший свои владения за счет родственников, первым сформулировал новый принцип: не место идет к голове, а голова к месту. Иначе говоря, не ротация, не личные доблести князя, становятся условием приобретения земли и власти. Авторитет Киева резко падает. Это было связано и с экономическими причинами — падением значения Средиземного моря после арабских завоеваний, а, следовательно, значения Византии. Падение Константинополя в 1204 г. было тяжелым ударом и для Киева.

Междоусобные войны меняют свой характер, приобретают значение конфликтов между враждебными государствами. В 1169 г. внук Мономаха князь ростово-суздальский Андреи Боголюбский организует коалицию князей и во главе огромной армии захватывает Киев. И раньше князья вступали с мечом в руках в стольный город — чтобы овладеть троном. Андрей Боголюбский имел иные планы. Город был разграблен, сожжен, население убито или взято в рабство. Летопись рассказывает о грабежах, насилиях, о пожарах предварительно ограбленных церквей. Андреем Боголюбским, отец которого Юрий Долгорукий трижды был великим князем киевским, очень нелюбимым горожанами, владела не только жажда мести, но и желание унизить столицу империи Мономаха, превратить ее в слабый, разрушенный город, не имеющий значения. Когда через полвека монголы Батыя взяли Киев, они разорили его меньше, чем христианский князь-рюрикович.

Андрей Боголюбский пришел с северо-востока. Уход с юга на северо-восток начинается во второй половине XII в. Владимир Мономах придавал большое значение своим владениям на Волге, унаследованным от отца Всеволода. Он часто посещал Ростов и делал многое, чтобы увеличить его экономическое и культурное значение. Историки расходятся в мнениях относительно того, кто основал Владимир — Мономах или первый Владимир, крестивший Русь. К тому времени, когда Андреи Боголюбский стал князем Ростово-Суздальским, Владимир был важным политическим и культурным центром. Вскоре он станет столицей Руси.

По словам летописи, Андрей Боголюбский, объясняя уход на северо-восток, сказал: «Здесь тише». Если князь это сказал, то легко понять, что он имел в виду; на юге положение было нестабильным, взрывчатым. На берегах Клязьмы и верхней Волги, в лесах и болотах

было несравненно спокойнее, чем в открытых всем ветрам степях и на берегах Днепра. Был в желании «тишины» и несомненный другой смысл. Судьба Юрия Долгорукого, князя Суздальского, который трижды — по праву наследства — занимал великокняжеский стол в Киеве, и трижды покидал город в результате ссоры с горожанами, символизирует положение на юге. Недостаточно было иметь право на золотой киевский стол, необходимо было иметь согласие киевлян. Чувства свои они выражали бурно. После смерти князя Юрия в 1157 г. вспыхнуло восстание: горожане вырезали суздальцев, приведенных в город князем. Армия Боголюбского, разрушившая город 12 лет спустя, сводила, между прочим, счеты с непокорными киевлянами. «Тишина» северо-востока, где не было крупных городов с их вечевыми собраниями, позволяла князю править иначе, чем на юге.

Возникают новые отношения между подданными и князем. Анатоль Леруа-Болье видит исторический смысл в столкновении Суздаля и Киева. Это был конфликт между наследственным режимом Севера и патриархальной анархией Юга, первым триумфом автократии, зарождавшейся в лесах северо-востока, над родовой традицией князей и традицией независимости городов и племен[51]. Французский историк XIX в. не мог знать, что в 1954 г. в Москве, на Советской площади, будет воздвигнут памятник Юрию Долгорукому, ибо с его именем летопись связывает первое упоминание о Москве (1147). Украинский историк Михайло Грушевский, рассказывая в начале XX в. о разорении Киева Андреем Боголюбским, считает необходимым подчеркнуть: князь пришел из Владимира, лежащего возле Москвы. Украинский историк сознательно идет на модернизацию: он знает, что в 1169 г. Владимир был столицей княжества, а Москва — именем недавнего поселения. Для него важно подчеркнуть древние истоки конфликта между Украиной и Россией. Их исконное противостояние, подтверждающее, по его убеждению, наличие двух народов: украинского и русского.

Национализм, тяжелое наследие XIX в., не был знаком обитателям Киевской Руси. Русские историки единодушно считают, что распад державы был одновременно процессом интеграции. Распадалась государственная структура, но рождался народ, ощущение единства народа. Историк XIX в. приходит к выводу: «Русская земля, механически сцепленная первыми киевскими князьями из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, теперь, теряя эту политическую цельность, впервые начала чувствовать себя цельным народным или земским составом». Он заключает: «Последующие поколения вспоминали о Киевской Руси, как о колыбели русской народности»[52]. Леруа-Болье, не опасаясь упреков в пристрастности, разъясняет смысл понятия «народная цельность»: «Между новыми суздальскими русскими и первоначальными русами не было ни расовой борьбы, ни национальной розни, как позднее настаивали те, кто хотел представить русских и малороссов двумя разными народами»[53]. Для советских историков с конца 30-х годов представление о «колыбели русского народа» было строго официальной очевидностью, еще одним доказательством правильности исторических законов, приведших к Октябрьской революции. Обязательные цитаты из Маркса—Энгельса, необходимые в научных исследованиях на все темы, в данном случае были как нельзя более к месту. Основатель «учения», ненавидевший Россию, как главное препятствие на пути к социализму в Европе, очень положительно относился к Киевской Руси, подчеркивая «готический характер» империи Рюриковичей, и отрицал ее связь с дальнейшей историей России: «В кровавой грязи монгольского рабства, а не в славной суровости норманнской эпохи родилась Московия, из которой вышла современная царская Россия»[54]

Летопись регистрирует. 1132 г. «И раздася вся Русская земля». Это год смерти Мстислава Великого. Киевская Русь распадается. Леруа-Болье прав, не видя среди причин распада расовой или национальной вражды. XII в. их еще не ощущал. Генеалогия Андрея Боголюбского — свидетельство полного этнического равнодушия: мать — половецкая княжна, бабушка — дочь англосаксонского короля, прабабушка — греческая принцесса. В Приднестровье славяне смешивались с норманнами и степными племенами. Князья,

уходившие на северо-восток, занимали земли, населенные финскими племенами, вливавшими свою кровь в славяно-норманно-половецкий коктейль.

Возникший в XVIII в. «национальный вопрос» вызвал горячие споры, которые не прекращались с того времени. Неожиданную жгучую актуальность они приобрели в связи с распадом советской империи. В 1992 г. директор института истории Российской академии (выделилась из АН СССР в 1988 г.) признает наличие сомнений по вопросу, который был, казалось бы, давно и окончательно решен и официально утвержден, «Мы даже не знаем, — говорит он, — когда начал складываться русский народ, когда можно говорить о постепенном разделении так называемой древнерусской народности на три ветви — русский, украинский. белорусский народы. Одни утверждают, что произошло это еще в Киевской Руси (XI—XII вв.), Другие — эта точка зрения кажется более обоснованной — относят этот процесс к послемонгольскому периоду (XIV—XV вв.)»[55].

Общая вера, общий язык, общая письменность создавали основу единства, которое ощущалось как «Русская земля». Нигде, ни в одном памятнике, — подчеркивает Василий Ключевский, великий знаток древнерусских источников, мы «не встретим выражения русский народ».

«Слово о полку Игореве»

«О, Русская земля! Уже ты за холмами».

Самое знаменитое, самое спорное литературное произведение Древней Руси заключает в себе свидетельство распада державы, тоску по единству, страхи и надежды. «Слово о полку Игореве», история похода князя маленького Новгород-Севере кого княжества Игоря Святославовича против половцев в 1185 г., рассказанная неизвестным поэтом, занимает особое место в русской истории: это первый общепризнанный литературный шедевр, это документ, происхождение которого остается неясным, вызывающим дискуссии, которые не прекращаются около двух столетий.

В 1795 г. в одном из рукописных собраний Ярославля был обнаружен список неизвестной поэмы — «Слово о полку Игореве». Его приобрел богатый любитель и собиратель русских древностей А.И. Мусин-Пушкин. В 1800 г. поэма была издана. В 1812 г. во время пожара Москвы сгорела рукопись. Печатное издание стало единственным свидетельством существования рукописи. В начале XX в. был обнаружен список, сделанный после открытия рукописи для Екатерины II, в котором имеются легкие разночтения с первой публикацией. Палеографическая и филологическая критика «Слова о полку Игореве» позволила быстро придти к выводу, что найденная рукопись была сделана не ранее XVI в., иначе говоря — отделена от оригинала более, чем на 300 лет.

2800 слов эпической поэмы стали предметом многочисленных исследований (написано более 800 работ), разноречивых оценок и интерпретаций, ожесточенных споров. Изучение текста и споры начались одновременно и продолжаются по сей день. Таинственность «Слова» связана со многими причинами. Прежде всего, если так можно выразиться, физическими: нет оригинала и нет ничего подобного в древнерусской литературе. История похода Игоря Святославовича против половцев высится как гора на равнине. Древнерусская литература богата летописной литературой, житиями святых, риторической проповедью, повествованиями паломников. Ничего подобного «Слову» — по литературной выразительности, богатству образов, символике, метафоричности, личному

отношению к событиям — литература Киевской Руси не знает. Может быть, как считают некоторые, потому, что такие произведения были, но исчезли в пожарах времени. Может быть, считают другие, потому, что «Слово» было написано не вскоре после похода 1185—1186 гг., а значительно позже.

Три взгляда, если объединить мнения в группы, остаются непримиримыми: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в., «Слово» — фальсификация, может быть XVII в., «Слово» было написано в XIII—XIV вв. Исследователи не согласны между собой относительно времени написания, относительно происхождения и места рождения автора. Многочисленные переводчики спорят о смысле слов и значений, употребляемых автором. Филологи выдвигают множество предположений по поводу происхождения языка. Все согласны с определением сверхзадачи поэмы, как патриотического призыва к русским князьям объединиться против общего врага, но идут споры относительно врага, против которого следует объединиться. Недоумение вызывает религиозный дуализм «Слова»; христианский автор употребляет множество языческих образов, символов, обращается — хотя Русь уже 200 лет христианская — к языческим богам, не упоминая, впрочем, главного. Защитники «Слова» объясняют это царившим еще «двоеверием», продолжавшимся в народе поклонением языческим идолам. Но нет никаких свидетельств популярности поэмы, ее распространения в народе, который, к тому же, вряд ли мог прочесть необыкновенно сложный текст.

Важным доказательством подлинности с точки зрения защитников «Слова», является чрезвычайное, нередко дословное, совпадение текстов о битве Игоря с половцами и о битве московского князя Дмитрия с татарами в 1380 г. «Задонщина», повествующая о победе Москвы над Мамаем в битве на Куликовом поле, дошла в нескольких списках, известна се популярность. Ряд исследователей полагает, что автор «Задонщины» использовал в качестве источника «Слово о полку Игореве». Ничто, однако, не препятствует возможности автору «Слова» использовать «Задонщину». Но это меняет дату написания «Слова».

История похода князя Игоря против половцев в 1185 г. рассказана в летописи. Следовательно, исторический факт сомнения не вызывает. В 1185 г. князь Игорь вышел в поход против половцев, первое сражение выиграл, во втором — на реке Каяле — потерпел поражение, потерял всю дружину, попал в плен. Затем бежал, приехал в Киев. Этот кратчайший сценарий оставляет в стороне поэзию, богатство языка и образов — литературные достоинства. Он сохраняет только неоспоримые исторические факты. Все остальное вызывает споры. Первая тайна: почему автор «Слова» выбрал в герои князя Игоря? Владетель небольшого княжества, он не выделялся ни доблестями, ни добродетелями, ни, что самое главное, силой. Никто не смог объяснить, почему Игорь внезапно отправился на завоевание всей половецкой степи, желая вернуть Руси некогда принадлежавшие ей земли, включая Тмутаракань. Вся его армия состояла из небольшой дружины, поддержанной войсками брата — князя черниговского Всеволода. К тому же с 1180 г. Игорь находился в союзе с половцами, был женат на дочери хана Кончака, который позднее взял его в плен. За год до похода Игорь отказался участвовать в военной экспедиции, организованной против степняков киевским князем Святославом.

Возможный ответ: автор «Слова» взял подлинный исторический факт и расцветил его, представив по-своему, ибо хотел выразить свои мысли и чувства о судьбе Руси, отправить Послание. Для такого ответа есть основание: поход Игоря — сюжет, который используется в качестве предлога для размышлений о 150-200 годах русской истории. В «Слове» названо около 40 князей. Но важной частью послания является автор, Споры о нем не прекращаются со дня публикации «Слова». Исследователи не могут согласиться ни относительно социального положения автора, ни относительно его территориального происхождения. Идут горячие споры по поводу языка, на котором текст написан. Предполагают, что автор был дружинником, но одни имеют в виду дружину Игоря, другие — Ярослава Галичского,

третьи — Святослава Киевского. Есть мнение, что он был не дружинником, а придворным поэтом, неясно только, при дворе какого князя.

Сложность языка «Слова» побуждала исследователей искать его корни в народном языке и фольклоре, но также в древней греческой поэзии (Гомер, Эврипид), в средневековой византийской литературе, в скандинавских сагах, «Песне о Роланде», «Нибелунгах», французских романсах XII в. и т.д.[56]. В «Слове» обнаружены следы польской и чешской лексики. Ученые говорили о близости песни о Игоре к украинскому и белорусскому языкам. Многочислсные переводчики оказались бессильными перед «темными местами», которые не поддаются пониманию, либо в результате «графических» дефектов, возникших при переписках рукописей и от неопытности издателей, либо потому, что многие образы и понятия не находят эквивалентов в современности, а часть слов не имеет параллелей в других памятниках, остается загадкой[57].

Попыткой найти ответ на «тайны» «Слова» является предложение датировать текст XIII в., исходя из того, что автор «говоря об одном, имел в виду совсем другое»[58]. Сторонники этого взгляда считают, что в действительности в «Слове» идет речь не о походе Игоря, но о первом столкновении русских с татарами, не о битве на Каяле, но о битве на Калке, где русские дружины были разбиты. В качестве аналогии приводится пример «Песни о Роланде», где басков заменяют мавры.

Гипотеза, переносящая время написания и действия «Слова» на несколько десятков лет вперед, не меняет главного — она согласна с тем, что Послание поэмы — призыв к единству для борьбы с внешней опасностью — половцами или татарами.

Памятник древнерусской письменности, предмет научных исследований, с момента публикации был объектом политической полемики. Аргументом в спорах о характере русской истории, об уровне развития культуры в Киевской Руси, о самостоятельности или подражательности русской культуры. Ученые, отрицавшие подлинность «Слова» (их было не мало в середине XIX в.), ссылались на дикость и варварство Руси XI—XII вв. Значимость «Слова о полку Игореве» выражается и в том, что актуальность повествования о событии, имевшем место в XII в., не перестает увеличиваться. Крупнейший современный авторитет в «Слововедении» академик Лихачев категоричен: «Свое подлинное место в русской культуре нового времени «Слово» нашло только в нашу великую советскую эпоху. В наши дни «Слово» обрело свое третье рождение»[59]. Ученый не оставляет сомнений в причинах особой любви к подвигам князя Игоря, жгучей актуальности призывов автора героической песни. В предисловии к массовому изданию «Слова о полку Игореве» Дмитрий Лихачев перечисляет нетленные достоинства «одного из самых гуманистических произведений мировой литературы». Он начинает с эпохи написания: «Слово о полку Игореве» с гениальной силой и проникновенностью отразило в себе главное бедствие своего времени — слабость государственного единства Руси». Но идея единства Руси отнюдь не умирает — она провозглашается отдельными князьями. Она реально поддерживается культурным единством русского народа, общностью русского языка на всей территории Русской земли, общностью судебных постановлений. Эту идею единства и выражает автор «Слова», которого Д. Лихачев называет «подлинным выразителем интересов трудового населения», «интересов всего русского народа». Он обращается, — пишет Д. Лихачев, — «к прогрессивным представителям класса феодалов», объясняя им «необходимость крепкой защиты родины», но «занимая независимую от правящей верхушки феодального общества патриотическую позицию».

Констатируя, что «поражение Игоря Святославовича имело несчастные последствия для всей Русской земли», ученый находит, тем не менее, что хотя «Слово» посвящено теме поражения, «оно глубоко оптимистично». Модернизируя до предела прочтение старинного текста, Д. Лихачев превращает «Слово о полку Игореве» в образцовое произведение советской патриотической литературы. Любовь к нему становиться обязательной. Сомнение или равнодушие — идеологическим преступлением.

В какой мере это вина автора героической песни о походе князя Игоря? Вильям Шекспир, писавший в XVII в., не менее таинственней, чем поэт, сочинявший в XII или XIII в. Спорят не только о существовании автора «Ромео и Джульетты», спорят прежде всего о смысле текста, написанного на достаточно развитом языке. Обвинения Шекспира в клевете на бедного Ричарда III, в угоду Тюдорам, или в антисемитизме, в угоду бытовавшим нравам, выдвигаются или опровергаются, поскольку материал и для одного и для другого можно найти в произведениях драматурга. Если вынести за скобки выражения типа «интересы трудового населения», «прогрессивные представители», употребляемые Д. Лихачевым, то необходимо признать точность представления ученым идеологического смысла «Слова»: единство Русской земли, настоятельная необходимость борьбы с «погаными».

Сомнения вызывает другое: содержание, которое поэт вкладывает в слово «русский». Генрик Пашкевич, отрицающий подлинность «Слова», считает важнейшим доказательством подделки модернизацию понятия «русский», придание ему значения, которого оно не имело в XII в. В Древней Руси, — доказывает ученый, — слово «Русь» имело два значения. Первое — географическое и политическое — означало землю, на которой жили поляне и северяне, построившие города Киев, Чернигов, Переяславль. Второе — религиозное — объединяло все народы, славянские и неславянские, исповедавшие русскую религию, т.е. православие. В «Слово о полку Игореве» выражение «Русская земля» имеет этническо-национальный смысл, чуждый эпохе[60].

Актуальность повествования о поражении князя Игоря на протяжении минувших 200 лет, актуальность, которая несомненно будет нарастать, связана именно с этим. В тексте «Слова» обращает внимание обилие географической номенклатуры: на юге — Крым и Дунай, на западе — Двина и Неман. Русская земля, которую исследователи называют главным героем песни, раскинута от Черного моря, венгерских границ до Литвы на западе, Великого Новгорода на севере, Волги — на востоке. Как выражается Генрик Пашкевич: главный герой «Слова о полку Игореве» — границы Руси. Героическая песня великолепно выражает «идею Мономаха» — идею могучего, единого государства, занимающего территорию Руси времен ее расцвета.

На развалинах

Ибо брат брату молвил: «То мое, а и то — мое тоже».
«Слово о полку Игореве»

Содержание столетия — от смерти Мстислава до появления монголов (1132-1223) — братоубийственные войны русских князей. Можно сказать, что эти войны привели к распаду империи Рюриковичей. С другой стороны, так же верно и то, что распад империи, вызванный многими, названными выше причинами, стал причиной вооруженных конфликтов между братьями, племянниками и дядьями. Содержание столетия это падение престижа и силы, точнее силы и престижа Киева, — это — колонизационное движение, прежде всего на северо-восток. По подсчетам историков в середине XII в. насчитывалось 15 княжеств, в начале XIII в. — их было около 50, в XIV в. — примерно 250. Наиболее сильными были княжества Владимиро-Суздальское, Галицкое, Волынское и республика Новгород.

Движение на северо-восток, где возникает центр русского государства, было прежде всего делом ростово-суздальских князей. Ростов и Суздаль — стариннейшие города

Киевской Руси. Согласившись с Ипполитом Тэном относительно значения момента — народа — территории в истории, применим эти категории к Суздальской земле во второй половине XII — начале XIII вв. Момент, когда княжество, бывшее одним из составных частей киевской державы, выходит на страницы большой истории, — междоусобицы, вспыхнувшие после смерти Ярополка. Младший сын Мономаха князь Суздальский Юрий Долгорукий мечтал о киевском столе. Более 8 лет воюет он со своим племянником Изяславом, дважды занимая Киев и дважды его теряя, пока, наконец, не добивается своего, овладевая троном великого князя в 1155 г., за два года до смерти. В этих войнах принимают участие почти все ветви дома Рюриковичей, почти все русские области, а также соседи — половцы, венгры, поляки.

В XI в. центром территории был Ростов. Юрий Долгорукий предпочитает Суздаль, откуда он выходит на войны и куда возвращается. Овладение землей и расширение княжеских владений — лесов, болот и рек — происходит путем сооружения городов. Прежде всего города строятся по берегам рек: Волги и ее притоков — Оки, Клязьмы и их притоков. Среди новых поселений — крепости Переяславль, Юрьев, Дмитров и — Москва. Сын Юрия Андрей перенесет столицу в город Владимир, стоявший на реке Клязьме.

Война между Суздалем и Киевом была особой формой связи между юго-западом и северо-востоком. Другой формой было переселение населения из постоянно разоряемых земель вокруг Киева, Чернигова, Переяславля в междуречье Волги. Пришлое население завоевывало, оттесняло, поглощало и ассимилировало жителей — финские племена. Смена места проживания была для южан не только переменой климата. Местность вынуждала селиться небольшими группами, отвоевывая землю у леса и болот. Крестьяне уходили на северо-восток, в поисках спокойствия. Дружинники шли за князем в поисках добычи и славы. Князья шли за землей и свободой от вече и могучих бояр, правивших в Киеве и других старых городах Руси.

На новых землях возрождается идея Мономаха, идея единодержавия. Она находит наиболее полное выражение в личности и деятельности Андрея Юрьевича Боголюбского. В числе факторов, определивших успех переноса центра власти в междуречье Волги, важное значение имел случай: три выдающихся государственных деятеля правили Суздальской землей один за другим: Юрий Долгорукий и два его сына — Андрей и Всеволод. В 1149 г. Юрий впервые становится великим князем Киевским, в 1212 г. умирает его сын Всеволод. За эти 63 года, на протяжении жизни двух поколений, произойдет окончательное падение Киева, развал государства, которое начало строиться в IX веке, рождение новых центров власти. Андрей Боголюбский принимает титул великого князя Владимирского. Будущее новое государство приобретает новую столицу.

Историки по-разному объясняли причины переносов столицы: изменением торговых путей, внешней опасностью, варяжской кровью князей, мешавшей долго сидеть на одном месте. Оставляя в стороне споры о значении каждого из этих факторов или их совокупности, нельзя не подивиться феномену: Рюрик с братьями пришли из Новгорода в Киев, если бы не смерть, Святослав, наверное, перенес бы свою резиденцию в Переяславец на Дунай. Владимир сравнительно быстро уступил место столичного города Москве, которую Петр I оставил ради Петербурга, откуда снова власть переехала в Москву. Из степи в лес, из леса в болота. С берегов Днепра, впадавшего в Черное море, на берега Москвы, струившей свои воды в сердце континента, а потом на берега Невы, впадавшей в Балтику, столицы прыгали, меняя географию, климат, коренное население. Менялся центр притяжения, менялись враги и направление движения, которое могло, в силу различных обстоятельств, задержаться, но никогда не останавливалось. Сохранялась, оставаясь важным мотором движения, «идея Мономаха».

Особое место среди строителей Суздальско-Владимирского княжества занимает Андрей Боголюбский. Русские историки, хотя и писали о нем немало, не придавали ему того значения, которого он заслуживает. Возможно, что скудность исторических источников

мешала им. Это не должно было бы отпугивать романистов, но образ первого из великих князей Владимирских не привлек их внимания. Василий Ключевский заметил: «от всей фигуры Андрея веет чем-то новым: но едва ли эта новизна была добрая». В жажде власти, единоличной, нераздельной, Андрей Боголюбский не был совершенно «новым» даже среди Рюриковичей киевского периода, не говоря уже о византийско-англо-половецких предках. Интересно другое: Андрей был в новом и хорошем, как и в «недобром», прямым предшественником Ивана Грозного и Петра I. Если бы Иван и Петр нуждались в модели, они не могли бы выбрать лучше.

Андрей родился в 1111 г. на Суздальской земле и первые 38 лет своей жизни не покидал севера. Получив в управление маленький пригород Суздаля — Владимир, он довольствовался им. Он впервые посетил Киев в 1149 г., когда его отец Юрий сел на великокняжеский престол. Начинается многолетняя борьба Юрия Долгорукого за Киев, в которой Андрей проявляет замечательную храбрость, выделяясь даже среди южнорусских князей, привыкших к постоянным потасовкам. Утвердившись в Киеве, Юрий дает сыну во владение маленький Вышгород (в 7 км от столицы). Андрей, невзлюбивший юг, нарушая приказ отца, тайно уходит к себе во Владимир, забрав святыню, икону Божьей матери, написанную по преданию евангелистом Лукой. Икона, которую называют Владимирской, становиться важнейшей русской святыней.

Андрей поселяется не в самом Владимире, не в старейших городах земли — Ростове и Суздале. Его резиденцией становится небольшое село в 11 км. от Владимира — Боголюбове. Оттуда он будет править сначала владимирским княжеством, а потом все землей русской. Юрий Долгорукий передал киевский трон в наследство сыну, который впервые — нарушая вековые традиции — предпочитает управлять Русью из собственной столицы, основанной на северо-востоке.

Андрей Боголюбский не любил юга, не любил Киева. Его отец, изгнанный из Киева, плакал от горя и не переставал воевать за него, пока, наконец, не добился своего. Андрей при первой возможности вернулся на родину, нарушив обещание, данное отцу. Внук Мономаха, Андрей отказался от владения «матерью городов русских» не потому, что его больше привлекал климат волжского междуречья. Он сознательно переносил центр власти, ибо понимал, что в Киеве его власть будет ограничена. Правление Андрея Боголюбского завершает первую главу русской истории, начинает вторую.

Разрыв между югом и севером, между Киевской Русью, пришедшей в упадок, и государством, которое являлось на смену, был реализован переездом князя Андрея во Владимир. Был сломан старый порядок. Андрей не отказался от титула великого князя — он решил осуществлять великокняжескую власть из новой столицы. Это было революцией. Разрушалась политическая система Рюриковичей: старший князь сидит в старшем городе. Андрей «взорвал» иерархическую лестницу. До него князь, переходивший в Киев, оставлял свое прежнее владение следующему по старшинству родственнику. Андрей, став великим князем и владея тем самым Киевом, сохранил в своей личной власти Суздальскую землю. Таким образом, она перестала быть родовым владением, а стала личным доменом одного князя. Суздальская земля вышла из круга русских областей, переходивших от князя к князю. Рождается новая система власти.

Андрей Боголюбский сохранил за собой прежнее владение — он строил новую систему власти. Беспощадно разорив Киев в 1169 г. — «победители не щадили ни храмов, ни жен, ни детей», рассказывает летописец — Андрей отдал город младшему брату Глебу, а после его скорой смерти — смоленским племянникам. Когда они не подчинились приказам, пришедшим из Владимира, Андрей прогнал их, как слуг; «Не ходишь ты, Роман, по моей воле... так пошел вон из Киева, ты, Мстислав, вон из Белгорода, ты, Давид, вон из Вышгорода...» Князь Мстислав, о котором говорили, что он не боялся никого, кроме Бога, обиженно ответил: «Ты обращаешься к нам не как к князьям, а как к подручникам».

Мстислав правильно понял смысл менявшегося положения: система родственных отношений между князьями, не исключавшая конфликтов и войн, но основанная на традиционной «лестнице», заменялась политическим подданством, которое практически уравнивало младших князей с челядью.

Историки расходятся в оценке побуждений Андрея Боголюбского. Одни сомневаются: были ли его действия продиктованы «достаточно обдуманными началами ответственного самодержавия или только инстинктами самодурства»[61]? Другие считают, что он был «первым русским князем, который ясно и твердо стремился к установлению единодержавия и самодержавия, начинателем нового государственного порядка»[62]. Летописцы, в особенности южные, помнившие разорение Клева, красочно описывают «самодурство» Андрея, проявление тиранических капризов. «Умен был князь Андрей, — рассказывает один из хроникеров, — во всех делах доблестен, но погубил смысл своим невоздержанием...» Иначе говоря, терял разум в гневе.

Логика действий Андрея Боголюбского позволяет рассматривать его политику, как сознательное строительство нового порядка, достаточно перечислить важнейшие поступки великого князя. Перенос столицы. Император Тиберий переселился на Капри, но столицей империи оставался Рим. Андрей лишил Киев ранга столицы. Унижение младших князей, превращение их в «подручников». Нежелание опираться на местную аристократию — дружинников отца, бояр, а также городскую элиту, правившую через вече. Князь выбирает своих слуг из неродовитых низов, считая важнейшим достоинством верность себе. Дальние потомки князя Андрея — Иван Грозный и Петр I — будут подражать практике «демократического тиранства».

Опережая время, Андрей Боголюбский вырабатывал технику самодержавной власти. Властолюбие, сочетавшееся с капризным характером, склонным к вспышкам гнева, поссорили великого князя не только со старой служилой и городской аристократией, но и с близким окружением. 20 заговорщиков ворвались в его спальню. Несмотря на преклонный возраст, безоружный старый воин оказал сопротивление убийцам. Два дня заговорщики не позволяли хоронить князя. В городе вспыхнуло волнение, начались грабежи. Около двух лет Суздальское княжество раздирала междоусобица. И здесь князь Андрей оказался предшественником — после смерти Ивана IV и Петра Русь переживала смутные времена.

Войны, которые вел Андрей, — против камских болгар, против Новгорода — имели главной целью усиление его самодержавной власти. Активная строительная деятельность — превращение Владимира в один из красивейших русских городов, богатого церквями, многолюдного, населенного ремесленниками, купцами, — повышала престиж великого князя и столицы его владений. Андрей Боголюбский прилагает немалые усилия для того, чтобы основать во Владимире особую русскую митрополию, независимую от Киева. Константинополь отказывает ему — патриарх недоброжелательно смотрит на появление нового центра власти, стремящегося к самостоятельности.

Историк XIX в., рассказав о добрых и менее добрых делах Андрея, причисленного к лику святых, заканчивает: «Андрей был первый великорусский князь; он своей деятельностью положил начало и показал образец своим потомкам; последним, при благоприятных обстоятельствах, предстояло совершить то, что было намечено их прародителем».

Двухлетняя смута, наступившая после убийства великого князя, не разрушила его дела. Владимир устоял как столица, несмотря на все усилия «старших городов» — Ростова и Суздаля, разделаться с любимым городом Андрея. Престол занял его брат Всеволод, младший сын Юрия Долгорукого, еще один внук Мономаха. 36 лет правления (1176—1212) Всеволода, прозванного за многочисленное семейство Большое Гнездо, было временем расцвета Владимиро-Суздальского княжества. Автор «Слова о полку Игореве» говорит о могуществе дружины великого князя Всеволода, которая может «веслами Волгу разбрызгать, а Дон шеломами вычерпать». Осторожный, но упорный в достижении своих целей Всеволод

укреплял единодержавную власть и позицию Владимира, как центра всей Руси. В ее пределах огромная территория от причерноморских степей до Ледовитого океана, от Дуная и Двины до Волги, с населением в шесть миллионов человек.

Постепенное перемещение центра власти и населения с юга на северо-восток меняло экономическую базу жизни населения, что в свою очередь воздействовало на характер правления. Пашня и лес становятся основными источниками существования. Лес дает строительный материал для сооружения избы, лыко для изготовления обуви и посуды, воск для свечей, мед, который ели и пили. В борьбе с лесом отвоевывается пашня, которая после быстрой отработки бросается. Экстенсивный характер хозяйства вынуждал к частой перемене жилья, к бродячей, подвижной жизни.

Полная свобода передвижения, необходимая по экономическим причинам, оборачивалась разрывом общинных связей. Юридическое положение земледельца и землевладельца определяется его «рядом», договором с князем. Земля принадлежала князю, наделявшему бояр, вольных слуг, духовные учреждения. Ее обрабатывали вольные крестьяне-арендаторы и рабы. Свободная территория искала людей, которые переходили от князя к князю. Погоня за населением была гарантией свободы передвижения. Отрицание этой свободы землевладельцем замкнуло бы его владения для притока переселенцев.

Вече, которое существовало еще в древнейших городах северо-восточных княжеств, быстро приходит в упадок по мере усиления удельных князей. Власть князя становится единственным источником власти, а также единственным объединяющим началом в раздробленной системе земельных владений, пожалованных им. Административные функции на дворцовых, принадлежащих князю, землях, выполняют княжеские слуги — бояре, наместники. На землях, отданных частным владельцам — вотчинникам, право обложения налогами и суда принадлежало им.

Упадок Киева был одной из причин и одним из следствий усиления Суздальско-Владимирской земли. Ослабление «матери городов русских» сопровождалось также ростом значения юго-западных областей Киевской Руси. Территория между Карпатами и Припятью делилась на Волынь и Галич. Самая западная часть империи Рюриковичей — Галицкое и Волынское княжества — была связана многими узами с Польшей и Венгрией, служила часто полем битвы между русскими и западными соседями. Во второй половине XII в. Галичем правил могущественный князь Ярослав Владимирович, которого называли «Осмомыслом», иначе говоря — мудрым. В «Слове о полку Игореве» о нем сказано: «Ты, галицкий князь Осмомысл Ярослав, высоко ты сидишь на престоле своем златокованном! Подпер горы Карпатские железными полками... суды творишь до Дуная!'»

Осмомысл был женат на сестре Всеволода Большое Гнездо и поддерживал суздальского князя в его политике. Союз северо-востока и юго-запада был направлен против киевского центра.

Этот союз был выгоден прежде всего великому князю Всеволоду. Когда после смерти Ярослава Осмомысла его сын Владимир Га-лицкий, отвоевав свое наследство, захваченное венгерским королем, старался укрепиться на троне, он просил помощи у далекого дяди Всеволода: «Отец и господин! Удержи Галич подо мною, а я, Божий сын и твой, со всем Галичем и в воле твоей».

После смерти Владимира волынский князь Роман объединяет юго-запад в одно Галиче-Волынское княжество. Талантливый полководец, он вел успешные войны с венграми, поляками, литовцами, половцами. Приходил на помощь византийскому императору и отказался от королевской короны, которую предложил ему папа Иннокентий III, в надежде обратить в католичество могучего русского князя. В 1205 г. Роман был убит в схватке с поляками. После его смерти княжество — с неизбежностью, типичной для времени, — переживает смуту. Внутренняя политика Галиче-волынского князя имела целью усиление личной, самодержавной власти. Лев Гумилев говорит о князе Романе; был храбр, энергичен,

жесток, вероломен и весьма предприимчив. По мнению историка эти качества — результат наследства, полученного от матери, дочери польского короля Болеслава Кривоустого, и воспитания в Польше. Воспитанные на родной земле, русские князья проявляли все перечисленные выше качества не всегда все сразу.

В 1203 г. образуется антикиевская коалиция, инициатором которой является князь черниговский Игорь, некогда князь Новгород-северский и герой «Слова о полку Игореве». Он собирает русских князей и нанимает половцев, пленником которых в свое время был. Летопись, отмечавшая в свое время (1169) с ужасом разорение стольного города Андреем Боголюбским, пишет теперь: «И сотворися велико зло в Русской земле, якого же зла не было от крещенья над Киевом». Город жгли, грабили, уничтожали церкви, уводили жителей в полон. Почти в это же время — 1204 — крестоносцы взяли штурмом Константинополь и безжалостно разорили столицу Восточной империи. Но то была столица православной церкви, которую к этому времени католики не считали христианской. Киев, православный город, громили православные., с помощью, правда, язычников-половцев.

Правление Всеволода Большое Гнездо обозначено актом, который свидетельствовал о начале нового времени. До сих пор княжеские усобицы имели объектом «место»: войны шли за престол, которого князь добивался, ссылаясь на свое право, на свое «старшинство». В 1207 г. рязанские князья решили сопротивляться политике Всеволода. Великий князь арестовал, кого успел схватить, потребовал выдачи всех других вместе с женами, заключил их во Владимире. Рязанские города стали управляться посадниками Всеволода. На рязанский трон был посажен сын великого князя. Рязанцы не успокаивались, и Всеволод выселил всех жителей города вместе с епископом, а саму Рязань сжег. Земля была присоединена к Владимирскому княжеству. Это был первый случай прямой аннексии, расширения владений одного русского князя за счет другого.

Наряду с Клевом, Владимиро-Суздалем и Галиче-Волынской землей важнейшей частью Киевской Руси был Новгород. Он был основан не позднее VIII в. Легендарный князь Рюрик, основавший Киев, отправился на юг из Новгорода. В отличие от всех других земель-княжеств город, откуда начинался путь «из варяг в греки», называл себя Господин Великий Новгород. Северо-восточный форпост империи Рюриковичей, город купцов и моряков, оживленнейший порт, Новгород был похож и непохож на другие города Руси. Все крупнейшие деятели Киева, строители державы — от Владимира Красное Солнышко до Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха — княжили в Новгороде, как бы проходили стаж, прежде чем занять золотой киевский стол. Новгородский опыт был полезен как поучение и как предостережение.

Политический строй города на Волхове был уникален. В конце XX в., когда в России начались поиски демократических традиций, обращение к истории Новгорода неизбежно. Все крупные города Киевской Руси имели вече, которые постепенно, по мере усиления княжеской власти, теряли свое значение. В Новгороде вече не переставало — до поглощения города Москвой в XV в. — набирать силу. В 1136 г. после восстания горожан против князя народное собрание — вече обрело полную власть, выбирая не только князя, но и архиепископа[63].

Новгород был аристократической республикой, в которой все дела решались голосованием. Причем решались быстро — внешние проблемы не позже, чем за два месяца, внутренние — за один. Город делился на пять концов, каждый из которых составлялся из улиц. Каждый конец имел своего старосту и постановления общего вече утверждались их печатями. Каждая улица составляла отдельную общину, которая в случае нужды собирала свое вече. Уличане стояли в круговой поруке и защищали друг друга от посторонних притеснений. Концы имели свои знамена, выводили на войну свои полки со своими воеводами. Прямая новгородская демократия принимала иногда типично местную форму: в случае разногласия на вече представители различных мнений выходили на кулачный бой, который обычно имел место на мосту через Волхов.

Вече принимало князя и отказывало ему, если он был неугоден большинству; вече принадлежала высшая судебная власть, оно издавало законы и отменяло их, объявляло войну и заключало мир, устанавливало подати и повинности, определяло какую монету употреблять. Принцип выборности распространялся даже на монастыри, где братия решала, кому быть игуменом, келарем и ключником. Игумен затем утверждался архиепископом.

Вече выбирало посадника — главного представителя города: без него князь не мог править в Новгороде. Летопись зарегистрировала немало случаев, когда новгородцы, недовольные посадником, поднимались против него. В посадники избирались только представители боярских родов. Духовенство не участвовало в вече, но, как и во всех средневековых городах, имело в городе огромное влияние. В руках владыки — архиепископа — был надзор за нравственностью — не только в духовных, но и в мирских делах. Поэтому его суду принадлежали все преступления против уставов церкви, но также все семейные ссоры, споры по имущественным делам, наследству и т.д. Владыка заведовал всеми торговыми мерами и весами, что в купеческом городе имело особое значение.

Финские племена свободно жили на новгородской земле и в самом городе, имея право голоса в общественных делах; пришельцы принимались в члены городского общества при условии подчинения местным порядкам.

Новгород вел активную колонизационную политику, подчиняя себе земли и население к северу от своих границ. Владения купеческой республики простирались от Пскова до Белоозера и включали весь Север от Белого моря до Ледовитого океана, до Урала, а, возможно, и Зауралье. В колониях новгородцы добывали прежде всего меха. Чем дальше были подчиненные земли, тем меньше заметен был в них новгородский демократический характер. Богатый товарами, важный перевалочный пункт, Новгород вел оживленную торговлю с западными городами — в первую очередь немецкими и островом Готландом. Когда в XIII в. образовался Ганзейский союз, Новгород предоставил ганзейцам особые условия — торговые дворы и конторы.

Своеобразие политического строя, особый характер экономики породили новгородскую культуру со своими героями — купцом Садко и буйным мореплавателем Васькой Буслаевым.

На новгородском вече право голоса имели только домохозяева. Их дети, даже взрослые, не могли участвовать в собрании, пока не заводили собственного хозяйства. Новгородская молодежь, как младшие сыновья английских аристократов, искала выхода энергии за стенами города — открывала новые земли для Новгорода, устраивала набеги на соседей. Васька Буслаев — их герой. Но похожих богатырей — вольнолюбивых гуляк — знают и другие земли. Только Новгород знает былинного героя-купца. Археологические находки последних лет — короткие деловые заметки на берестяной коре — свидетельствуют о широком распространении грамотности среди жителей города. Самая старая русская рукопись — на церковно-славянском языке — иллюстрированное Евангелие — было изготовлено в Новгороде в 1056—1057 гг.

История Новгорода, его политических институтов, демонстрирует другую, альтернативную модель развития русской земли. Аристократическая республика, живущая торговлей и колонизаторской деятельностью, многими чертами напоминает итальянские города XI—XIV вв. Княжество, занятое охраной торговых путей, расширением владений и обороной границ, многими чертами политического устройства напоминает Византию. Народное собрание — вече или самодержавная власть князя. Новгородский или киевский путь: такой выбор давала русская история. Перечисляя заслуги великого царя Петра I, Пушкин подчеркивает: в Европу прорубил окно. Новгородский путь позволял просто-напросто открыть дверь.

Киевские князья, ушедшие на северо-восток, бережно сохранили и принесли с собой «Мономахову идею» единодержавия. Столкновение Владимиро-суздальских князей и

новгородской республики было неизбежно. Положение Новгорода было нелегким; заключенный в полукольцо великокняжеских владений, Новгород мог успешно сопротивляться военным экспедициям владимиро-суздальских дружин, но у него не хватало собственного хлеба. Экономическая блокада — задержка обозов с зерном — вынуждала город к уступкам. Военные победы — в 1216 г. новгородцы нанесли страшное поражение суздальской вражеской рати на р. Липице — не меняли главного; нажим на республику усиливался. Подчинение Новгорода было важной частью имперской политики великого князя владимирского. Появление монголов задержит на время неумолимый процесс поглощения новгородской земли.

Смерть Всеволода Большое Гнездо (1212) включает традиционный взрыв братоубийственной усобицы. Она была неизбежна, ибо у Всеволода было много сыновей. Способствовал ей и великий князь — рассердившись перед смертью на старшего сына Константина, он перенес старшинство на второго сына — Юрия. Междоусобные раздоры сопровождаются усиливающимся дроблением владений. В начале XIII в. Владимирское великое княжество имело в своем составе четыре удела-княжества. Во второй половине к ним прибавилось еще три, в том числе Московское княжество. Дробятся и другие княжества — Ростовское, Ярославское, Рязанское и т.д.

Князья заключают между собой союзы, всегда временные, воюют с соседями, преследуют мелкие личные интересы. Между тем ни западной границе Руси появляется новый противник. В середине XII в. в устье Западной Двины начинают активную деятельность немецкие купцы и миссионеры. Обращение местного языческого населения (ливы, латыши) идет с большим трудом — язычники не хотят отказываться от своей веры. В 1201 г. епископ Альберт основывает в устье Двины город Ригу. Два года спустя он учреждает орден воинствующих рыцарей, которых будут называть меченосцами: их одежда — белый плащ с красным крестом и меч через плечо. Не чураясь никаких жестокостей, они обращают местное население в христианство, быстро распространяя свои владения к востоку от Риги. В 1207 г. завоеванная территория — Ливония — становится ленной собственностью ордена, дарованной германским императором.

К юго-западу от владений меченосцев появляется другой орден — Тевтонский. Основанный для завоевания Святой земли в XII в., орден вынужден вернуться в Европу после поражения третьего крестового похода и захвата Иерусалима Салолином в 1187 г. Тевтонские рыцари носят черный плащ с белым крестом — их будут называть крестоносцами. В 1226 г. польский князь Конрад Мазовецкий, испытывавший трудности в христианизации славянского племени прусов, призвал на помощь Тевтонский орден. Крестоносцы охотно удовлетворили просьбу, получив дополнительно от папы Григория IX «золотую буллу», гарантировавшую им опеку Ватикана. Орден быстро распространяет свою власть на земли прусов, в 1237 г. подчиняет себе меченосцев. «Натиск на восток» принимает вес более агрессивные формы. Сравнительно быстро вырисовываются контуры орденского государства, включавшего Померанию, Пруссию, Курляндию, Ливонию, Эстонию. Серьезная опасность угрожает Новгороду и его владениям. Наступление крестоносцев задерживает в 1240—1242 гг. Александр Невский, дважды одерживая победы над орденской армией.

Русские историки, в первую очередь советские и евразийцы, видят в действиях крестоносцев (французов и венецианцев), захвативших и разграбивших в 1204 г. Константинополь, и в «натиске на восток» тевтонцев и меченосцев, крестовый поход против православия. Если трудно говорить о согласованности действий между крестовыми походами в Палестину и северо-восточную Европу, то имеются все основания видеть черты общей политики, которая сочетала интересы папства и империи. Григорий IX, после успехов новгородцев в колонизации финских земель, призывал немецких и шведских рыцарей выступить с оружием в руках против финнов, принявших православие, обещая отпущение

грехов и другие льготы, которые получали франкские рыцари, воевавшие за освобождение Гроба Господня с арабами.

Ощущение «окружения», описываемое сегодняшними историками, чувство позднее, рождающееся у тех, кто может охватить взором прошлое из далекого будущего. Вряд ли могли его испытывать современники, поглощенные местными делами и местными конфликтами, терявшие со второй половины XII в. представление о единой Русской Земле, по мере нараставшего распада Киевской Руси. Современники не могли знать, что появление в 1223 г. в донских степях монгольской армии — в то самое время, когда набирали силы крестоносцы — означает появление нового врага, противостояние с которым займет столетия и окажет решающее влияние на русскую историю.

Глава 2
МОНГОЛЬСКОЕ ИГО

Нашествие

Пространство, занятое монгольской империей, почти совпало с пространством Евразии.

Г. Вернадский

В тот же год пришли народы, о которых никто точно не знает, кто они и откуда появились, и каков их язык, и какого они племени, и какой веры,

Лаврентьевская летопись

Неизвестно откуда неизвестные народы пришли в южнорусские степи в 1223 г. На берегах реки Калки, впадавшей в Азовское море, русские войска вступили в бой с таинственным противником и были наголову разбиты. Коалиция русских князей — Киевского, Галичского, Черниговского, Смоленского — насчитывала 80 тыс. человек. Они пришли на помощь половцам, которые не могли противостоять всадникам, появившимся на их территории.

Князья не знали, что перед ними кавалерийский корпус монгольской армии, насчитывавший 25 тыс. воинов и посланный Чингис-ханом в разведку. Им командовали гениальные полководцы Джебе и Субэдэй. Начав с погони за султаном Хорезма Мухаммедом, монголы прошли через Персию, Азербайджан, Грузию, через Дербент ворвались в степи северного Кавказа. На своем пути они брали и уничтожали города, мирное население, громили армии.

Половецкий хан Котян, тесть князя Галича Мстислава Удалого, просил защитить его земли, и русские князья, собравшись в Киеве, решили помочь половцам, но не ждать неприятеля, а выйти ему навстречу. Монгольские полководцы, следуя своей обычной тактике, отступали, пока не утомили врага. Мстислав Удалой с половцами бросился в атаку, не дожидаясь киевской дружины, и был разбит. Киевский князь, осажденный в своем укрепленном лагере, сопротивлялся 3 дня, вынужден был сдаться и после этого был убит вместе с воинами. Разрушив до основания город Козельск, принадлежавший князю Мстиславу Черниговскому, также вышедшему на войну с монголами, Джебе и Субэдэй разграбили генуэзские колонии в Крыму, переправились через Волгу, потрепали камских булгар, а затем вернулись в родные степи к северу от Сыр-Дарьи.

Один из самых удивительных в истории войн кавалерийский рейд закончился. Была произведена разведка. Было сделано предупреждение, на которое русские князья не обратили никакого внимания. Готовилось еще одно нашествие из глубин Азии, размах которого никто не мог себе представить. Ибо никто себе не представлял размеры империи,

завоеванной Чингис-ханом в течение двух десятилетий войн и побед. В год смерти Чингиса (1227) его владения расстилались от границ Кореи до Каспийского моря, включали значительную часть Китая, Среднюю Азию, Афганистан, Персию. Границы степной империи непрестанно расширялись. Бич Божий, как называли Чингис-хана современники, составил конкретные планы завоевания мира.

Ренс Груссе пишет, что Чингис-хан резюмирует 12 веков нашествий степных кочевых народов на оседлые цивилизации — ни один из его предшественников не оставил после себя такой страшной репутации. Историк характеризует великого завоевателя: «Он воздвиг террор в систему управления, а резню населения в методический институт»[1]. Добавляя при этом; «В рамках своего образа жизни, своей среды и расы, Чингис-хан представляется нам человеком вдумчивым, обладающим твердым здравым смыслом, удивительно уравновешенным, умеющим слушать, верным другом, щедрым и отзывчивым, несмотря на суровость, обладающим подлинными административными талантами, если понимать под этим управление кочевыми, а не оседлыми народами»[2].

Можно бы сказать, что французский историк упрекает хана монголов, что он жег города и вырезал жителей, сопротивлявшихся его армиям. И для этого, как свидетельствуют многочисленные свидетельства, имелись все основания. Но кто не делал этого в XII и XIII вв.? Как на востоке, так и на западе уничтожение врага — городов и населения — было общепринятым, традиционным способом войны. Несомненно также, что террор был одним из инструментов психологического воздействия на противника, которым монголы великолепно пользовались. Рассказы об их зверствах ослабляли волю к сопротивлению еще непокоренных народов.

Администрация монгольской империи, которую создал Чингис, была, прежде всего, военной организацией. Кочевое государство представляло собой армию на марше. Хан был неограниченным властелином, который избирался войском на курултае. Всеобщее равенство выражалось в том, что все одинаково подчинялись хану. Судебная власть — яса (закон) — была отделена от ханской, ибо он мог требовать соблюдения закона, но не его нарушения. Армия делилась на десятки, сотни, тысячи, воины должны были служить с 14 до 70 лет. Для обеспечения порядка была создана десятитысячная гвардия. Железная дисциплина была основным законом — за ее нарушение было два наказания: смертная казнь и ссылка в Сибирь.

Прочность этой организации подтвердилась после смерти основателя империи. Раздел владений между сыновьями был произведен на курултае в 1229 г. Преемником Чингиса стал третий сын — Угедей.

В 1235 г. курултай, собравшийся по традиции в столице империи — Каракоруме, основанной на р. Орхон, в родных местах Чингис-хана, принял решение о начале мировой войны. Монгольские армии были двинуты в трех направлениях: в Южный Китай и Корею; в Персию и Закавказье; в сторону русских земель. Во главе третьей армии был поставлен Батый, сын умершего до смерти отца старшего сына Чингиса — Джучи. Непосредственное командование войсками было поручено Субэдэю, воевавшему в Руси в 1223 г. на р. Калке.

Батый получил 30 тыс. воинов — 4 тыс. монголов и примерно 25 тыс. татар, одного из покоренных степных племен. Русский историк пишет: «Господство у нас Чингисидов можно назвать игом монгольским, так как династия была монгольского происхождения, но можно назвать и татарским игом, потому, что подавляющую массу завоевателей составляли татары; можно назвать и игом монголо-татарским»[3]. Войско, выделенное Батыю (столько же получили другие наследники), должно было служить завоеванию территории, полагавшейся Джучи, а поскольку он умер — его сыну. Джучиев улус, как стали называть владения, завоеванные Батыем, включал степи к востоку от Иртыша, в том числе богатый Хорезм, а также все земли к западу от Волги, которые будут добыты.

Первый удар армии Батыя был нанесен по волжским булгарам в 1223 г. Джебе и Субэдэй понесли здесь единственное поражение. У монголов была длинная память: захватив столицу — Великий город — они уничтожили всех жителей до единого. В это время, как записал летописец, великий князь владимирский Юрий справлял свадьбу двух своих сыновей, не понимая нависшей опасности.

В конце 1237 г. Батый переходит Волгу — начинается вторжение на территорию Руси. Рязанские князья, отказавшись покориться и уплатить дань — десятину, — решили сопротивляться. Помощь, которую они просили у Михаила Черниговского и Юрия Владимирского, не пришла. Осажденная Рязань держалась пять дней и пала на шестой. Погибли все воины и воеводы, город был разрушен, жители убиты. Следом пали и другие города. Только дым и пепел можно было увидеть на Рязанской земле — записано в летописи.

Не смогла защититься и Владимирская земля — в феврале 1238 г, сожжены Москва, а также главные города княжества — Суздаль и Владимир. В сражении на р. Сити суздальская дружина под водительством князя Юрия была совершенно разгромлена, князь убит. Татары двинулись на запад — взяли и разрушили Тверь, Ярославль и продолжали движение к Новгороду. Не доходя сотни километров, они повернули обратно. Возможно, татарской кавалерии помешали болота и леса, трудно проходимые весной, возможно — новгородские купцы откупились.

В 1238 г. армия Батыя отдыхала в низовьях Дона и Волги. В 1239 г. татары разорили южную Русь — Чернигов, Переяславль, в декабре 1240 г., после отчаянного сопротивления был взят Киев и почти целиком разрушен. Затем пришла очередь Галицкого княжества — князь Даниил (как Михаил Черниговский до него) бежал в Венгрию, главные города галицко-Волынской земли были разрушены. В начале 1241 г. монгольские войска разделились: одна армия пошла на Польшу, вторая (во главе с Батыем и Субэ-дэем) — на Венгрию. «Впервые, — пишет немецкий историк, — вся Азия была объединена, в то время как Европа, раздираемая сильными течениями, была разъединена, раскрошена, разложена на тысячи антагонистических сил»[4]. Первая монгольская армия, перейдя 13 февраля 1241 г. Вислу, овладела Сандомиром, разбила польскую армию под Хмельником, подошла к столице Кракову. Польский князь Болеслав IV бежал в Моравию, оставленный жителями город татары сожгли. 9 апреля собранная наспех польским князем Генрихом Силезским армия, состоявшая из немецких, польских, славянских рыцарей, была наголову разбита и почти целиком уничтожена монгольской кавалерией в сражении под Лигницей. Заняв Бреславль, первая монгольская армия повернула на юг и через Моравию и Словакию вышла на венгерскую равнину, где встретилась на р. Тисе со второй главной армией, которая находилась в Венгрии, проникнув через Карпаты, со стороны Галицкого княжества и Молдавии. Объединенные монгольские войска под командованием Субэдэя разгромили мадьяр 11 апреля 1241 г.

На Рождество монголы переходят по льду Дунай и захватывают Пешт. Венгерский король Бела V бежит к Адриатическому морю. Субэдэй посылает в погоню отряд, который доходит до Сплита и Дубровника. Тем временем Батый подходит к Вене. Объятая ужасом Европа готовится к обороне. Немецкий король Конрад объявляет в мае 1241 г. в Эсслингене внутренний мир и призывает к крестовому походу против татар. Их имя произносится «тартар», как преисподняя, в них видят исчадия ада.

На далеком Западе Батый получил известие о смерти великого хана Угедея, занявшего трон Чингиса. Предстояли выборы нового великого хана монголов, которые требовали личного присутствия Батыя в Каракоруме. Он приказывает своей армии возвращаться в приволжские степи. Поход был завершен. Его важнейшим результатом было включение Руси в Джучиев улус, в состав империи, которая охватывала в середине VIII в. огромное пространство — от Тихого океана до Адриатики, почти точно совпадавшее с пространством Евразии. На территории бывшей империи Рюриковичей воцаряется монгольское иго.

В народном сознании время монгольского ига — XIII—XV вв. — оставило четкую, однозначную память: чужеземная власть, рабство, насилие, своеволие. В памяти народа — татарин: это враг, неверный (басурман), чужой насильник. В 1969 г., в разгар советско-китайского конфликта, высшей точкой которого было вооруженное столкновение на берегах Уссури, Евгений Евтушенко в патриотическом стихотворении сравнил Мао с Батыем. Поэт предупреждал о «желтой опасности». «Владимир и Клев, вы видите — в сумерках чадных у новых батыев качаются бомбы в колчанах...» Колючие сорные травы в русском языке называются татарин, татарник.

Историки оценивают период монгольского ига иначе, с другой перспективы. Николай Карамзин, автор первой монументальной истории русского государства., констатируя, что нашествие Батыя «перевернуло Россию», настаивает на «благе, которым обернулось несчастье»: разрушение способствовало объединению. Княжеские междоусобицы могли продолжаться еще сто лет или больше и, в результате, привести к полной гибели страны. Николай Карамзин делает заключение: Москва обязана своим величием хану[5]. Сто лет спустя Василий Ключевский, виднейший историк своего времени, характеризует северно-русских князей XIII в.: «плохо помнили старое родовое и земское предание и еще меньше чтили его, были свободны от чувства родства и общественного долга. . Если бы они были предоставлены вполне самим собой, они разнесли бы всю Русь на бессвязные, вечно враждующие между собой удельные лоскутья». Но князья не были самостоятельными правителями — они были данниками татар. «Власть ордынского хана, — резюмирует историк, — давала хотя призрак единства мельчавшим и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей». Мастер афоризмов, Ключевский пишет: «Власть хана была грубым татарским ножом, разрезавшим узлы, в какие князья умели запутывать дела своей земли»[6]. С этим совершенно согласен Ал. Кизеветтер: «Внешнее влияние татарского ига... благоприятствует объединению князей»[7].

Трактовка ига принимает особую окраску в короткий период господства историков-марксистов в науке о прошлом. Осуждение национализма, в том числе и «великорусского шовинизма», признание «классовой борьбы» движущей силой истории позволили Милице Нечкиной, виднейшему советскому историку, писать: «Жестокости» и «зверства» татар, на описание которых русские историки-националисты не жалели самых мрачных красок, были в феодальную эпоху обычным спутником любых феодальных столкновений. Убийство пленных, ослепление, обращение в рабство и т.д. обычно сопутствовали и стычкам отдельных русских феодалов между собою». Историк-марксист обнаруживает, что «трудовое население покоряемых татарами земель зачастую рассматривало их в начале покорения как союзников в борьбе против угнетателей — русских князей и половецкой аристократии. Поэтому были случаи массовых восстаний, шедших навстречу татарским завоеваниям». Наконец, Милица Нечкина настаивает на «бесспорно огромном культурном влиянии, оказанном татарами на обычаи, юридические отношения, язык и быт русских»[8].

Историки XIX в. видели положительную сторону татарского ига — катализатора возникновения единого русского государства во главе с Москвой. Советские марксисты 20-х—начала 30-х годов находили в татарском нашествии аргументы, подтверждавшие их тезис о феодальном характере русского средневековья и классовой борьбе трудящихся с угнетателями в XIII—XIV вв., а следовательно, правоту учения Маркса. Георгий Вернадский, внесший значительный вклад в евразийскую теорию, считал, что «монгольское наследство облегчило русскому народу создание плоти евразийского государства»[9]. Русь, включенная в гигантскую монгольскую империю — от Тихого океана до Адриатики — получила, как бы, эскиз своего будущего, географическую карту своего потенциального распространения. Современный историк и этнолог Лев Гумилев, последовательный «евразиец», говорит даже о том, что «систему русско-татарских отношений, существовавшую до 1312 г., следует назвать симбиозом». Датой разрыва он считает год,

когда ислам стал государственной религией татар. Если принять эту несомненно спорную дату, то симбиоз продолжался три четверти века.

Слово «иго» — однозначно. Выражение «татарское иго» нуждается в определении, разъяснениях, комментариях. До сегодняшнего дня им пользуются в качестве оправдания отсталости, объяснения особого пути развития России. Алиби «татарского ига» оборачивается историческим счетом, предъявляемым Западу за его спасение от монгольского нашествия. Татарские зверства остались прочно в русском сознании. Летописные хроники страшных лет нашествия полны рассказов о жестокости, беспощадности «безбожных татар». Но в «Лаврентьевской летописи», например, рядом стоят две записи: «В тот же год татары взяли Переяславль Русский, и епископа убили, и людей перебили, а город сожгли огнем, и, захватив много пленников и добычи, отступили»; «В тот же год Ярослав пошел к Каменцу; он захватил город Каменец, а княгиню Михаила и большую добычу забрал с собой». Татары по отношению к русским действуют точно так же, как русский князь по отношению к сородичам.

Разрушения, причиненные татарами, потери б войне с ними сравнимы с разрушениями и потерями, которые были результатом междоусобных схваток. Характер «ига» определялся прежде всего демографией. Чингис-хан оставил в наследство старшему сыну Джучи все земли к востоку от Иртыша, куда может дойти монгольский конь. Сын Джучи Батый дошел со своими всадниками до Днестра и устья Дуная. Примерно 8 млн. обитателей Восточной Европы были покорены 30-тысячной конной армией. Современные историки отвергают сообщения современников о сотнях тысяч «диких язычников», сокрушавших все на своем пути. Главной силой монгол, их «атомной бомбой» был конь. Каждому всаднику нужно было три лошади — для смены и для багажа. Даже стотысячная армия (летописцы говорят о 250—300 тыс.) нуждалась в таком количестве лошадей, которых можно было прокормить только в некоторых регионах завоеванной империи. Первая битва русских и татар — на реке Калке — завершилась победой пришельцев и потому, что их малочисленность — 30 тыс. воинов — убедила многочисленное русско-половецкое войско в слабости врага; следовательно, не было нужды в совместных действиях всех собравшихся князей. Малочисленность монголов исключала оккупацию завоеванной территории.

Характер «ига» в значительной степени определялся также веротерпимостью монголо-татар. Их религия, «черная вера» была сложной самостоятельной системой, объяснявшей — как и все другие верования — внешний мир, природу, внутренний мир, дух человека, проявления того и другого мира. Великий хан Мункэ, как записал монах-минорит Уильям Рубрук, посетивший монгольскую империю в 1253—1254 гг., объяснял: «Мы, монголы, верим в Единого Бога, который на небе, волю его мы узнаем через прорицателей»[10]. Хан говорил о монгольской религии на диспуте, собравшем в его ставке мусульман, христиан и буддистов, которые свободно распространяли свои веры среди населения империи. Христиане играли в Великой степи значительную роль — это были несторианцы, которые крестили в 1009 г. кераитов, самый крупный в то время и самый культурный из монголоязычных народов Центральной Азии. Затем несторианство распространяется и среди других народов региона, также и среди туркоязычных народов.

Несторианская церковь возникла на 3-м Вселенском (Эфесском) соборе после присоединения православных христиан Сирии и Месопотамии к взглядам константинопольского патриарха Нестория (428—431), осужденным собором[11]. Несторианство распространилось в Персии, Средней Азии, Западном Китае, В XII в. только монголы оставались некрещеными. Но христианство пользовалось уважением, два сына Чингиса были женаты на христианках, в его ставке были воздвигнуты несторианские церкви. Сообщения летописей об уничтожении православных храмов в городах, захваченных татарами, не вызывают сомнений. Спорить можно о мотивах: монголы жгли храмы, ибо разрушая «плохой город», тот, который не сдался и сопротивлялся, жгли все здания; несторианцы, которых было в монгольской армии немало, уничтожали православные церкви,

ибо считали их «еретическими»; летописцы-монахи стремились подчеркнуть «безбожие» захватчиков тем старательнее, что татары оказывали русской церкви особое внимание, дали ей широчайшие привилегии. Г. Вернадский видел в татарах защитников русской веры[12].

Наконец, третья особенность «татарского ига» — система управления. Она ничем не напоминала, например, турецкого ига на Балканах. Монголы нигде в завоеванных землях не оставляли гарнизонов — что было невозможно в связи с их малочисленностью. Они всюду сохраняли местную власть. Монголо-татары практиковали непрямое управление завоеванными территориями. Их требования ограничивались двумя пунктами: признание хана верховной властью и уплата дани. Для сбора дани и наблюдения за подвластными территориями хан назначал своих представителей «баскаков». С конца XIII в., по мнению одних историков, с начала XIV в., по мнению других функции «баскака» стали выполнять русские князья, собиравшие со своих подданных дань для хана.

В 1243 г. Батый, возвращаясь из европейского похода, остановил свою армию на Нижней Волге — главном торговом пути Восточной Европы. Здесь вырос кочевой город Сарай — столица Джучиева улуса, который стали называть Золотой ордой. В монгольскую империю входили еще два улуса — сына Чингиса Чагатая: его владения охватывали Среднюю Азию, и внука создателя империи — Хулагу, который продолжал воевать, чтобы потом включить в свою территорию Туркменистан (до Аму-дарьи), Закавказье, Персию и арабские земли до Евфрата. Престол в Каракоруме пустовал второй год. Батый, в давней ссоре с наследником, сыном Угедея Гуюком, не ехал на курултай, отговариваясь плохим здоровьем. Делами в ханской ставке ведала старшая из вдов великого хана — Туракина.

Структура монгольской империи для русских князей означала, прежде всего, наличие двух центров власти; ближнего — в Сарае, дальнего — в Каракоруме. Первым среди русских князей понял это великий князь владимирский, сын Всеволода Большое Гнездо — Ярослав. Он отправился в Сарай, а сына Константина послал в Каракорум. Расстояние — понятие относительное. От Владимира до ближнего Сарая было 1250 км, до дальнего Каракорума — 4500 км. Поездка Ярослава вполне оправдала себя; Батый, как сообщает летопись, оказал князю великую честь и утвердил его великим князем всей Руси. Был ему отдан и Киев. Город был разрушен. Плано Карпини, проезжая через древнюю столицу, насчитал в ней не более 200 строений, он видел горы черепов и костей. Тем не менее, владение Киевом, который оставался центром митрополии, правда, в то время не имевшей митрополита, давало князю особый престиж,

Ярослав не поехал в Киев, а вернулся к себе во Владимир, подчеркивая, что столица «всей Руси» находится здесь. В древнюю столицу великий князь отправил наместника-воеводу.

Поездка Ярослава в Сарай была выбором политики, которая на века определит ход русской истории. После решения Владимира Красное Солнышко, выбравшего православие, после решения Андрея Боголюбского, отвергнувшего юг ради северо-востока, выбор, сделанный Ярославом, имел судьбоносный характер. Выбор Ярослава не был очевидным. Три великих княжества застало на Руси монголо-татарское нашествие; Владимиро-суздальское, черниговское, галицко-волынское. Не прекращавшиеся раздоры между ними были одной из важнейших причин слабости Руси. Владимиро-Суздальская Русь была ближе всего к татарам и сильно разорена, хотя, возможно, меньше, чем представили летописцы[13]. Галицко-Волынская земля пострадала меньше и находилась дальше от Сарая, гранича с Литвой, Польшей и Венгрией, которые не были включены в Джучиев улус. Сильнее всех пострадало Черниговское княжество, на этой земле стоял город Козельск, уничтоженный татарами со всем населением.

Ярослав не только первым явился в Сарай, он сумел убедить Батыя в желании быть верным вассалом могучего хана. Михаил Черниговский, не пришедший на помощь Козельску, бежал в Венгрию, потом в Польшу. Даниил Галицкий, знавший, что от него до Сарая по прямой 1750 км, обладавший 60-тысячным войском, которое в 1245 г. разбило

польско-русско-венгерскую армию в междоусобной войне за Галичину, не торопился к Батыю.

Решение Ярослава стало основой реальной политики потому, что выбор был сделан не только великим князем владимиро-суздальским, но также великим ханом Джучиева улуса. Батый решил опереться в своей русской политике на Владимир. В 1245 г. Батый вызвал к себе всех трех великих князей в Сарай — и они явились. Ярослав уже знал правила церемонии явления перед лицом великого хана — прохождение между двумя огнями для очищения, поклон на юг — тени покойного Чингис-хана, коленопреклонение перед Батыем. Опытный политик Даниил Галицкий, вступавший в союз с языческой Литвой и католической Польшей или Венгрией, проделал все, что от него требовал монгольский обычай и был радушно принят ханом. Гордый Михаил Черниговский отказался кланяться тени Чингиса и был убит. Зверская казнь Михаила — одно из тяжких преступлений «злых татар» — остается невыясненной до конца. Советский историк, биограф Александра Невского, сына Ярослава, выражается загадочно: «Это было загодя задуманное убийство. Позднее православная церковь причислила Михаила к лику святых, а пока что суздальский князь убрал с пути одного из главных своих соперников»[14].

Покровительство Батыя было необходимым условием приобретения права на княжеский стол. Татары не изменили системы власти на Руси, они сохранили существовавший политический строй, взяв себе право назначать князя. Каждый русский князь — ханы никогда не выходили за пределы династии Рюриковичей — должен был явиться в Сарай и получить ярлык на княжение. Лев Гумилев называет ярлык пактом о дружбе и ненападении, аргументируя это определение тем, что Батый посылал ярлыки правителям Рума, Сирии и других стран, зависимых от него. Другие историки, следуя за летописцами, определяют «ярлык», как ханскую грамоту, разрешающую князю владеть землями, которые ему принадлежат. Монгольская система открывала широчайшие возможности непрямого управления страной: все князья, не только великий князь, получали «ярлык» и, тем самым, имели доступ к хану. Эта «демократичность» превращала главу Джучиева улуса в арбитра междоусобных конфликтов, последней инстанцией: к нему являлись за грамотой на власть, с жалобами на родственников, с доносами. «Ярлык» гарантировал прочность монгольской власти лучше отсутствовавших гарнизонов.

Ставка Батыя в Сарае была вторым центром власти в империи. Столица находилась в Каракоруме. Грамота Батыя была необходима, но не гарантировала княжеский стол, если ее не подтверждал Каракорум. Это была дополнительная тягость, которая, одновременно, открывала русским князьям возможность лавировать между двумя центрами, использовать один против другого Монгольские ханы включались во внутренние русские дела, русские князья впутывались в монгольские. Это нередко вело к трагическим последствиям.

В 1245 г. регентша Туракина потребовала приезда великого князя Ярослава на утверждение в Каракорум. Ставленник Батыя, враждовавшего с Туракиной и ее сыном Гуюком, избранным императором (великим ханом), Ярослав не был утвержден главой Руси. Приглашенный в ханский шатер и накормленный «из собственной руки» ханши, Ярослав заболел и через семь дней умер. Он пережил своего соперника Михаила Черниговского всего на десять дней. В Каракорум был вызван сын Ярослава Александр, которого Туракина собиралась «жаловать землей отца». После смерти Ярослава великим князем стал его брат Святослав. Александр получил во владение Новгород, Переяславль и некоторые другие земли. Побывавший уже в Сарае, Александр оказался перед выбором; Батый или враждебный ему Гуюк, сын Туракины. Он выбрал Батыя и в Каракорум не поехал.

Ярослав был инициатором политики сотрудничества с монголами. Александр Невский продолжал эту политику с упорством и последовательностью государственного деятеля, который знает, чего он хочет, который ясно видит цель и идет к ней, используя при этом все доступные ему средства. Расчет на Батыя был деталью стратегии Александра. Властелин Джучиева улуса, который стали называть Золотой ордой, а затем его наследники

поддерживали владимиро-суздальских князей и взамен получили их поддержку. Но выбор этим не ограничивался. Ярослав, Александр, а за ним его потомки включились в геополитическую игру, в которой главными партнерами в середине XIII в. были две силы, католическая церковь, возглавляемая Иннокентием IV, победившим непримиримого врага папства императора Фридриха II Гогенштауфена и добившимся распада германской империи (1250— 1266), и монгольский улус наследников Чингис-хана, в 1260—1264 гг. расколовшийся на части (одной из них была Золотая орда).

Наличие двух сил дает возможности лавирования, если это силы враждебные, противостоящие, какими были папство и монголы. Главным элементом решения Александра был не выбор между Сараем и Каракорумом (хотя он очень важен), но между татарами и папством. Между Востоком и Западом. Русские князья, после того, как Батый прошел как смерч по русской земле и установил свою власть, свое иго, продемонстрировали три варианта реальной политики. Владимиро-суздальское княжество выбрало сотрудничество с победителями. В отличие от северо-востока юго-западная Русь — Галицко-Волынское княжество и его князь Даниил — искала компромисса, пыталась лавировать между татарами и Западом. Третьим вариантом было сопротивление, которое означало прежде всего тесный союз с папством. Михаил Черниговский, владевший короткое время Киевом, поставил митрополитом игумена Петра. После захвата Киева Даниилом Михаил бежал в Венгрию, но послал Петра на церковный собор, созванный в 1245 г. в Лионе Иннокентием. «Архиепископ Руси», как был представлен митрополит Петр, просил у собравшихся прелатов помощи против татар.

Бесспорным результатом этой просьбы была миссия 25-летнего францисканца Иоанна де Плано Карпини, отправленного папой в Сарай и Каракорум. Его отчет о поездке — «История монголов, именуемых нами татарами» — важный источник знаний о событиях и людях эпохи. Плано Карпини присутствовал на курултае 1246 г., оставил портреты русских князей — Ярослава, Даниила, Михаила, был свидетелем убийства князя Черниговского и смерти Ярослава Владимирского. Татары знали о планах Михаила, о посылке им Петра в Лион. Не исключено, что они знали о разговорах, которые Плано Карпини вел с Ярославом, согласившимся продолжить переговоры с курией.

Александр Невский не знал ни сомнений, ни колебаний. Программа сотрудничества с татарами была для него единственно возможной политикой. В числе причин, которые побудили Александра Невского выбрать ее, было острое ощущение западной опасности. Ребенком он приехал вместе с отцом князем Ярославом в Новгород. 16-летним юношей стал князем-наместником купеческой республики. Когда ему исполнилось 20 лет в 1240 г., Александр разбил на Неве шведских крестоносцев — 5 тысяч воинов, прибывших на ста судах. В 1240 г. татары захватили Киев, но для князя Новгородского главной угрозой был натиск, шедший с Запада. В 1242 г. Александр одерживает знаменитую победу на Чудском озере: на этот раз он громит армию Ливонского ордена.

В 1937 г. Сергей Эйзенштейн пишет сценарий[15] для своего будущего фильма «Александр Невский». Князь новгородский объясняет народу свою политическую линию: «С монголом подождать можно. Опаснее татарина враг есть... ближе, злей, от него данью не откупишься — немец»[16]. В фильме Эйзенштейна Александр Невский излагает стратегию Сталина в 1937 г.: на западе — опасность немецкая, на востоке — японская. В момент выхода фильма — «немец» был опаснее. Два года спустя — «Александр Невский» был снят с экрана — вчерашний враг стал союзником. Но рассуждения о степени опасности двух врагов могли быть актуальными в XIII в. Александр имел основания считать «немцев», как называли независимо от национальности пришельцев с Запада, угрозой более страшной, чем татары. Крестоносцы оккупировали захваченную территорию, чего не делали татары, строили на ней крепости, города — забирали землю. Крестоносцы, «псы-рыцари», как любил их называть Маркс, обращали покоренное население в католичество, отличаясь и этим от веротерпимых татар.

Была еще одна причина, объяснявшая выбор Александра. Сын Ярослава и внук Всеволода Большое Гнездо, Александр унаследовал крутой характер и волю к самодержавной власти. Много раз он вступал в конфликт с новгородцами, любившими князей покладистых, но вынужденных обращаться к победителю шведов и меченосцев, когда внешняя опасность грозила городу. Едва проходила угроза, они старались от князя — властолюбивого, крутого — избавиться. Появление татар и выбор Александра значительно ограничили возможности «Господина Великого Новгорода» — его зависимость от владимиро-суздалъских князей усилилась.

Советский историк убежденно пишет: «Галицкие бояре были наиболее реакционной силой на Руси». Для него очевидно: реакционны, ибо «несли племенную раздробленность», были против сильной централизаторской власти князя. В борьбу между галицкими боярами и волынскими князьями включаются соседи юго-западной Руси: венгры, поляки, папская курия и императорский двор. Враждующие силы ищут союзников на католическом Западе, в свою очередь разорванном на части войной гвельфов и гиббелинов, папы и императора. Юго-Западная Русь, прежде всего Галицко-волынское, а также Черниговское княжества становятся в оппозицию к Орде. В 1254 г. Даниил Волынско-Галицкий получает от папы королевскую корону — становится королем Малой Руси. На него возложена задача борьбы с татарами.

В 1250 г., после долгого пребывания в Орде, куда поехали сыновья Ярослава Александр и Андрей, — они побывали и в Сарае, и в Каракоруме — братья вернулись на родину с княжескими ярлыками. Батый поддерживал Александра, но враждебная правителю Золотой орды ханша Огул-Гамиш, регентша на троне Чингиса, решила иначе. Власть над Киевом и всей Русью была отделена от великокняжеского титула Владимиро-Суздальского. Младший брат Андрей получил ярлык на Владимиро-Суздальские земли, Александр был утвержден великим князем. Возникла сложная, чреватая конфликтами ситуация. В руках Александра были Новгород, Клев и наследственные города Переяславль и Дмитров. Это значило, что Андрей подчинен ему. С другой стороны Новгород зависел от Владимиро-Суздальской земли, что означало подчинение Александра Андрею.

Брак Андрея с дочерью Даниила Галицкого означал создание союза между Владимиром и Галичем. К ним присоединился другой брат Александра Ярослав, правивший в Твери. Сигналом к повороту исторического колеса стали события в Каракоруме. При решительной поддержке Батыя ханша была свергнута, великим ханом избрали Мунке. Александр Невский отправляется в Сарай и получает звание великого князя всея Руси. Это значит, что в 1252 г. 32-летний сын Ярослава становится одновременно великим князем Владимиро-Суздалъским, Новгородско-Псковским и Полоцко-Витебским. И получает, таким образом, средства для своей политики.

Поддержка Батыя не ограничилась дарованием ярлыка Александру. Русские историки по-разному излагают обстоятельства, связанные с его возвышением. Биограф великого князя пишет туманно: «Еще не возвратился Александр во Владимир, а Батыи уже двинул на Русь две рати — воеводу Неврюя во Владимирско-Суздальскую Русь, а воеводу Куремсу — в Галицко-Волынскую»[17]. Установив алиби великого князя, биограф тем не менее замечает: «Батый знал, что князья-союзники (т.е. князья Владимира, Галича и Твери — *М.Г.)* откажутся признать верховную власть Александра». Легко сделать вывод о причинах и следствиях. Биограф князя Андрея, бежавшего из Владимира в Швецию, формулирует их совершенно ясно: «В 1252 г. Александр съездил на Дон, к Сартаку, сыну Батыя, управлявшему тогда ордой, с жалобой на Андрея, что тот не по старшинству получил великокняжеский стол и не сполна платил хану выход. Вследствие этой жалобы Александр получил ярлык на великое княжение, а против Андрея были двинуты татарские полчища под начальством Неврюя»[18]. Современный историк не оставляет места экивокам: «В 1251 г. Александр поехал в орду Батыя, подружился, а потом побратался с его сыном Сартаком, вследствие чего стал приемным сыном хана и в 1252 г. привел на Русь татарский корпус с

опытным Неврюем. Андрей бежал в Швецию, Александр стал великим князем, немцы приостановили наступление на Новгород и Псков»[19].

Набег Неврюя, страшный своей разрушительной яростью — летописи зарегистрировали ужасы: увод населения в рабство, грабежи, насилия, пожары — засвидетельствовал поддержку Александра могущественной ордой. В 1248 г. легаты Иннокентия IV привезли папскую грамоту князю Новгородскому Александру. Основываясь на рапорте Плано Карпини, беседовавшего в Каракоруме с Ярославом, папа предлагал переход в католичество и помощь против татар. Александр ответил отказом: «...а от вас учения не приемлем».

В числе причин выбора Александра — татары, а не немцы — было и понимание иллюзорности папских обещаний о помощи. 1252 г. подтвердил правоту Александра. В то время, как Неврюй наказывал недовольных татарами князей и разорял Владимиро-Суздальскую Русь, на Галицко-Волынскую Русь, против князя Даниила была двинута рать нойона Куремсы. Вместе с татарами шел смоленский полк — Смоленск был в зависимости от Суздаля. Запад Даниилу Галицкому не оказал никакой помощи, что не помешало ему отбиться самому, демонстрируя возможность побед над татарами и тщетность надежд на помощь. В 1260 г. командующий татарским корпусом, действовавшим на юго-западе, был заменен. Под водительством Бурундуя татары двинулись на Польшу через галицко-волынские земли, потребовав от Даниила участия в набеге на христианских соседей. Князь вынужден был согласиться — тем не менее, главные оборонительные сооружения крупнейших городов, недавно отстроенных и укрепленных, были целиком разрушены. Галицко-Волынская Русь вошла в состав татарских владений.

Утвердившись на великокняжеском столе во Владимире, Александр приступил к реализации мечты деда и отца — укрощению Новгорода. За Владимир Александр боролся с братом Андреем, за Новгород ему пришлось схватиться с братом Ярославом, князем тверским. Новгородские бояре, не любившие и боявшиеся властного победителя шведов и крестоносцев, прогнали сына Александра Василия и пригласили его брата Ярослава. Великий князь владимирский «со многими полки», как сообщает летопись, двинулся на мятежную республику. Новгородцы, устрашенные возможностью вторжения владимиро-суздальской рати, после недолгого колебания согласились с требованиями Александра: сменили посадника, приняли на княжеский стол Василия. Александр добился главного: личный и недолговечный суверенитет разных русских князей (суздальских, черниговских и других) сменился постоянным суверенитетом владимирского князя. Князь, входивший на владимирский престол и утвержденный на нем Ордой, становился князем и в Новгороде.

Это означало усиление авторитета владимиро-суздальского князя, расширение его власти, но это означало также распространение авторитета Орды на новгородские земли, не завоеванные татарами военным путем. В 1257 г., когда новгородцы взбунтовались против уплаты дани татар и сумели привлечь на свою сторону князя Василия, сына Александра, великий князь лично подавил бунт. Василий был схвачен в Пскове и отправлен во Владимир, зачинщики антитатарского бунта были жесточайшим образом наказаны: им отрезали носы, ослепили.

Волнения в Новгороде были наиболее сильным выражением общего недовольства татарскими поборами, которые с 1257 г. стали взиматься, как налог с жилища, с огня Пушкин справедливо говорил, что татары не были похожи на мавров: завоевав Россию, они не принесли ни алгебры, ни Аристотеля. Великий поэт мог бы сказать, что вместо алгебры и Аристотеля завоеватели принесли эффективную финансово-административную систему. Поход Батыя был завершен в 1240 г., но более 15 лет монголы ограничивались подарками, привозимыми русскими князьями в Сарай и Каракорум, при случае — грабежами. А между тем, в империи уже действовала налоговая машина. В 1230 г. глава гражданской администрации завоеванного монголами Китая Елюй Чуцай сказал великому хану Угедею, наследовавшему трон Чингиса: «Империя была завоевана верхом на коне, но управлять ею с

коня невозможно»[20]. Член царского дома киданей, степного народа, покоренного китайцами, Елюй Чуцай перешел на службу к монголам. Предложенная им реформа, которую он провел, будучи назначенным канцлером империи, превратила военную монархию в бюрократическое государство. Он ввел понятие государственного бюджета и убедил Угедея, что экономически выгоднее не убивать население взятых штурмом городов (монгольская военная доктрина предусматривала истребление всех жителей города, который не сдался до того, как начали действовать осадные орудия), а брать с них налог.

Финансово-бюджетную реформу Елюй Чуцай начал с обложения налогом монголов. Начиная с 1231 г., имперский народ должен был платить прямой однопроцентный налог — подушную дань. Может быть удивительнее всего в системе канцлера было более легкое налоговое обложение завоеванного в 30-е годы XIII в. китайского населения. Объяснив великому хану, что слишком тяжелый налоговый пресс побудит население разбежаться и таким образом нанесет ущерб казне, Елюй Чуцай обложил китайцев с огня, с жилища.

Население русских земель также было обложено с жилища, т.е. легче, чем монголы. Подготовкой к введению налоговой системы на Руси стала перепись населения, «число». К этому времени уже были переписаны Китай, Иран. Александр Невский, великий князь, должен был обеспечить беспрепятственную перепись. В Новгороде, подавив сопротивление «числу», он подтвердил неуклонную верность своей политике.

Кроме денежной подати, добавлялась ямская повинность: обеспечение подводами и лошадьми ямской службы — почты, соединявшей воедино гигантскую империи сетью постоялых дворов — ямов. Для сбора дани татары создали военно-политическую организацию. Наместники хана — баскаки — были посланы во все земли, им подчинялись военные отряды, в значительной части из местного населения. Присутствие баскаков обеспечивало своевременную уплату налога. Бунты, вспыхнувшие в крупнейших городах Владимирской Руси — Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле — были направлены против мусульманских ростовщиков — «бесерменов», — которым великий хан Хубилай, внук Чингиса, унаследовавший императорский трон, передал на откуп сбор русской дани. Откупщики злоупотребляли силой и нарушили привычные нормы «баскаческой» системы. «Бесермен» превратился в «бусурманин»: слово стало обозначать в русском языке всех неверных, прежде всего — мусульман.

Некоторые историки считают, что убийства ростовщиков — сборщиков дани были организованы по инициативе Александра, воспользовавшегося конфликтом, возникшим между ханом Золотой орды Беркаем и центральным правительством[21]. Александр поехал в Сарай: сбор дани, «выхода», перешел в руки русских князей. Вскоре — уже после смерти великого князя — было отменено баскачество. В русский язык навсегда вошли финансовые термины татарского происхождения: казна, казначей, таможня (тамга), кабала (долговое рабство), кабак (заведение, имеющее разрешение на продажу спиртного), даже слово «деньги» и обозначения монет: копейка, алтын. На долгие века сохранилась на Руси монгольская налоговая система, равной которой не знала феодальная Европа.

В 1252 г. Александр возвращался из Сарая, получив ярлык на великое княжение. Летопись зарегистрировала: «Прибыл от татар великий князь Александр в город Владимир и встретили его с крестами у Золотых ворот митрополит, и все игумены, и горожане и посадили его княжить на столе отца его Ярослава, и была велика радость в городе Владимире и во всей Суздальской земле».

Присутствие митрополита не было формальным знаком уважения. Кирилл II, канцлер Даниила Галицкого, был назначен на митрополичий престол, после того, как Даниил получил в Орде ярлык на Киев. Кирилл отправился за утверждением к патриарху в Никею, но вернулся не в Киев, а во Владимир. Глава русской православной церкви свидетельствовал этим, что Киев потерял свое место центра духовной власти. Престол митрополита всея Руси переместился на северо-восток, туда, где правил великий князь всея Руси. Ярослав первым получил от Батыя ярлык на титул, заимствованный у митрополита.

Кирилл II, встречая Александра Невского, выражал полное одобрение политике великого князя всея Руси. Церковь безоговорочно поддержала выбор Александра, его тактику полного сотрудничества с татарами. Церковь имела для такого отношения полное основание. Прежде всего, по своим обычаям, татары проявляли полную веротерпимость: они не мешали распространению православия, они не вмешивались в назначения на церковные должности. Более того — церковь была освобождена от всех даней и поборов. Митрополиты получали, как и князья, ярлыки, ханские грамоты, освобождавшие от даней, пошлин и повинностей все черное монастырское духовенство и все белое приходское духовенство, группировавшееся вокруг церквей с клирами и зависимыми от церкви людьми, населявшими дворы при храмах. Оскорбление русской веры наказывалось смертной казнью. В 126] г. хан Берке, принявший ислам, разрешил тем не менее учредить в Сарае епископскую кафедру. Православные, жившие в Орде, имели таким образом своих священников, которые имели право обращать в русскую веру обитателей Сарая.

Привилегированное положение церкви обеспечивалось и тем, что митрополит имел, как и князья, прямой доступ к хану. Это давало ему возможность влиять на политику: слово митрополита могло сменить ханский гнев на милость, или наоборот. Князья были заинтересованы в поддержке церкви. В русских церквях молились за «вольного царя», как называли хана, перенеся на него титул византийского императора, который потом примет великий князь московский. Получив ярлык «вольного царя» от хана, митрополит был независим от князя.

Русская церковь использовала свое положение для обогащения, для своего усиления, но также для распространения и укрепления идеи единства Руси. Она была воплощением этого единства в условиях, когда, по словам Василия Ключевского, только «власть хана давала хотя признак единства мельчавшимся и взаимно отчуждавшимся вотчинным углам русских князей»[22]. Историк имеет в виду продолжавшееся дробление княжеских владений; после нашествия число княжеств удвоилось — на северо-востоке их стало 18. Татары не возражали против умножения числа княжеств — это открывало дополнительные возможности интриг и обогащения за счет просителей, но в то же время предпочитали иметь одного более сильного князя в качестве главного своего представителя на Руси. Поддержка этого князя митрополитом, церковью была в интересах татарской политики. Ироничный Ключевский пишет, что ордынские ханы не навязывали Руси своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали «в порядок там действовавший... потому, что в отношениях между тамошними князьями нельзя было усмотреть никакого порядка».

Единая церковь была важнейшим фактором единства Руси — хранительницей веры и языка, связывавших воюющие между собой княжества. Поэтому защита веры, защита православия была для церкви главной задачей. Тем более что она видела страшную опасность — антиправославный «крестовый поход, шедший с Запада». Перед лицом этой — смертельной, как считала церковь — угрозы веротерпимые татары становились союзниками. Георгий Вернадский идет в своих размышлениях до логического конца и называет хана «защитником православной веры». Поэтому вклад Александра Невского в русскую историю он рассматривает, как два подвига великого князя: «Александр Невский, дабы сохранить религиозную свободу, пожертвовал свободой политической, и два подвига Александра Невского — его борьба с Западом и его смирение перед Востоком — имели единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа»[23].

Проповеди владимирского епископа Серапиона — одно из высших достижений литературы XIII в. — образец нравоучительной, воспитательной деятельности в условиях иноземного ига. Архимандрит Киево-Печерского монастыря до 1274 г., Серапион приехал во Владимир вместе с митрополитом Кириллом. Первое из поучений Серапиона было написано около 1230 г., т.е. до нашествия Батыя, пятое «слово» примерно 40 лет спустя. Первое — полно предчувствий надвигающейся катастрофы, ожиданий страшного, которое кажется

проповеднику неминуемым, ибо внутреннее неблагополучие разъедает Русь. Когда несчастье пришло, Серапион видит в нем выражение гнева Божьего. Татары — это бич Божий. Серапион рисует ужасные картины: «Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупьем на землю? Не уведены ли женщины наши и дети в полон? Не порабощены ли были оставшиеся горестным рабством неверных? Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш, и всласть хлеба своего наесться не можем, и стенания наши и горе сушат нам кости». Кто же нас до этого довел? — спрашивает проповедник. Его ответ: «Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша». Это они вызвали гнев Божий.

Бичуя в обличительном пафосе грехи и пороки православных, Серапион неожиданно противопоставляет им, представляет в качестве образца, завоевателей: «Даже язычники, Божьего слова не зная, не убивают единоверцев своих, не грабят, не обвиняют, не клевещут, не крадут, не зарятся на чужое, никакой неверный не продаст своего брата... мы же считаем себя православными, во имя Божье крещенными и. заповедь Божью зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия: братии своих мы грабим и убиваем, язычникам их продаем; доносами, завистью, если бы можно, так съели бы друг друга, но Бог охраняет!»[24].

Смелость сравнения — противопоставление недостойных православных достойным «язычникам», «неверным», — свидетельствовала о глубине нравственного падения покоренного народа и силе церкви, сознававшей свою роль духовного учителя. Авторитет церкви в это время был несомненно значительно выше авторитета княжеской власти. И это хорошо понимал Александр Невский.

Автор «Жития» подчеркивает, что Александр Невский «любил священников и монахов, и нищих, митрополитов же и епископов почитал и внимал им, как самому Христу»[25]. Если даже отнести эти слова за счет естественного преувеличения, необходимого в жизнеописании святого, политика великого князя по отношению к церкви была однозначной. Его отец, Ярослав, не считался с епископами, открыто посягал на церковные земли. Александр раздавал земли, деньги, расширил права церковного суда, одаривал храмы.

Сергей Эйзенштейн намеревался закончить фильм смертью Александра, возвращающегося из Орды. Сталин, прочитав сценарий, отверг печальный финал, написав резолюцию, такой хороший князь не может умереть. Сталин не обладал абсолютной властью над прошлым. 14 ноября 1263 г. Александр Невский, возвращаясь из четвертой поездки в Сарай, умер. «Зашло солнце земли Суздальской!», объявил митрополит Кирилл в надгробном слове. Смерть 43-летнего князя после длительного пребывания в Орде не могла не вызвать подозрений у современников. Тем более, что умерли отравленными его отец, братья, дальние родственники. Как правило, татары убивали русских князей по наущению братьев и племянников. Опасность грозила не только со стороны татар. Лев Гумилев, отмечая, что в 1263 г. был зарезан — тоже в 43-летнем возрасте — литовский князь Миндовг, полагает, что это работала «немецкая агентура»[26] Александр и Миндовг заключили союз против Тевтонского ордена. И, следовательно, по мнению историка, рыцари хотели от них избавиться.

Итог жизни и деятельности святого Александра Невского подвести нетрудно, ибо по отношению к нему царит редкое единодушие русских историков, Сергей Соловьев, автор монументальной 29-томной «Истории России с древнейших времен», однозначен: «Соблюдение русской земли от беды на востоке, знаменитые подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видный историческим лицом в нашей древней истории от Мономаха до Донского»[27]. Сбережение Руси от татарской беды и защита веры и земли от врагов с Запада — это те самые «два подвига Александра Невского», о которых будет писать Г. Вернадский через три четверти века после С. Соловьева. Историки полностью согласны с автором «Жития Александра Невского», который рассказывает о согласии, достигнутом русский князем с «царем Батыем»

и героических подвигах в битвах с «римлянами» на Неве, с немцами на Чудском озере. В числе подвигов Александра — ответ послам, которые пришли к нему от папы из великого Рима; «...от вас учения не примем»[28].

Николай Костомаров, историк-украинец, добавляет важные черты к портрету Александра: «Посещение монголов должно было многому научить Александра и во многом изменить его взгляды. Чрезвычайная сплоченность сил, совершенная безгласность отдельной личности, крайняя выносливость, — вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания — качества, совершенно противоположные свойствам тогдашних русских... Чтобы ужиться теперь с непобедимыми завоевателями, оставалось и самим усвоить эти качества. Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считая себя вправе жить на счет побежденных, не думали насиловать ни веры их, ни их народности. Напротив того, они показывали какую-то философскую терпимость к вере и приемам жизни побежденных, но покорных народов». Терпимость татар, управлявших завоеванными землями через местных правителей, поощряла усиление местной власти, ограниченной только дальним присутствием хана, но в то же время опиравшаяся на него.

Советский биограф Александра Невского заключает: «Он — родоначальник московских князей, политики возрождения России»[29]. Центральное положение Александра в истории Древней Руси выражено как нельзя более красноречиво на генеалогической карте: внук Владимира Мономаха, он был дедом московского князя Ивана Калиты. Значение политики победителя шведов и тевтонских рыцарей, побратима хана, выходит далеко за пределы генеалогии. В ней слились византийская «идея Мономаха» и монгольская «идея Чингиса». Быстро и смело реагируя на обстоятельства, не пренебрегая никакими средствами, идя против братьев и сына, когда они противились его политике, Александр использовал, приспособляя к условиям, опыт двух великих империй: византийской и монголо-татарской. Рождается русская политическая идея, вырабатываются константы, постоянные факторы русской политики на будущее.

Первый постоянный фактор — главный враг на Западе. Он действовал и в политике Киевской Руси. Он приобрел особую важность в эпоху Александра, когда угроза стала реальной, когда «натиск на Восток» выражался конкретно, жестоко и настойчиво в завоевательной стратегии «псов-рыцарей». Нашествие татар не было причиной распадения Киевской Руси — она была уже разорвана князьями еще до битвы на Калке. Точно так же еще только наметился разрыв между юго-западом и северо-востоком, Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынскои землями. Выбор — татары или немцы — стоял перед Даниилом Галицким и Александром Невским. Даниил выбрал запад и королевскую корону, Александр выбрал татар и титул князя всея Руси. Потомки, в первую очередь историки, могут оценивать этот выбор по-разному. Бесспорно одно: Галицко-Волынская Русь, один из важнейших центров русской земли, быстро потеряла свое значение и вскоре была поглощена Литвой, затем Польшей; северо-восточная Русь, Владимир, а потом Москва стали центром будущей России. Антизападная политика Александра, отнюдь не исключавшая интенсивных торговых отношений, в центре которых находился Новгород, была подтверждена в своей правильности прозападной политикой Даниила и братьев Невского.

Вторая константа — православие. Крещение по византийскому обряду, позднейший церковный раскол сделали православие важнейшим фактором русской настороженности, подозрительности, вражды к Западу. Впрочем, для тевтонских рыцарей, шедших походом на Восток с крестами, нашитыми на плащах, православные «схизматики» ничем не отличались от язычников: необходимо было огнем и мечом крестить и тех и других. Антизападная, антикатолическая православная церковь была прежде всего фактором русского единства, духовной силой народа, единственным авторитетом. Одновременно — наследница византийской церкви — она всегда была опорой князя. Идея цезарепапизма, системы отношений, в которых глава государства возглавляет и церковь, переходит из Константинополя в Киев, Владимир, чтобы восторжествовать в Москве. Ничего подобного

войне папства с империей Русь не знает. Русская история зарегистрировала лишь одну попытку — в XVII в. — главы церкви расширить свою власть за счет царской: конфликт между патриархом Никоном и Алексеем Михайловичем закончился полным поражением патриарха и стал одной из причин трагического раскола.

Третья константа — единовластие. «Идея Мономаха», представление о единовластном и полновластном самодержавном императоре пришла из Византии косвенным путем, в книгах, рассказах русских послов, греческих монахов. «Идея Чингиса» — ханского самовластия была приобретена и практической школе Сарая и Каракорума, русские князья видели воочию, что значит абсолютная власть монгольского «царя», «свободного царя», как говорится в русских летописях. В школе полного повиновения побежденные учились властвовать. Александр Невский был образцовым учеником: сделав подчинение завоевателям основой своей политики, он нещадно расправлялся со всеми, кто ей противился, покушаясь тем самым на его власть.

Школа самодержавия была одновременно и школой империи: единовластие требует расширения территории, т.е. создания империи, которая нуждается для своего сохранения в единодержавной власти. Византия и монгольское царство — служили наглядными примерами.

Выбор Александра Невского как бы поместил Русь (прежде всего, это касается северо-востока) в кокон, в котором будущая Российская империя смогла перейти в следующую стадию. Переход не был мирным: в коконе, если продолжать это сравнение, шла ожесточенная борьба за право стать куколкой. Междоусобная борьба русских князей не мешала земле развиваться в безбрежных границах монгольской империи, обретать административные навыки, расширять торговые связи, овладевать военным опытом в совместных походах с татарами. На территории Золотой орды царил имперский мир, нарушаемый только ссорами между русскими князьями, неизменно звавшими на подмогу татар, охотно приходивших, ибо получали возможность пограбить население.

После попытки Даниила Галицкого и Андрея, брата Александра Невского, организовать сопротивление татарам, русские князья кладут в основу своей политики как можно более тесное сотрудничество с ханом. Потому, что карательные походы Неврюя и Куремсы оставили кровавые следы, а также потому, что это сотрудничество соответствовало личным и государственным интересам. Лев Гумилев говорит о «системе этнического контакта», определяя его как «симбиоз»[30]. Развивая свою мысль до логического вывода, русский историк полагает, что в 1262 г., когда хан Золотой орды Берке порвал связь с центральным правительством монголов, обосновавшимся в Пекине и принявшим (в 1271 г.) китайское название Юань, это было «освобождением Восточной Европы от монгольского ига». Это было, настаивает евразиец Гумилев, «первое освобождение России от монголов — величайшая заслуга Александра Невского»[31]. Совершенно понятно, что если монгольский хан Берке освободил Россию от монголов, не было никакой необходимости сопротивляться «освободителям».

Русские историки — от Карамзина до Гумилева — более 250 лет осторожно или менее осторожно, ясно или намеками, вспоминая о жестокости нашествия и ига, о разрушении городов и пленении населения, отмечали использованные возможности, которые открылись для русских княжеств, включенных в Джучиев улус.

Одновременно более 700 лет коллективная память народа, русское сознание, выраженное в фольклоре и письменной литературе, совершенно однозначно видит в татарах врага, поганого, нехристя, воплощение зла, врага веры и православной церкви. В летописях, в литературных памятниках («Повесть о разорении Рязани Батыем» и других), в народных песнях, в исторических романах XIX и XX вв. воспеваются подвиги героев, воевавших с «нечестивыми», страдания мучеников, убиваемых монголами за непреклонность их веры. Евпатий Коловрат, легендарный богатырь, защитник Рязани, приведший в удивленное восхищение своими подвигами самого Батыя; князь Юрий Владимирский, потерпевший

поражение в битве с татарами на реке Сити, оказался с остатками своей дружины в невидимом граде Китеже, войти в который могут только чистые сердцем люди, не запятнавшие себя союзом с врагом; замученный в Сарае Михаил Черниговский — остаются большей реальностью, чем рассуждения историков. Не имеет значения сказочная фантастичность богатырских подвигов Евпатия Коловрата, не имеет значение характер подлинного Юрия Владимирского, отказавшегося помочь Рязани, окруженной татарами, забыта роль родичей в убийстве Михаила — они остаются героями сопротивления.

Свидетельства современников, записанные летописцами, пришли к потомкам, как правило, в поздних списках, переработанных и дополненных воображением. Они служат основой литературного изображения эпохи татарского ига. Важен и тот факт, что летописи и древнерусские литературные произведения писались монахами и священниками — духовенством, которое неизменно пользовалось благожелательным отношением монгольских властей. Резко отрицательное отношение к татарам в литературе было выражением их личных чувств, которые не совпадали с политическими интересами. На протяжении веков складывается два представления о татарском иге — два прошлых или двойственное отношение к прошлому: история событий и история воображенная, желаемая. Первая — идеальная, в ней живут чистые сердцем и духом герои, жертвующие собой за веру, родину, народ. Вторая — реальная, в которой действуют законы политики, настаивающие на том, что цель оправдывает средства, действуют три «константы Александра Невского».

Появление Москвы

Бог благословит тебя и поставит выше всех князей и распространит город этот паче всех других городов.

Митрополит Петр

Пророчество митрополита Петра, сделанное в первое десятилетие XIV в. московскому князю Ивану Калите, удивляет своим провидением потомков и, наверное, поразило современников. Всего полтораста лет назад летопись впервые упомянула маленькое поселение — Москву, куда владимирский князь Юрий Долгорукий, позднейший великий князь киевский, пригласил на «сильный обед» родственника. Хроникер счел необходимым отметить это событие, которое 800 лет спустя, по личной инициативе Сталина, будет торжественно праздноваться как год основания столицы великого государства Москва была затем одним из малых городов владимирского княжества и росла вместе с ним В 1299 или 1300 г. Владимир на Клязьме становится церковной столицей Руси — митрополит переселяется из Киева во Владимир. А несколько лет спустя митрополит Петр переезжает в Москву, где будет похоронен в 1325 г.

За полтора столетия власть московского князя, территория княжества и его авторитет выросли настолько, что позволили предвидеть дальнейшее неудержимое возвышение — по воле Божьей.

Причины возвышения Москвы продолжают оставаться предметом горячих споров историков и идеологов. Вес согласны с тем, что начало было как нельзя более скромным. После смерти Александра Невского великокняжеский стол наследует сын Дмитрий, но очень скоро другой сын — Андрей начинает безжалостную войну с братом.

Великий князь Александр оставил своим наследникам Владимиро-суздальскую землю, право на новгородский и псковский столы, ханский ярлык давал ему также

возможность использовать полки других князей. Это позволяло победителю Тевтонского ордена удерживать Карелию, Неву, Нарову — сохранять открытым путь к Балтийскому морю. Киевская Русь перестала существовать. Потерял значение Киев, отделились Смоленск и Галицко-Волынская земля. На Полоцк и Витебск предъявили претензии литовцы, нашедшие в князе Миндовге выдающегося лидера. Северо-восточная Русь усилиями Александра окрепла, пережив монгольское нашествие. Его сыновья сделали все возможное, чтобы разрушить страну.

После смерти в 1266 г. хана Золотой орды Берке, побратима Александра, в орде начинается смута, которую русские летописцы называют «замятия». Власть хана оспаривает знаменитый полководец Ногай, правнук Чингиса, выкроивший себе практически независимое от Сарая владение в северо-западном Черноморье (ногайские степи). Смута в орде, сильно ее ослабившая, была использована русскими князьями не для освобождения от «ига», но для сведения личных счетов. В начале 1280-х гг. начинается война братьев-сыновей Александра: она продлится полтора десятка лет. Андрей, князь Городецкий, решает отобрать великокняжеский стол у старшего брата Дмитрия Переяславского, нарушая завещание отца и порядок престолонаследования, строго соблюдавшийся в семье Рюриковичей. В 1281 г. Андрей отправляется в орду и убеждает хана Менке дать ему ярлык на Владимирский трон и войско, чтобы свалить законного князя Дмитрия. Другие князья, желавшие ослабления великого князя, усилившегося за счет богатого Новгорода, поддерживают Андрея. Татары, в сопровождении и под руководством русских князей, разоряют значительную часть Суздальской земли, разрушают Переяславль, стольный город Дмитрия, а до него — Александра Невского. Дмитрий призвал на помощь Ногая и, поддержанный татарами, разбил Андрея. Война, однако, продолжалась. Еще дважды — в 1285 и 1293 гг. — Андрей наводит на русские земли татар. В третий поход они грабят столицу княжества — Владимир и 14 других городов. На этот раз он добивается своего — занимает великокняжеский престол, вынудив брата отказаться от власти, и остается на нем десять лет.

Москва, управляемая младшим братом Даниилом, оставалась некоторое время в стороне от усобиц, усиливаясь за счет увеличивавшегося населения, искавшего спокойствие. Случаи приводит к нарушению спокойствия, началу долгой братоубийственной войны, которая становится толчком, выведшим Москву на историческую сцену. В 1302 г., в последний год жизни Даниила, бездетный племянник оставляет ему в наследство Переяславль. Это значительно усиливало Москву, чем был очень недоволен великий князь Андрей, обойденный наследством, которое по «порядку» полагалось ему. Но в 1304 г. он умирает. Еще более недоволен был тверской князь Михаил. Начинается схватка между Москвой и Тверью — первое испытание на пути к будущему.

Старший из пяти сыновей Даниила Юрий, наследовавший московский стол, энергичный и деятельный, твердо держится за Переяславль, население которого предпочитает его Михаилу Тверскому. Поддерживают Юрия и новгородцы, обиженные на Михаила, собиравшего с них — для татар, не забывая при этом и себя — очень высокую дань. Решить спор мог только Сарай. Юрий отправляется к хану просить ярлык на великое княжение. Сын Даниила, младшего сына Александра Невского, Юрий не имел права на великое княжение. Но «порядок» ломался все больше и больше. Появление татар усилило тенденции, которые возникли и неудержимо развивались в закатный период Киевской Руси.

Хан Тохта выбирает Михаила, который получает татарское войско для наказания непокорного Новгорода. Неудача не останавливает Юрия. Он расширяет московские пределы: удачным набегом на Смоленскую землю захватывает Можайск, отнимает силой у рязанского князя Коломну. В 1313 г., после смерти Тохты, ханом становится его племянник Узбек, правление которого (умер в 1341 г.) — один из самых блестящих периодов в истории Золотой орды. При нем ислам становится главной религией монголо-татар, но благосклонное отношение к другим религиям, прежде всего к христианству (как православию, так и

католицизму) сохраняется. Михаил Тверской отправился к Узбеку за подтверждением ярлыка на великое княжение, а в это время Юрий Московский занял княжеский стол в Новгороде без ярлыка. Вызванный в Сарай, он не только оправдывается, но завоевывает симпатию хана. Результатом двухлетнего пребывания Юрия в Орде был его брак с сестрой Узбека. Хан был женат на дочери византийского императора и, следовательно, московский князь вошел в самое высокое общество своего времени. В качестве приданого Юрий получил отряд татар, который повел на Тверь. За 40 верст от Твери 22 декабря 1317 г. князь Михаил разбил русско-монгольское войско и взял в плен ханского полководца и жену Юрия Кончаку, в крещении Агафью. В плену жена московского князя, сестра хана Узбека умирает. Летописцы полагают, что она была отравлена.

Юрий, спасшийся после разгрома, и его победитель Михаил были вызваны в Орду. Обвиненный в убийстве сестры хана, в непослушании, а также в том, что хотел бежать с казной к немцам, великий князь Михаил был казнен 22 ноября 1319 г. Юрий получил ярлык на великое княжение. Впервые московский князь стал великим князем. Княжество, в начале XIV в. самое незначительное из всех удельных владений на северо-востоке Руси, внезапно становится одним из ее центров. Положение московского князя еще неустойчиво. Тверь не желает отдавать то, что считает принадлежащим ей по праву — великое княжение. В 1322 г. Юрий, обвиненный тверским князем Дмитрием, что он утаил часть дани, собранной для хана, был вызван в Сарай. Дмитрий, прозванный «Грозные очи», вызванный также, собственноручно убил Юрия, мстя за отца. И был казнен ханом. Великое княжение было отдано младшему брату Дмитрия Александру, которого признавали князем новгородцы.

Великий князь Владимирский, Александр по обычаям времени, жил в своей отчине — в Твери. 15 августа 1327 г. тверичане поднялись по набату и перебили небольшой отряд татар, стоявший в городе. Летописцы по-разному излагают подробности. Рассказывают о том, что командующий отрядом (его называют по-разному: Чол-хан, Шевкал, Щелкай), двоюродный брат Узбека, вел себя с невыносимым высокомерием, рассказывают, что сигнал к восстанию был подан, когда татары повели со двора дьякона Дюдки молодую жирную кобылу. Татар Чол-хана перебили. Есть известия, что князь старался сдержать ярость жителей города.

Московский князь Иван, младший брат Юрия, четвертый сын Даниила, поспешил в Орду. Историк Москвы И. Забелин пишет: «На всю Русь надвигалась страшная гроза; хан высылал 50 тыс. войска. Опасаясь за себя, как и за всю землю, московский Иван... наклонил неизбежный удар исключительно только на Тверское княжество»[32]. Г. Вернадский расшифровывает иносказание: «Узбек поручил московскому князю Ивану Даниловичу наказать Александра Михайловича и тверичей. Калита получил в помощь сильное монгольское войско и «повоевал» Тверь. Князь Александр бежал в Псков, затем в Литву... Иван получил ярлык на великое княжение»[33].

Монгольское войско под началом московского князя жесточайшим образом разоряет тверскую землю, разрушает столицу княжества, берет в рабство жителей. Те, кто успевают бежать в леса, гибнут от мороза — карательная экспедиция проводится зимой 1328 г. Иван преследует Александра, желая доставить его на расправу хану. Псков отказался выдать нашедшего у них убежище Александра. Митрополит Феогност проклял псковичей и отлучил их от церкви за укрывательство преступника, нарушившего ханский закон. Иван подошел к городу с войском. Александр покинул Псков и убежал дальше — в Литву.

Правление Ивана — важнейший поворот в истории Руси. Титул великого князя остается навсегда в Москве. Он обеспечивается замечательным усилением материального и духовного значения княжества. Иван еще в молодости получил прозвище Калита, что означает денежный мешок, киса на поясе. Происхождение прозвища объясняется по-разному. Одни говорят, что оно возникло потому, что известный своим благочестием князь всегда имел с собой мешок медных денег, которые раздавал нищим. Другие считают, что прозвище подчеркивало важную черту характера — бережливость, переходящую в

скопидомство. Это качество проявлялось не только в бережливом отношении к деньгам, княжеской казне, но, прежде всего, в неутомимом собирании земель, присоединяемых к территории московского княжества. Иван Калита покупает три города (Углич, Белоозеро, Галич), села в Новгородской, Владимирской, Ростовской областях. Он переносит в Москву столицу великого княжества, сюда переезжает на жительство митрополит Петр, который перед смертью пророчествует: если Иван поставит церковь во имя Успения Богородицы, то Москва сделается объединительницей всех русских земель. Иван Калита заложил храм Успения, первую каменную церковь в Москве, 4 августа 1326 г. После смерти митрополита Петра его преемник утверждает пребывание митрополита в Москве, превращая ее в церковную столицу русской земли.

Политика тесного сотрудничества с Ордой дает результаты, о которых с понятным удовольствием рассказывает летописец: «Перестали поганые воевать Русскую землю, перестали убивать христиан; отдохнули христиане от великой истомы и многой тягости и от всех насилий татарских и с тех пор настала тишина по всей земле». Тщательно исправляя обязанности сборщика дани для хана, не забывая при этом и себя, Иван Калита обеспечил «тишину» в московском княжестве. В безопасный угол северо-восточной Руси начинает стекаться население, тем более, что Иван, как отмечает документ начала XV в., «исправи землю Русскую от татей», т.е. очистил территорию от воров, обеспечил спокойствие на дорогах и в городах.

Иван Калита завершает спор Москвы с Тверью. После десятилетнего пребывания в Литве тверской князь Александр является в Орду просить прошения у хана Узбека и разрешения вернуться на родину. Хан возвращает Александру Тверь. Московский князь приезжает в Орду с двумя сыновьями и, обещая верную службу не только свою, но и наследников, чернит как может недруга. Узбек вызывает Александра Тверского в Сарай и 29 ноября 1339 г. казнит его и сына Федора. Спор между Москвой и Тверью был решен.

Автор «Русской истории» К.Н. Бестужев-Рюмин, рассказывая о судьбе Александра и московско-тверском соперничестве, характеризует стороны: «Александр принадлежал к тому даровитому и мужественному роду князей Тверских, который упорнее всех других княжеских родов вел борьбу с князьями Московскими; борьба велась за преобладание, а не за какой-нибудь принцип; разница была не в цели, а в орудии, или скорее в ловкости и изворотливости; князья тверские были прямее Московских, а потому проиграли»[34].

Николай Карамзин, автор первой подлинной русской истории, говорит о 300 годах, минувших после смерти Ярослава Мудрого (1054), как о времени «скудном делами славы и богатом ничтожными распрями многочисленных властителей, коих тени, обагренные кровью бедных подданных, мелькают в сумраке веков отдаленных». Сергей Соловьев, крупнейший историк XIX в., величайший знаток письменных памятников XIII и XIV вв., резюмирует период коротко и выразительно: «Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего они мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, все тихо; все сидят запершись и думают думу про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча».

От вторжения Батыя до Ивана Калиты — с 1238 по 1328 г., в течение 90 лет на владимирском троне переменилось 14 князей. На каждого, следовательно, приходилось, примерно, 6 лет власти, но в действительности князья менялись чаще, ибо некоторые, теряя престол, потом на него возвращались. В других княжествах происходило тоже самое. Бедность исторических источников, сходство поведения и целей приводят к тому, что князья обезличиваются. Сергей Соловьев признается, что историку трудно различить на их бесстрастных лицах характерные черты, отличающие князей друг от друга. Князья северо-восточной Руси. — пишет Ключевский, «сидя по своим удельным гнездам и вылетая из них только на добычу и с каждым поколением беднея и дичая в одиночестве, постепенно отвыкали от помыслов, поднимавшихся выше заботы о птенцах». Историк констатирует, что

менее воинственные, чем их южнорусские предки, северо-восточные князья были «более варвары, чем те»[35].

В это время начинается возвышение Москвы. Выдвинуто множество объяснений важнейшего факта русской истории. В зависимости от взглядов ученого, от политических обстоятельств и моды в науке, предлагаются объяснения географические, политические, экономические, психологические. Все вместе они дают представление о событии, свидетельствуя одновременно о том, что размышления историков, их споры представляют собой важную часть прошлого, исторической материи.

Первое объяснение — географическое. Для большинства историков — это очевидно: Москва была очень хорошо расположена — в лесу, на перекрестке речных коммуникаций. Река Москва и ее притоки соединяли с верхней Волгой, Окой и верхним Днепром. Город лежал, следовательно, на путях из Чернигова во Владимир на Клязьме (с юга на северо-восток), а также — из Рязани на северо-запад в направлении Новгорода. Река связывала Москву и Рязань — путь был окружной, но прямой вел через непроходимый лес.

Положение на перекрестке торговых дорог давало московскому князю значительные экономические выгоды. География приносила и другие преимущества. Прежде всего — безопасность: прикрытая барьером соседних княжеств — Рязанским, Нижегородским, Ростовским, Ярославским, Смоленским — Москва терпела значительно меньше от вражеских набегов. В связи с этим население наплывало со всех сторон — в поисках убежища, спокойной жизни. Леса, богатые зверем, реки, полные рыбы, простор для колонизации — в свою очередь привлекали поселенцев. «В Москву, как в центральный водоем, со всех краев Русской земли, угрожаемых внешними врагами, стекались народные силы благодаря ее географическому положению» — так резюмирует Василий Ключевский один из важнейших, с его точки зрения, факторов превращения Москвы в сильнейшее русское княжество.

Это мнение вызывает возражения у других историков. Не отрицая значения географии, они отмечают, что торговое значение притоков Москва реки преувеличивается, что, например, Нижний Новгород и Тверь были не менее, если не более, важными торговыми центрами. Тверь, расположенная на Волге, реке несравненно более значительной, чем Москва, вела оживленную торговлю с господином Великим Новгородом, а через Смоленск — с Литвой. Москва стояла в лесу, но лес был всюду, к тому же вокруг Москвы он был менее богат живностью, чем в других местах.

Не вызывает единодушия и тезис об особой привлекательности Москвы как безопасного убежища и, следовательно, важного фактора ее усиления (быстрое увеличение численности населения). В XIII в. Тверь подвергалась татарским набегам трижды (1238, 1281, 1284), а Москва — дважды (1238, 1293). Разница не слишком велика, хотя Тверь была чрезвычайно ослаблена, а Москва быстро оправилась. Для татар, как справедливо замечают некоторые историки, не было проблемы доступности или недоступности. Монгольская кавалерия — если не зимой, то летом — доходила туда, куда посылал ее хан. Единственным критерием была политическая целесообразность с точки зрения планов Сарая.

Василий Ключевский включает в число факторов возвышения Москвы — психологический, как он выражается — генеалогический. Новый расположенный на окраине княжества город, Москва досталась при дележе наследства младшей линии Всеволода Большое гнездо. Московский князь не имел надежды добраться по длинной линии старшинства до великокняжеского стола. Правители Москвы должны были добиваться упрочения своего положения, богатства нетрадиционными способами, нарушая правила, пренебрегая «рядом», порядком старшинства. Поэтому «московские князья рано вырабатывают своеобразную политику, с первых шагов начинают действовать не по обычаю, раньше и решительнее других сходят с привычной колеи княжеских отношений, ищут новые пути, не задумываясь над политическими преданиями и приличиями». Ключевский называет первых московских князей «смелыми хищниками», «беззастенчивыми хищниками»[36].

В конце XII в., едва заложен был город, рождается народная присказка: «Москва на крови стоит». Выражение возникло в связи с тем, что владелец земли, на которой строится город, боярин Кучка, приближенный и родственник (по жене) Андрея Боголюбского, был организатором и убийцей князя. Можно говорить о пророческой точности присказки, ибо древнее Кучково поле лежало там, где позднее, много веков спустя, пройдет улица Лубянка и площадь Дзержинского. Но было бы несправедливо подчеркивать «кровавостъ» политики московских князей — она не выделялась особой жестокостью в жестокое время.

Важным фактором усиления Москвы стала ломка традиционного наследственного права, бывшего одной из причин распада Киевской Руси. Московские князья — начиная с Ивана Калиты — при разделе наследства всегда выделяют большую часть старшему сыну. Причем этот «излишек на старейший путь», как выражаются грамоты, становится постоянно все больше. Новый порядок встречает сильное сопротивление, ведет к беспощадным конфликтам, но постепенно старший наследник собирает в своих руках все больше земли и набирает все больше силы.

В комплексе многочисленных причин возвышения Москвы, каждая из которых имеет свое значение, главной была последовательная, неизменная политика сотрудничества с ханом. Выбор Александра Невского стал основой московской политики до дня, когда обретшая необходимые силы Москва смогла стряхнуть с себя «татарское иго». Единоборство Москвы с Тверью иллюстрирует значение политического фактора. Исследователи древнерусской истории признают, что нет никаких данных для того, чтобы считать других русских князей эпохи монгольского ига менее талантливыми, чем князья московские. Некоторые историки считают, что несколько поколений тверских князей выделялись своей инициативой, энергией, силой характера. А между тем они потерпели поражение. Прежде всего потому, что еще в начале XIV в. полагали возможной борьбу с татарами.

Политика сотрудничества с татарами обеспечивала Москве покровительство Сарая. Что еще важнее — она гарантировала неизменное покровительство православной церкви. Свободная, освобожденная от поборов церковь выступала за мир с татарами, ибо он обеспечивал мирную жизнь населения и, конечно, положение церкви. Московские князья, собирая всеми возможными способами земли, действовали в пользу мира: чем больше была территория московского княжества, тем шире — зона мирной жизни. К тому же московская политика преодолевала нараставшую безудержно раздробленность — церковь была заинтересована в единстве страны. В связи с этим духовенство всегда в княжеских междоусобицах держало сторону Москвы. Мы вспоминали, что митрополит Фсогност проклял и отлучил от церкви псковичан, укрывших тверского князя Александра — противника Ивана Калиты. Во время борьбы внука Ивана Дмитрия Донского с князем Борисом за Нижний Новгород митрополит Алексий послал основателя Троицкой лавры св. Сергия запереть в городе церкви и прекратить богослужение, пока жители не поддержат московского князя.

В свою очередь московские князья щедро одаривали церковь, которая становится престольным городом духовной власти, благословляя своим нравственным авторитетом политику Москвы.

Митрополит Петр, покинувший Киев ради Владимира, а потом поселившийся в Москве, пророчествовал Ивану Калите; «Бог благославит тебя и поставит выше всех князей и распространит город этот паче всех других городов; и будет род твой обладать местом сим на веки; и руки Его взыдут на плещи врагов ваших...»

Московская политика собирания — не разбираясь в средствах — земель и богатств шла вразрез с тенденцией к дроблению, господствовавшей в северо-восточной Руси. Княжества делились и делились, нищали и слабели. Слабые и нищие, они не могли противиться Москве, которая, поглощая мельчавших ближних и дальних соседей, становилась все больше и крепче. Татарские ханы, не упускавшие случая восстановить одного князя против другого, поддерживали рост Москвы: сильный великий князь

обеспечивал своевременный сбор дани, богатый — не скупился на подарки хану. После смерти Калиты в 1341 г. его старший сын (не старший брат, как полагалось по старинному ряду) Симеон получил ярлык на великое княжение. Одновременно хан отдал ему «под руки» всех русских князей. Всего 13 лет назад Иван Калита добился титула «великий князь». Его наследник возвышается над всеми другими князьями. Симеон получил от современников прозвище Гордый, Оно характеризовало поведение московского великого князя по отношению к его «подручным».

Первые московские князья ведут себя, как волк в овчарне, знающий, что пастух на его стороне. Анатоль Леруа-Болье, вслед за русскими историками XIX в., невысокого мнения о моральных достоинствах московских князей — «хитрые, жадные, лишенные рыцарских чувств, не считающиеся средствами». Но высоко оценивает результаты их политики: «…Низостью они терпеливо готовили величие»[37].

Говоря о величии, французский ученый имел в виду будущее — могучее государство, которое вырастет на фундаменте, заложенном на берегах Москвы потомками Александра Невского. Историк справедливо — по долгу профессии — регистрирует моральные изъяны и преступления строителей московского государства, он не может осуждать их. Они поступали как все их современники, как их предки и потомки, возлагавшие на себя бремя государственной деятельности. Во второй половине XX в. русский поэт скажет: «В политике, кто гений — тот злодей». Верные московские князья — не были гениями. Их главным качеством было упорство и последовательность в политике, плоды которой собрали потомки.

Путь к величию был долгим. И трудным. На пути стояли препятствия. Тяжелейшим из них была Литва.

Возвышение Литвы

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их.

«Житие Александра Невского»

Биограф князя Александра выразился точно: в начале XIII в. литовцы «набрали силу». Русские земли литовцы начали грабить значительно раньше, как, впрочем, и обороняться от набегов русских князей. Летопись Нестора упоминает литовцев среди племен, плативших дань Клеву. В ней рассказывается о походах против литовцев Владимира Красное солнышко в 983 г., Ярослава Мудрого в 1040 г. Отсутствие подробностей о победах свидетельствует, скорее всего, о том, что смелые воины, жившие в непроходимых лесах, успешно защищали свою территорию.

Литовцы — одно из балтских племен, заселявших с древнейших времен земли от Балтийского моря до низовьев Буга. Язычники — храбрые жестокие воины. Они занимались, кроме грабежей, охотой и рыбной ловлей. До начала XIII в. у них не было ни городов, ни государственной организации — объединяющей политической силы. Появление немцев дает толчок, выбрасывающий литовцев в гущу политической жизни восточной Европы. Конрад Мазовецкий пригласил в 1226 г. Тевтонский орден, ибо не мог сам справиться с балтским племенем пруссов — соседей литовцев, как и они — язычников. Обосновавшись на небольшой территории, подаренной им Конрадом на Нижней Висле, крестоносцы стали энергично расширять свои владения, покоряя местные племена, обращая их в христианство

и, в случае сопротивления, уничтожая. За полвека была захвачена земля пруссов, уничтоженных в ходе завоевания, были покорены латыши. Литовцы оказывали упорное сопротивление, сумев одновременно создать сильное государство.

Появление на исторической сцене Литвы относится к числу тех исторических загадок, на которые дано множество ответов, ни один из которых не объясняет феномен исчерпывающим образом. Подсчитано, что в конце племенного периода три основных балтских народа были примерно равны по численности населения и размерам территории: Латвия — около 145 тыс. человек и 58 тыс. кв. км, т.е. 2,5 человека на 1 кв. км; Пруссия, соответственно — 170 тыс. человек, 42 тыс. кв. км, 4 человека на 1 кв. км, Литва — 170 тыс. человек, 58 тыс. кв. км., т.е. 3 человека на 1 кв. км[38]. Век спустя Литва была серьезным противником Золотой орды и Московского княжества — владения великого князя литовского простирались от Балтики до Черного моря.

Немногочисленный народ, вырубающий себе мечом империю — явление в истории не уникальное. Литовцы действовали так же, как их соседи по балтийскому побережью — варяги — норманны, дошедшие в IV до Киева и начавшие там строить державу. Варяги продвигались по рекам, литовцы также использовали речные дороги, а кроме того — кавалерию. Как и варяги, литовцы были язычниками. Крещение Руси в X в. было важнейшим фактором создания могучего государства. Литовцы создали свою державу, оставаясь язычниками. Они приняли христианство только в XIV в. — последними в Европе.

Появление Ливонского ордена создает угрозу, против которой собирают силу литовские князья. В 1200—1236 гг. литовцы совершили 23 рейда против ливонцев и 15 против соседних славян. В последующие годы пропорция меняется: в 1237—1263 гг. литовцы совершают 5 набегов против ливонцев и 28 — против славян. Причина очевидна: крестоносцы становились все сильнее, а русские княжества, раздираемые усобицами, все слабее. В это время появляется Миндовг (Миндаутас). Один из многочисленных литовских князей, он захватывает в 1248 г. русский город Новгородок в верховьях Немана и начинает настойчиво и умело расширять свои владения. Летопись излагает события без украшений, но красноречиво: Миндовг был самодержцем во всей Литве... управляя литовской землей, он убил своих братьев и племянников, а других выгнал и стал править один...»

30-летнее правление Миндовга было временем консолидации литовского государства, расширения его территории за счет русских земель и зашиты от немецкого натиска. В 1250 г. Миндовг, носивший титул великого князя, переходит в католичество и получает от папы королевскую корону. Собрав достаточно сил, он разбивает крестоносцев на озере Дурбе и возвращается в язычество. Католики, находившиеся при его дворе, были перебиты, очевидно, чтобы подтвердить искренность возвращения в родную веру.

В 1263 г. Миндовг был убит племянником — начинается долгий период смуты, но заложенное им государство не распадается. Важным элементом консолидации было утверждение принципа передачи трона от отца к сыну или от старшего брата к младшему. Начиная с конца 80-х годов XIII в. до 1572 г. — около 300 лет — Литвой правила одна династия.

Подлинным основателем литовского могущества был князь Гедимин, властвовавший примерно с 1315 г. до смерти в 1341 г. Летопись сообщает, что обремененный большим семейством (сыновьями и дочерями) великий князь хотел обеспечить детей и внуков землями, в связи с чем не переставал расширять свои владения. Отбиваясь на западе от тевтонских рыцарей, Гедимин успешно продвигался на юг и север. Держава Гедимина простиралась от Пскова на севере до южных пределов киевской земли, от верхнего течения Волги до Волыни. Столица государства переносится в Вильнюс.

Значительную часть населения литовского государства составляли славяне. Гедимин носил титул великого князя литовского, жмудского[39] и русского. Определение «русский» следует здесь понимать как обозначение религиозное, а не этническое. Русские — значит

прежде всего — православные. Одновременно православие несло культуру, значительно более высокую, нежели языческая литовская. Русские служили в армии, находились при дворе (часть сыновей Гедимина приняли православие), часто выполняли дипломатические миссии. Русский (славянское наречие, развившееся в белорусский язык) был языком большинства населения страны.

Смерть Гедимина в 1341 г. (в тот же год умерли хан Узбек и Иван Калита) погружает Литву на пять лет в смуту: брат князя и семь сыновей делят страну на части. Постепенно два самых способных сына Гсдимина, два последних язычника в семье — Ольгерд и Кейстут — прибирают власть к своим рукам. В гармоничном согласии они будут править Литвой около 30 лет, превратив ее в могучую державу. Братья поделят задачи и столицы — Кейстут в Тракае будет защищать западные границы Литвы от немецкого натиска, Ольгерд в Вильнюсе будет расширять литовские владения за счет русских княжеств. Кейстут остается убежденным язычником. Ольгерд склоняется к православию: его первая жена — княжна витебская, вторая — княжна тверская, но не отказывается от язычества.

Правление сыновей Гедимина — время ожесточенной борьбы с Москвой, переломный момент в истории. В 1358 г. Ольгерд изложил цель своей политики сжато и лаконично: «Вся Русь должна принадлежать Литве»[40]. Это значило — прежде всего — конфликт с Москвой, которая имела те же намерения. Столкновение было особенно острым, ибо Литва и Московское княжество были похожи друг на друга, сохраняя множество черт специфических. Принципиальное политическое расхождение заключалось в том, что Москва неуклонно строила свою политику на сотрудничестве с татарами, а Литва — на союзе с русскими княжествами, прежде всего с тверским.

Московский князь Симеон Гордый за 12 лет княжения 5 раз ездил в Орду за помощью против литовцев. «Добрый хан Джанибек», как называют его летописцы, благоволил к Симеону и поддерживал.

Ольгерд раздвигал границы Литвы, используя раздоры русских князей, но оставлял присоединенным землям значительную автономию. Некоторые историки говорят даже о федеральном характере литовского государства, имея в виду прежде всего Полоцк, Витебск, Смоленск, сохранявших значительную самостоятельность. Религиозная веротерпимость строго соблюдалась, более того: литовские князья переходили в православие, чтобы укрепить свое положение в завоеванных русских землях. Михаил Грушевский, рассказывая о захвате литовцами «украинских земель», объясняет легкость победы тем, что «людям надоели беспорядки и татарская неволя». Власть Литвы была тем более приемлема, что «литовские князья не вмешивались в местные дела и ничего в старых порядках не меняли. Их лозунгом было: «Старину не трогаем, нового не вводим»[41].

Династические браки были важным инструментом литовской политики. Многочисленными узами связались гедиминовичи с Тверью: Ольгерд взял в жены дочь Александра Тверского, а Иван Тверской женился на дочери Кейстута. Борис, княживший в Нижнем Новгороде, ставшем в XIV в. важным центром торговли на Волге, вокруг которого группировались значительные территории, подходившие к Москве, взял в жены дочь Ольгерда. Его зятьями были также Иван Новосильский и Святослав Карачевский — также соседи московских владений.

Ольгерд, как и московские князья, стремился к самодержавной власти, признавая право княжения только за представителями одного рода. Все члены этого рода имели право на княжение (каждый из 12 сыновей Ольгерда получил владения) с непременным условием — подчинение старшему. И здесь образцом для литовского великого князя была Москва. За годы правления Ольгерда и Кейстута (три десятилетия) Литва превращается в сильное военное государство, обладавшее армией, прославленной своими высокими боевыми качествами. Греческий автор Никифор Грегорас (ум. 1360) так выражал царившее в Константинополе мнение о Литве XIV в.: «Литовцы, подчиняющиеся одному правителю, многочисленны и очень храбры, даже непобедимы... Их король значительно превышает

силой и военными доблестями армии всех христианских князей северной Руси. Только он не платит дани монголам, ибо его королевство очень сильное и хорошо укрепленное...»[42]

Военная сила, дипломатия, династическая политика позволяют Литве раздвинуть свои пределы «от моря до моря». Приостановив натиск крестоносцев на западной границе, Ольгерд направляет свои силы на юго-восток. В 1361 г. он берет Киев, который находился в литовской зависимости еще со времен Гедимина и сажает на киевский стол своего сына Владимира. Продвигаясь дальше на юг, разбивает татарский отряд (1362 г.) на Синей Воде и занимает Подолию. Литовско-русское государство включает территорию киевской Руси. Ослабленная внутренними раздорами, Орда предпочитает договориться с Литвой. Свидетельством ослабления власти и влияния хана был рейд Ольгерда против Москвы. В 1368 г. литовская армия подошла к стенам города, разбила сторожевой полк, но Москву взять не смогла. Впервые после 1238 г. возникла угроза столице княжеств. Тогда ее захватили и разорили татары Батыя. Теперь на нее посягал литовский князь, вместе с которым пришел к ненавистному городу тверской князь Михаил Александрович. Впечатляющие успехи Литвы не решали главной задачи — устранения основного соперника, мешавшего объединению всех русских земель под скипетром Ольгерда, — Москвы. Главной причиной неудачи литовских планов была позиция православной церкви, которая неизменно поддерживала Москву.

В 1351 г. моровая язва, «черная смерть», чума, опустошившая в 1348—1349 гг. западную Европу, проникла через Псков на Русь. В 1353 г. она пришла в Москву, где погубила значительную часть населения. Умерли князь Симеон вместе со всей семьей (уцелел только его брат Иван Красный, занявший престол) и митрополит Феогност. Перед смертью митрополит назначил своим преемником Алексия. Ольгерд решительно поддержал киевского митрополита Феодорита, утвержденного болгарским патриархом: между Константинополем и Тырново (столицей болгарского патриархата) возникли серьезные разногласия. Константинополь не утвердил Феодорита, назначив в Клев Романа, с чем согласился литовский князь, рассчитывая контролировать киевского «митрополита всея Руси». Алексий, выдающийся дипломат и политический деятель, отправляется в Константинополь, где добивается подтверждения своего назначения на трон «митрополита всея Руси». Официально — до смерти Романа зимой 1361 г. — православная церковь на Руси возглавляется двумя митрополитами, но Константинополь явно склоняется на сторону Москвы, поддерживая Алексея.

В конце 1370 или начале 1371 г. Ольгерд пишет подробно; изученное историками письмо патриарху в Константинополь. Великий князь литовский настаивает на создании митрополии для его владений, которые охватывают Киев, Смоленск, Тверь, Нижний Новгород и т.д. Излагая свои планы, предвидевшие подчинение Литве территорий московского княжества, Ольгерд говорит о двух смертельных врагах, с которыми он ведет непрекращающуюся войну — Москва и Тевтонский орден. Литва действует в двух направлениях: защищается против крестоносцев, которые не перестают откусывать и проглатывать литовские земли (в 1362 г. захватывают Каунас, в 1367 г. совершают набег на Тракай, столицу Кейстута, в 1377 г. осаждают Вильнюс и т.д. и расширяет свои владения за счет русских земель. В 1368 г. Ольгерд подходит к стенам Москвы, в 1370 г. снова осаждает столицу московского князя, в 1372 г. возвращается в третий раз. И каждый раз противостояние заканчивается ничьей. Первый раз Ольгерд стоял под Москвой три дня, во второй — немногим дольше, в третий — литовская и московская дружины, постояв друг против друга, разошлись без боя.

Военные силы противников в 60-70-с гг. были примерно равны. К тому же обе стороны опасались вступать в серьезные боевые действия, ибо каждая имела за спиной опасность — татар или немецких крестоносцев. В этих условиях решающую роль, перетягивая чашу весов, сыграла церковь. Победителем Ольгерда в значительно большей степени, чем московские князья, был митрополит Алексий. Он добился от Константинополя

утверждения Владимира на Клязьме столицей митрополии «всея Руси». Но местопребыванием митрополита со времен Петра была Москва.

Василий Ключевский пишет о московском митрополите, причисленном к сонму святых: «Происходя из родовитого боярства, искони привыкшего делить с князьями труды обороны и управления страной, митрополит Алексий шел боевым политическим путем, был преемственно главным советником трех великих князей московских, руководил их боярской думой, ездил в орду ублажать ханов, отмаливая их от злых замыслов протии Руси, воинствовал с недругами Руси всеми средствами своего сана, карал церковным отлучением русских князей, непослушных московскому государю, поддерживая его первенство, с неослабной энергией отстаивая значение Москвы, как единственного церковного средоточия всей политически разбитой русской земли»[43]. Историк выделяет основные линии деятельности митрополита Алексия; возвышение Москвы, как политического, а следовательно церковного (или — церковного, а следовательно политического) центра Руси; использование для этого дипломатии (в отношениях с Ордой), и силы, имевшейся в руках церкви, против врагов Москвы, в том числе против русских князей, не желавших подчиняться воле московского князя, и, конечно, против Литвы. С точки зрения митрополита Алексия, русские противники Москвы, к тому же объединявшиеся для борьбы с Литвой, были гораздо более опасным врагом, чем татары.

Одним из результатов деятельности Алексия было значительное усиление власти и влияния церкви не только на духовную, но и на политическую жизнь московского княжества. «Архипастырская власть, — замечает в XIX в. историк церкви, — поднялась на небывалую в России высоту»[44]. Современный исследователь считает, что митрополит Алексий был для России тем же, чем «Григорий VII для Римской церкви, Солон для Афин, Заратустра для Ирана...»

Деятельность митрополита Алексия, рядом с которым вел пастырскую работу Сергий Радонежский, позже один из самых почитаемых русских святых, помешала осуществлению программы Ольгерда. Ему не удалось, как он мечтал, добиться согласия Рима на перевод Тевтонского ордена с берегов Балтики в черноморские степи для борьбы с татарами; он не сумел отвоевать литовские земли, потерянные в борьбе с крестоносцами. Ему не удалось объединить все русские земли под властью Литвы. Прежде всего он оказался не в состоянии победить Москву. Историки размышляют о возможностях, которые открывались перед великим князем литовским, если бы он принял православие — религию большинства населения его владений. Прежде всего, о возможности замены Москвы, как центра, собравшего вокруг себя все православные княжества, о восстановлении под эгидой Литвы Киевской Руси.

Ольгерд не сделал этого выбора. Его сын — Ягайло, последний языческий князь в Европе, примет католицизм, объединит Литву с Польшей. Конфликт *с* московским княжеством, потом Московским государством, а потом — Россией будет продолжаться. Первый раунд был выигран Москвой — она устояла, отбила литовскую угрозу, не переставая расширять свою территорию. В 1377 г. Ольгерд умер, оставив 12 сыновей. На литовский престол претендовали также сыновья Кейстута, после его смерти в 1382 г. Литовская «замятия» развязывает руки Москве.

Битва на Куликовом поле

А от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет.
Задонщина

Битва на Куликовом поле, сражение между русскими князьями, возглавляемые великим князем московским Дмитрием, и татарами под водительством хана Мамая — одна из важнейших дат в русской истории. От появления «неизвестно откуда» в 1223 г. монгольских всадников, разбивших на берегах реки Калки русские дружины и возвестивших нашествие, принесшее татарсков иго, до сражения в 1380 г. на берегу Дона, на Куликовом поле, с войсками Мамая, прошло 157 лет. «Задонщина», поэтическое повествование о том, как великий князь Дмитрий Иванович и его брат князь Владимир Андреевич «победили супостата своего царя Мамая», написанное вскоре после сражения (80—90-е годы XIV в.), округляет время от поражения до победы до 160 лет.

За полтора столетия многое изменилось. Прежде всего, изменился противник татар. В 1223 г., когда Джебе и Субэдэй, прославленные полководцы Чингиса, привели своих конников на берег Калки, их встретили дружины нескольких князей: Киевская Русь, распадавшаяся, разрываемая междоусобными конфликтами, шла к явному упадку и не могла оказать серьезное сопротивление врагу. В 1380 г. на Дон, в южные степи, пришли дружины русских князей, объединенные вокруг московского княжества, сила которого не переставала расти, имевшего благословение церкви. 160 лет изменили противника татар. За это время изменился и противник русских. Могучая империя Чингиса и его наследников давно уже распалась на четыре улуса: империю Юань в Китае и Монголии; царство ильханов в Иране; Джагатаиское ханство в Средней Азии; Джучиев улус, включавший Золотую орду, власть которой распространялась на русские княжества, Белую орду, включавшую территории от правого берега Сыр-Дарьи до Аральского моря, и Синюю орду — земли между Каспийским и Аральским морями.

В 1359 г. умирают великий князь Иван Красный и хан Золотой орды Бердибек. Наследнику московского князя Димитрию — 9 лет. Бердибек, занявший трон после убийства отца, в свою очередь убитый после двух лет правления, открывает период анархии, которую русские летописцы назвали «великая замятия». В Сарае смена ханов происходит с молниеносной быстротой, некоторые правят меньше года и гибнут, как их предшественники, от руки убийцы. Орда теряет единство. Одновременно правят два хана. «Делателем ханов» становится Мамай, командующий в Крыму и Причерноморье. Не будучи потомком Чингиса, он не имеет права на трон, но обладает достаточными силами, чтобы выдвигать на трон своих ставленников.

Ослабление Орды, «великая замятия» не меняет установленного полтораста лет назад порядка. Московские бояре отправляют послов в Сарай просить ярлык на княжение для малолетнего князя Димитрия. Повезли в Орду и мальчика. Неизменной остается нужда в ярлыке «татарского царя». Знаком изменившегося положения была просьба о ярлыке для Москвы, князем которой был 9-летний ребенок. Москва хотела иметь подтверждение преемственности своей власти, которая уже не зависела от личности ее носителя. Ордынский хан дает ярлык суздальскому князю. Но хана быстро убивают, и новый властитель Сарая предпочитает Москву. Суздальский князь, свидетельствуя об ослаблении татарской власти, не соглашается уступить великое княжение. Московское войско, возглавляемое 11-летним князем Димитрием, осаждает Переяславль, где заперся суздальский конкурент. Осажденный князь уступил силе, но обратился с жалобой в Сарай. И получил свой ярлык. Другой хан,

ставленник Мамая, послал ярлык московскому князю. Московские войска опустошают Суздальскую землю.

Следующие четверть века — важный этап в истории возвышения Москвы. Идет борьба на четырех фронтах: Орда, Литва, Тверь, Рязань. Главный противник — Литва. Главный союзник — татары. Но если раньше московский князь имел дело с сильным, централизованным государством, в котором решение хана была законом, теперь положение изменилось: слабость Орды, междоусобицы между претендентами на трон в Сарае, открывали возможности маневрирования, такие же возможности появились у противников Москвы. Тверь и Рязань широко ими пользуются, обращаясь также за помощью к Ольгерду. Возникают и распадаются соглашения между противниками, но главные противники — Москва и Литва — не теряют из виду конечной цели; объединения Руси вокруг одного центра.

Борьба не имеет национального характера: русские воюют с русскими, разоряют друг у друга земли без всякого снисхождения с не меньшим ожесточением, чем сражаются с татарами-мусульманами или литовцами-язычниками. Конфликт носит политический характер. Идет схватка между двумя государственными концепциями. Тверь, Рязань. Суздаль, богатые города на Волге — противники московского централизма, поборники сепаратизма, консерваторы, мечтающие сохранить старые нравы, принесенные из Киевской Руси. Их союзник — Литва, стремящаяся (во многом успевшая при Ольгерде) объединить все православные княжества, оставляя им полную автономию, не нарушая ни в чем традиционные обычаи.

Политическая концепция Москвы была совершенно иного рода. С непоколебимым упорством московские князья — потомки Данилы, сына Александра Невского, Даниловичи, строили централизованное государство, возглавляемое самодержавным правителем. Они действуют в одном направлении, с одной целью, на протяжении шести поколений, пока при Иване III она не была достигнута. Важным качеством Даниловичей была, по выражению Василия Ключевского, «замечательно устойчивая посредственность»[45]. Отсутствие индивидуальности, выдающихся талантов или привлекающих внимание пороков побуждало их действовать по накатанной колее политики, намеченной предками. Историк подчеркивает в числе положительных качеств московских князей силу семейных чувств, которые избавляют Москву в течение долгого времени от междоусобиц, набожность, умеренность и аккуратность, умение копить добро. Перечисляя добродетели строителей Московского княжества, Василий Ключевский не забывает вспомнить (в другом месте) о том, что они были хищниками, «из-за угла подстерегавшими своих соседей»[46].

В длинной череде неразличимых Иванов и Василиев выделяется Димитрий, вошедший в историю под именем Донского. Ставший князем в 9 лет, умерший совсем молодым 30 лет спустя, Димитрий вошел в русскую историю, прежде всего, победой над татарами в битве на Куликовом поле. 7 ноября 1941 г., выступая на Красной площади, которую немцы, подошедшие к Москве, могли видеть в бинокль, Сталин говорил солдатам о «мужественном образе наших великих предков». Первым он назвал Александра Невского, вторым — Димитрия Донского.

Внешняя политика была главным делом Димитрия, Или, как свидетельствуют современники и подтверждают историки, главным делом митрополита Алексия, который вдохновлял и внутреннюю политику московского князя. На протяжении 20 лет, до смерти в 1378 г. (это первые два десятилетия правления Димитрия) Алексий руководит политикой, нацеленной на усиление Москвы. Она выражается в расширении территории княжества, в усилиях по ослаблению противников Москвы. Выразительный язык летописи не оставляет сомнений в принципах линии Димитрия, обдуманной Алексием: «Димитрий всех князей приводил под свою власть, а которые не повиновались его воле, на тех начал посягать». Смысл глагола «посягать» раскрывается хотя бы в эпизоде с тверским князем Михаилом. Вмешавшись в ссору тверских князей, Димитрий позвал на третейский суд в Москву

Михаила и его бояр и немедленно их арестовал. Татарский посол их освободил. Совершенно очевидно, что, не считаясь слишком с опасным и сильным противником — тверским князем, Димитрий совершенно не церемонился со слабыми князьями.

Тверь и Рязань не желают примириться с московскими притязаниями и стремятся использовать все возможности для борьбы с Димитрием. Михаил Тверской трижды «наводит» литовские дружины на Москву. Нависшая над столицей княжества литовско-тверская опасность побуждает Димитрия заменить дубовые стены Кремля каменными. Москва становится белокаменной. В 70-е годы под непрекращавшимися ударами Москвы сила Твери и Рязани значительно падает.

Политика митрополита Алексия, направленная на усиление Москвы, преследовала и другую цель: укрепление самодержавной власти князя. Митрополит благословил казнь Ивана Вельяминова, сына умершего последнего главы московского вече (тысяцкого) Василия Вельяминова. Иван, протестовавший против исчезновения последних остатков старинной вечевой свободы, был обезглавлен 30 августа 1374 г. на Кучковом поле.

Третьим важнейшим элементом политики Алексия было усиление роли церкви в государственных делах. Особое место православия в духовной жизни людей, его значение как силы, связующей всех верующих помимо княжеских границ, трансформируется митрополитом в инструмент государственной политики. Современный историк говорит о «здании православной теократии, воздвигнутой митрополитом Алексием при помощи игумена Троицкой лавры Сергия Радонежского»[47]. Во многих отношения деятельность Алексия рядом с несовершеннолетним Димитрием напоминает деятельность Ришелье при Людовике XIII. В обоих случаях произошло неизбежное: повзрослевший князь и король отвергал ментора, утверждал свою самостоятельность. Решительный, крутой нравом, «достойный предшественник Ивана Грозного»[48], уверенно забирал власть в свои руки. Несмотря на сопротивление митрополита Алексия, не желавшего назначить своим преемником духовника князя, Димитрий настоял на своем, хотя против были Сергий и епископ суздальский. Ставленник князя Митяй умер по дороге в Константинополь, куда он поехал за митрой. Димитрий отказался принять в Москве нового митрополита, подозревая его в отравлении Митяя. Только в 1381 г. московский князь пригласил в свою столицу киевского митрополита, которого поддерживал и Сергий.

Смерть Алексия не изменила основ московской политики. Но еще при жизни митрополита Москва начинает проявлять свою самостоятельность по отношению к татарам, начинает использовать в своих интересах «замятию» в Орде. Когда в 1375 г. Михаил Тверской приобретает в Сарае ярлык на великокняжеский стол, который уже имел Димитрий, московский князь, не считаясь с ордынским ярлыком, собирает рать, которая безжалостно разоряет тверскую землю: сжигаются села, вытаптывается хлеб, поселян забирают в рабство. Князь Михаил убегает в Литву, Сарай признает права Димитрия, которые он защитил силой. Отдельные татарские ханы по собственной воле, не спрашиваясь Сарая, нападают на русские княжества, иногда добиваясь успеха, иногда терпя поражение. Московская дружина все чаще воюет с татарами, набираясь опыта. В 1377 г. Димитрий посылает войска на помощь своему тестю князю суздальскому — москвичи терпят поражение. В 1378 г. Димитрий разбивает войско мурзы Бегича на р. Воже (рязанская земля).

Битва на Куликовом поле и после

А погибло у нас всей дружины двести пятьдесят тысяч. И помиловал Бог русскую землю, а татар пало бесчисленное множество.

Задонщина

В 1380 г. «нечестивый и гордый князь Волжской орды Мамай»[49] собирает армию, во главе которой отправляется воевать с Москвой. Н. Костомаров перечисляет участников похода: хан Мамай «нанял хивинцев, буртасов, ясов, вошел в союз с литовским князем Ягеллом, с черноморскими генуэзцами». Он мог бы включить в список народов и русских. Князь рязанский Олег не только присоединился к Мамаю, но и отправил посла к литовскому великому князю Ягайло с приглашением: «Радостную весть сообщаю тебе, великий князь Ягайло Литовский! Знаю, что ты давно задумал изгнать московского князя Димитрия и завладеть Москвой. Пришло наше время, ведь великий царь Мамай идет на него с огромным войском. Присоединимся же к нему»[50]. Ягайло соглашается — готовясь к походу против Москвы, он обеспечивает себе тыл, заключая договор с Орденом.

Пестрой коалиции Мамая противостоит армия Димитрия, в которую входят русские князья, тяготеющие к Москве, а также два литовских князя — сыновья Ольгерда, враждовавшие с Ягайлой. В тылу Мамая сосредоточились войска хана Тохтамыша, претендовавшего на трон Золотой орды и, таким образом, помогавшего Димитрию, Георгий Вернадский замечает, что «большим счастьем для Димитрия было то обстоятельство, что он ранее успел сломить сопротивление тверских князей. Тверских полков не было с Димитрием на Куликовом поле, но по крайней мере они и против Димитрия не выступали»[51]. Не приняли участия в походе против Мамая и новгородцы, сопротивлявшиеся завоевательным планам Москвы, боявшиеся за свои порядки, которым грозила самодержавная политика московских князей.

Князь Димитрий решил выйти навстречу врагу. К 15 августа 1380 г. русские полки собрались в Коломне, неподалеку от Москвы, и через рязанские земли двинулись на Дон. 8 сентября на Куликовом поле, в устье реки Непрядвы столкнулись две армии. Литовская дружина Ягайло опоздала к битве. Исход сражения, которое долго шло с переменным успехом, был решен ударом засадного полка, смявшего татарские ряды. Разбитый Мамай бежал в азовские степи, где был настигнут Тохтамышем. На берегу реки Калки, где 158 лет назад в первой битве с татарами русские князья были разбиты, встретились две татарские армии. Мамай был снова разбит. Он бежал в Кафу (Крым) к генуэзцам и был предательски убит. Сын Мамая бежал в Литву, где был радушно принят. Среди его потомков особое место в истории принадлежит Елене Глинской, матери Ивана Грозного,

Значение Куликовской битвы выходит далеко за пределы военной победы, разгрома вражеской армии, предотвращения набега на Москву. Победа досталась очень дорогой ценой — цвет русской армии остался на Куликовом поле. Разгром армии Мамая не означал, как показалось победителям, конца татарского ига — через два года хан Тохтамыш сжег Москву. Значение победы над Мамаем было моральным. Василий Ключевский пишет «Народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался наконец с духом, встал на поработителей и не только нашел в себе мужество встать, но и пошел искать татарских полчищ в открытой степи и там повалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многотысячными костями»[5]. Мамаево побоище — знак пробуждения национальных чувств, которые были неразрывно связаны с чувствами религиозными. Для участников битвы и для потомков чрезвычайно важным было благословение, которое дал полкам Димитрия Сергий Радонежский. Напутствие Преподобного Сергия превращало битву

с армией Мамая в сражение за веру, в столкновение православных с неверными (язычниками, мусульманами и католиками, которых представляли генуэзцы) и отступниками (русскими, служившими в армии литовского князя).

Победа над иноверцами была достигнута под водительством московского князя. Битва на Куликовом поле стала важнейшим событием в истории Москвы, ибо подтвердила убедительнейшим образом право города, основанного Юрием Долгоруким, стать центром России.

Место Куликовской битвы в русской истории объясняет интерес к ней не только исследователей прошлого, но также идеологов, стремящихся использовать разгром Мамая для подтверждения своих концепций. Традиционный взгляд на события 1380 г. сжато изложен в пособии для школьников, изготовленном в 1992 г., после того, как все учебники были отвергнуты, как сомнительные: при Димитрии Донском «произошло сплочение княжеств вокруг Москвы для борьбы с Золотой ордой»[53]. Пособие оставляет в стороне сложное переплетение противоречивых интересов многочисленных участников события, выделяя основное: русские княжества объединяются с Москвой для борьбы с татарским игом.

Примерно с 70-х годов XX в. советские историки и публицисты начинают формулировать особый взгляд. Они обращают пристальное внимание на генуэзские колонии, обосновавшиеся в Крыму в XI—XII в. и включившие черноморское побережье в активную торговлю. Крым был частью владений Мамая и татарский хан пользовался услугами генуэзцев. В Крыму жили евреи — потомки хазар. Родилась концепция, которая представляет Куликовскую битву как сражение между Русью и Западом. Мамай становится в этой конфигурации инструментом католическо-капиталистического Запада, почувствовавшего в Москве угрозу для себя. Сторонники этого взгляда используют в качестве дополнительного аргумента присутствие среди союзников Мамая Литвы, старинного противника Москвы, соседа католической Польши. Наиболее полно изложил эту концепцию Лев Гумилев. Убежденный евразиец, твердо знавший, что союз, он говорил даже «симбиоз», с татарами благотворен для Москвы, он составил схему, в которой полюсами были два татарских хана: Мамай и Тохтамыш. Вокруг них, как увидел современный историк, кристаллизовались две московские программы. Одна из них предусматривала подчинение Мамаю, допущение на Русь генуэзцев, соглашение с папой о восстановлении церковного единства, а в результате — долгий, надежный мир. Вторая программа исходила из необходимости подчинения Тохтамышу, которое позволяло укрепление Москвы, как православной теократии, объединительницы Руси. С точки зрения Льва Гумилева Мамай был «испорченным» татарином, позволившим западному влиянию проникнуть в Степь: «Оно проникло... по «экономическим» каналам» — через итальянцев, а политически — через литовцев». В результате: «Единственным сознательным противником Запада была московская митрополия, управляемая в то время Русью. Это делало Москву естественным противником Мамая и соответственно сторонником ханов Синей орды — Чингисидов»[54].

«Программы» Льва Гумилева составлены им на основании личной интерпретации имевшихся источников. При отсутствии свидетельств историк, по его собственному признанию, их «додумывает», включает в более широкий контекст, рассматривает с точки зрения сегодняшнего дня. Лев Гумилев признает, что первая программа была популярна в Москве не только среди бояр, но и среди церковников. Ее сторонником, считает историк, был духовник Димитрия Митяй, которого князь прочил в митрополиты. С точки зрения Льва Гумилева, доказательством «промамаевских» настроений Митяя было данное ему разрешение проехать через владения Мамая в Константинополь, а также внезапная смерть священника. Современники подозревали отравление. Так думал и Димитрий Донской. Лев Гумилев не сомневается, что Митяй был отравлен, но считает убийство необходимой мерой: «Укреплению Русской земли и ее мощи Митяй только мешал и от него избавились. Россия стоила того, чтобы ее спасать»[55]. Оставляя в стороне спор о целях и средствах, отметим

противоречие: Митяй, действовавший, по мнению Гумилева, против интересов России, был духовником и ставленником Димитрия, который, по мнению современников, и потомков, открыл дорогу к независимости от татарского ига. Историк преодолевает противоречие, объясняя «политические просчеты» князя тем, что он был «молодой и не очень талантливый»[56], а его правильные поступки — влиянием православной церкви, выправлявшей ошибки Димитрия.

Есть еще более серьезное противоречие в схеме Льва Гумилева. Естественный, как он считает, союзник Москвы Тохтамыш безжалостно разоряет столицу Димитрия Донского через два года после Куликовской битвы, в которой был разгромлен Мамай — враг Тохтамыша. И на этот раз историк снимает противоречие, объясняя его заговором. Суздальские князья, давние, непримиримые противники Москвы, написали донос татарскому хану, обвиняя Димитрия в тайном сговоре с Литвой, союзницей Мамая. Тохтамыш, «простодушный и доверчивый сибиряк»[57], поверил доносу и пошел воевать Москву.

Победа на Куликовом поле имела огромное моральное значение. Но «замятия» в Орде кончилась. Гибель Мамая открыла Тохтамышу путь в Сарай. Хан Синей и Белой орд становится также ханом Золотой орды. Под его властью территория Джучиева улуса — от Сыр-Дарьи до Днестра. Русские князья, гордые победой над Мамаем, отказываются платить дань Сараю. Через два года после Куликовской битвы, 12 августа 1382 г., армия Тохтамыша подошла к Москве. Князь Димитрий покинул город, чтобы собрать войско, москвичи, поверив суздальским князьям, открыли ворота для татарских послов. В город ворвались вражеские солдаты — началась резня. После пожара и разгрома города было похоронено 24 тыс. трупов.

Татарское иго сохранится еще сто лет, хотя отношения между ханом и покоренными княжествами изменят свой характер. Обе стороны будут ощущать необходимость друг в друге. Тохтамыш, поверивший в свою звезду, увидевший себя новым Чингисханом, начал войну с Тимуром. В 1370 г. Тимур, которого называли Тимур Хромой, Тимур-ленг или Тамерлан, завоевавший к этому времени Среднюю Азию, объявил себя императором. Столицей империи был Самарканд, откуда новый завоеватель совершал походы на все четыре стороны света. Нигде не останавливаясь для закрепления своей власти, Тимур покорил Хорезм, Персию, Индию, Сирию и умер в 1405 г. во время похода на Китай. В 1376 г. в Самарканд за помощью явился претендент на трон в Сарае — Тохтамыш. Тимур помог Тохтамышу в борьбе с Мамаем и восстановлении улуса Джучи. В 1367 г. хан Золотой орды бросает вызов своему бывшему покровителю и начинает войну. Она будет продолжаться до смерти протагонистов (Тохтамыш был убит в 1407). Война с Тимуром ослабляет орду. Она нуждается в помощи Москвы. Хроника правления Тамерлана отмечает, что в армии Тохтамыша во время кампании против Тимура в Фергане в конце 1388 г. воевали московские дружинники[58].

Москва настоятельно нуждалась в союзнике или сильном покровителе. Димитрий Донской после набега Тохтамыша возобновляет сбор и выплату дани хану. Экономическая тяжесть дани не была велика. Было подсчитано, что даже в тяжелом 1389 г. Димитрий заплатил 5 тыс. рублей дани, что в пересчете на число населенных пунктов составляло 50 копеек[59]. Платить налог — дань — унизительно, но его сбор давал московскому князю возможность оказывать давление на удельных князей — младших родственников. Юридически независимые от старшего, великого князя, они были связаны данью хану, которую он собирал. Отношения между младшими князьями и старшим определялись договорными грамотами. Важное место среди условий занимало требование великого князя по отношению к удельным: «Мне знать Орду, а тебе орды не знать». Финансовые отношения становились внешними, которые были привилегией московского князя. Сбор дани превращался в инструмент, позволявший добиваться политической зависимости удельных князей. «Новое подчинение татарскому игу, — пишет Георгий Вернадский, — было

единственным средством восстановить во всей северо-восточной Руси власть Московского князя...»[60].

Положение Москвы осложнилось решением великого князя Литвы Ягайло перейти в католичество, необходимое для брака с Ядвигой, наследницей польского трона. В 1386 г. Ягайло крестился, женился на Ядвиге и занял польский трон под именем Владислава. Литва не стала частью польского королевства — был подписан договор о создании династической унии. Возникло сильное польско-литовское государство, которое будет важнейшим фактором московской, а потом русской истории.

Решение Ягайло было вызвано желанием получить помощь для борьбы с Орденом, который настойчиво и неумолимо обращал в христианскую веру литовцев, заглатывая их территорию. Добровольное крещение отнимало у крестоносцев предлог, которым они пользовались для завоевания Литвы. Князь имел выбор: православие или католицизм. Подавляющее большинство населения было православным. В конце XV в. великое княжество литовское занимало примерно 800 тыс. кв. км, коренное население — литовцы — занимало менее 70 тыс. кв. км, т.е. около 10% площади. В 1384 г. Ягайло вел переговоры с Димитрием Донским о переходе в православие и женитьбе на дочери московского князя[61]. Переговоры зашли в тупик, ибо Ягайло хотел сначала жениться, а потом принять православие. Подлинной причиной неудачи переговоров было желание литовского князя получить обещание Москвы помочь ему в войне с Орденом. Димитрии Донской после сокрушительного набега Тохтамыша не был в состоянии воевать с крестоносцами. Ягайло обратился в сторону Кракова.

26-летний князь литовский, взяв в жены одиннадцатилетнюю польскую принцессу, стал королем, основателем династии Ягеллонов (литовское имя — Ягайло звучало по латыни — Ягелонус). Литовский трон занял двоюродный брат нового польского короля Витовт, называвший себя великим князем Литвы и Руси. Литва, поддерживаемая Польшей, стала гораздо более опасным противником. Но, приняв католичество, Литва перестала быть соперником Москвы в деле собирания православных княжеств. Витовт вел активную политику расширения пределов литовского княжества, продолжая дело своих предков. При нем Литва простиралась от Балтийского до Черного морей. Характер Литовской экспансии, однако, изменился. Языческие князья относились терпимо к православию завоеванного населения. Витовт-католик принялся обращать всех в свою веру.

В 1389 г. еще одна плохая новость пришла в Москву: в Сербии на Косовом поле объединенные сербско-боснийские войска потерпели поражение в битве с турецкой армией Мурада I. Славянские государства Балкан — Сербия и Болгария — переходят почти на пять веков под власть турок. Главная опора православия — Византия — с 70-х годов XIV в. платит дань туркам, становится вассалом султана и слабеет все больше и больше, раздираемая междоусобными сварами. В 1398 г. император Мануил II ищет помощи в Москве, но князь Василий I слишком занят внутренними делами и слишком слаб, чтобы поддержать императора. Политическое и военное ослабление Византии отзывается в Москве обострением отношений между московской митрополией и константинопольской патриархией, которая изо всех сил сопротивляется желанию далекой митрополии приобрести полную независимость.

Биограф Димитрия Донского, отмечая, что «потомство сохранило о нем память как о победителе татар», считает, что «его внутренняя политика замечательна, быть может, еще больше»[62]. Выше отмечены основные направления этой политики: расширение владений Москвы, усиление самодержавной власти князя. Достойным завершением деятельности Димитрия было его завещание. Начиная с Ивана Калиты, московские князья, деля свои владения, оставляли старшему сыну больше, чем другим наследникам. «Излишек на старейший путь», как писали грамоты, приобрел в начале XV в. такой размер, который превращал материальное преимущество в политическую силу. Непрерывное, на протяжении нескольких поколений, увеличение вотчины старшего сына положило основание

политической власти московского великого князя. Разницу между частями, полученными наследниками, демонстрирует подсчет, сделанный Василием Ключевским. В духовной грамоте завещатель указывал, сколько должен был вносить каждый из наследников в каждую тысячу рублей татарской дани. Димитрий разделил свои владения между пятью сыновьями. Старший, Василий, должен был вносить не 200, а 342 рубля, т.е. больше трети. Димитрий Донской не ограничивается выделением старшему наследнику большей части, он завещает Василию в безраздельное владение великое княжество владимирское. Великий князь московский становится одновременно великим князем владимирским — по наследству. Это значительно увеличивало материальную и политическую силу Москвы.

Завещание Димитрия не позволяло, однако, занять великокняжеский стол без разрешения хана. Василий получает ханский ярлык в 1389 г. и остается на московском престоле до смерти в 1425 г. Русские историки не баловали особым вниманием Василия Димитриевича, а между тем годы его 36-летнего правления были временем тяжелых испытаний для Москвы. Не поразив летописцев особыми талантами, Василий I, несомненно, обладал качествами, которые оказались нужными его времени. Осторожный, но в нужный момент решительный, он обладал дипломатическими талантами, которыми не раз пользовался.

Первое серьезное испытание Василий перенес в Орде. В 1383 г. Димитрий отправил своего сына к хану, который вопреки имевшимся соглашениям поддался уговорам (и подаркам) тверского князя и дал великокняжеский ярлык сопернику Москвы. Василий сумел утвердить великое княжение за Димитрием, но Тохтамыш оставил его в Орде заложником. Два года спустя Василий бежал из плена и через Киев, принадлежавший Литве, вернулся в Москву. В Киеве он обвенчался с дочерью великого князя литовского Витовта — Софьей.

Бегство из Орды не повредило отношениям между московским князем и ханом. Василий не только получил после смерти отца ярлык на московский великокняжеский стол — в 1390 г. он отправился в Сарай и купил там ярлык на нижегородское княжество. Летопись сообщает, что Василий потратил много «золота, серебра и великих даров», переданных приближенным хана и самому Тохтамышу, но Нижний Новгород, богатейший город на Волге, стоил затрат. К тому же потеря Нижнего Новгорода означала значительное ослабление соперника Москвы князя суздальского, владевшего городом. Приобретение Нижнего значительно усиливало Москву и выдвигало границы княжества далеко на восток. Это было опасно, но это давало плацдарм, который будет использован продолжателями политики Василия.

Расширение территории, которое было одновременно ударами по противникам Москвы среди русских княжеств, было одним из трех главных направлении политики московского князя. Два других — отношения с татарами и Литвой. Московско-ордынские отношения определялись войной между Тохтамышем и Тимуром. Более десятилетия на огромных просторах — от Аму-Дарьи до Иртыша, от Терека до Оки — потомки Чингиса, монгольские завоеватели, воевали с тюрками, новыми претендентами на господство в Евразии. В 1387 г. Тохтамыш, ставший ханом Золотой орды благодаря помощи Тимура, воспользовавшись тем, что «железный хромец» воевал в Персии, напал на земли своего благодетеля. Тимур спешно возвращается и разбивает Тохтамыша. Год спустя, оправившись после поражения, ордынский хан вновь нападает на Тимура. На стороне татар воюет московский полк. Армия Тимура побеждает снова.

Снова и снова, с поразительным упорством, Тохтамыш старается разбить армию Тимура и неизменно терпит поражение. Как и прежде, Тамерлан (Тимур), разбив противника, не остается на завоеванной территории, а уходит к себе, разрушив взятые города, уничтожив их защитников, забрав пленных. Едва тюрки уходят, хан Золотой орды возвращается. В 1393 г. Тохтамыш посылает из Таны (Азов) письмо польскому королю, требуя уплаты дани. В 1395 г. Тамерлан решает покончить с неугомонным противником. На этот раз он выбирает прямой путь — через Кавказ в направлении главных городов Золотой

орды — Сарая и Астрахани. На берегу Терека армия Тохтамыша была разгромлена. Хан бежал. Тимур разорил Тану, Сарай и двинулся на север против данника ордынского хана — Москвы. Князь Василий, собрав большое войско, вышел к реке Оке — границе московского княжества. Летопись рассказывает о религиозном подъеме, напоминавшем чувства, пережитые накануне битвы с Мамаем. Из Владимира в Москву по распоряжению великого князя и митрополита Киприана была перенесена чудотворная икона богородицы, которую в XII в. Андреи Боголюбский привез из Киева во Владимир. Тимур, разорив русский город Елец, дальше не пошел и повернул из Рязанской земли на юг. Война между Тохтамышем и Тамерланом втягивала в кровавый водоворот все народы евразийского континента и оказывала важнейшее значение на отношения между Москвой и Литвой. В треугольнике Тохтамыш—Василий—Витовт идет, в зависимости от исхода военных столкновений, постоянная смена союзников: вчерашние противники объединяются против вчерашних друзей, потом расходятся и создают новые альянсы. Каждая из сторон преследует свои цели, которые состоят прежде всего в расширении подвластной территории.

Битовт, став в 1392 г. великим князем литовским, продолжает политику Ольгерда, стремясь к установлению своей гегемонии в православном мире восточной Европы. В 1395 г., воспользовавшись занятостью Москвы, готовившейся отражать нашествие Тамерлана, Витовт захватывает Смоленское княжество. На следующий год литовский князь включает в свои владения г. Любутск на Оке, вклиниваясь между Москвой и Рязанью, планируя обход московского княжества с юга. Разбитый в очередной раз Тохтамыш бежит в Литву. Витовт решает помочь свергнутому хану Золотой орды вернуть себе трон. Имея своего ставленника в Сарае, Литва получала бы важный инструмент давления на Москву.

В 1399 г. на реке Ворскле (приток Днепра) сильная армия Витовта, отлично вооруженная, в том числе артиллерией, состоявшая главным образом из западнорусских полков, была наголову разбита татарами, которыми командовали хан Золотой орды Тимур-Кутлуг и прославленный полководец Едигей. Москва могла вздохнуть. Литовцы потеряли Смоленск. Вскоре, однако, Витовт начал вновь собирать силы. В 1404 г. он захватил Вязьму, а в 1405 г. вернул себе Смоленск, который на два с половиной столетия стал пограничным городом, за который не переставали воевать русские и поляки.

Литовская опасность приобрела в глазах Москвы особую остроту после принятия литовцами католичества, «латинской веры». Веротерпимые язычники литовцы переменились, став католиками: они стали обращать в свою веру православное население княжества. Сопротивление большинства населения княжества побудила Витовта искать возможности объединения церквей — унии. Одно время ему казалось, что программа гуситов может стать основой унии, но идеи чешских протестантов не нашли широкого отклика у православных жителей Литвы. Витовт добился установления особой православной митрополии для Литовской Руси. В 1418 г. митрополит был послан в Констанцу на вселенский собор. Констанцский собор признал Яна Гуса еретиком и присудил его к сожжению. Переговоры об унии — на основе гуситской программы — закончились неудачей. Но идея унии пробивала себе дорогу.

Опасность со стороны Литвы вынуждала Москву искать помощи в Орде. Тем настоятельнее, чем сильнее становился Витовт. Оставив на некоторое время Москву в покое, литовский князь сосредоточил свое внимание на угрозе Литве со стороны крестоносцев. Хотя после крещения Литвы деятельность Тевтонского ордена, казалось бы, потеряла смысл, «псы-рыцари» не хотели отказаться от своего намерения создать могучее государство на территории Восточной Европы. В 1410 г. объединенные силы Литвы, Польши, западнорусских княжеств разгромили немецкий орден в битве под Грюнвальдом, который немцы называли Танненбергом. Битва подорвала силы Тевтонского ордена, столетие спустя его владения были превращены в светское государство (1525), находившееся в ленной зависимости от Польши. Это государство — Пруссия — заставит говорить о себе в последующие века. Битва под Грюнвальдом, противоречивые и неясные сведения о которой

дошли до потомков в записях летописцев, прежде всего поляка Длугоша, стала символом столкновения между славянами и немцами. Немцы считали поражение черным пятном в своей истории, позором, который, по их мнению, был смыт в августе 1914 г. разгромом русской армии в восточной Пруссии в битве под Танненбергом. Во время войны с гитлеровской Германией битва под Грюнвальдом пропагандировалась, как «исторический пример боевого единства славянских и прибалтийских народов». Победа приписывалась «русским, литовцам, полякам, чехам»[63]. Историк может добавить: и татарам, ибо в армии Ягеллы-Витовта были и татарские отряды.

Сражение под Грюнвальдом-Танненбергом, в котором столкнулись, с одной стороны, поляки, литовцы, смоленский полк, чешские дружины, а с другой — рыцари Тевтонского ордена (призвавшие на помощь любителей приключений и добычи из Западной Европы) и которое очевидным образом не носило характера национальной войны, превратилось в мифологическую схватку, используемую потомками для возбуждения национальных чувств.

Победа под Грюнвальдом значительно усилила Витовта, снявшего угрозу, нависавшую над Литвой с Запада. В 1411 г. ставленник великого князя литовского захватывает власть в Орде: Москва видит в этом такую опасность для себя, что после 15-летнего перерыва решает возобновить уплату дани хану. Василий 1 едет в Сарай «со множеством богатства». В 1413 г. польско-литовский сейм утверждает новый договор об унии между Польшей и Литвой. Литовское княжество признает суверенитет польской короны, взамен литовская знать приобретает все права и привилегии польской шляхты при условии принятия католической веры. Это значительно усилило польскую партию при дворе великого князя и побудило его искать пути к соглашению между православной и католической церквями.

В 1425 г. московский великий князь Василий I умирает. За 36 лет правления он добился крупных успехов в деле «собирания» земель. «Добыл» Муром с волостями, присоединил Суздаль, некогда столицу великого княжества, Нижний Новгород, богатейший город на Волге, Тарусу, Городец, Боровск. После набега Едигея на Москву (1408), выдержавшую трехнедельную осаду и не открывшую ворот хану, московское княжество жило в мире, который во многом был заслугой дипломатических усилий Василия I. Еще до смерти великий князь составил завещание, в котором передавал все московское княжество единственному наследнику — малолетнему сыну Василию. Предвидя трудности, которые могли возникнуть у наследника, великий князь завещал «своего сына Василия и свою княгиню и свои дети своему брату и тестю великому князю Витовту». Кажется неожиданным доверие великого князя московского Витовту, который, хотя и был отцом его жены, не переставал быть опаснейшим противником Москвы. Но Василий I, видимо, хорошо знал своих русских родственников. В год смерти князя сыну было 10 лет, его именем правили митрополит Фотий и мать великого князя Софья. Дядя Василия II Юрий Дмитриевич отказался присягать племяннику, заявив о своем праве на великокняжеский престол. Фотий и московские бояре обратились за помощью к опекуну — Витовту. Страх перед ним на некоторое время образумил Юрия. Великий князь литовский, пользуясь слабостью Москвы, практически подчиняет себе Тверь и Рязань. Союзные договоры (1427 и 1429} предусматривают послушание тверских и рязанских князей Витовту, вольному по желанию жаловать и казнить; наказанием за переход на службу к другому князю было лишение вотчины. Московское великое княжество, охваченное Витовтом и его союзниками-вассалами с севера и юга, было, казалось, обречено стать частью великого княжества литовского. Смерть Витовта в 1430 г. положила конец литовским успехам. Началась борьба за наследство между братом Ягайлы Свидригайло и братом Витовта Сигизмундом. Свидригайло возглавлял православную партию, его противник — католическую. Сигизмунд вышел победителем, но в 1440 г. был убит в результате заговора литовско-русской знати. Великим князем литовским был избран сын Ягайло Казимир (Ягеллончик). В 1445 г. он был

избран также и польским королем. Литовская Русь все сильнее втягивалась в польскую орбиту.

Смерть Витовта, открывшая эпоху смуты в Литве, стала сигналом к «замятие» в Московском княжестве. Одной из важных причин усиления Москвы был мирный, спокойный переход престола от отца к сыну на продолжении четырех поколений — от смерти Данилы до смерти Василия I. Это был новый порядок, нарушавший старый — по старшинству. Против нового, в защиту древнего выступил Юрий, сын Дмитрия Донского, не желавший присягать десятилетнему племяннику, настаивавший на своем праве занять московский престол. В частности, он ссылался и на завещание (духовную) Дмитрия Донского. За решением спора Юрий и Василий отправились в 1431 г. в ханскую ставку. Тяжба затянулась, пока, наконец, хан не принял решение. Летописцы приписывают выбор хана ловкости московского боярина Всеволожского, доказавшего, что источник права — не старые хроники и не мертвые грамоты (духовная Донского), а его личная ханская воля. Можно констатировать, что в начале XV в. в Москве уже хорошо понимали суть самодержавной власти. Хан внял аргументам московского дипломата и решил спор в пользу Василия.

Воля хана давно уже перестала быть окончательным решением. Юрий, воспользовавшись помощью рязанского и можайских князей, свергает Василия. Начинается многолетняя война, которую после смерти Юрия в 1434 г. продолжают его сыновья Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Борьба носит жестокий даже для своего времени характер: Василий II, взяв в плен двоюродного брата Василия, ослепляет его (отсюда прозвище — Косой), попав в свою очередь в плен к Дмитрию, Василий II был тоже ослеплен (отсюда — Темный), Дмитрий Шемяка был в 1450 г. после поражения отравлен. Длившаяся два десятилетия междоусобица завершилась победой нового, московского порядка престолонаследия.

Бурными событиями обозначено княжение Василия II. Василий Ключевский, со свойственным ему лаконизмом, рисует портрет своего тезки: «Начав княжение чуть не ребенком, мягкий и благодушный, Василий, казалось, совсем не годился для боевой роли, какая ему была суждена. Не раз побитый, ограбленный и заточенный в тюрьму, наконец, ослепленный, он, однако, вышел из 19-летней борьбы с приобретениями, которые далеко оставили за собой все, что заработали продолжительными усилиями его отец и дед»[64]. Среди множества событий выделяются два, имевшие огромное историческое значение, смысл которых, возможно, не осознавался полностью современниками. Первое было связано с церковью. Василий решил поставить на освободившееся место митрополита рязанского епископа Иону и послал его в Константинополь на утверждение. В столице Византии кандидатуру Ионы отвергли и поставили митрополитом на Русь грека Исидора. Участник Вселенского собора, который собрался в 1438 г. в Ферраре и был затем перенесен во Флоренцию, Исидор «принял унию», был согласен с решением собора объединить восточную и западную церкви. Явившись из Флоренции в Москву, митрополит отслужил литургию по новому образцу, вознес имя Папы Римского прежде имени Патриарха Константинопольского и прочитал определение собора о состоявшейся унии. Великий князь Василий счел действия Исидора изменой православию, объявил его лже-пастырем и заключил в тюрьму[65]. В 1441 г. собор русских епископов избрал митрополитом Иону.

Русская церковь становилась не только национальной, но и автокефальной, то есть независимой от Византии. Не менее важное значение имело и то, что, согласившись на унию, Византия потеряла свою роль источника и непоколебимого оплота православия. Византийский народ и простые священники отвергли унию, епископы, принявшие ее, вынуждены были уехать в Рим. Но престижу византийской церкви был нанесен тяжелый ущерб. Единственной хранительницей православия объявила себя Москва.

Второе, чреватое важнейшими историческими последствиями, событие связано с «татарскими делами». Некоторые историки датируют его точно (1452), но событие —

создание Касимовского царства — было завершением процесса, который начался гораздо раньше. В 30-е годы XV в. Золотая орда начинает распадаться все быстрее и быстрее. Ослабление авторитета центральной власти ведет к тому, что некоторые ханы начинают на свой страх и риск воевать с Москвой (нападая и на другие княжества), а другие переходить на службу к московскому князю. Василий охотно их принимает — опытные воины значительно усиливают московскую дружину — и щедро награждает землями. Это вызывает недовольство в Москве, где великого князя обвиняют в том, что он «татар любит паче меры». Недовольством пытается воспользоваться Дмитрий Шемяка: в 1446 г. он захватывает Василия на богомолье в Троице-Сергиевской лавре, ослепляет его и ссылает в Углич.

Очень быстро выясняется, что у Василия гораздо больше сторонников, чем предполагал его противник. Главную поддержку ослепленному князю оказывает духовенство. В 1447 г. духовный собор категорически осудил узурпатора, сравнив притязания Юрия, отца Шемяки, на московский стол, с грехом праотца Адама, возымевшего желание, внушенное ему сатаной, сравняться с Богом. Русское духовенство объявило единственно правильным порядком престолонаследия переход великокняжеского титула по нисходящей линии — от отца к сыну. Этот порядок был назван «исконным» то есть древним обычаем Руси, что не соответствовало истории, но узаконивало московский обычай. «Усобица еще не кончилась, — замечает Ключевский, — а глава русской иерархии уже провозглашал единовластие законного московского великого князя совершившимся фактом, пред которым обязано преклониться все русское общество, и князья, и простые люди»[66].

Вернувшись в Москву, Василий продолжает свою политику привлечения татар на службу. В 1452 г. он дает в пожизненное владение татарскому князю Касиму Мещерский городок на р. Оке. На юго-восточной окраине Московского княжества возникает вассальное татарское царство, в задачу которого входит оборона московской границы от угрозы, возникшей после создания Казанского царства. Казанский хан Махмут и мещерский князь Касим были родными братьями, что усиливало их вражду. Политика Василия превращает Москву в один из центров притяжения для осколков разваливающейся Орды. Становится самостоятельным Крымское ханство и одновременно поток татар, идущих служить Москве, увеличивается. В Сарае еще сидит хан Золотой орды, но возможности его очень ограничены. Татарское иго — и формально — близится к концу. Сын Василия Иван III объявит о полном освобождении Руси.

Завещание Василия II подводит итог почти четырем десятилетиям правления. Смутное время борьбы за московский стол не помешало великому князю добиться замечательных результатов. Можно бы сказать, что смута, «замятия» сокрушила силы сторонников древней традиции, шедший из Киевской Руси, способствовала окончательной победе Москвы. Когда Василий вступил на великокняжеский стол, московская вотчина была разделена на десяток уделов, принадлежавших родичам князя. Когда он писал завещание, вся вотчина была в его руках. Ему принадлежало также Суздальское княжество, его воле подчинялись господин великий Новгород и Вятка. Московский князь завещал своему сыну титул великого князя и включил великокняжескую власть в состав наследственной вотчины.

Георгий Вернадский, деля русскую историю на периоды, видит концом периода, который начался в 1238 г. вторжением татар, основание зависимого от Москвы Касимовского царства в 1452 г. Большинство историков склонны считать концом периода татарского ига и началом новой эпохи — 1462 г., когда после смерти Василия Темного великим князем московским стал его сын Иван III. Права Москвы на объединение всей северо-восточной Руси были утверждены ее силой и признаны духовенством и боярством. Литва как главный соперник, важнейший претендент на объединение русских княжеств под властью потомков Гедимина, выбрав союз с Польшей и унию, перестала быть конкурентом Москвы, оставаясь на очень долго противником.

Глава 3
МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, но империя, с ее особым универсальным самосознанием.

Георгий Федотов

Еще при жизни Василий Темный, желая гарантировать московский престол старшему сыну (великий князь хорошо помнил все, что пришлось пережить ему), сделал его соправителем. После смерти отца Иван III без всяких осложнений принял бразды правления Московским княжеством и твердо держал их 43 года. Продолжая политику своего деда и отца, Василий I (1389—1245), Василий II Темный (1425—1462), Иван III Великий (1462—1505) в течение века преследовали с поразительной последовательностью одну и ту же цель; усиление своей власти. Расширение личной власти великого князя необходимо требовало расширения подвластной территории. Политика московских князей во многом закладывает основы московского царства и петербургской империи. Василий Ключевский писал: «Московское государство зарождалось в XIV в. под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI вв. среди упорной борьбы за существование на западе, юге и юго-востоке»[2]. Американский историк Марк Раев, не соглашаясь с тем, что существование московского княжества, а затем государства, было в XIV—XVI в под угрозой, находит для определения московской политики понятие, которое используют исследователи истории древнего Рима. Они называют экспансию Вечного Города сначала в Италии, а затем все дальше и дальше - «оборонительным империализмом». Каждая приобретенная тем или иным способом территория имела соседей, которые в свою очередь становились опасными, ибо были объектом дальнейших захватов.

Государь всея Руси

Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира.

Сигизмунд фон Герберштейн

«Записки о Московитских делах» барона фон Герберштейна, приезжавшего в Москву послом от императора Максимилиана, — первое свидетельство иностранца о сильном государстве, внезапно для Запада появившемся на международной арене. Императорский посол посетил Москву дважды (впервые в 1517 г.) в годы правления Василия III. Дипломата поражает власть великого князя — сына Ивана III и отца Ивана IV Грозного. Объем этой

власти, ее идеологическое обоснование Василий III получает в наследство от своего отца. Правление Ивана III принадлежит к числу важнейших периодов русской истории. Современники назвали Ивана III великим и своими делами он вполне это определение заслужил.

Хронологическая таблица, приложенная к статье «Россия», напечатанной в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона в 1899 г., отмечает важнейшие события второй половины XV в.: поход Иоанна III на Новгород (1471), брак Иоанна III с Софией Палеолог (1472); присоединение Новгорода к Москве (1478); свержение татарского ига (1480); присоединение Твери к Москве (1485); издание первого Судебника (1497), падение Золотой орды (1502); перемирие с Литвой (1503); осуждение ереси жидовствующих (1504). Перечень важнейших событий правления Ивана III выделяет прежде всего внешнеполитические акции: присоединение к Москве Новгорода и Твери, освобождение от татарского ига, войну и перемирие (будет продолжаться недолго) с Литвой, а кроме того — брак с византийской принцессой, который окажет значительное влияние на выработку имперской идеологии, осуждение ереси жидовствующих, — важный шаг в истории русской церкви, наконец, составление Судебника, подытожившего административную деятельность Ивана III.

Внешняя политика занимала Ивана III прежде всего. После внезапного исчезновения Советского Союза появилось новое геополитическое выражение — ближнее зарубежье. Оно обозначает ставшие независимыми республики, совсем недавно бывшие советскими. В этом выражении есть подсознательное нежелание отпускать бывшие составные части СССР совсем — в дальнее зарубежье, в иной мир. С некоторыми оговорками можно говорить о существовании для Москвы второй половины XV в. «ближнего» и «дальнего» зарубежья. Дальнее — это все земли, лежавшие вне Московского княжества. Ближнее — удельные княжества, составлявшие часть московской территории, но находившиеся во власти своих князей — ближайших родственников московского великого князя.

Собирание Руси было невозможно без собирания Москвы. Начиная с первых московских князей, идут два параллельных процесса: расширение территории княжества за счет соседних земель и усиление власти великого князя за счет владений удельных князей. Иван III, вступив на престол, не был единственным властителем Московского княжества, у него было 4 удельных брата и двоюродный удельный дядя. Иначе говоря, в составе Великого княжества московского было пять формально независимых княжеств, отношения между которыми определялись договорами.

Во второй половине XV в. Русь состоит из двух основных территорий: юго-западная — находящаяся под властью Польши и Литвы, северо-восточная — платящая дань хану. На северо-востоке наряду с Московским княжеством существуют две группы самостоятельных территорий: вольные города (Новгород, Псков, Вятка) и четыре великих княжества: Рязанское, Ростовское, Ярославское и Тверское. Значительно расширив свою территорию со времен Данилы и Ивана Калиты и значительно усилившись, Москва все еще уступала по размерам земли не только Литве, но и Новгороду. В радиусе ста — ста с лишним километров от города Москвы проходили границы: на севере с Тверью, самым враждебным Москве русским княжеством; на юге — по берегу Оки шла сторожевая линия против татар, на западе — с Литвой.

«Собирание» Москвы, неустанное расширение территории княжества было основой политики всех ее князей. Иван III продолжает дело предков. Важнейшим инструментом разложения удельных княжеств, что способствовало их поглощению Москвой, было использование права на «отъезд», — гарантия свободы в удельный период. Могли переходить крестьяне, могли переходить от одного великого князя к другому удельные князья. Это право, начиная с XIV в., подвергается одностороннему ограничению: в договорах между князьями появляются пункты, оговаривающие, когда можно принимать отъездчиков, а когда нельзя, в каких случаях их полагается выдавать. Становясь сильнее,

Москва вырабатывает своеобразное понимание права «отъезда»: она охотно принимает тех, кто приезжает к московскому князю и клеймит как изменника того, кто уходит от него. Чем привлекательнее становится Москва по мере роста ее силы и богатства, тем больше беглецов находит у нее приют, что снова усиливает княжество.

Активно уничтожая уделы в пределах Московского княжества, Иван усердно раздвигает внешние границы Москвы. Используя силу, хитрость, матримониальные связи, Иван III приобретает Рязанское, Ярославское, Ростовское княжества. В 1485 г. падает Тверь, сравнительно недавно еще грознейший соперник Москвы. Падение удельных княжеств происходило при полном согласии их населения. Летописи свидетельствуют, что нередко местные дружины выдавали своего князя Москве. Когда Иван III подошел к Твери, толпа тверских князей и бояр переехала в московский лагерь. Тверской летописец считает измену главной причиной падения своего княжества.

Иван III вел внешнюю политику широким фронтом, действуя одновременно в разных направлениях. В 1471 г. великий князь московский отправился в поход на Новгород. Купеческая республика раздиралась социальным конфликтом: боярско-купеческая верхушка, превратившаяся в настоящую олигархию, держала в своих руках всю власть. Вече теряло свою силу, ибо его решения не имели законодательного характера. На другой день «верхушка» могла победить или подкупить «крикунов» и перерешить все наоборот. Кроме того, бояре создали свой Совет, который действовал рядом с вече, как правило, более эффективно. В городе возникли две партии — боярская и «черного народа». Первая из них искала помощи в Литве, вторая — у московского князя. Заключение в 1471 г. союзного договора с Казимиром, великим князем литовским, который был одновременно и польским королем, стало предлогом для войны. Согласие Новгорода принять литовско-польского наместника и гарантию вольностей со стороны Казимира вызвало негодование в Москве, где увидели в действиях новгородцев национальную и религиозную измену. Против Новгорода была двинута сильная московская рать, возглавляемая одним из лучших полководцев своего времени князем Даниилом Холмским, поддержанная татарской конницей, которую вел сын касимовского царя. Новгородское ополчение не имело никаких шансов против русско-татарской армии и было наголову разбито на р. Шелони. Новгород отказался от всяких сношений с Литвой и выплатил огромный откуп. Король Казимир, не имея возможности оказать прямую помощь союзнику, поднял на Москву хана Золотой орды, Ахмата, который дошел до Оки и остановился. Иван III выслал против враждебных татар дружественных, которые приготовились ударить по тылам золотоордынцсв, если бы те продолжали движение к Москве. Ахмат повернул назад и быстро вернулся в свои степи.

Московская партия в Новгороде не перестает обращаться к московскому князю за поддержкой в распрях с противниками. В 1475 г. Иван III едет в Новгород, чтобы лично судить и расправиться со сторонниками старинных вольностей. В 1478 г. он отправляет свое войско в новый поход. По свидетельству летописца, Иван, в ответ на вопрос новогородцев, чего он хочет, обьявил: «Вечу-колоколу в Новгороде не быть, а была бы моя государева воля, как в Москве». Осажденный город разделился на две партии: за войну или за подчинение Ивану III. После долгих споров было решено целовать крест московскому князю. Начались репрессии. В Москву был отправлен новгородский вечевой колокол — символ вольностей Господина Великого Новгорода, были схвачены и вывезены вожди «литовской партии». Затем в течение многих лет продолжалась «чистка»: Иван III, как считают современники, «вывел» из Новгорода 18 тыс. семей, т.е. примерно 72 тыс. человек, многие бежали в Литву. Поместья высланных и беглецов отходили в казну московского князя. Были захвачены также казна, золото, серебро и другие драгоценности, принадлежавшие новогородскому архиепископу, который также был отправлен в Москву. Описывая грабежи и репрессии, новгородский летописец заключает: «Я бы и еще что-нибудь написал да не могу от большой печали».

Покорение Новгорода имело важнейшее экономическое и стратегическое значение. Северные владения Новгорода, ставшие московскими, раздвигали московские пределы к Ледовитому океану, становилась плацдармом будущего продвижения в Сибирь и к Тихому океану. Особенно важным было политическое значение победоносных походов Ивана III. была ликвидирована система, чуждая московской концепции единой самодержавной власти. Социальные конфликты, раздиравшие Новгород, ставшие одной из причин его гибели, рассматриваются большинством русских историков как основательная причина поглощения Москвой древнерусской демократии, вольного города.

Новгород мешал Москве. Мешало вече, несовершенная, но действовавшая форма свободного изъявления воли. Мешали связи с Западом: Новгород искал помощи против Москвы у Литвы, но связан он был с немецкими городами, с Ганзейским союзом. Мешал активный индивидуализм новгородских купцов, искавших на свой страх и риск прибыль в далеких землях. Разгром Новгорода Москвой замкнул кольцо; прошло восемь веков со дня, когда горстка варягов, возглавляемая легендарным Рюриком, отправилась из Новгорода искать земли и богатства. Потомок воинственных предков проглотил город, откуда началась письменная история Руси.

Новогородская политика Ивана III была неразрывно связана с отношениями Москвы с двумя главными противниками: Литва претендовала на роль опекуна Новгорода и заключила союз с Золотой ордой, нуждавшейся в литовской помощи для борьбы с московским князем. Союзник Литвы, золотоордынский хан Ахмет, облегчая положение Литвы, совершил поход против Ивана III в 1472 г. и ушел, не добившись своего, без битвы. Восемь лет спустя он отправился в новый поход. Летом 1480 г. на р. Угре, разграничивающей московские и литовские владения, встретились русские и татары. Они долго стояли на противоположных берегах реки и разошлись без боя. Союзником русского воинства были татары — отряды крымского хана Менгли-Гирея, с которым Иван III заключил договор о взаимной помощи.

В русской истории противостояние на р. Угре принято считать концом татарского ига, знаком освобождения. Иван III отказался платить дань Золотой орде. Москва не избавится от татарской угрозы: набеги на Русь, на столицу княжества будут продолжаться еще долгие десятилетия. Но татарская опасность приобретет иной характер. Исчезнет зависимость, которая будет заменена отношениями — враждебными или дружескими, в зависимости от обстоятельств, от силы сторон. Главное — татарская политика Ивана III и его потомков будет строиться на возможностях маневрирования между многими татарскими ханствами (царствами, как их называли современники), возникшими на обломках Золотой орды, окончательно ликвидированной в 1502 г.

Условность даты освобождения от татарского ига, сравнение несобытия, «противостояния» 1480 г., с кровавыми событиями: нашествием Батыя, штурмом Киева, разорением Москвы, Куликовской битвой — обозначает условный характер «ига» в XV в. Традиционная формула гласит: «250 лет татарского ига». Она Должна объяснять характер русского государства, психологию народа и т.д. В 1905 г. немецкий статистик Рудольф Мартин написал книгу «Будущность России и Японии», в которой предсказал русскую революцию как результат поражения империи Николая II в войне со страной Восходящего солнца. Книга имела международный успех и год спустя вышла на русском языке под заглавием — «Будущность России». В главе о причинах русской катастрофы автор объяснял все очень просто. «Благодаря трехвековому господству татар (1239—1480) Россия опустилась так низко, что от этого удара она еще до сих пор не может оправиться. Финансовое расхищение России татарскими князьями было настолько отяготительно для страны, что должно было отнять у народа всякую охоту к работе»[3]. Рудольф Мартин не был историком и использовал расхожий штамп для своей аргументации. Историки, изучавшие прошлое, как указывалось выше, сильно нюансируют оценку двухсот пятидесяти лет подчинения Москвы ханской власти. Неоднозначность характера «ига» и его значения в истории России демонстрируется переменами в его оценке в разные периоды. Обращает на

себя внимание связь между отношением к Западу и к татарскому периоду русской истории. Ссора с Западом, недовольство им ведет обычно к благосклонным воспоминаниям о Золотой орде, вспышке любви к Азии. Как правило, это эпохи кризисов, ослабления России. Например, первая половина XIX в., отмеченная нашествием Наполеона и польским восстанием 1830 г., была временем горячего ханофильства. Симпатии к татарскому прошлому выражались в литературе. Популярный драматург Рафаил Зотов сочинил в 1823 г пьесу «Юность Иоанна III или нашествие Тамерлана», в которой татарский учитель воспитывал юного московского князя. Нынешний взрыв интереса к «евразийству», концепция Льва Гумилева о «русско-татарском симбиозе» в XIII—XV вв. подтверждают правило: 90-е годы XX в. — время глубокого кризиса. Отношение к татарскому «игу» и Азии становится отражением состояния русского государства.

Фокусом восточной политики Ивана III была Казань. Она отражала изменение в расстановке сил. На развалинах Золотой орды возникло три ханства. Первым, в 30-е годы XV в., было Крымское, затем, в 40-е годы, — Казанское, а в 60-е годы — Астраханское Астраханское ханство, самое слабое, занимавшее земли между нижней Волгой и устьем Дона, Кубань и Терек, не играло значительной роли в политической игре. Крымское ханство, включавшее не только Крым, но и значительную территорию, ограниченную на востоке нижним Доном, на западе устьем Днепра, на севере — линией, доходившей до Ельца и Тамбова, было в годы правления Ивана III союзником Москвы.

Подчинение Казани было одной из важных целей стратегии Ивана 1П. Московский князь стремился посадить на казанский трон своего ставленника и превратить ханство в зависимое государство. Он активно участвует в междоусобной борьбе претендентов, поддерживая одного против других. Пять раз московские войска, усиленные дружественными татарскими отрядами, ходили на Казань. В 1487 г. полки московского воеводы Даниила Холмского взяли столицу ханства и возвели на казанский престол ставленника Ивана III. Крымский хан Менгли-Гирей, воевавший с Золотой ордой, получал неизменную поддержку Москвы, что позволило ему в 1502 г, разгромить последнего хана Золотой орды, которая окончательно распалась. Действуя через «служилых», т.е. вассальных, и союзных татарских владетелей, Иван III добивается успехов в своей восточной политике.

Москва и Литва, соседи и извечные соперники, в течение долгого времени похожие друг на друга, начинают меняться под действием сил, движущих каждое из государств в разные стороны. Если принять взгляды Арнольда Тойнби, считавшего, что каждый народ отвечает по-своему на вызов географических и политических факторов, что и составляет историю народа и государства, то можно сказать: Москва и Литва давали противоположные ответы на вызов сходной геополитической среды. В то время как в Москве шел центростремительный процесс, ведший к усилению власти великого князя и его столицы, в Литве шел центробежный процесс, результатом которого было уменьшение власти великого князя и расширение прав местных князей и панов. Наличие в Литве двух религий — православной и католической — втягивало во внутреннюю политику православную Москву и католическую Польшу.

В 1492 г., после смерти польского короля Казимира, бывшего одновременно великим князем литовским, на литовский престол был выбран его сын — Александр. Польским королем был избран Другой сын Казимира — Ян Альбрехт. Персональная уния, объединявшая Польшу и Литву, была временно разорвана. Иван III пользуется случаем и нападает на Литву. Предлогом были жалобы на религиозные преследования со стороны православных князей, уходивших служить Москве. Не имея сил, способных сопротивляться московскому войску, Александр в 1494 г. подписывает мирный договор и соглашается на уступку территорий на верхней Оке — вотчин бежавших князей (Вяземских, Воротынских, Одоевских, Новосильских). Литовский князь соглашается также признать московского великого князя «Государем всея Руси». Литва отказалась тем самым от всех притязаний на

объединение русских земель. Закрепляя договор, Иван III выдал свою дочь Елену замуж за Александра. Елена осталась в православной вере, и это вскоре стало причиной новых литовско-русских разногласий, дочь Ивана III жаловалась на то, что ее принуждают перейти в католичество.

Начинается новая война. Литва зовет на помощь Ливонский орден, на стороне Москвы — крымский и казанский ханы. В мае 1500 г. московские войска вторгаются в Литву, в июле на р. Ведроше громят армию Александра, татарские отряды захватывают Брянск, Вязьму, Дорогобуж, Путивль, пересекают Вислу и уходят далеко в глубь Польши. В 1501 г. московско-татарская армия разбивает литовцев и одерживает победу над ливонскими рыцарями, которыми командует гроссмейстер фон Плеттенберг. В разгар войны (1501) Александр избирается польским королем и восстанавливает унию между Польшей и Литвой, но литовско-русская знать не признает ее. В 1503 г. Александр подписывает с Москвой перемирие на 6 лет: Иван III сохраняет все свои завоевания на западе.

Внешняя политика Ивана III, значительно расширившая территорию московского княжества, была наглядным примером «оборонительного империализма». Великий князь московский завершает XV век, имея полное право назвать себя Государем всея Руси. Материальные (территориальные) успехи получают идеологическое обоснование.

Третий Рим

Два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не быти.

Филофей Псковский

Знаменитое пророчество псковского монаха Филофея было сформулировано в «Послании к великому князю Василию Ивановичу» — сыну Ивана III. Но 43 года правления Ивана III подготовили условия для объявления Москвы третьим Римом. Первоначальным было условие внешнее, падение Византии, захват в 1453 г. Константинополя турецким султаном Магометом П. Падение православной империи произвело огромное впечатление на Руси. С одной стороны, в нем видели предвещание конца света, но с другой — наказание за согласие в 1438—1439 гг. на Ферраро-Флорентийском церковном соборе принять унию, объединить восточную и западную христианские церкви. Согласие было временным, очень быстро Византия отказалась от унии, но в Москве не могли простить даже короткого колебания. Начинает складываться мнение, что «русский государь призван заступить место византийского императора и что русские люди, призванные занять первенствующее место среди православных народов вместо греков, суть лучшие христиане, чем сии последние»[4]. Автор биографии Филофея замечает, что «ни на западе Европы, ни в самой Греции мы не встречаем того вывода, который был сделан из Флорентийской унии и падения Константинополя русскими грамотными людьми»[5]. На Руси этот вывод делается и распространяется в литературных текстах. После падения Константинополя приобретает популярность на Руси «Повесть о взятии Царьграда». Ее автор Нестор-Искандер, по происхождению русский, обращенный в ислам, был участником осады и штурма столицы византийской империи. Его повесть привлекла особое внимание, ибо в ней рассказывалось о пророчестве Льва Премудрого, гласившем, что «русый» народ освободит Царьград от неверных. Автор увидел в «русых» — русских. Его толкование было с восторгом принято на Руси как доказательство того, что освободителями Константинополя будут русские. Появляются и другие повести, трактующие о политической преемственности Москвой византийского наследства. Повести о Вавилонском царстве, «Сказание о князьях

владимирских» устанавливают фантастическую генеалогию византийских императоров. Обработанные русскими монахами, они свидетельствовали о том, что московские князья являются прямыми потомками вавилонских правителей, которые передали наследство Византии Иван Грозный, утверждавший, что он ведет свой род от римского императора Августа, ссылался на «Сказание о князьях владимирских». Было подсчитано точно: Август перед смертью разделил мир между родственниками; брат Прус получил владения между Вислой и Неманом (Прусская земля), «а от Пруса четырнадцатое колено — великий государь Рюрик».

Политическая концепция московского самодержавия и преемственности Москвы — третьего Рима рождается в монастырях. Прежде всего потому, что они были единственным источником знания. Но также и потому, что они были серьезной силой, участвовавшей издавна в политической жизни, что было результатом их духовной и миссионерской деятельности. Монастыри появляются на Руси вскоре после принятия христианства, их число быстро растет начиная с XI в. Татарское иго было временем сильного развития монастырской жизни: за полтора столетия (XIV—середина XV в.) было основано до 180 новых монастырей[6]. В одних монастырях насчитывалось до 300 иноков, в других — 5—6 и даже по 2 монаха. Некоторые основатели монастырей сами писали для них уставы, но основы древнерусского монастырского быта были общими. Во главе монастырской общины стояли настоятель (строитель, игумен, архимандрит) и собор из «лучших братии». Обыкновенно настоятели избирались монастырским собором, но могли назначаться и епархиальным архиереем, если монастырь от него зависел. Настоятели известнейших монастырей утверждались в своей должности, а иногда и назначались великим князем. Прием в монастыри был свободным, но только лица, внесшие вклад, считались действительными членами монастырской общины; принятые без вклада, «Бога ради», не участвовали в монастырской жизни и составляли бродячий монашеский элемент, очень характерный для Древней Руси.

Вклады и колонизационная деятельность (монах поселялся в удаленных от людского жилья местах, возле него начинал селиться народ, возникал поселок) способствовали росту земельных владений монастырей. Монастырские вотчины росли также за счет княжеских пожалований, дара от частных людей, по завещаниям, за счет купли. Данные о монастырских владениях (кроме земли, монастыри владели домами, харчевнями, банями, соляными варницами и т.п.) имеются лишь с половины XVII в., когда, по некоторым сведениям, монастыри имели во владении примерно 83 тыс. крестьянских семей. Юридическое положение монастырских владений определялось жалованными грамотами, перечислявшими привилегии. Если они касались финансовых привилегий, грамоты назывались татарским словом — тарханы, если судебных — несудимыми грамотами. Грамоты жаловались татарскими ханами, московскими князьями (удельными князьями), новогородским правительством, митрополитами. Монастырям разрешалось призывать на свои земли людей, их крестьяне освобождались от податей и повинностей, взимать вместо правительства некоторые подати с определенных лиц. Важным было право монастырей судить людей, живших на их землях, и не быть подсудными местным светским и духовным властям, монастырские дела разбирал великий князь.

В конце XV в., по некоторым сведениям, треть всей государственной территории принадлежала монастырям. Огромные размеры монастырских владений вызывали двойную реакцию. С одной стороны, в монашеской среде рождается движение «нестяжателей», протестующих против земных богатств, собранных монастырями. Их взгляды выражает прежде всего Нил Сорский (род. ок. 1433 — ум. 1508), проповедовавший, что почва монашеских подвигов — не плоть, а мысль и сердце. С другой стороны, обширные монастырские владения начинают все больше интересовать московского князя. Борьба Ивана III с удельными князьями, с Новгородом и Псковом неумолимо вела его к столкновению с монастырями.

В декабре 1477 г., осаждая Новгород, московский великий князь потребовал от осажденных часть земель, принадлежавших архиепископу и монастырям, а затем раздал их в поместья боярским детям. Когда земель не хватило, московский князь решил воспользоваться великорусскими монастырскими землями. И встретил решительное сопротивление духовенства. В «чине православия» — на первой неделе великого поста - появился возглас. «Вси начальствующие обидящие святые Божия церкви и монастыри, отнимающие у них данные там села и виноградыи, аще не предстанут от такового начинания, да будут прокляты». Триста лет спустя этот возглас не напугает Екатерину II, осуществившую секуляризацию церковных земель. Иван III уступил, оставил монастырям их владения.

Вопрос о монастырских владениях лежал в центре бурной дискуссии о характере монастырей, их назначении, их отношений с народом и государем. Исключительность положения монастырей — единственных источников знания — превращала дискуссию в мастерскую, вырабатывавшую идеологию. Вторая половина XV— начало XVI в. — время бурной духовной — теологической, политической, культурной — жизни, один из важнейших периодов московской истории. В страстных и жестоких спорах формируется понимание особого характера московского государства, русского государя, миссии Москвы — столицы Руси в истории человечества.

Важным элементом рождающегося нового времени становится брак Ивана III. Первая жена Ивана, тверская княжна Мария, умерла в 1467 г. В 1472 г. 32-летний московский великий князь, государь всея Руси взял в жены византийскую царевну Софью Палеолог, племянницу Константина XI, последнего византийского императора, погибшего с оружием в руках во время штурма Константинополя турками. Софья была дочерью Фомы Палеолога, правителя Морей (Пелопоннеса), бежавшего после захвата полуострова турками в Рим. Когда умер Фома Палеолог, Софья и двое ее братьев остались под опекой римского папы. Идея брака между московским государем и византийской царевной возникла в Ватикане, где надеялись таким образом привлечь Москву к подписанию Флорентийской унии. В Москве были другие идеи.

Василий Ключевский пишет: «Иван III, одолев в себе религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии и женился на ней в 1472 г.» Невесту сопровождал папский легат Антоний. Перед ним на санях везли католическое распятие. Митрополит объявил жениху — великому князю: «Буде ты в благоверной Москве позволишь нести латинский крыж перед латинским бискупом, то он внидет в едины врата, а я, отец твой, другими изыду вон из града». Католическое распятие убрали. После венчания Иван III отверг все предложения принять унию. Софья привезла многочисленный двор, состоявший из греков, итальянцев и других чужеземцев. В Москву понаехали мастера. Среди них Аристотель Фиорованти, построивший Успенский собор в Кремле, другие архитекторы, приезжают специалисты по плавке металлов, чеканке серебряной посуды и монет.

Византийская принцесса, став московской княгиней, настаивает на введении сложного строгого церемониала; появляются новые титулы, переведенные с византийского. На печати московского великого князя появляется императорский византийский двуглавый орел. Софья своим присутствием легитимизировала политическую преемственность, принятие Москвой наследства погибшего второго Рима. Оставалась формальная проблема «татарского ига», уплаты дани хану. Она была решена в 1480 г. Уверенно и жестко усиливая свою власть, Иван III не брезговал никакими средствами, поглощая уделы. У Ивана III было четыре брата — удельных князя. В конце 70-х годов он запретил своим подданным переходить под власть братьев, отказался поделиться с ними новгородской добычей, хотя они участвовали в походах. Братья решили «уйти» к польско-литовскому королю Казимиру. И Иван III пошел на некоторые уступки, но обиды не забыл. Братья стали умирать. После смерти Юрия Дмитровского и Андрея Вологодского оставались двое. В 1491 г. Иван заманил Андрея Углицкого в «западню», как выражается летописец, и «уморил» в заточении. Вскоре

умер и последний брат — Борис Волоцкий. Выморочные владения перешли к московскому великому князю.

На дороге к самодержавной власти стояла церковь. Древняя Русь не знала конфликтов между светской и церковной властью, подобных тем, что потрясали Западную Европу. Церковь нуждалась в Москве, оплоте православия, и последовательно поддерживала политику московских князей; московские князья нуждались в церкви, легитимизировавшей их власть. Во второй половине XV в. происходят события, изменившие положение и вызвавшие ссору между церковью и князем; московская церковь становится, после падения Константинополя, совершенно самостоятельной, но в то же время теряет внешнюю поддержку, остается лицом к лицу с московским князем; великий князь московский обретает силу, которой он раньше никогда не имел, и продолжает ее увеличивать.

Ересь, возникшая во второй половине XV в., отношение к ней церкви и князя отражают спор между светской и религиозной властью. Не нуждается в специальных пояснениях факт появления ереси — крупнейшей в истории Древней Руси — в Новгороде. Открытый западной торговле и новым идеям, Новгород был воротами, куда пришли отклики религиозного брожения, бурлившего в это время на Западе. Достаточно вспомнить, что Лютер прибил к дверям церкви в Виттенберге свои тезисы в 1517 г.

Ересь жидовствующих, как называли ее современники, московско-новгородская ересь, как стыдливо выражались советские историки, известна очень плохо и главным образом по свидетельствам противников. По словам летописцев, ересь занес в Новгород еврей Схария, приехавший в Новгород в 1471 г. Отсюда имя секты — жидовствующис. Эту версию приняли русские историки. А за ними — писатели XIX в.: еврей Схария — действующее лицо романа Ивана Лажечникова «Басурман» и драмы Нестора Кукольника «Князь Даниил Васильевич Холмский». Советский исследователь полагает, что Захарий Скара Гвизольфи был итальянским князем, жившим в Тамани, и на Руси считали его «жидовином» «по недоразумению»[7].

Историки, обладая лишь очень скудными сведениями о ереси, считают, что «собственно еврейский элемент не играл, кажется, в этом учении особенно видной роли и сводился к некоторым обрядам»[8]. Или: «Следов иудейских вероучений в их учении незаметно».[9] Суть ереси жидовствующих можно представить в следующем виде: отрицание монашества и духовной иерархии; отказ поклоняться иконам; отрицание таинства причащения, троичности Божества и божественности Иисуса Христа.

Ересь распространялась в начале тайно — еретики продолжали соблюдать все православные обряды. В 1480 г. Иван III привозит из Новгорода в качестве «книжных людей» двух понравившихся ему священников, принадлежавших к «жидовствующим». Заняв видные места протопопов кремлевских храмов Успенского и Архангельского соборов, они деятельно пропагандировали свои взгляды, нашедшие в Москве многочисленных сторонников. В их числе был любимец великого князя Федор Курицын, которого называют первым русским министром иностранных дел. Талантливый дипломат, Федор Курицын много путешествовал и был восприимчив к новым идеям, Ему приписывается авторство «Сказания о Дракуле», написанном в бытность Курицына послом в Венгрии и Молдавии. К еретикам примкнули и духовные лица. Иван III имел представление о взглядах «жидовствующих» и относился к ним благосклонно. Можно полагать, что критика церковной иерархии и монастырского землевладения вызывала княжеское одобрение.

Официально ересь была открыта в Новгороде в 1487 г. Как рассказывает летопись, несколько пьяных священников «стали хулить православную веру». Об этом было донесено архиепископу Геннадию, который расследовал дело и объявил войну еретикам. В 1488 г. Геннадию с большим трудом удается убедить епископов, при сопротивлении великого князя и митрополита, собрать собор, осудивший еретиков и приговоривший к ссылке нераскаявшихся.

Распространение ереси было задержано только на короткий срок. Усилиями Геннадия в 1491 г. был созван новый собор: на этот раз виднейшие «жидовствующие» из духовной среды были прокляты и приговорены к заключению в тюрьму. Не добившись их казни, Геннадий, уже наслышанный о недавно учрежденной испанской инквизиции, организовал в Новгороде подобие аутода-фе (без сожжения). Но и это не остановило еретиков. Движение разрасталось и в связи с тем, что 1492 год был по православному календарю последним: он заканчивал 7000 лет, отведенных на существование мира (сотворенного в 5508 г.). Апокалиптические настроения, ожидание конца истории побуждали интерес к астрологии («звездозаконная прелесть», как говорили в то время о соблазне увлечения «звездами»), к пророчествам. Умственное брожение наряду с реальными материальными интересами были почвой, которой питалось движение жидовствующих.

Геннадий, главный враг ереси, приглашает на помощь игумена Волоколамского монастыря, входившего в новгородскую епархию, Иосифа Волоцкого (1439—1515). Проповеди Иосифа Волоцкого, звавшего светскую власть начать беспощадные гонения на еретиков, встречают отпор со стороны монаха Кирилло-Белозерского монастыря Нила Сорского (ок. 1433—1508) и его учеников, известных под именем заволжских старцев. Борьба с еретиками превращается в один из важнейших в истории Руси политических споров, в ходе которого вырабатывается концепция власти московского государя, определяется принцип отношения к инакомыслию, к мысли вообще. Важным предметом разногласий было отношение к монастырскому имуществу. Нил Сорский, единственный, за кем древняя русская литература сохранила имя «великий старец», энергично протестовал против «стяжательства», полагая, что имущество деморализует монашество. «Нестяжательство» Нила Сорского и его последователей было духовным принципом, определявшим их отношение к монашескому обету. Схватка между «нестяжателями» и «стяжателями», как называли иосифлян, сторонников Иосифа Волоцкого, имела также характер политический; в ней участвовал великокняжеский двор. И, в конечном счете, не борьба идей, но решение Ивана III определило исход борьбы. Долгое время великий князь относился к «жидовствующим» доброжелательно: ослабление силы монастырей, ограничение их владений входили в его государственные планы. Сочувствовала «еретикам» сноха Ивана Елена, вдова его сына, которого в свое время великий князь назначил соправителем. После смерти соправителя наследником стал его внук — Дмитрий. Положение осложнилось после второго брака Ивана и рождения у Софьи сына Василия. Бояре, противники монастырей, куда нередко уходили крестьяне, поддерживали старшего наследника, К тому же была непопулярна при дворе Софья с ее иностранным двором.

В 1498 г. Иван III сделал выбор и решил венчать своего внука Димитрия «при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским». Это означало конец преследований еретиков. Но Софья сумела переубедить супруга, и сторонников Елены постигла опала — одни были казнены, другие пострижены в монахи. В 1502 г. Елена и Димитрий были заточены, а Василий объявлен наследником престола. «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому захочу, тому и дам княжение», — говорил Иван III. Переворот имел немедленные политические последствия: на соборе 1503 г. великий князь отказался от мысли о секуляризации монастырских земель, на соборе 1504 г. еретики были прокляты, некоторые из них сожжены, одни в Москве, в том числе и брат Федора Курицына, умершего к этому времени, другие — в Новгороде. Многие отправлены в тюрьмы или в монастырское заточение.

Поражение «жидовствующих» в результате решения великого князя, отказавшегося от слишком смелых и прямолинейных планов секуляризации монастырских владений, но сохранившего и усилившего свою власть над церковью (он назначал на церковные должности, Приказ Большого дворца контролировал управление монастырями и епархиями), было поражением взглядов «нестяжателей», решительной победой идеологии «иосифлян». Историк XIX в. В. Жмакин, автор книги о митрополите Даниле, ученике Иосифа

Волоцкого, определил место лидера «стяжателей» в годы его деятельности: «К нему примыкало большинство современных ему русских книжников. Он служил выражением духа своей эпохи, целой отдельной и обширной фракции русского интеллектуального люда. Личная его особенность заключалась существеннейшим образом в том, что в нем, как в человеке, обладавшем редкими способностями и дарованиями, которые под влиянием духа времени получили одностороннее развитие, резче и рельефнее отобразились недостатки современной ему эпохи. Он главным образом сгруппировал и объединил те воззрения, которыми жила большая часть современных ему русских книжников»[10].

В. Жмакин, писавший свое исследование в конце XIX в., видел Иосифа Волоцкого как представителя «недостатков современной ему эпохи». Роль игумена Волоколамского монастыря в формировании русской идеологии была значительно шире. В середине XX в. советский историк высоко оценивал «политико-теологический рационализм» Иосифа Волоцкого: «Политическая линия Иосифа Волоцкого, направленная на укрепление московского самодержавия, несомненно имела прогрессивное значение и куда более соответствовала новому положению объединившегося государства, чем консервативный гуманизм, если так можно выразиться, заволжских старцев с их мистикой и проповедью отхода от жизни, с их стремлением создать независимую от светской власти церковь»[11]. В конце 80-х годов XX в. советский философ придерживается того же мнения, считая, что «политико-социологическая доктрина» иосифлянской школы, ставившая своей главной задачей «идеологическое обоснование абсолютизма, защиту централизации и самодержавия», была для своего времени «позитивной программой, отвечавшей насущным стремлениям российской действительности»[12].

Сын боярина, выходца из Литвы, Иосиф Волоцкий (в миру Иван Санин) был личностью незаурядной, создателем политической концепции, положенной в основу русской идеологии, человеком, характер которого стал как бы моделью для будущих властителей дум и душ. Биограф пишет о нем: «Обид он никому никогда не прощал, критики не терпел. Немногие из его современников умели так энергично и систематически отстаивать свои позиции, правые или неправые — безразлично, как это делал он. В полемике с недругами он был непримирим и беспощаден. Упрямо, настойчиво, никогда не теряя присутствия духа, взвешивая каждый шанс и точно рассчитывая удар, он неуклонно шел к цели: вывести противника из строя, заставить его сложить оружие, прекратить поединок. От обороны он, как правило, всегда переходил в наступление и успокаивался только тогда, когда поверженный враг был окончательно раздавлен»[13]. Трудно представить себе, что, анализируя характер Иосифа XV века, автор, писавший в 1959 г., не имел в виду Иосифа XX века, умершего всего несколько лет назад. Хорошо, видимо, помня, что Иосиф Джугашвили (в миру — Сталин) познакомился с взглядами «иосифлян» в духовной семинарии. Он мог иметь в виду и В.И. Ульянова (Ленина), прямого учителя Сталина, также наследника идеологических приемов Иосифа Волоцкого.

Иосиф Волоцкий изложил свою концепцию православной теократии в книге «Просветитель или обличение ереси жидовствующих». Ему принадлежит название ереси[14], он объяснил ее происхождение появлением в Новгороде в свите литовского князя Михаила «жидовина Схарии». Уже в этом проявился полемический талант автора. На Руси было очень мало евреев. Тем не менее, как свидетельствует писатель XIX в. И. Лажечников, «...на Руси, несмотря на народную ненависть к ним, в Пскове, в Новгороде и Москве шныряли евреи — суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и послы»[15]. За четверть века до «Просветителя» распространялось «Послание инока Саввы на жидов и еретики», адресованное боярину Дмитрию Шеину, посланному Иваном III на разговоры с итальянским князем Захарием Скарой Гвизольфи, которого на Руси считали евреем. Послание Саввы целиком заимствовано из «Слова о законе и благодати» Илариона, который в XI в. противопоставлял подлинную веру — православие — фальшивой — иудейской. Иосиф Волоцкий, называя еретиков «жидовствуюшими», сразу же отправлял их в лагерь врагов истинной веры. Когда в

начале XIX в. в России (Тульская, Воронежская, Тамбовская губернии) возникла ересь субботников (считали днем отдыха субботу), по отношению к ним были приняты суровые меры (отдача в военную службу, ссылка в Сибирь), но также «в видах посмеяния над заблуждениями» и возбуждения в народе «отвращения» к ним повелено было «именовать субботников жидовскою сектой и оглашать, что они подлинно суть жиды»[16].

«Просветитель» рождается в ходе неистовой борьбы с противниками и несет на себе все черты полемики на уничтожение. Ненавистного ему митрополита Зосиму Иосиф Волоцкий называл «злобесным волком», «Июдой предателем», «черным калом» и т.д. Если верно, что стиль — это человек, стиль автора «Просветителя» убедительно свидетельствовал о характере вдохновителя борьбы с еретиками. «Просветитель или обличение ереси жидовствующих» не вдавался в богословские тонкости споров о вере. Автор книги не хотел убеждать, он настаивал на необходимости уничтожения еретиков, что автоматически вело к ликвидации ереси. Богословский спор пытались вести противники «иосифлян»; это, как правило, были люди образованные, имевшие свою литературу. Новгородский архиепископ Геннадий, призвавший Иосифа на борьбу с ересью, прислушивался к советам хорвата-доминиканца, жившего в Новгороде и хорошо знавшего методы католической церкви в борьбе с еретическими движениями. Для него, как и для Иосифа, важны были средства преодоления ереси и еретиков.

Доктрина Иосифа Волоцкого особенно хорошо выявляет свои основные принципы при сопоставлении с взглядами Нила Сорского и заволжских старцев. Прежде всего, разнились взгляды протагонистов на отношение к еретикам: сторонники Нила Сорского предлагали бороться с ересью словом и убеждением, «иосифляне» настаивали на репрессиях. Разное отношение к монастырской собственности выражено в названиях двух лагерей: «стяжатели» и «нестяжатели». Иосиф Волоцкий признавал, что богатство разлагает монашество. Но в то время как Нил предлагал монахам отказаться от имущества и заниматься духовным самоусовершенствованием, Иосиф считал увеличение монастырского добра необходимостью, а падение нравов предлагал излечивать строгой дисциплиной.

Важнейшие место в системе взглядов «стяжателей» и «нестяжателей» занимал вопрос о личной воле. Резко выступая против «самочинников», Нил Сорский настаивал на существовании личной свободы. Он говорил, что личная воля инока (и каждого человека) должна подчиняться только одному авторитету «божественных писаний». Иосиф Волоцкий настаивал на строжайшей иерархии, требовавшей безусловного подчинения низших высшим. И в его монастырь шли люди, искавшие подчинения: «Отрицание права личности, проявления единоличной воли, строгий последовательный внешний режим над всеми действиями инока сопровождались известными специфическими последствиями для его нравственного характера. Индивидуальные особенности инока, воспитывавшегося в Волоколамском монастыре, мало-помалу сглаживались перед методическим действием монастырской дисциплины и мало-помалу сливали его со средой, его окружающей... По самому характеру устава самыми подходящими людьми для поступления в монастырь были такие, для которых личная инициатива и самостоятельность не имели особой цены»[17].

Различное отношение к личной свободе особенно ярко проявилось в различном отношении к «божественным писаниям». Нил Сорский полагал, что «испытание» божественных книг, т.е. их критическое изучение, является главной обязанностью инока. Много занимаясь переписыванием книг, он подвергает списываемый материал критической оценке; списывает с разных списков, сличает их, делает свод наиболее вероятного. По его выражению, списывает только то, что «по возможному согласно разуму и истине». Иосиф отвергал «мудрствования», признавая «Божественными писаниями» почти всю совокупность церковной письменности. Один из его учеников выразил это отношение в краткой и яркой форме: «Всем страстям мати мнение, мнение второе падение»[18].

Резюмируя политические, церковные и общественные взгляды Иосифа Волоцкого, А. Пыпин, историк литературы, писавший в XIX в., однозначен: «Смысл их (взглядов) очевиден

— полное подчинение личности общества известному преданию, построенному частью на подлинных, частью на сомнительных церковных авторитетах, подчинение, не допускающее никакой новой формы жизни и новой мысли, отрицавшее их со всей нетерпимостью фанатизма, грозившее им проклятьями и казнями, представлявшее нравственную жизнь в послушном усвоении предания, в упорном застое». А Пыпин считает, что литературная деятельность Иосифа Волоцкого была не только «чрезвычайно характерным выражением того склада древнерусского просвещения, который образовался в результате предыдущих веков», но что этот «склад» стал «господствующим в два последующие века до петровской реформы»[19].

Историки, как русские, так и западные, давали различные объяснения причинам, ходу, итогам столкновения «стяжателей» и «нестяжателей», Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Н. Костомаров, говоря, что одно из этих направлений «опиралось на авторитет, другое — на самоубеждение, одно проповедовало повиновение, другое — совет; одно стояло за строгость, другое — за кротость», связывал «направление» Иосифа с Москвой, а «направление» Нила с Новгородом[20]. Богослов Георгий Флоровский в XX в. видел в победе «иосифлян» разрыв с византийской традицией и торжество московско-русского начала. Советские историки, стоявшие на почве ортодоксального марксизма, видели в Ниле Сорском «выразителя интересов», главным образом, боярства... «так как экономическое обогащение церкви, расширение ее земельных угодий отражалось отрицательно на экономике бояр...»[21], в Иосифе Волоцком — защитника интересов высшего черного духовенства. Все согласны с тем, что победу одержал Иосиф Волоцкий и что это имело огромное значение для будущего России. Отношение церкви к протагонистам достаточно красноречиво. Иосиф Волоцкий был канонизирован в 1591 г., через 76 лет после смерти. Через 375 лет после смерти старца его биограф сообщает: «Неизвестно, был ли Нил Сорский канонизирован формально»[22].

Борьба с еретиками, защита монастырской собственности, вся бурная деятельность Иосифа Волоцкого дала, в конечном итоге, теорию власти московских государей. Некоторые исследователи литературного наследия «неистового Иосифа» подчеркивают, что он менял свои взгляды, что его нельзя оценивать, не представляя себе эволюции его представлений на власть церкви и на власть князя. Они, конечно, правы. Но в русской истории роль Иосифа Волоцкого однозначна: ему принадлежит стройная система теократического абсолютизма, православной теократии, которую называют теорией власти московских государей. Эволюция взглядов игумена Волоколамского монастыря интересна для его биографов, конечный их вывод важен для истории Российского государства.

Два главных элемента лежат в основе системы московского теократического абсолютизма: обожествление государя и отношения между духовной и светской властью. Прежде всего — обожествление. Иосифу принадлежат несколько формул, которые приобретут широкую известность. «Царь убо естеством подобен всем человекам, а властью же подобен вышнему Богу»[23]; «...слышите, цари и князи, и разумейте... вас бо Бог в себе место избра на земли и на свой престол вознес, посади»[24]. Идея божественности княжеской власти не была открытием Иосифа Волоцкого. Его знаменитые формулы — это дословный перевод из писаний византийского автора VI в. Агапита. Утверждение о том, что царь только внешне похож на людей, но властью он обладает равной Богу, имеется уже в Лаврентьевской летописи и относится к великому князю суздальскому Андрею Боголюбскому[25]. Но в XII в. заявление о божественности власти князя, отвергнувшего Киев ради лесов и болот северо-восточной Руси, было только идеей. Иосиф возвращается к Агапиту, чтобы определить характер власти московского государя, когда ее размеры и ее характер позволяют предвидеть возможность реализации мечты. Идея нашла инструмент.

Иосиф Волоцкий разрабатывает свою концепцию московского князя, все чаще называемого царем, в последние годы княжения Ивана III и в первые годы правления Василия III. Он настаивает в своих посланиях на том, что московский государь является

абсолютным монархом на Руси, что все удельные князья должны оказывать ему «должная покорения и послушания», подчиняться во всем.

Божественный характер власти князя (царя) предопределяет отношения между ним и церковью. В. Жмакин исчерпывающим образом определил отношения между духовной и светской властью, как их видел Иосиф: «...Воззрения Иосифа Волоцкого на отношения церковной и государственной власти ставят государство в служебное положение к церкви, а церковь в подчиненное положение к государству, причем государственная власть обращается в блюстительницу всех церковных интересов, за каковую церковь платит государственной власти отречением от своей свободы и самостоятельности, делаясь послушным орудием государя. Сформулированное Иосифом отношение двух властей по своему характеру напоминает сделку или компромисс, выгодный для обеих сторон: государственная власть получает право проникать во все сферы церковной жизни и известным образом влиять на них. С другой стороны, и церковь, отказываясь от своей самостоятельности и поступаясь некоторыми своими правами в пользу светской власти, приобретает тем самым возможность сохранить за собой все те привилегии, которыми ее наделило прежнее время и которые никогда не входили в круг ее истинного и прямого назначения.»[26]

Две власти поддерживают друг друга, черпают силы одна в другой, возникает чрезвычайно стабильная система, прочно стоящая на земле и выполняющая дело Божественного промысла. Как замечает в XIX в. исследователь взглядов Иосифа Волоцкого, «суд и администрация — только воплощение божественной правды на земле, не может быть и речи о строгом разграничении функции государственной и церковной власти»[27]. В XX в. советской ученый одобрительно пишет, что «волоцкий игумен, несомненно, объективно выступал за централизованную власть против феодальной раздробленности»[28].

Место Иосифа Волоцкого в русской истории определяется созданной им «теорией власти московских государей». Но эта теория, возможно, не приобрела бы того значения, которое она сохраняла на протяжении веков, если бы не ее горячие сторонники. Историк XIX в. М. Дьяконов констатирует чрезвычайно важный факт: «...Иосиф... стоит во главе школы и партии, которую противники Иосифа прозвали его именем, характеризуя ее как презлых и лукавых монахов-иосифлян»[29]. Игумену волоцкого монастыря принадлежит, следовательно, слава основателя первой русской партии — иосифлян. То, что они были, по выражению историка, «злыми и лукавыми» — имеет второстепенное значение. Главное — Иосиф имел школу, создал партию.

Иосиф Волоцкий создал теорию могучего, самодержавного государства. Ревностный «иосифлянин», монах псковского Елиазарова монастыря Филофей дал этому государству цель. В послании Василию III, сыну Ивана и византийской принцессы Софии, Филофей сформулировал мессианскую программу Москвы. Вспомнив, что первый Рим пал, изъеденный язычеством, второй — под ударами неверных, он пророчествовал: два Рима пали, третий — Москва — стоит, а четвертому не быть. История завершалась: все православные царства христианской веры сходились «в твое едино царство». А в «богоспасаемом граде Москве» церковь в Успенском соборе (московская соборная церковь в реальном и в идеальном значении слова) сияет ярче солнца на всю вселенную. Пророчества Филофея получили широчайшее распространение на Руси и вплоть до Петра I входили дословно (Москва — третий Рим) в чин венчания московских царей.

Единственная истинная христианская вера — православие, единственный хранитель веры — Москва, олицетворяемая самодержавным государем. Концепция власти московских государей имела своим фундаментом успехи внешней и внутренней политики Ивана III. В 1487 г. немецкий рыцарь Николай Поппелъ рассказывал в Нюрнберге о своем открытии: во время поездки в северо-восточную Европу он обнаружил сильное, независимое государство — Московию. Император Фридрих III и князья Священной Римской империи слушали его с удивлением. Купцы и географы знали, конечно, о существовании Великого княжества

московского. Неожиданностью были сведения о силе молодого государства, о его независимости, вырванной у татарского хана. Неожиданность была для императора приятной, ибо на границы империи напирали польские Ягеллоны, а Московия, по словам Поппеля, была давним противником Литвы и Польши. Рыцарь-путешественник был немедленно отправлен обратно в Москву, куда он явился в начале 1489 г. в качестве императорского посла. Фридрих III предлагал заключить брак между дочерью Ивана и императорским племянником, баденским маркграфом Альбрехтом и приобщить Москву в состав Священной Римской империи путем пожалования великому князю королевского титула. Посол был удивлен, что предложение гордо отвергли. Поппелю сообщили от имени великого князя, что московские государи, «поставленные от Бога», никогда ни от кого «поставления» не просили, так и теперь в нем не нуждаются. Московский посол, поехавший с ответным визитом, говорил в том же году во Франкфурте, что великому князю неприлично отдать свою дочь за маркграфа, подходящей партией для нее мог бы быть только наследник императора Максимилиан.

Прошло лишь шесть лет в год первого приезда Николая Поппеля, как Москва формально перестала быть подданой Золотой орды. Восемь лет назад Иван III подчинил себе Новгород, и Москва взяла в свои руки его западные связи и объявила о своем желании участвовать в борьбе за господство на Балтике. Запад еще не понимал значения появления новой силы, не представлял себе ее размеры.

Москва и мир

Русская эпоха Меровингов начинается с уничтожения татарского ига (1480) и продолжается до последних Рюриковичей и первых Романовых, до Петра Великого (1689—1725)

Освальд Шпенглер

Немецкий философ, автор знаменитого в свое время «Заката Запада»[30], очерка морфологии мировой истории, как говорит о своем труде Шпенглер, полагает, что русская история XV-XVI вв., соответствовала истории Франции эпохи королей династии Меровингов, правивших в V—VIII вв. Иными словами, русская история «отстает» от западной примерно на восемь-десять столетий. Шпенглер настаивает. «Я всем советую прочитать франкскую историю Грегора Турского (до 591) и потом соответствующие главы старого Карамзина, прежде всего об Иване Грозном, Борисе Годунове и Шуйском. Сходства не может быть больше»[31]. Автор «Заката Запада» имеет в виду непрерывные междоусобицы и внешние войны, которые вели франкские короли и, как ему кажется, аналогичную борьбу московских князей с удельными князьями, а затем — эпоху Смуты Французами давно уже сказано, сравнение — не доказательство. При желании можно найти сходство в действиях Хлодвига (481—511) и Ивана III, но оно мало что объясняет и ничего не доказывает.

Идея об отсталости России не принадлежит Освальду Шпенглеру: он ее очень ясно и убежденно выразил. Многочисленные свидетельства «отставания» Московии от Запада приводят путешественники и дипломаты, ремесленники и военные наемники, хлынувшие в московское княжество в XV в. Выражение этому чувству дают и жители набиравшего силу государства. Они воспринимают «отставание» как различие, как непохожесть. Это чувство уже не уйдет из сознания русских. Народ, принадлежащий к христианской цивилизации, но к православной ее ветви, хотел считать себя одновременно внутри и снаружи. Необходимость догонять, в буквальном смысле слова, в некоторых областях, прежде всего в военном деле,

воспринималась нередко как подражание «латинянам», врагам церкви и подлинной веры. Влечение и отталкивание, интерес и презрение — смесь взаимоисключающих нередко чувств определяют отношение Москвы к внешнем миру. Но эти чувства определяют и отношение к Москве. Она привлекает и пугает. При Иване III и его наследнике в городе появилось множество иноземцев. Для жилья им выделили особый квартал — Немецкую слободу,

В XV в. Европа выходила из Средних веков. Складывалась цивилизация, разительно непохожая на московскую. Совершенно естественно, иностранцы сравнивают увиденное с тем, что они знают, и с изумлением, иногда ужасом, нередко с отвращением регистрируют отличия. Естественно, свое кажется им хорошим, чужое — плохим. Иностранные путешественники, начиная с Сигизмунда фон Герберштейна, оставившего замечательную книгу о Московии эпохи Василия III, отмечают всевластие великого князя (потом - царя), покорность населения, жестокость нравов. Точность этих наблюдении не подвергается сомнению. Но стоит вспомнить, что XV и XVI века (как, впрочем, и предыдущие столетия) были жестоким временем. Современник Ивана III — французский король Людовик XI превосходил русского князя жестокостью, целеустремленностью в достижении своих целей любыми средствами. Английский король Генрих VIII, современник Василия III, был тираном и непримиримым противником феодальных вольностей. В одно время с Василием III правили и католические короли Испании — Фердинанд и Изабелла, учрежденная ими инквизиция была могучим инструментом усиления абсолютной королевской власти. Современником Ивана III в Италии, откуда к нему приехала невеста, был Чезаре Борджиа, прославившийся жестокостью и беззастенчивостью в выборе средств в политике.

Московское государство, удивлявшее иностранных путешественников, не было более жестоким, чем время. Процесс централизации и постепенной ликвидации феодальных баронов на Западе соответствовал поглощению удельных княжеств Москвой. Важнейшей отличительной чертой Московии было поглощение личности государством, которое воплощалось в обожествленном государе. Учение, так следует назвать эту концепцию, о божественной власти московского государя дало ему новую легитимность. До провозглашения «божественной» доктрины источником его власти было наследство, полученное от деда и отца. Теперь княжеская верховная власть освобождалась от всякого земного юридического источника. Божественный источник власти московского государя превращал всех его подданных в подчиненные существа низшего порядка.

Слово «холоп» означало крестьянина, прикрепленного к земле, к своему господину, либо купленного раба. В более широком смысле слово употреблялось для обозначения слуги, покорного, безответного служителя. Начиная, примерно, с конца XV в. все просьбы, обращенные к великому князю, потом к царю, подписывались: холоп и имя. Холопами называют себя в обращении к государю все, в том числе удельные князья и даже братья Ивана III и Василия III. Совершенно очевидно, что если считает себя холопом государя ближайший его родственник, тем более считают себя княжескими рабами все другие подданные.

Й. Хюизинга, анализируя «осень средних веков», западноевропейскую жизнь в XIV—XV вв., называет три ее главных элемента; отвага, честь, любовь. Это качества индивидуальные, которым в московской жизни не было места. Отвага могла быть проявлена только на службе князя: в обществе, где все были «холопами» государя, понятие «чести» носило особый характер. Западноевропейская куртуазная любовь, изобретенная провансальскими трубадурами в XII в., страстная плотская любовь, воспетая Данте, Петраркой и множеством других поэтов, не могла стать элементом жизни на Руси, ибо литература до XVI в. была в руках монахов, а без литературной пропаганды любовь не существует.

Главными элементами русской жизни были — терпение, покорность, набожность. На этих основах строилась иная культура и непохожие на западные стереотипы поведения. Г.

Флоровский, автор «Путей русского богословия»[32], отмечает, что в «истории русской мысли много загадочного и непонятного и прежде всего, что означает это слишком долгое и затяжное молчание? Как объяснить это позднее и запоздалое пробуждение русской мысли?» Историк Г. Федотов, послереволюционный эмигрант, как и Флоровский, также недоумевает: «В грязном и бедном Париже XIII в. гремели битвы схоластов, а в золотом Киеве, сиявшем патерики...»[33]. Давались разные ответы на вопросы о причинах «отставания», как это понимали иностранцы, «своеобразия», как это видели русские. Петр Чаадаев в первой половине XIX в. объяснял «умственную немоту» тем, что западные народы получили просвещение от Рима, облекшего христианство в эллинские и латинские формы, с их богатой мыслью и античными философскими традициями, а русские приняли христианство на Византии, где риторика и благолепие обряда часто заслоняли мысль. Развивая эту мысль, философ С. Левицкий говорит о роли алфавита, изобретенного Кириллом и Мефодием в IX в., о значении перевода Библии и Евангелия на церковнославянский язык, который был македонским наречием древнеболгарского языка. Русские не нуждались в переводе, ибо церковнославянский язык был близок древнерусским говорам. На Западе, где Библия существовала в греческом, а чаще всего латинском переводах, монахи должны были знать язык Вергилия. Древнерусские книжники в этом не нуждались[34].

Дмитрий Лихачев, крупнейший советский знаток древнерусской литературы, оставляет в стороне причины и пишет об особенности русской культуры. Начиная со спорного утверждения о том, что русская литература «древнее, чем литература французская, английская, немецкая», ибо ее «начало восходит ко второй половине X в.»[35], он продолжает: «...древнерусская литература не таит эффектов гениальности, ее голос негромок. В ней не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон»; древняя русская литература ближе к фольклору, чем к индивидуализированному творчеству писателей нового времени; «литература древней Руси не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством надындивидуальным». Академик Лихачев резюмирует: «Древнерусские писатели — не зодчие отдельно стоящих зданий. Это — градостроители. Они работали над одним, грандиозным ансамблем»[36]. «Надындивидуальность», как выражается Д. Лихачев, «коллективизм», как можно бы сказать об этом качестве, характерен для древнерусской культуры вообще, в том числе и в наиболее ярких се проявлениях — зодчестве и иконописи.

Православие — решающая сила формирования древнерусской культуры, которая в свою очередь формирует мировоззрение русских, их поведение. В формировании поведения и менталитета участвовали и материальные факторы: форма земледелия, требовавшая частых переходов на новую территорию после истощения прежней; перемены места требовала также необходимость уходить от опасности; отсутствие привязанности к месту объясняет тот, например, факт, что деревянная Москва сгорала регулярно каждые 5—10 лет. Летописцы удивлялись, что при Иване Калите за 15 лет случилось 4 больших пожара, но почти так же часто горела столица великого княжества и при Иване III. Город неизменно отстраивался из дерева: это был, конечно, самый доступный строительный материал, но возможность каменного строительства существовала, москвичи ею почти не пользовались.

Важнейшим фактором культуры, духовной и материальной жизни было единодержавие московских государей. Русские историки и публицисты ищут его причины, начиная с XVI в. Иосиф Волоцкий, Филофей и их последователи находили объяснение в далекой «старине» — в византийской традиции, перешедшей к Владимиру Красное Солнышко и Владимиру Мономаху, а родословную самодержцев относили к римскому кесарю Августу, В XIX в. исследователи прошлого давали рациональные объяснения и говорили о процессе развития государей всея Руси под влиянием геополитических условий жизни на северо-востоке. Некоторые историки подчеркивают роль монгольского ига, которое требовало сильного князя, защищающего население, другие выделяют роль монгольской модели власти, повлиявшей на московских государей. М. Дьяконов, автор

«Власти московских государей» (1889), остающейся одной из лучших работ на эту тему, писал «Основною почвой для выработки типа самовластного государя в его московской форме послужило черное и серое всенародное множество, которому некогда было думать о каких-либо правах и вольностях в постоянных заботах о насущном хлебе и безопасности от сильных людей. Это государево самовластие развивалось очень постепенно на русской почве и, может быть, не получило бы так скоро окончательной формы царского самодержавия, если бы не пришли ему на помощь греки и итальянцы при Иване III». Советские историки говорили о законах классовой борьбы и неизбежном прогрессивном процессе создания централизованного государства, требовавшего твердой власти.

Иван III понимал необходимость единодержавной власти (его внук Иван Грозный будет много рассуждать на эту тему), видя в ней гарантию государственного порядка. В послании дочери, выданной замуж за великого князя литовского, Иван объяснял. «Слыхал я, каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земле, слыхала ты, каково было нестроение при моем отце, а после отца каковы были дела у меня с братьями, надеюсь, слыхала же, а иное и сама помнишь»[37]. Иван III напоминает дочери о великой «замятие», свирепствовавшей при его отце Василии II, долгие годы воевавшим с дядей и его сыновьями, вспоминает о своей борьбе с братьями. Великий князь московский говорит также о трудностях, которые переживал его зять Александр как в Литве, так и в Польше, королем которой он был избран. Иван III разъяснял свои взгляды дочери, ибо в 1503 г. она написала открытое письмо, в котором публично защищала поведение мужа и разоблачала коварную политику отца.

Политическая структура двух государств, давно уже воевавших за гегемонию в восточной Европе, — прямо противоположная, взаимоисключающая, была одной из причин не прекращавшихся войн между Москвой и Польско-Литовской унией. В то же время судьбы этих двух государств представляют собой наглядный урок пороков и достоинств самодержавия и республиканской монархии.

Завоевательные походы Ивана III и его сына Василия III приводят к включению в пределы московского княжества всех территорий, населенных великоруссами. Все историки согласны признать этот факт. Вопросы возникают по поводу термина «великоруссы», не прекращаются споры относительно времени образования великорусской нации и ее этнического состава. Национальные проблемы, носившие в XIX в. главным образом теоретический характер и привлекавшие внимание преимущественно историков, приобрели в XX в., в особенности в последние его десятилетия, жгучий актуально-политический характер.

Первоначальный славянский характер Киевской Руси не вызывает споров, хотя нет согласия относительно роли и значения норманнов, основавших государство, возглавленное князьями из династии Рюриковичей. Этнический состав населения Московской Руси является предметом горячих дискуссий.

Юрий Долгорукий и его сын Андрей Боголюбский пришли на северо-восток и начали колонизацию населенных территорий, На территории Суздальского, Владимирского, Московского княжеств основным населением были финские племена — меря, весь, мурома и другие. Они были поглощены пришельцами с юга, христианизированы, потеряли свой язык и стали говорить на языке колонизаторов. М.Н. Покровский, ортодоксальный марксист, не придававший значения национальным проблемам, считал, что великоруссы представляют собой этническую смесь, в которой финнам принадлежит 4/5, а славянам — 1/5[38]. М. Покровский говорил о первом этапе колонизации, начавшейся в XII в. В XIV в., когда началось разложение Золотой орды, московское население приняло значительное число татар, переходивших на службу к великому князю.

Складывание великорусского этноса шло одновременно с его отделением от других славянских народов, которые в свою очередь поглощали соседние неславянские племена. Древнерусский этнос, — лаконично констатирует Лев Гумилев, — раскалывается на части в

XIV в.: «Северо-восточные русичи слились с мерей, муромой, вепсами и тюрками из Великой степи — образовались русские, а юго-западные слились с литовцами и половцами — белорусы и украинцы»[39].

Л. Гумилев, как и большинство историков, использует термины «русский», «великорусский» как синонимы. Определение «Великая Русь», в отличие от «Малой Руси», появляется в XIV в. и вводится греческими священниками в Константинополе в связи с разделением русской церкви на две метрополии: одна из них имела свой центр во Владимире на Клязьме (туда переехал киевский митрополит), другая — в Галиче. В то время названия Малая Русь, Белая Русь (о происхождении этого обозначения, возникшего, видимо, также в XIV в., историки продолжают спорить) не имели этнической коннотации. Все три Руси — Великая, Малая, Белая — были славянского происхождения, их ядром были племена, названные в летописи Нестора. История великорусского, малороссийского (его станут называть — украинский), белорусского народов расщепляется после падения Киевской Руси (украинские историки считают, что киевская держава уже была Украиной), после нашествия татар и литовских завоеваний.

В основе расщепления лежали политические причины: в то время как русские княжества Северо-Востока постепенно поглощались Москвой, малорусское и белорусское население в своей основной массе было втянуто в состав Литовско-Русского великого княжества, а позднее в состав Польско-Литовского королевства. Малороссы (украинцы) и белоруссы станут объектами истории на долгие века. Великороссы, объединившись под властью Московского княжества, станут субъектами истории. Собирание московскими князьями северо-восточной Руси, ускорившееся в XV в., придает Московскому княжеству новое качество: оно становится национальным великорусским государством. Великий князь московский превращается в великорусского государя. Выработанная в это время идеология ставит его власть на прочную почву.

Три московских князя заняли своей деятельностью весь XV в.: Василий I, вступивший на престол в 1389 г., принес наследство из XIV в., Иван III, умерший в 1505 г., передал его в XVI в. Создание за столетие государства, включившего в свои границы всю территорию северо-восточной Руси, изменило внешнее положение Москвы. До сих пор она была защищена от внешнего мира своими противниками — другими русскими княжествами, которые были одновременно целью ее завоевательной политики. По мере того как Тверь, Ярославль, Ростов, Нижний Новгород, Рязань, Смоленск, Новгород и Псков проглатываются Москвой, по мере того как все русские княжества становятся частью Московского государства, оно встречает все больше иноземных государств на своих рубежах. Возникают новые угрозы, появляется новая опасность, ощущается необходимость продвижения границ дальше для обеспечения безопасности. Оборонительный империализм не знает и не дает покоя.

Русские историки видят в этой политике неизбежную необходимость. Можно спорить, кто был самым крупным русским историком. Несомненно, что Василий Ключевский — проницательный ученый, талантливый писатель, выразитель либеральных взглядов — продолжает оставаться самым читаемым среди авторов многотомных историй России. С его точки зрения, главным мотором деятельности московских князей был «высший интерес — оборона государства от внешних врагов». Ключевский подводит итог исторической эпохе: «Московское государство зарождалось в XIV в. под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI вв. среди упорной борьбы за свое существование на западе, юге и юго-востоке». Историк видит в угрозе государству положительную черту: «Внешняя борьба сдерживала и внутренние вражды. Внутренние домашние соперники мирились в виду общих внешних врагов, политические и социальные несогласия умолкали при встрече с национальными и религиозными опасностями»[40].

Внешняя опасность — государственной целостности, национальной независимости, религии — как важнейший инструмент объединения народа вокруг символа единства, опоры борьбы с врагом, была основой как внешней, так и внутренней политики Москвы.

В начале XVI в. Москва знала мир несравненно лучше, чем мир — Москву. Только начиная с половины XV в. появляются на Западе краткие заметки иностранцев, случайно попадавших в русские пределы. В библиографическом списке свидетельств иностранцев, составленном в 1845 г. русским историком Ф. Аделунгом, за XV в. значится всего три рассказа о поездке на «восток», фламандца Гильберта де Леннуа и двух венецианцев: Иосифа Барбаро и Амвросия Контарини. Целью их поездок была не Москва, которую они, кажется, навестили проездом, но Новгород и Персия. Неудивительно, что представление о землях, начинавшихся за Польшей, были недостоверными, часто фантастическими. Причем это касалось не только системы управления нравов и быта, но даже географии.

Первым важным источником сведений о Московском государстве стали записки немецкого дипломата Сигизмунда фон Герберштейна. Он побывал в Москве дважды, в 1517 и 1526 гг., знал русский язык и включил в свои записки о московитских делах не только свои личные наблюдения, но и памятники русской письменности, исторические источники. Герберштейн приезжает в Москву как посол германского императора. Адресатом посланий императора был великий князь Василий III, сын Ивана III. Появление первого подробного и в значительной степени достоверного сообщения о Московии в это время было как нельзя более логично. Правление Василия III, продолжавшееся 28 лет (1505— 1533), завершало историю Московского великого княжества и подготовило начало истории Московского царства.

Грозный царь

Неизвестно, такая ли загрубелость народа требует тирана государя, или от тирании князя этот народ сделался таким грубым и жестоким.

Сигизмунд Герберштейн. 1549

Императорский посол предавался размышлениям о взаимозависимости тирании и общества после знакомства с Москвой Василия III. Он отметил, что власть московского князя гораздо шире власти, какой обладали знакомые немецкому дипломату западные правители. Через три столетия, в 1863 г., русский писатель Алексей Толстой, закончив роман об эпохе Ивана IV, признается: «При чтении источников книга не раз выпадала у него (автора) из рук, и он бросал перо в негодовании, не столько от мысли, что мог существовать Иоанн IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования»[42].

Грозным называли уже Ивана III, но только за его внуком навсегда укрепится это прозвище. Переводы на иностранные языки искажают смысл слова грозный. На французском, немецком, английском его переводят как ужасный, страшный. Для русских грозный означало властный, ибо власть — в их понимании — всегда грозна и должна быть такой.

Василий III — необходимое промежуточное звено между правлением отца — Ивана III и сына — Ивана IV. Продолжая внутреннюю и внешнюю политику отца, реализуя все заложенные в ней тенденции, Василий III, еще именовавшийся официально великим князем

Московским, передаст своему сыну государство и власть в нем, позволившую Ивану IV официально короноваться царем.

Василий III был не мужем византийской принцессы, а ее сыном. Это позволило его сыну Ивану Грозному объяснять полякам, что он считает себя выше германского императора и короля французского, ибо ведет свой род от древнего римского императора Августа. «Кроме нас да турецкого султана, — гордо заявил русский царь, — ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет». Василий III никогда не забывал о своем происхождении. Но главным источником его власти было завещание отца Ивана III.

Все московские князья, начиная с Данилы Александровича, увеличивали долю старшего сына, желая усилить его по сравнению с братьями, удельными князьями. Духовная Ивана III завершает процесс: старшему сыну и наследнику великий князь завещал более 60 областей — городов с уездами, земель с городами и пригородами, а четырем его братьям — не более 30 городов, большей частью незначительных по размерам и богатству. Кроме того, старший сын получил значительные политические преимущества. До сих пор все сыновья великого князя владели по долям Москвой, собирали (в своем районе) пошлины, прямые и косвенные налоги. По духовной Ивана все права в Москве перешли в руки старшего сына. Точно так же, как и судебная власть, которая ранее осуществлялась удельными князьями на своих участках. Каждый удельный князь мог, как и великий князь, чеканить свою монету. Духовная отдавала это право в исключительное владение великого князя. Наконец, Иван III лишил удельных князей, умиравших без наследника-сына, права передавать свои земли по желанию — они переходили теперь в руки великого князя. Историк М. Дьяконов замечает, что в XV в. «все большее значение в качестве творческой силы права приобретает воля государей». Духовная Ивана III была демонстрацией всесильной воли великого князя. По мнению В. Ключевского, «преемник Ивана III вступает на великокняжеский стол более государем, чем сам Иван».

В 1492 г. митрополит Зосима в составленной им пасхалии называет Ивана III «государем и самодержцем всея Руси, новым царем Константином в новом граде Константина Москве, всей русской земли и иных многих земель государем». Спустя три десятилетия церковная формула становится официальным титулом московского государя. Грамота Василия III, пожалованная ненцам, живущим по реке Обь, о принятии их в подданство, начинается словами: «Великий государь Василей, Божиею милости царь и государь веса Русии и великий князь владимерский, и московский, и ноугороцкий, и псковский, и смоленский, и тверской, и пермский, и югорский, и вяцкий, и болгарский и иных»[43].

Через семь лет после вступления Василия III на престол Москву посетил Сигизмунд фон Герберштейн, приехавший послом от императора Максимилиана. Немецкого дипломата поразила власть великого князя: «Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира; и докончил он также то, что начал его отец, а именно отнял у всех князей и других влиятельных лиц все их города и укрепления; всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что, если он прикажет кому-нибудь быть при его дворе или идти на войну, или править какое-нибудь посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет; он применяет свою власть к духовным, так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех».

Иван III еще подобной властью не обладал. Когда в 1480 г. он покинул свое войско, стоявшее на Оке и готовившееся остановить нашествие татарского хана, в Москве горожане встретили его как труса, бежавшего с войны и открывшего татарам дорогу в столицу. Тридцать лет спустя это казалось уже невероятным. Когда боярин Берсень стал жаловаться на то, что великий князь решает все дела со своим любимцем Иваном Шигоней-Поджегиным, ему тут же отрубили голову. Дьяку Федору Жареному, также выражавшему неудовольствие, отрезали язык, а прежде били кнутом. Осуждавшего Василия митрополита

лишили сана и заточили в монастырь. Митрополитом стал ученик Иосифа Волоцкого — Даниил. Когда Василий после двадцатилетнего брака с Соломонией Сабуровой решил развестись, мотивируя желание бесплодием жены, Даниил, вопреки всем церковным правилам, дал развод и заключил великую княгиню в монастырь. Он же обвенчал великого князя с юной Еленой Глинской, давшей ему через четыре года после брака наследника, нареченного Иваном.

Василию III направил свое знаменитое письмо Филофей. Идея обожествления московского государя и пророчество о Третьем Риме способствуют созданию культа великого князя. Как рассказывает Герберштейн, когда москвичей спрашивают о неизвестном им деле, они отвечают: мы того не знаем, знают то Бог да великий государь.

Традиционной внутренней политике «собирания власти» соответствовала традиционная внешняя политика, имевшая прежде всего целью «собирание Руси». В 1510 г. Василий III присоединил к Москве Псков, поступив с купеческой республикой, как его отец с Новгородом. Псковский летописец рассказывает, что посланник Василия объявил на вече: «Хотите вы жить по старине, то исполните две воли великого князя: чтобы веча у вас не было и чтоб сняли вечевой колокол, да приняли двух его наместников во Псков, а также по пригородам».

Псков принял московский ультиматум, но, тем не менее, по приказу князя, более 300 псковских семей было выслано из города, а их дома, земли, имущество отданы московским людям. Летописец замечает: «Иноземцы, бывшие во Пскове, не терпя насилия, разошлись по своим землям». В 1517 г. к Москве была присоединена Рязань, некогда грозный соперник.

Почти три десятилетия княжения Василия III были заняты войнами. Одновременно оборонительные и наступательные, они велись на двух главных фронтах: на юге и на западе. Южным противником Москвы был Крым. Крымский хан Менгли-Гирей разорвал союз с Москвой, завязанный при Иване III, и, установив дружеские отношения с Литвой, постоянно тревожил границы московского государства. Во время частых набегов татарская конница проникала далеко в глубь страны, иногда доходя до Москвы, всегда захватывая тысячи пленников, уводимых в рабство. Главной причиной крымско-московской войны, которая будет длиться два столетия, было соперничество по поводу Казани. Ставленники Василия на казанском троне вынуждены бороться со сторонниками крымского хана. Постоянные схватки претендентов вынуждают Москву посылать войска для защиты союзников. Василий III начинает политику прикрытия южной окраины Московского государства от татарских набегов, первым организовав сторожевую службу. Ежегодно летом на южную границу, шедшую по берегу Оки (границу называли «берег»), высылались сторожевые полки. Строились каменные крепости — Зарайск, Тула, Калуга — опорные пункты оборонительной системы. Постепенно крепости сооружались не только по берегу Оки, но и за Окой. Оборонительная система превращалась в плацдарм для будущего продвижения вперед.

Боевые действия на западе шли более успешно. Перемирие на 6 лет, подписанное Иваном III с польским королем Александром в 1503 г., было нарушено в 1507 г. Литовский вельможа Михаил Глинский поднял восстание в Вильно и попросил помощи у Москвы, которая охотно ему ее оказала. Новый великий князь литовский и польский король Сигизмунд поспешил к столице Литвы прямо с коронации в Кракове. Ему удалось оттеснить московское войско и вынудить Глинского к бегству. В 1508 г. был заключен мир, который был нарушен Москвой в 1512 г. Десять лет будет идти война с переменным успехом. Главным объектом военных действии был Смоленск, осаждаемый московскими полками в течение трех лет. В 1522 г. было еще раз подписано перемирие, которое оставляло за Москвой Смоленск.

В ходе войны московское войско потерпело в 1514 г. под Оршей тяжелое поражение. Литовский воевода князь Константин Острожский разбил московскую армию, которой по традиции командовали двое воевод. Кровавая битва, не повлиявшая серьезно на ход войны, заслуживает интереса, ибо отклик на нее прозвучал более пятисот лет спустя. После выхода

Белоруси из Советского Союза, независимое и суверенное государство решило сделать годовщину Оршанской битвы «днем воинской славы», когда белорусское войско под предводительством К. Острожского разбило армию Московской Руси.

Князь Острожский был православным, его земли лежали в пределах Великого Княжества Литовского. В то время можно было уже говорить о белорусах, но белорусского государства тогда не было, хотя начиная с 1992 г. некоторые минские историки говорят о «белорусско-литовском государстве». Битва 1514 г. стала поводом для приспособления прошлого к новым обстоятельствам. Белорусские историки пишут: «К. Острожский блестяще использовал свое тактическое мастерство и наголову разгромил огромную армию Московской державы. Эта победа дала возможность сохранить суверенитет страны. Святая Римская империя отказалась от военного блока с Москвой»[44]. Про победу К. Острожского над Москвой узнала вся Европа. Ее праздновал папа римский, а император Максимилиан стал защитником интересов Великого Княжества Литовского на Западе. В 1518 г., убеждая магистра немецкого Ордена не помогать Москве вести захватнические войны, он написал: «Цельность Литвы... полезна для всей Европы, могущество Московии опасно». Безмерно преувеличивая значение битвы, имевшей место в глухих лесах и болотах, белорусские историки не вспоминают даже Польшу, связанную с Литвой персональной унией, ставшей главным противником Москвы на Западе. В 1525 г., после удачной войны с орденом крестоносцев, Пруссия была секуляризована и стала вассалом польского королевства. Гроссмейстер Ордена Альбрехт фон Гогенцоллерн стал верным подданным Варшавы. В 1561 г. Польша овладела и бывшей территорией Ливонского ордена — Лифляндией (Инфлянты), населенной ливами, народом финского происхождения.

Важное значение в московской внешней политике имели отношения с Молдавским княжеством, объектом пристального внимания со стороны Турции и Польши. Молдавское княжество, часть которого составляли старинные русские земли по рекам Прут и Серет, было православным и по культуре (до завоевания турками) наполовину славяно-русским. Русский язык был языком государственной канцелярии молдавских князей: акты писались кириллицей. Современник Ивана III господарь Стефан Великий (1457—1504) играл важную роль в делах северо-западного Черноморья. Учитывая это, Иван III закрепил отношения с молдавским княжеством, выдав в 1483 г. своего старшего сына Ивана Молодого за дочь Стефана Елену. Иван Молодой умер в 1490 г., но дружественные отношения сохранялись и в годы правления Василия III. В последний год жизни московского князя он принял молдавское посольство, просившее защитить княжество от Польши. Москва была не в силах выполнить просьбу. В 1538 г. турецкий султан Сулейман захватил Молдавию. Георгий Вернадский, видевший главную опасность для православия в «латинской» Польше, комментирует: «Под турецкой властью Молдавия была защищена от нападения Польши»[45].

Титул Василия III в жалованной грамоте ненцам подчеркивает еще одно направление внешнеполитических интересов Московского государства — северное. Среди владений великого князя обращают на себя внимание территории, обозначенные: пермская, югорская, вятская. Русские источники XII—XVII вв. называли земли между р. Печорой и Северным Уралом — Югра. Этой территорией владел Новгород, который собирал с населения дань мехами и моржовой костью. Покорение Новгорода отдало Север в руки Москвы. Со второй половины XV в. Югра была включена в состав Московского государства, местные княжества хантов и манси были ликвидированы после нескольких военных экспедиций, организованных при Иване III. Его сын продолжил продвижение на Север и передал задачу своему сыну Ивану IV, при котором пределы русского государства продвинутся далеко за Урал.

При Василии III продолжает формироваться русская политическая концепция. Она складывается в продолжающейся борьбе стяжателей (иосифлян) с нестяжателями в богословских спорах. Иначе и не могло быть: вся ученость была сосредоточена в монастырях, единственным кладезем знаний были духовные лица. В результате

теологические дискуссии становились ожесточенными спорами о характере княжеской власти и ее отношениях с властью церковной. Огромное воздействие на интеллектуальное развитие жителей Московской Руси оказала деятельность Максима Грека. До приезда в Россию Максим Грек (1480—1556, светское имя Михаил Триволис) долго искал себя. Он родился в Греции, получил образование и предпринял неудачную попытку политической деятельности, затем постригся в монахи и жил в католическом доминиканском монастыре св. Марка во Флоренции. В 1505 г. он внезапно перешел в православие и поселился на Афоне. Василий III в 1518 г. вызвал его в Москву переводить греческие книги, прежде всего «Псалтирь». В 1499 г. стараниями новгородского архиепископа Геннадия на церковнославянский была переведена Библия. Стоит отметить, что участвовал в создании геннадиевской Библии загадочный «Веньямин, родом славянин, а верой латинян»[46], доминиканский монах, активно помогавший Геннадию[47].

Максим Грек перевел «Псалтирь», другие книги, а также написал множество сочинений, в которых он выступал в качестве проповедника.

Роль Максима Грека трудно переоценить. По свидетельствам современников, он первым привез в Москву — с опозданием всего на 20 лет — известие об открытии Америки. На Руси не обратили на это особого внимания и подробное описание путешествия Колумба стало известно русским только в 1584 г., после перевода «Польской хроники» Марцина Бельского. Максим Грек привез нечто более важное, чем информацию об открытии Нового, очень далекого света. Побывавший в Албании и на Корфу, в Венеции, Париже и Флоренции, Максим Грек принес весть о начавшемся интересе к античным древностям, о новых веяниях, пробуждавших Запад. Его келья в Симоновом монастыре стала местом, куда собирались москвичи, чтобы побеседовать о «книгах и цареградских обычаях».

Максим Грек кристаллизовал интерес к Западу, вызванный притоком иностранцев в Москву, появление на Руси осторожного любопытства к «латинской» науке и культуре. Значительно более образованный, чем его русские современники, обладатель незаурядного литературного таланта, Максим Грек собрал вокруг себя пытливых, ищущих духовных и светских. В его келье бывали князь Василий Патрикеев, постриженный в монахи под именем Вассиана, единственный более или менее самостоятельный богословский писатель XVI в. Зиновий Оттенский, князь Андрей Курбский. Полагают, что его советами пользовался первопечатник Иван Федоров, известны послания М. Грека Федору Карпову, видному дипломату и публицисту Московской Руси.

Убежденный «нестяжатель», Максим Грек резко осуждал стяжательское монашество, сравнивал монахов с трутнями, которые «пресладко» едят целый день, между тем как трудящиеся на них крестьяне «в скудости и нищете всегда пребывают...» Ярый враг «еретиков» и «латынов», Максим Грек был близок исихастской теологии, разработанной византийскими богословами, прежде всего Григорием Синаитом (ум. 1342) и Григорием Паламой (1296—1359). Исихасты, в первую очередь Григорий Палама, остро критиковали «латинство» и его идеолога Фому Аквинского, Они категорически отвергали аристотелизацию христианства, т.е. желание использовать силлогизмы Аристотеля для поисков истины. Не разум, но вера — утверждали исихасты. «Не бо апостоли силлогизмами Аристотеля нам веру предаша, но святого духа силою...»[48]. Главным в исихастской теологии является «созерцание» божественной энергии, которое не требует никакого интеллектуального усилия. Максим Грек отличался от ортодоксальных исихастов тем, что поощрял изучение наук, потому, что, по его мнению, науки, просвещение, разум помогали человеку осознать бессилие ума и прийти к «внутренней богодарованной философии» — вере.

Теологические рассуждения носили в Москве XVI в. очевидный политический характер и были связаны с двумя проблемами: отношения между светской и церковной властью; единодержавие или ограниченная власть великого князя. В числе частых посетителей кельи Максима Грека был князь Василий Патрикеев: он был пострижен в

монахи, ибо принял участие в династическом конфликте на стороне внука Ивана III Дмитрия. Патрикеев, прямой потомок великого князя литовского Гедимина и великого князя московского Василия Дмитриевича, был противником единодержавных тенденций Ивана III. Тесно был связан с Максимом Греком и князь Андрей Курбский, потомок Рюриковичей и наиболее острый критик московского самодержавия. Перу Максима Грека принадлежало «Слово», в котором *«с* жалостью» излагались «нестроения и бесчиния царей и властей». Автор обличал корыстных и неправедных правителей, притеснявших тех, кто им подвластен. «Шел я по трудному и исполненному скорби пути, — рассказывает Максим Грек, — и увидел жену, сидящую на дороге, которая, склонив голову на руки и на колени, горько и неутешно плакала». После настойчивых просьб плачущая вдова открывает свое имя: Василия (т.е. царство — от греческого Базилея — царство). И объясняет причину горькой скорби: исчезли благочестивые цари, остались лишь такие, которые стараются лишь об увеличении своих границ, из-за этого вооружающиеся друг на друга, друг друга обижающие и радующиеся кровопролитию верных людей[49].

Главным преступлением Максима Грека и его последователей была критика доктрины теократического абсолютизма, которая непрекращающимися усилиями «иосифлян» становится московской официальной идеологией. Не только критика, но и сомнение в божественном характере государевой власти воспринимались как удар по доктрине.

Максима Грека и его последователей нельзя было упрекнуть в снисходительности к еретикам или «латынам». Их можно было упрекнуть в некоторой мягкости по отношению к раскаявшимся осужденным еретикам. Но в основном они были тверды. Максим Грек не сомневался, что латиняне позволили соблазнить себя не только эллинским и римским доктринам, но даже еврейским и арабским книгам и что попытка примирить непримиримое несет беду всему миру. Сомнения были в другом. Боярин Иван Берсень-Беклемишев жаловался, что с приходом на Русь Софьи Палеолог, «матери Великого Государя», на Руси произошло замешание. Максим слабо возражал, что Софья — особа царского происхождения. «Максиме, господине! — настаивал Беклемишев, — какая бы она ни была, да к нашему нестроению пришла... А от разумных людей мы слыхали, что та земля, что обычаи переставляет, та земля долго не стоит. А у нас Великий Князь обычаи переменил»[50]. Даже государь не мог менять обычаев — такова была позиция круга Максима Грека и «нестяжателей». Великий князь может все, — такова была доктрина иосифлян.

Главный упрек, который противники «иосифлян» делали князю: он вмешивается в духовные и церковные дела. Идеалом Максима Грека была симфония духовной и светской властей. Он считал также, что власть князя в светских делах ограничена высшим моральным законом.

Максим Грек трижды был осужден: ему вменяли в вину незначительные описки в переводах, вызванные слабым знанием русского языка, ему предъявляли также фантастические обвинения в шпионаже в пользу турецкого султана. С 1525 по 1551 г. он провел в заточении в монастырях, откуда вышел на свободу только за пять лет до смерти. Вместе с ним были осуждены Василий Патрикеев, Берсень-Беклемишев.

Русские историки видели главное содержание княжений Ивана III, Василия III и Ивана IV Грозного в процессе превращения вотчины (наследственных владений) московских великих князей в государство в собственном смысле слова[51]. Советские историки добавили к этому наблюдению оценку, назвав процесс «прогрессивным», ибо централизация России была, по их мнению, необходима для быстрого развития страны. Всякие сомнения устранялись ссылкой на Ф. Энгельса, который, как известно, признавал централизацию могущественным политическим средством «быстрого развития всякой страны»[52].

Особенность процесса превращения вотчины в государство состояла в противоречии между заявленным в Москве при Иване III притязанием на всю Русскую землю как на

единый народ во имя государственного начала и желанием владеть Русью как вотчиной, на частном удельном праве.

В удельной вотчине князь был собственником территории — земли с хозяйственными угодьями, свободные обитатели этой территории находились с князем в договорных отношениях, которые могли по желанию одной из сторон порваться. Собирание земель, увеличение территории превращало вотчину в государство, но управляется оно еще как личный удел князя. Начинается — чрезвычайно медленно — выработка государственного права. В 1497 г. в Москве издается первый официальный сборник законов — Судебник. Он представляет собой собрание процессуальных норм и по содержанию, как замечает знаток истории русского права М. Дьяконов, «беднее Русской Правды» (кодекса X—XI вв.). Важно, однако, что все большее значение в качестве творческой силы права приобретает воля государя, имеющего в виду не только интересы своего удела.

Процесс формирования государственного права идет через использование старинных обычаев, их постепенное изменение. Василий Татищев, взявший для своей «Истории Российской» исчезнувшие потом летописные материалы, приводит диалог между Иваном III и митрополитом. В 1491 г. великий князь приказал своим удельным братьям послать полки на помощь крымскому хану Менгли-Гирею, тогда союзнику Москвы. Князь Андрей Углицкий, связанный, как и другие братья, договором с Иваном III, не послушался, войско не послал. Когда Андрей появился в Москве, его сначала приняли ласково, а потом посадили в тюрьму. Иван отказался удовлетворить просьбу митрополита и освободить брата. Великий князь объяснил: «Когда я умру, он (Андрей) будет искать великого княжения... и если даже не добудет княжения, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю бить, жечь и пленить и дань опять наложат, и кровь христианская польется по-прежнему, и все мои труды останутся напрасны, и вы по-прежнему будете рабами татар»[53]. Иван III, покончивший с татарским игом, заботится уже не о своей вотчине, Московском княжестве, но о Русской земле. Методы остались прежними, теми самыми, какие использовал его отец Василий Темный. Сын Ивана Василий III на смертном одре, опасаясь, что его брат, князь Юрий, может посягнуть на престол и отобрать его у малолетнего наследника, будущего Грозного, попросил бояр принять надлежащие меры. Немедленно после смерти Василия III его брат был убит в тюрьме[54].

Колебания между двумя началами — самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти, — характерные для деятельности Ивана III, Василия III и Ивана IV, деда, сына и внука, занявшие более ста лет истории Великороссии, «привели государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей — к гибели»[55].

Семибоярщина

Недолго многоглава гидра аристократии владычествовала в России.

Н. Карамзин

Автор «Записки о древней и новой России», написанной в 1811 г., имел в виду, говоря о недолгом владычестве «многоглавой гидры аристократии», события начала XVII в. Его терминологию можно использовать для рассказа о событиях, имевших место после смерти Василия III.

Судебник 1497 г. делит все население на два сословия: служилые и неслужилые люди. Вместе с тем в Судебнике сказано, что его «уложил князь великий Иван Васильевич всея

Руси с детьми своими и с бояры». Социальная структура общества была достаточно сложной. Служилые чины (иерархические разряды назывались — чины) делились на две основные группы; думные и собственно служилые. Думные чины состояли из лиц, занимавших высшие государственные должности и места в государственном совете — Думе. Это были: бояре, окольничие и думные дворяне. Служилые чины в свою очередь делились на московские (столичные) и городовые. Второй разряд служилых людей составляли чины тяглые: все, кто платил подать. Они подразделялись на посадских и уездных. Посадские тяглые были жителями городов и посадов (пригородов), уездные обрабатывали землю.

Служилые люди непосредственно служили государю, тяглые чины служили ему косвенно, ибо платили подати, питавшие государственную казну.

Боярство состояло из высшего слоя великокняжеских слуг, связанных с князем личными отношениями, напоминавшими отношения между древнерусскими князьями и их дружинниками. Личные отношения означали дарование князем своим слугам привилегий: земель, подаренных в вотчину, льгот в уплате дани и т.д. По мере разложения удельных порядков, прежде всего потому, что уделы проглатывались московским княжеством, боярство пополняется за счет князей, потерявших свои владения. По подсчетам В. Ключевского, в XVI в. на 200 боярских фамилий было всего лишь около 70 нетитулованных. Иван Грозный мог с полным основанием писать шведскому королю: «Наши бояре и наместники извечных прирожденных великих государей дети и внучата, а иные ордынских царей дети, а иные польской короны и великого княжества Литовского братья, а иные великих княжеств тверского, рязанского и суздальского и иных великих государств прироженцы и внучата, а не простые люди».

Знатность происхождения, обширные земельные владения давали высшей аристократии основания сопротивляться стремлению московских князей к единодержавной власти. Сопротивление выражалось прежде всего в отстаивании прав и привилегий. Важнейшей привилегией было участие в управлении государственными делами, присутствие на заседаниях Боярской Думы. Киевские князья постоянно советовались со своими знатными дружинниками, этот обычай перешел и в Московскую Русь. Великий князь собирал для совета при решении важных дел Думу. В XVI в. право участия в Боярской Думе имели 70 представителей высшей аристократии, в том числе 40 титулованных князей. Но великий князь мог призывать на совет в Думу, кого он хотел. Это четко отражено в определении думного чина: к нему относились бояре; окольничие, т.е. люди около князя, выбранные им; думные дворяне, т.е. снова лица, выбранные князем не по происхождению, но по другим критериям.

В Думе могли решаться и решались все государственные дела, но решались только в смысле «обсуждались». Никаких правил, никакого регламентированного порядка не было. Все зависело только от князя. Формула княжеского суда относилась ко всем делам: «сужу аз, князь великий, или кому прикажем».

Место в обществе, права и обязанности сословий в феодальной Европе определялись строгими юридическими нормами, законами и правилами. В Московской Руси было два источника права: воля князя и старинный обычай. Высшая аристократия сопротивлялась единодержавию, опираясь на обычай. Всевластие князя по отношению к боярам ограничивалось особым институтом — местничеством. Сложная система вычисления места, занимаемого данным родом среди других знатных семей, сводилось к непререкаемому обычаю: служебное положение, раз занятое предком, переходило к его потомкам. При всяком назначении на службу — в военной поход, в посольство — иерархия должностей должна была соответствовать родословной и служебной чести назначаемого. С этим вынужден был считаться и великий князь. Местничество было уничтожено только в 1682 г., расчистив путь новой системе продвижения по службе.

Великие князья, начиная с Ивана III, приближают в советники кого хотят, но нарушают таким образом обычай, что понимают и они, и окружающие. Защищая свои

привилегии, свои места в системе власти, бояре занимали консервативную позицию, а нарушителями Старых норм, революционерами выступали московские государи.

Четыре века спустя, в 1920 г., размышляя о большевистском перевороте, потрясшем Россию, поэт Максимилиан Волошин резюмировал русскую историю: «В комиссарах — дух самодержавья, взрывы революции — в царях».

Опорой государя в борьбе с боярами становится новый тип княжеского слуги — дворянин-помещик. В отличие от боярина-вотчинника, обладавшего землей по праву наследства, дворянин, лицо служащее при дворе, получал землю за службу и терял свое владение при потере службы. В 1556 г., при Иване Грозном, устанавливается норма службы одинаковая — от поместий и вотчин, в зависимости от размера владения. Таким образом уничтожалась всякая разница между двумя типами службы: каждый служилый человек должен был служить с 15-летнего возраста до смерти. Уравнение вотчинников и помещиков было одним из результатов революционной деятельности Ивана Грозного. Все служилые люди становятся холопами государя.

Структура тяглого населения была также сложной. Городские тяглые обыватели состояли из торговцев, которые делились на гостей — крупных оптовых купцов, на купцов, приписанных к гостинной и суконной сотням, торговавших в розницу, и из ремесленников, делившихся на многочисленные сотни по профессиям. Каждая из этих сотен составляла особое общество, управлявшееся выборным старостой или сотником.

Сельское тяглое население — крестьяне — делилось в зависимости от юридического положения земли (жившие на государевой земле или частной) и по размерам их рабочих сил или средств; одни могли обрабатывать полные участки, другие — участки малых размеров). В зависимости от этих делений с крестьян взималось тягло — налог. Крестьяне, работавшие на государевой земле, были лично свободны, но прикреплены к своим сельским обществам, крестьяне, работавшие на частных владельцев, назывались крепостными, т.е. были в личной зависимости от хозяина земли, подписав с ним договор (крепость), но не были прикреплены ни к своему земельному участку, ни к сельскому обществу На чьей бы земле крестьянин ни работал, он мог оставить ее, рассчитавшись с владельцем. Но и владелец мог после окончания контракта передать участок другому крестьянину. Иван III установил правила, определявшие отношения между землевладельцем и крестьянином. Взаимные расчеты и смена хозяина или работника происходили в Юрьев день (26 ноября) после окончания полевых работ.

Особенностью социальной структуры московского общества было наличие категории нетяглых людей, т.е. тех, кто не нес государевой службы и не платил податей. Они делились на две категории, на людей вольных и на холопов, т.е. рабов. Вольные, или, как их еще называли, гулящие люди были, по определению, группой пестрой: те, кто не имел своего хозяйства и помогал тяглым, не принимая на себя обязанности платить подать, и те, кто не имел постоянного местожительства и постоянных занятий и промышлял разными занятиями, как говорили, «кормился походя». В эту категорию входили нищие, просившие милостыню «Христа ради».

В. Ключевский выделяет четыре формы холопства — от полного, безусловного и бессрочного рабства, которое было также потомственным и наследственным, до форм условных и временных[56].

Норман Девис, автор «Истории Польши», представляет социальную структуру страны как порядок, регулируемый правом: «Годы правления Ягеллонов (XIV—XVI вв.) было временем формирования пяти разных, отличных друг от друга категорий — социальных сословий... Каждое из этих сословий управлялось особым законом и правилами, а границы его деятельности были точно определены кодексом специальных юридических предписаний»[57]. Положение сословий в Московском государстве было иным. Оно сводилось к простой схеме: тот, кто владел землей, нес государственную службу, военную службу; тот,

кто пользовался чужой землей, нес государственную тягловую службу, платил подать. Великий князь олицетворял государство: начиная с Ивана III в обращении к государю все называют себя холопами, подразумевая под этим — подданными. Основой московского политического порядка является распределение между всеми подданными князя обязанностей, которые не были связаны с правами.

Воля князя и старинный обычай определяют основы политической системы. Им подчиняется даже духовенство — сословие особое не только по своей роли в государстве, но и по умению бороться за свои права.

Иван IV получает в наследство государство, главной целью которого является ведение войны. Это военная монархия, с мощной центральной властью, с населением, стянутым в служилые и податные сословия, со слабыми зачатками общественной инициативы и торгово-промышленного развития. Василий Ключевский, резюмируя рассказы иностранных путешественников, побывавших в Московском государстве в XV—XVIII вв.. пишет: в XV или XVI вв. «военное дело не только стояло на первом плане, занимало первое место между всеми частями государственного управления, но и покрывало собой последние, военная служба сосредотачивала в себе все роды государственной службы, и остальные, не военные отрасли управления являлись не только второстепенными по отношению к военной, но и подчиненными, назначенными служить интересам последней»[58].

Могут быть разные критерии оценки государственного строя: успехи в развитии культуры и науки, уровень благосостояния населения, размеры территориальных владений, могущество армии. Московское государство выработало политическую систему, соответствовавшую его нуждам, главной из которых была защита границ от воинственных соседей. Выполняя эту задачу, которая, по мысли московских стратегов, требовала непрекращающегося расширения пределов княжества, Москва превратилась в военную монархию.

Оборонительно-наступательная стратегия требовала многочисленной армии. Ежегодно весной и летом Москва выдвигала на опасные границы три армии: одна защищала линию Оки близ Коломны, другая занимала берег Клязьмы возле Владимира, третья сосредотачивалась на литовской границе. Осенью служилые люди распускались по усадьбам. У московского князя не было средств на содержание войска, оно содержало себя само. Особенность московского политического строя заключалась в том, что подданные князя несли государственную службу безвозмездно. В том смысле, что князь за службу не платил. Но он давай служилому человеку возможность кормиться: отдавал на время службы поместья, высшим чинам давались, на определенный срок, на «кормление» города и волости. Государственная казна не заботилась о войске, каждый служилый чин являлся на сборный пункт «конны, людны и оружны», т.е. приводил с собой столько вооруженных слуг, сколько ему полагалось в зависимости от размера его владения. Средства, необходимые для жизни и службы, он собирал непосредственно с населения.

Критерием жизнеспособности строя было его соответствие нуждам государства. Доказательством его жизнеспособности были успехи Москвы, отодвигавшей своих врагов все дальше и дальше на все стороны света. Сила московской политической системы оборачивалась слабостью в тот момент, когда исчезал единственный источник власти — государь. Иван III предусмотрительно сделал своего сына-наследника соправителем государства и Василий III принял бразды правления без всяких помех. Его смерть стала знаком, возвестившем смуту, ожесточенную борьбу за власть между объявившимися многочисленными претендентами на московский трон, ибо малолетний наследник был слаб.

Немногочисленные источники, по-разному рассказывающие о смерти Василия III и его завещании, дали возможность историкам выдвинуть различные предположения о последней воле великого князя. Несомненно, что Василий передал великокняжеский трон сыну Ивану, но до совершеннолетия (которое в XVI в. признавалось при достижении 16 лет) поручил заботу о нем опекунскому совету. Возвышение опекунов встречает сопротивление

Боярской Думы. Не скрывал своих притязаний на престол князь Юрий, брат Василия III. Через несколько дней после смерти великого князя трехлетний Иван был коронован, но борьбу между желающими править за малолетнего князя это не прекратило. Выиграла мать Ивана — Елена. Опираясь на фаворита воеводу Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского, одного из руководителей Думы, она свалила надзор опекунов. Для этого ей пришлось, в частности, арестовать одного из них — своего дядю князя Михаила Глинского.

Правление Елены длилось менее 5 лет. В 1538 г. она скоропостижно скончалась. Современники считали, что правительница была отравлена боярами. Так же думал и горячо любивший ее сын, оставшийся круглым сиротой. Елена, обладавшая сильной волей и неукротимым нравом — чертами характера, переданными наследнику — была первой женщиной на русском троне. В годы ее правления была изъята из обращения старая разновесная монета и введена единая «копейка» (на монете чеканилось изображение всадника с копьем). Война с Литвой (1534—1537) была неудачной: Москва потеряла Гомель. Историки упрекают Елену в том, что она уделяла слишком много внимания дворцовым интригам, что нетрудно объяснить непрочностью ее власти.

Интриги, междоусобные склоки, начавшиеся после смерти правительницы, приняли характер смуты: Шуйские, Вельские, снова Шуйские сталкивали друг друга с подножья трона, на котором сидел не имевший ни на что влияния мальчик. В боярские схватки была вовлечена и церковь: лишился митрополичьей кафедры Даниил, потом Иосаф, лишь его преемнику новгородскому архиепископу Макарию удалось удержаться на кафедре. Митрополит Макарий сыграет важную роль в духовном развитии юного наследника.

Годы реформ

Родится Тит — широкий ум.

(Предсказание юродивого беременной Елене Глинской)

Иван IV, занимающий в русской истории совершенно особенное место, — наиболее известный из русский царей. Рядом с ним в пантеоне государей стоит только Петр I. Оба царя вызывают на протяжении веков непрекращающиеся споры историков, желающих определить их место в историческом процессе, их роль в строительстве государства и государственного жителя. Отношение историков, образованного класса к Ивану и Петру были критерием политических взглядов, выражение отношения к действительности позднейших времен. Выдающийся историк и непреклонный идеолог самодержавия Н. Карамзин представил царствование Ивана Грозного прежде всего как серию кровавых преступлений. Советские историки, начиная с 40-х гг., следуя за вкусами вождя народов, отбросившегоя модель Петра I ради модели Ивана IV, изображают Грозного «прогрессивным царем».

Николай Карамзин отмечает удивительную особенность: самый жестокий из русских царей остался положительным героем в народной памяти, в русском фольклоре. Карамзин заключает повествование о годах Иоанновых поразительными словами. «История злопамятнее народа». Точность мысли, справедливость его наблюдения, сделанного в начале XIX в., подтверждаются в конце XX в.: соперник Грозного по злодействам Иосиф Сталин вырастает в народной памяти как строгий, но справедливый хозяин сильной, жившей в строгом порядке стране.

Слава Ивана IV связана с тем, что впервые становятся известными сведения о жизни и личности русского правителя в невиданном ранее количестве. «К сказаниям иностранцев», посещавших в XVI в. Москву по разным делам или непосредственно служивших царю, впервые добавляется «История князя великого Московского», описание жизни и деятельности Ивана, составленное его бывшим другом, а затем интимным врагом князем Андреем Курбским. Написанная в Литве в 60-70-е годы, куда князь бежал «от царского гнева», первая светская русская история не страдает объективностью, но приносит живой, страстно написанный портрет первого русского царя. Ко всем этим источникам разной ценности добавим еще один — уникальный. В первом послании Курбскому, отвечая на письмо «изменника», Иван Грозный не только излагает свои политические и философские взгляды, но пишет первую и последнюю в русской истории царскую «автобиографию». Если бы Иван Васильевич слышал о психоанализе, он не мог бы лучше изобразить свое сиротство: «Когда... наш отец, великий государь Василии, оставил бренное земное царство... мне было три года, а покойному брату... Георгию — один год; остались мы сиротами, а мать наша, благочестивая царица Елена, столь же несчастной вдовой... Когда же Божьей судьбой родительница наша, благочестивая царица Елена, переселилась из земного царства в небесное, остались мы с покойным братом Георгием круглыми сиротами, никто нам не помогал... Какой только нужды ни натерпелись мы в одежде и в пище! Ни в чем нам воли не было; ни в чем не поступали с нами, как следует поступать с детьми». Врезался в память Ивана эпизод, который видится им как страшное, неизгладимое унижение; «Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас и не смотрит... Кто же может перенести такую гордыню? Как исчислить подобные тяжелые страдания, перенесенные мною в юности?»[59].

Опираясь на автобиографические заметки Ивана, Василий Ключевский создал блестящий психологический портрет царя в детстве: в душу сироты рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества; безобразные сцены боярского своеволия и насилия, среди которых рос Иван, превратили его нервность в нервную пугливость; с годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям. Современный русский историк Р. Скрынников, отдавая должное писательскому таланту Ключевского, подвергает сомнению источник, т.е. воспоминания Ивана. По мнению Р. Скрынникова, следует помнить, что до семи лет Иван жил, окруженный материнской лаской (а именно в эти годы формируются основы характера), что опекуны не вмешивали мальчика в свои распри, что его баловали, а не ограничивали, если не считать ограничений московского Церемониала. По мнению современного историка, у Ивана не было «никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении», поздние сетования царя «написаны как бы с чужих слов[60].

Какими бы ни были подлинные воспоминания детства, главное — царь Иван нес в душе тяжелые обиды на опекунов, на бояр вообще. «Вы, бояре», — как постоянно обращается Иван к Курбскому, — всегда враги. Нет историка, который, ссылаясь на Андрея Курбского, его Послания, его «Историю», не рассказал бы о жестоком нраве, проявленном Иваном еще в детстве, о том, как он мучал животных, сбрасывал в 12 лет с крыш «тварь бессловесную», кошек и собак, а с 14 «начал человеков ураняти». Боярские группировки старались заручиться поддержкой юного великого князя, натравливали его на своих противников. В декабре 1453 г. прорывается «великий гнев» государя: обиженный на Ивана Шуйского, фактически правившего государством, Иван велел своим псарям схватить его. Усердные слуги задушили правителя. «От тех мест, — записывает летописец, — начали бояре от государя страх имети и послушание».

Относительно страха летописец был прав, относительно послушания — преувеличивал. Пройдет еще немало времени, прежде чем Иван добьется полного подчинения бояр.

Свое совершеннолетие Иван решил ознаменовать женитьбой. По свидетельству летописца, он обратился к митрополиту, рассказал ему о своем намерении, добавив: «Первою моей мыслью было искать невесты в иных царствах; но, рассудив основательнее, отлагаю сию мысль. Во младенчестве лишенный родителей и воспитанный в сиротстве, могу не сойтись нравом с иноземкой; будет ли тогда супружество счастием? Желаю найти невесту в России...» Мудрые опасения о возможном «несходстве характеров» с иноземкой не были плодом глубоких размышлений об отношениях между мужем и женой. Можно бы сказать, что необходимость становилась добродетелью. Еще в 1543 г. из Москвы было направлено посольство в Польшу с заданием поискать невесту московскому государю. Делались и другие подобные попытки. Все они не увенчались успехом. Москва в это время не казалась соседям привлекательной. Гордый Иван решил искать невесту дома, порывая с традицией деда, женившегося на гречанке Софье, и отца, взявшего в жены литвинку Елену. Решение Ивана не могло не порадовать московских сторонников далекой старины. Их взгляды выражает в своей «Истории» Курбский, повествующий о том, как «в предобрый русских князей род посеял дьявол злые нравы, особенно злыми их женами-чародейками... более же всего теми, которые взяты были из иноплеменников». Бабку и мать Ивана имел прежде всего в виду Андрей Курбский.

Порядок выбора невест из числа русских красавиц был тщательно разработан и испытан при выборе первой жены для Василия III. Иван выбрал себе Анастасию, дочь покойного Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, происходившего из старинного дворянского рода. Выбор был удачен: Иван горячо любил свою жену; ее родственник стал основателем династии Романовых.

До женитьбы Иван Васильевич решил «венчаться на царство», глава русского государства принял титул царя. Иван III иногда называл себя «царем», Василий III употребил этот титул в договоре с императором Максимилианом, но в Вене договор подписать отказались. Московские дипломаты хорошо знали, что строгие правила регулируют приобретение нового титула, и поэтому, избегая осложнений, известили иностранные государства о коронации Ивана не сразу. Для обитателей Московского государства дипломатические тонкости значения не имели: Иван, став царем на 14-м году княжения, становился и самодержавным государем. Идея Третьего Рима приобрела реальную почву — Московское царство. На первых порах коронование и свадьба не изменили ни положение в стране, ни поведение Ивана. Место Шуйских заняли Глинские, правившие так же беззастенчиво. Иван, по словам Карамзина, «любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей...» Историк констатирует; «Никогда Россия не управлялась хуже». И добавляет: «Для исправления Иоанова надлежало сгореть Москве!»

Москва горела часто и, можно бы сказать, охотно со дня своего возникновения. Пожары опустошали столицу княжества каждые 5-10 лет. Историк Москвы И. Забелин полагает, что «обиженные и озлобленные люди выжигали ненавистную им Москву». Поджечь город было очень просто: он был построен из дерева. Первое кирпичное здание появилось только в 1470 г. В XVII в. Москва насчитывала не более двух сотен каменных домов. Говоря о размерах пожаров, летописцы упоминают только количество сгоревших церквей, не имея представления о количестве домов и жителей. Иностранцы дали самое разное представление о размерах территории Москвы. Англичанам, видевшим Москву в 1553 (Ричард Ченслр) и 1558 гг. (Джиль Флетчер), она казалась больше Лондона, другие (Сигизмунд Герберштейн, 1517) считали, что она вдвое больше Флоренции и Праги. В начале XVII в. Жак Маржерет говорил, что деревянные стены Москвы длиннее парижских. Первые вполне точные цифры о количестве московских дворов относятся к 1701 г. В середине XVI в. город насчитывал примерно 100 тыс. жителей.

21 июня 1547 г. вспыхнул пожар, уничтоживший город целиком. И. Забелин подсчитал: в течение пяти с лишним веков было 5 пожаров, когда Москва выгорала вся. В их

числе пожар 1547 г. Ответом на пожар был бунт. 26 июня вооруженные москвичи ворвались в Кремль и убили дядю царя — Юрия Глинского. Царь бежал в подмосковное село Воробьево вместе с двором. «Чернь» двинулась за ним, требуя выдачи ненавистных Глинских, обвиненных в поджоге города «колдовством». Иван отказался выдать родственников, взбунтовавшихся москвичей удалось уговорить вернуться домой.

Пожар и бунт завершает боярское правление. Начинается эпоха реформ, руководимых царем, внимательно прислушивающимся к советникам, которых выбрал он сам.

Время реформ и успехов

Широкая политика Грозного превратила Московское государство в настоящий вооруженный лагерь огромных размеров.

Г. Вернадский

Жалуясь на свою тяжелую жизнь и предателей, мешавших ему, Иван напоминает в Послании Курбскому «как это началось»: «Был в то время при нашем дворе собака Алексей... еще в дни нашей юности неизвестно каким образом возвысившийся из батожников (низших служителей); мы же, видя измены вельмож, взяли его из навоза и сравняли с вельможами, надеясь на его верную службу... Потом, для совета в духовных делах и спасения своей души, взял я попа Сильвестра, надеясь, что он, человек, стоящий у престола Господня, побережет свою душу; он, коварный, начал сперва как будто творить благо... (но) соблазнился властью... и начал, подобно мирским, окружать себя друзьями...»[61]. Первое послание князю Курбскому писалось в 1564 г, когда закончилось время реформ, начинались годы опричнины. Оглядываясь назад, царь перечеркивал все, что было сделано, с ожесточением вспоминал «собаку Алексея», «попа-невежу» Сильвестра и, конечно, «изменника» Курбского.

Иван Васильевич твердо и решительно переписывал прошлое. Время реформ, второй период царствования Ивана (если считать первым его детство, когда власть принадлежала боярам), историки называют эпохой «Избранной рады». Главными советниками молодого царя, инициаторами и руководителями перемен, реализованных в церковной, административной, политической жизни страны, были приближенные Иваном доверенные лица. В узкий круг ближайших советников царя был прежде всего привлечен Алексей Адашев, мелкий костромской вотчинник, проявивший замечательный талант администратора, и священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, составивший (или отредактировавший) знаменитый Домострой — сборник наставлений для мужа и жены, руководивший, по поручению Ивана, восстановлением росписей кремлевских соборов, пострадавших во время пожара в 1547 г.

В середине XVI в. население Московской Руси составляло 8— 10 млн. человек. Число горожан не превышало 2%. Большая, редко населенная территория нуждалась в административной системе, позволявшей царю использовать значительно эффективнее, чем до сих пор, ресурсы страны, Господствовавшая политическая концепция, видевшая в царе-самодержце воплощение божественной власти, требовала усиления централизации власти. Оказавший на Ивана огромное влияние митрополит Макарий был горячим «иосифлянином», проповедовавшим «самодержавие». В первый период реформ раздаются голоса светских политических публицистов, развивающих идеологию всевластного царя. Видный дипломат Федор Карпов считал, что царь должен добиваться «общей пользы» и ради нее может

использовать «грозу закона и правды». Все дело в том, по отношению к кому применяется «закон» — к «добрым подвластным» или же к «злым»[62]. Иван был полностью согласен с такой трактовкой «закона», объясняя, что он носит меч «в месть злодеям, в похвалу же добродеям». Всестороннюю программу реформ предложил в «челобитных» царю Иван Пересветов.

Литовский дворянин, попавший в Москву в 40-е годы, Ивашко Пересветов, как он подписывал свои тексты, опасаясь прямо критиковать московские порядки, описывал утопию — идеальное царство Магмет-салтана (турецкого султана Мухаммеда II). Иван Пересветов знал очень немного о подлинном положении дел в империи завоевателя Константинополя. Но это его не беспокоило. Как обычно, утопия была прежде всего критикой существующей системы, а затем проектом изменений. Прежде всего Пересветов проповедовал необходимость «грозы», сходясь во взглядах с Федором Карповым: «Не можно царю без грозы царства держати», нельзя без грозы «правды ... ввести». Гроза необходима против тех, кто творит зло. Для Пересветова было очевидно, что все «зло», все «обиды» и «порабощения» в государстве идут от бояр, от вельмож. «Которая земля порабощена (боярами), в той земле все зло сотворяется,... всему царству оскужение великое»[63].

Иван Пересветов предложил радикальную реформу: уничтожить систему кормления, отобрать земли, розданные служилым людям; взамен земель платить за службу годовое жалование. Необходимые средства публицист предлагал получать с горожан, при условии введения на рынках твердых цен. Пересветов дает много других советов, ссылаясь на опыт Магмет-салтана; опираться на верных янычаров, которые получают жалование, окружить себя ближайшими советниками, без которых не решать никаких дел.

Иван Пересветов подал свой проект в 1549 г., в тот самый момент, когда, после пожара Москвы и городского бунта, молодой царь, подобрав советников, приступил к реформам. Два главных совета не могли не заинтересовать царя: они соответствовали его идеям и настроению. Первый касался метода правления. Пересветов изложил его в афористической форме: «А не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». Второй затрагивал устои государства: Пересветов предлагал экспроприацию земли. Через пятнадцать лет актуальным станет совет, касающийся «янычаров», царь назовет их «опричниками». В начале 50-х годов актуальны первые две проблемы.

В 1550 г. в Москве на Красной площади собрался Земский собор. Протоколов собора не сохранилось, неизвестен его состав (историки делают догадки). В летописи остался рассказ о соборе, а на следующий год на церковном Стоглавом соборе Иван вспоминал, что он говорил на Красной площади. С одной стороны, царь предложил в 1550 г. всем сословиям примириться, мирным путем решить взаимные жалобы. Царь как бы подводит итоги былому и объявляет о начале нового времени, когда все бразды правления будут в его руках. Василий Ключевский говорит, что «первый земский собор в Москве представляется каким-то небывалым в европейской истории актом всенародного покаяния царя и боярского правительства в их политических грехах». Но тот же Ключевский приводит обвинения, брошенные на площади присутствовавшим боярам: «О неправедные лихоимцы и хищники, неправедный суд себе творящие! Какой теперь ответ дадите нам вы, многие слезы на себе воздвигшие? Я чист от этой крови; ждите своего воздаяния»[64]. Нетрудно обнаружить в словах царя, сказанных им или изложенных по своему разумению летописцем, эхо идей Пересветова.

Начавшиеся реформы затронули основы политической системы. В 1551 г. собрался церковный совет, получивший название Стоглавого, ибо его решения были изложены в ста главах. Собранные в книге, названной «Стоглав», они являются источником для исследователей эпохи Ивана Грозного. В 1550 г. боярская дума утвердила новый Судебник, который был переработанной версией Судебника 1497 г., подготовленного при Иване III, и отражал стремление к установлению в государственной жизни единообразия, общего для

всех сословий порядка судопроизводства. Судебник предусматривает строгие наказания недобросовестным судьям, преследует ябедничество, подчиняет определенным правилам применение пыток и судебных поединков. Администрация того времени сводилась практически целиком к отправлению судебных обязанностей, поэтому введение нового Судебника было важнейшим элементом административной реформы. Было ускорено формирование приказов — зародышей министерств, расширена функция приказной бюрократии, ограничена власть наместников-кормленщиков. Положение крестьян осталось без изменения, были сохранены нормы Юрьева дня: крестьяне по-прежнему имели право покинуть землевладельца в течение двух недель в конце осени.

Год спустя, в 1551 г., Стоглав рассмотрел важнейшие государственные дела и вперемешку обсудил вопросы, связанные с повседневной жизнью. Было запрещено местничество, т.е. споры между боярами о старшинстве во время военных походов, решено провести всеобщую перепись земли и пересмотреть пожалованные имения, чтобы установить соответствие между размерами земельного участка и служебными повинностями. Собор принял решение закрыть появившиеся в это время в Москве кабаки. Это постановление было очередным эпизодом в поединке, который на протяжении долгих веков ведут между собой благие намерения и казенные интересы. Венецианец Иосиф Барбаро заметил в 1436 г., что право изготовлять хмельные напитки (мед и пиво) принадлежит казне и князь Иван III строго следит за соблюдением своих интересов. Столетие спустя итальянец Альберто Кампензе, сообщая о московских делах папе Клименту VII, не забывает упомянуть (1523), что москвичи имеют право употреблять напитки только по праздникам: «Эта народная слабость (пьянство) принудила государя их запретить навсегда, под опасением строжайшего взыскания, употребление пива и другого рода хмельных напитков, исключая одних только праздничных дней». Герберштейн оставил известие, что князь Василий III сделал исключение для своих слуг, которые могли пить, когда хотели, но только в специально выделенной для этого слободе, названной Наливки. Питейное место называлось корчма, где можно было и пить, и есть, В XVI в. Московская Русь знакомится с водкой. Изобретенная арабами в IX в. (аль-кохоль), водка проникает в Западную Европу в XIII и до XVI в. используется как лекарство — продается в аптеках. В конце XIV в. генуэзцы привозят ее в южную Россию, а с первой половины XVI в. она распространяется по всему северо-востоку. Питейное заведение, где начинают торговать напитком, который приобретает необыкновенную популярность, называют татарским словом — кабак. Став одним из наиболее распространенных слов в русском языке, оно несколько меняет первоначальное значение. У татар кабаком назывался постоялый двор, где торговали едой и напитками. В русском кабаке продавали только водку. По приказу Ивана первый кабак был построен неподалеку от Кремля на балчуге (татарское — болото, грязь)[65]. Доход, приносимый кабаком, свел на нет благое пожелание Стоглавого собора ликвидировать новое учреждение.

Стоглавый собор обратил внимание на искажения в священных книгах, возникавшие в результате ошибок переписчиков, что было связано с неграмотностью духовенства, которое, в свою очередь, было результатом отсутствия школ. Собор вспоминал с сожалением, что «прежде сего училища бывали в российском царствии на Москве и в Великом Новеграде, и по иным градам многие грамоте писати и пети и чести учили, потому тогда и грамоте гораздых было много». Было решено открыть в Москве типографию, где должны были печататься исправленные по самым точным образцам книги. Одновременно Собор осудил безбожные и еретические книги: сборник средневековой мудрости, носивший на Руси название «Аристотель», астрономические описания Эммануила Бена Якоба, озаглавленные «Шестокрыл». Практически была осуждена как еретическая вся светская литература.

Вопрос о земельных владениях церкви оставался одним из главных. Спор между «стяжателями» и «нестяжателями» продолжался и носил очень острый характер. Земля была важнейшим богатством и чем больше имел ее государь, тем сильнее он был. Но церковь

твердо защищала свои владения. Результаты столкновения были половинчатыми. В мае 1551 г. царский указ конфисковал все земли и угодия, переданные Боярской думой после смерти Василия III епископам и монастырям. Новый закон запрещал церкви приобретать земли без предварительного извещения светских властей. Князьям запрещалось без позволения оставлять свои вотчины в пользу церкви. Таким образом расширение церковных владений было приостановлено. Но до секуляризации было еще очень далеко; основные земельные богатства церкви оставались нетронутыми.

Компромиссный характер носили многие другие постановления Стоглавого собора. К тому же многие решения, как и многие реформы, начатые в это время, оставались на бумаге либо не доводились до конца. Тем не менее, направленность всех изменений была очевидной — усиление центральной власти, ослабление власти уделов. Терпя неудачу в одной области, правительство возмещало себя в другом. Церковь сохранила основную часть своих земель, но потеряла «тарханы», грамоты, которые освобождали ее от уплаты налогов. Царь лишил ее привилегии, которую церковь получила еще в татарские времена (о чем свидетельствует и само слово — тархан).

Красноречивым примером реформ были изменения, внесенные в форму управления местными делами. Система кормлений все нагляднее демонстрировала свою неэффективность; в Москву шли жалобы на рост грабежей и разбоев, на бездеятельность местной власти кормленщиков. К тому же царь публично, на Красной площади, обещал покончить с кормлениями, боярской привилегией. Сопротивление бояр и колебания царя затягивают ликвидацию системы кормлений на долгие годы. Административная реформа, проведенная в начале 50-х гг., ослабляет и ограничивает кормления, вводя местное самоуправление. Земская реформа, как и другие, была реализована только частично и не на всей территории страны, но ее парадоксальная концепция — идти к централизации через самоуправление — раскрывает главные черты политической системы московского государства. Прежде всего — самоуправление вводилось сверху. Округа, уезды получили право осуществлять те функции, которые были в ведении кормленщика: преследование воров и разбойников, суд и сбор подати. Но, во-первых, это право рассматривалось как льгота (освобождение от кормленщика), за которую нужно было заплатить правительству. Это, в частности, задержало реализацию реформы: многие общины были слишком бедны, малонаселенны и не были в состоянии выкупить «самоуправление». Во-вторых, реформа сохраняла принцип круговой поруки отбывания государственной повинности.

Парадоксальность реформы — централизация через самоуправление — раскрывала ее главную цель: включение всего населения в строившуюся государственную самодержавную машину. Во Франции XII—XIII вв. (Филипп-Август, Людовик X), в Англии конца XIII—начала XIV вв. (Эдуард I) была создана система общинного самоуправления. Коренное отличие земской реформы в Московском государстве заключалось в том, что местным властям были вменены в обязанность занятия не местными, но общегосударственными делами. Причем под контролем центрального правительства.

Важнейшей из реформ была военная. Она началась в 1550 г., когда по приказу царя в Москве была собрана тысяча «лучших слуг», детей боярских и дворян, составивших особый московский полк. Она была завершена в 1556 г. царским указом, помещики и вотчинники были уравнены в обязанности отбывать военную службу. С каждых 150 десятин[66] пашни землевладелец должен был вывести в поле воина в полном вооружении: «человека на коне в полном доспехе, а в дальний путь о дву конь».

Половинчатость, незавершенность других реформ имели меньшее значение, чем успех новой организации военного дела. «Военная служба, — писал В. Ключевский, — сосредотачивала *к* себе все роды государственной деятельности, и остальные, не военные отрасли управления являлись не только второстепенными по отношению к военной, но и подчиненными, назначенными служить интересам последней[67]. Через 450 лет московский публицист, резко критикуя демократические реформы Бориса Ельцина, противопоставляет

им старое, доброе время; «Вплоть до перестройки Россия (СССР) жила, по выражению Менделеева, «бытом военного времени»: лучшие ресурсы направляла на военные нужды. Как бы мы ни оценивали сегодня эту политику, она не была абсурдной и имела под собой исторические основания»[68], Николай Карамзин, негодующий по поводу тирании Ивана Грозного, осуждающий его бесчеловечные кровопролития, отмечает как успех создание Иваном IV «земского войска, какого у нас дотоле не бывало; многочисленного, всегда готового...»[69].

Основную военную силу московского государства составляет конница — бояре, дети боярские, помещики. Они являлись вооруженные, на конях на место сбора, которое назначалось Разрядным приказом, ведавшим войском. Иван впервые на Руси начинает формировать постоянное войско. Его ядром служат стрельцы, которые впервые упоминаются в 1552 г. в связи с походом на Казань. Это был совершенно новый тип вооруженных сил: стрельцы набирались из свободных людей и должны были служить всю жизнь. Вооруженные и экипированные по западноевропейскому образцу огнестрельным оружием — пищалями, они составляли ударное подразделение московского войска. Появляется пехота. Первые пушки были привезены из заграницы. При Иване III их стали отливать в Москве. По свидетельству английского посла Джиля Флетчера, ни один христианский государь той эпохи не имел такой могучей артиллерии.

Новая организация войска, непосредственно и крепко зависимого от центральной власти, давала царю новые возможности усиления самодержавного могущества. Теряя свое значение в армии, боярство утрачивает свое государственно-политическое значение. Возрастает роль среднего и мелкого служилого землевладения.

На Восток и на Запад

И но ведь кто бьет — тот лутче, а кого бьют да вяжут — тот хуже.

Иван Грозный

Военная реформа давала средства для осуществления цели — широкой внешнеполитической программы, разработанной Избранной радой. Новое войско получает первое боевое испытание под Казанью. Начиная с 1547 г. Иван Грозный почти каждый год предпринимает походы на Казань. Распад Золотой орды оставил место новым государственным объединениям. В 1430 г. один из потомков Батыя основал Крымское ханство, границы которого, ограниченные на востоке нижним Доном, на западе — нижним Днепром, доходили на севере до Ельца и Тамбова. В последней четверти XV в. Крым, столицей которого был Бахчисарай, стал вассалом Оттоманской Порты. В 1445 г. возникает независимое Казанское ханство. Его территория совпадает примерно с территорией древнего болгарского государства на средней Волге и Каме. Основную часть населения составляли черемисы и башкиры, говорившие на тюркском языке, и мордвины и чуваши, говорившие на финно-угорском языке. На Руси их звали — татарами. В 1466 г. выделилось Астраханское ханство. Его границы: нижняя Волга на востоке, нижний Дон на западе, Кубань и Терек на юге. Степи от Днепра до Аральского моря были во власти сильной Ногайской орды.

Начиная с 60-х годов XV в. Москва все больше интересуется положением в Казани, где образуются крымская и московская партии, поддерживающие «своих» претендентов на трон. Походы Ивана Грозного были продолжением политики его отца, посылавшего войска как аргумент в пользу московского ставленника. В 1551 г. по совету Шах-Али, которого

Москва трижды сажала на казанский престол и которого трижды казанцы прогоняли, Иван построил на правом горном берегу Волги город Свияжск. Получив важный опорный пункт, Иван отправился завоевывать Казань.

Особых оправданий для завоевательного похода не нужно было, татарские набеги разоряли Русь. В 152] г. объединенная крымско-татарская орда подошла к стенам Кремля, в 1523 г. крымский хан приготовился к очередному набегу, но был остановлен на Оке московской артиллерией. В июне 1552 г. крымский хан, пытаясь перехватить московское войско, шедшее на Казань, появился у Тулы, безуспешно штурмовал город и вернулся к себе. Казань сопротивлялась с июня по октябрь и была взята приступом. Важную роль в русских успехах снова сыграла артиллерия и широкое использование мин против городских стен.

В октябре 1992 г. в Татарстане отмечали 440-летие захвата Казани русскими как день скорби и потери национальной независимости. Русский политолог в письме в газету «Известия», признавая, что «немало татар полегло в результате штурма Казани войсками Ивана Грозного», задает вопрос: «Можно ли оценивать данное событие с нынешней позиции?»[70]. Очевидная риторичность вопроса подчеркивает неожиданную ситуацию: развал Советского Союза обнаружил, что славные русские победы были одновременно чьими-то тяжелыми поражениями.

В истории русской империи завоевание казанского ханства и включение завоеванной территории в состав московского государства — дата исключительной важности. Впервые Москва выходит далеко за этнографические и религиозные пределы Великороссии. И оказывается перед лицом необходимости идти все дальше и дальше, преследуя оборонительные цели. Завоевание Казани не закончило войну, население продолжало борьбу. Для замирения казанского края понадобилось прочное освоение всего течения Волги. В 1554 г. московские войска заняли Астрахань. В1556 г. Астраханское ханство было присоединено к Московскому государству.

В русской власти оказалось все Поволжье, и через Каспийское море Москва вошла в непосредственное соседство с Персией. Ногайская орда вела с Русью активную торговлю; в 1551 и 1552 гг. ногайцы пригнали в Москву более 50 тыс. лошадей, без которых поход на Казань был бы невозможен. К тому же ногайские мурзы считали Ивана Грозного «своим человеком», только более благородного происхождения, в московском царе видели потомка Чингис-хана. В переписке с мурзами Иван от этого происхождения не отрекался[71]. После завоевания Казани и Астрахани в Ногайской орде власть захватил сторонник Москвы.

Карта Московского государства изменилась почти волшебным образом. Граница на юге передвинулась с Оки на Терек. На востоке открылись сибирские пространства. В 1555 г. в Москву явились послы от Сибирского хана Едигера с выражением покорности и обещанием платить дань. В южных степях у Москвы оставался грозный противник — крымский хан. Его вассальная зависимость от турецкого султана дала основание дореволюционным русским, а затем, еще более настойчиво, советским историкам говорить о Константинополе как центре «враждебной русскому государству политики»[72].

Французский историк Александр Беннигсен, анализируя в середине XX в. оттоманские дипломатические документы, хранящиеся в Константинополе в архиве дворца Топ Капы, и московские материалы «Ногайских дел», опубликованные в конце XVIII в.[73], убедился, что «завоевание Казани прошло незамеченным Оттоманской Портой»[74]. Попытка установить официальные отношения между Москвой и Константинополем были сделаны в 1497 г., когда Иван III отправил в столицу Блистательной Порты посольство. Но поведение посла Михаила Плещеева турецким властям не понравилось (что точно произошло — неизвестно) и грамота не была принята, а посольство без почестей отправлено домой. Это не помешало развитию интенсивной московско-турецкой торговли. Турки покупали соболей, моржовые клыки, соколов и янтарь, расплачиваясь золотом и драгоценными камнями. Торговля пушниной с Портой была в XVI в. главным источником драгоценных металлов Московского государства. Для турецких дипломатов Московия была богатым, но диким,

неведомым краем, не представлявшим ни опасности, ни интереса. Когда Москва отправилась на завоевание мусульманского Поволжья, Порта была целиком поглощена борьбой с персидскими Сафавидами, подготовкой экспедиции против Трансильвании на Западе. Султан побуждал в это время крымского хана воевать с Польшей и Литвой — врагом Москвы.

Расширение границ Московского государства принесло значительные экономические выгоды, открылись новые торговые пути, были приобретены новые плодородные земли. Еще важнее было превращение московского государя в хозяина мусульманских народов, населявших вновь завоеванные территории. Иван Грозный хорошо это понимал. Это выражалось, в частности, в его бережном, если так можно выразиться, отношении к исламу. В Наказной грамоте, врученной Гурию, назначенному архиепископом новой Казанской епархии, царь требовал, чтобы «бусурманы» были бы «просвещены светом христианства через любовь, а страхом их ко крещению ни как не приводить»[75]. Веротерпимость Грозного не пережила его. Царь Федор, известный своим благочестием, приказал в 1593 г. казанским воеводам И.М. Воротынскому и А.И. Вяземскому «в конец все мечети извести».

В 1452 г., когда начался распад Золотой орды, Иван III создал вассальное татарское Касимовское ханство. Сто лет спустя Иван IV владел основной частью Батыева наследства. Оставался Крым, сильный, опасный враг. После Казани и Астрахани наступление на крымского хана стало реальностью. Иван отказался от продолжения наступления на юг. Он повернул на запад.

Решение начать войну с Ливонией было принято царем вопреки мнению его ближайших советников. О разногласиях по внешнеполитическим вопросам, о спорах относительно направлений экспансии, и, по обыкновению, чрезвычайно темпераментно, рассказывает Иван в первом послании князю Курбскому. «Как не вспомнить, — с горечью укоряет своего бывшего друга царь, — вечные возражения попа Сильвестра, Алексея и всех вас против похода на германские города, и как, из-за коварного предложения короля Датского, вы дали ливонцам возможность целый год собирать силы?... Если бы не ваше дьявольское противодействие, то, с Божьей помощью, в том же году вся Германия была бы под православной верой»[76].

Тяжкое обвинение, предъявленное царем Курбскому и его единомышленникам, связано с одним из эпизодов Ливонской войны, начавшейся в январе 1558 г. и завершившейся в 1582 г. — почти четверть века спустя. После первых блестящих успехов московские воеводы согласились на перемирие с ливонцами, которое, по мнению царя, дало врагу передышку и помешало закончить войну быстро и решительно. Историки расходятся в мнениях относительно прогнозов Ивана Грозного, некоторые считают чрезмерным преувеличением утверждение о возможности «в том же году» сделать православной «всю Германию». Но в самой Германии, и прежде всего в Ливонии, считали в то время, что победа Ивана Грозного предрешена. Приостановка наступления изменила положение, война приняла международный характер, победа ускользнула.

Иван Грозный пишет Курбскому о разногласиях по вопросам внешней политики в 1564 г. Споры начались гораздо раньше. Юг или Запад? Крым или Ливония? Выбор внешнеполитического варианта был связан как с вопросами геополитики, так и с внутренними проблемами. Программа Алексея Адашева и Андрея Курбского может рассматриваться как продолжение их взглядов на пути развития Московского государства. Члены Избранной рады примыкали к «нестяжателям», сторонникам секуляризации церковных земель. Эти взгляды разделяли многие бояре, рассчитывавшие, во-первых, воспользоваться церковными богатствами, а во-вторых, избежать конфискации своих земель в пользу государства, которое пополнило бы фонд за счет церкви. Плодородные южные степи также могли дать государству землю для служилых людей. Причина несогласия А. Адашева и его круга лежала также в предпочтении, которое они отдавали войне с «бесерменами» (мусульманами) перед войной с христианским западом, с «немцами». Это

дало основание некоторым позднейшим историкам видеть в Алексее Адашеве, Сильвестре, князе Курбском западников, что комментировалось по-разному, в зависимости от взглядов исследователей прошлого.

Историки XIX в., вернувшись к спору XVI в. о двух направлениях московской внешней политики, сформулировали две основные концепции. Н.И. Костомаров защищал походы на юг, которые могли бы привести к освобождению южной Руси от постоянной угрозы татарских набегов и выходу к Черному морю. По мнению С.М. Соловьева, Москва была еще не в состоянии воевать за Черноморское побережье, но имела возможность завоевать Балтийское море, предвосхищая таким образом политику Петра, «прорубившего окно в Европу». Советские историки, в особенности в сталинский период, настаивали на том, что «с государственной точки зрения Грозный был, несомненно, прав, ведя войну на западе, а не на юге»[77], ибо южнорусским землям он предпочитал море.

После безжалостной критики, которой ЦК партии подверг вторую серию «Ивана Грозного», Сергей Эйзенштейн, оправдываясь перед Сталиным, объяснял, что он слишком растянул фильм и поэтому «основные для всего фильма события — разгром ливонских рыцарей и выход к морю — не попали во вторую серию»[78]. Он дал обязательство включить эти события, переделывая фильм. Писатель Аркадий Белинков, говоря о фильме Эйзенштейна, спрашивал: «...может ли лживая и подлая концепция создать великое произведение?» — и констатировал, что кинорежиссер настаивает на том, что «завоеванное море лучше свободы»[79],

Различные, нередко взаимоисключающие, комментарии историков опираются на те же самые, сравнительно скудные, источники. Главный из них — переписка Ивана Грозного с Курбским и написанная князем Андреем «История великого князя Московского о делах, яже слышахом у достоверных мужей и яже видехом очима нашими» (изложение событий от детства Ивана до 1578 г.). Переписка началась через пять лет после разрыва царя со своими советниками, после бегства Курбского, болезненно воспринятой Иваном как измена бывшего друга. И царь, и Курбский видели причины разрыва сквозь призму событий, которых они не могли предвидеть. Бесспорно то, что Иван выбрал «запад» вопреки советам Избранной рады.

В 1558 г. московские войска вторглись в Ливонию. Ими командовал бывший казанский, а потом касимовский царь Шах-Али. Значительную часть армии составляли татары. Наличие татарской конницы в составе армии Ивана Грозного могло быть одной из причин, побудивших царя начать войну — в его руках была могучая сила. Значительно более важным поводом была слабость Ливонии. В XVI в. ливонское государство, владения ордена меченосцев, стало приходить в упадок. Распространение протестантства в городах подрывало устои орденского братства, местное население финского и литовского происхождения относилось к завоевателям, немецким меченосцам, враждебно. Усиливалась борьба между светской и духовной властью, между городами и рыцарями, между орденом и императором.

Слабеющая Ливония лежала между усиливающейся Москвой и Балтийским морем. Включение Новгорода в состав Московского государства сделало дальнейшее продвижение Москвы к побережью неизбежным. Ливонские города — Рига, Нарва и другие — взяли в свои руки торговлю с Ганзой, заблокировав Русь. В ливонских портах иностранцам запрещалось учиться русскому языку, непосредственно торговать с Москвой, открывать кредит русским купцам. Повод нашелся легко — старинный спор о подати, и началось завоевание Ливонии. Лавры Александра Невского, с которым митрополит Макарий сравнивал Ивана после взятия Казани, могли сниться царю. Прерванная в XШ в. нашествием татар московская политика вернулась в XVI в. к своей цели.

Слабая, раздираемая междоусобными спорами Ливония не оказала серьезного сопротивления. Боярин Алексей Басманов внезапным штурмом овладел слывшей неприступной крепостью Нарвой, был взят Дерпт, черемисы Шах-Али подвергли страшному разорению южную Ливонию. Дойдя почти до Ревеля и Риги, Шах-Али вернулся осенью 1558

г. в Москву. В следующем году русско-татарские войска под командованием Тохтамыша и князя Микулинского проникли в Курляндию, нанеся очередное поражение орденским силам. Продвижение московской армии было прервано по настоянию Адашева: орден получил перемирие с мая по ноябрь. Об этом вспоминал Иван в послании Курбскому пять лет спустя, негодуя на «изменнические действия «собаки Алексея». Адашев считал необходимым прервать войну в Ливонии, ибо снарядил экспедицию против крымских татар.

Иван, отвергая политику Адашева, принял мирные предложения Крыма и отправил в Ливонию сильную армию под командованием князя Андрея Курбского. В 1560 г. была взята сильная крепость Феллин — резиденция магистра ордена. Рыцарское войско было разгромлено. Сопротивление Ливонии сломлено.

В ходе трех кампаний Москва открыла для себя Балтийское побережье, но война за Ливонию, как быстро выяснилось, только началась. Успехи русского оружия в Ливонии произвели большое впечатление на Западе, напугали появлением новой державы. Историки часто цитируют предсказание, содержавшееся в письме протестантского публициста Юбера Ланге Кальвину, сделанное в самом начале войны; «Если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой»[80]. Опасения западных государств и нежелание ливонских рыцарей стать подданными Москвы превратили Прибалтику в арену международного конфликта.

Московское государство впервые становится субъектом европейской политики, впервые Иван Грозный демонстрирует свои дипломатические способности, все более уверенно освобождаясь от влияния советников из круга Алексея Адашева. Побежденная Ливония разваливалась на части, каждая из которых отдавалась соседям, рассчитывая уйти таким образом от Москвы. Магистр ордена Кеттлер передал Ливонию Польше, получив взамен наследственный титул герцога и Курляндию. Собственно Ливония (Лифляндия) заключила унию с Литвой. Эстония (с городом Ревелем) отдалась Швеции. Остров Эзель признал власть датского герцога Магнуса.

Завязался узел, на распутывание которого уйдет более полутораста лет: в ходе войн за Прибалтику истощат свои силы скандинавские страны, Польша и Литва, превратится в могучую державу Россия. Живейший интерес к событиям в Ливонии проявила империя Габсбургов. Главные враги султана в Европе Габсбурги (германский император Фердинанд и его родственник испанский король Филипп II) были довольны успехами Ивана на востоке, его крымскими походами. Поворот Москвы на запад сильно разочаровал императора. В 1560 г. Фердинанд обратился к Ивану с письмом, в котором просил прекратить войну с орденом, вассалом императора. Москва поддерживала отношения со Священной римской империей германской нации с XIV в. Не желая портить отношений с Габсбургами, но и не имея намерений прекратить войну, Иван дал неожиданное объяснение причинам походов против ливонцев. Дело в том, писал царь[81] императору, что ливонцы «преступили заповедь Божию» и «впали в Лютерово учение». Православный царь, всю жизнь презиравший «латынскую ересь», внезапно выступил в качестве защитника католицизма против лютеранства. В ноябре 1561 г. Фердинанд, видимо, не удовлетворившись ответом Ивана, запретил навигацию по Нарове, попытавшись отрезать Москву от западноевропейских товаров. Но к этому времени установилась торговля с Москвой северным путем, который был открыт английскими купцами в 1553 г., когда впервые капитан Ричард Ченслер бросил якорь в устье Северной Двины. Ченслер был доставлен в Москву через Холмогоры, и с этого момента начинаются постоянные русско-английские торговые отношения.

Видя основную угрозу своим планам со стороны Польши и Литвы, Иван заключает союзный договор с Данией, дает шведам 20-летнее перемирие и обращает основные силы против Литвы. Осенью 1562 г. во главе многочисленной рати Иван отправляется к Полоцку, пограничной крепости, защищавшей дорогу к литовской столице. В январе 1563 г. начинается осада крепости, которая сдается на милость победителя 15 февраля. Полоцкая победа — высший успех Москвы в первой фазе Ливонской войны. В следующем году

русские войска терпят жестокое поражение на реке Уле: литовцы разбивают армию, шедшую от Полоцка на соединение со смоленской армией, не допускают объединения и вынуждают московскую рать покинуть территорию Литвы.

Военная неудача имела значительные, как внешнеполитические, так и внутриполитические последствия. Осенью 1564 г. польско-литовская армия подошла к Полоцку, рассчитывая вернуть важный стратегический пункт. Одновременно на юге двинулись на Московское государство крымские татары, нарушив подписанное с Иваном соглашение. Возникла опасность войны на двух фронтах. Поляки и литовцы, постояв под Полоцком, ушли, не решившись штурмовать крепость. Хан Девлет-Гирей, раздумав идти на Москву, повернул к Рязани, которая отразила атаки орды. Крымская орда вернулась в степи. Гораздо важнее были события внутри страны.

Апология самодержавия

Мне ни в чем не давали воли...

(Из первого послания Ивана Курбскому)

Выбор направления внешней политики, первые успехи в Ливонской войне усилили желание Ивана Грозного освободиться от своих советников, укрепить свою самодержавную волю. В первом послании Курбскому царь не перестает жаловаться на притеснения со стороны своих советников: «Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неугодно, а их даже плохие и скверные советы считались хорошими! Так было во внешних делах; во внутренних же, даже в малейших и незначительных делах, мне ни в чем не давали воли: как обуться, как спать — все было по их желанию, я же был, как младенец»[82].

Переписка Ивана Грозного с другом юности, затем близким советником, талантливым воеводой князем Андреем Курбским — уникальный документ в русской истории. Это важнейший, по отдельным событиям — единственный источник. Это — изложение взглядов, как некоторые историки говорят — программ, царя и его противника. Особый характер переписке придаст свобода выражения своего отношения к событиям и людям авторами писем. Нет ничего удивительного в свободе царя, Андрей Курбский приобрел возможность говорить свободно, бежав в Литву. В конце 1563 г. (по другим сведениям в начале 1564 г.) князь Курбский, отправленный воеводой в Юрьев, ночью, оставив жену, бежит из пределов Московского государства. Из безопасной Литвы он отправляет послание царю, в котором перечисляет преступления Ивана и объясняет свой побег опасением погибнуть, как уже погибли многие знатнейшие люди государства,

«Князь Курбский от царского гнева бежал...» — начинается знаменитая баллада А.К. Толстого (1817—1875), которого советские комментаторы упрекали в том, что он изобразил в балладе и других произведениях Ивана Грозного «неверно, без понимания прогрессивного характера его деятельности»[83]. Андрей Курбский имел основания опасаться царского гнева не только потому, что он, командовавший передовым полком армии, одержавшей победу в Ливонии, взявшей Полоцк, не был награжден, а послан в Юрьев, но и потому, что в Москве шли казни «сильных мира сего». Гонения начались в 1560 г., после смерти 7 августа жены Ивана Анастасии. Иван прожил с Анастасией 13,5 лет, они имели шестерых детей. По свидетельству современников, царь был очень привязан к жене, а историки, начиная с Карамзина, отмечали ее благотворное влияние на Грозного, И указывали, что преследования и казни бояр начались после смерти Анастасии. Сам Иван, во втором послании Курбскому,

повторяя жалобы, утверждая, что злые советники «захватили мою власть и правили, как хотели, а меня устранили от власти», с горечью восклицая: «Сколько напастей я от вас испытал, сколько оскорблений, сколько обид и упреков!», переходит к страшному обвинению: «А с женой моей зачем вы меня разлучили? не отняли бы вы у меня моей юной жены, не было бы и Кроновых жертв»[84].

Кронос, древний греческий бог, пожиравший своих детей, ибо было предсказано, что один из них его свергнет, несколько раз появляется в переписке Ивана и Курбского — оба корреспондента употребляют этот образ. Во втором послании царь обвиняет Адашева, Сильвестра и Курбского в убийстве его «юницы», оправдывая этим начало казней. Никаких оснований подозревать врагов в отравлении Анастасии у Ивана не было (в первом послании он об этом не пишет), но желание найти причину антибоярских репрессий побуждает Грозного выдвинуть это обвинение. Имелись и другие. Подлинные и мнимые, которые могли казаться реальными Ивану, когда он описывал их в посланиях изменнику.

Современник событий Альберт Шлихтинг рассказывает, что после полоцкого успеха Иван стал уничтожать тех евоих приближенных, которые советовали ему перестать воевать с «христианскими народами» и обратить оружие против «врагов креста Христова» — татар и турок[85]. Главное обвинение, сформулированное в первом послании Курбскому, — заговор против царя.

Геббельс утверждал, что историю знают только по фильмам и поэтому прошлое находится в руках кинорежиссеров. Все зрители «Ивана Грозного» Сергея Эйзенштейна помнят не только сцену отравления Анастасии, которой тетка Ивана Евфросинья Старицкая подает яд, но прежде всего сцену, в которой смертельно больной Иван на коленях упрашивает бояр присягнуть наследнику, а они отказываются, задумав провозгласить царем, «воцарить» князя Владимира Старицкого.

Сергей Эйзенштейн не придумал историю болезни. Она рассказана в первом послании Курбскому: «Когда же ... я, как бывает с людьми, сильно занемог, то те, кого ты называешь доброжелателями, с попом Сильвестром и вашим начальником Адашевым во главе восстали, как пьяные, решили, что нас уже не существует и, не заботясь о нашей душе и о своих душах.., решили посадить на престол нашего отдаленного родственника князя Владимира, а младенца нашего, данного нам от Бога, погубить, подобно Ироду»[86].

Важнейшим источником рассказа о болезни царя, об отказе бояр и ближайших советников присягнуть шестимесячному наследнику — «пеленочнику» Дмитрию, была Царственная книга — летопись, открытая и опубликованная М.М. Щербатовым в 1769г. В 1945 г. С.Б. Веселовский пришел к выводу, что «все поправки, приписки и интерполяции Царственной книги сделаны одним почерком и одним лицом позднего происхождения; они сделаны лет восемнадцать-двадцать спустя после болезни царя в 1553 г. при непосредственном близком участии самого царя и с определенной тенденцией оправдать царя в казни старицких князей в 1569 г.»[87]

Анализ приписок, сделанных по требованию и, видимо, под диктовку Ивана в Царскую книгу, официальную московскую летопись, свидетельствует, что царь в 1553 г. еще не имел намерений расстаться с Адашевым, Сильвестром и другими ближайшими советниками. Но эти вставки, без всяких сомнений, раскрывают мысли и намерения Ивана Грозного в 1569 г. и объясняют причины конфликта между царем и боярством, приобретшего острую форму гонений и казней, начиная с 1560 г., после смерти царицы и отставки Адашева.

Алексей Адашев, мелкий вотчинник, превратившийся благодаря своим административным талантам в «правителя Русской земли», духовник Ивана Сильвестр стали ближайшими советниками царя, когда ему было 18 лет. Десять лет спустя они стали восприниматься царем как цепи, связывавшие его по рукам и ногам Историки подметили черту характера Ивана: увлекаясь мыслью, он охотно отдавал подробности исполнения

другим, но потом, заметив, что они забрали слишком много власти, вооружался против тех, кому верил[88]. Неистово религиозный человек, Иван так же твердо, как в Бога, верил в божественный характер власти царя. Тот, кто противился его желаниям, критиковал его планы, ограничивал его власть, посягал на волю Божью. В послании польскому королю Стефану Баторию Иван в первых же строках подчеркивает разницу между ним и адресатом: «Божьей милостью мы, смиренный Иван Васильевич... царь и великий князь всея Руси (следует полный титул), по Божьему изволению, а не по многомятежному желанию человечества...»[89]. Не слишком тонко русский царь намекал на то, что польский король был избран на трон сеймом. Следовательно, ни в какое сравнение с Иваном он идти не мог. Убеждение московского царя в божественном характере его власти было так велико, что он согласился, когда возникла возможность, с выдвижением его кандидатуры на польский трон. Но до выборов дело не дошло.

Переписка Ивана Грозного с князем Курбским отражает задним числом взгляды корреспондентов на переворот, совершенный царем в 1560 г., когда он подверг опале Алексея Адашева, Сильвестра и других советников, на события, предшествовавшие разрыву и последовавшие. Авторы посланий видят прошлое по-своему, по-разному оценивают факты и поведение людей, бросают друг другу беспощадные обвинения. Перед читателем — важнейший литературный памятник эпохи и страстное представление двух взаимоисключающих политических взглядов, можно бы сказать политических программ, если бы личный характер переписки, перечень взаимных персональных обид и претензий не исключали такого холодного слова, как «программа».

Василий Ключевский, автор блестящего психологического портрета Грозного, замечает. «Иван — один из лучших московских ораторов и писателей XVI в., потому что был самый раздраженный москвич того времени»[90]. Историк имеет в виду страстность посланий, фанатическое убеждение в своей правоте, неистовый гнев на противника, сочетающийся с убийственной иронией. Программа Ивана была несложна: царь — неограниченный самодержец, ибо его власть от Бога. Его взгляд лучше всего выражен в знаменитом афоризме, который неизменно цитируют историки: «А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнить вольны же». Емкость афоризма объясняет причину его популярности; в нем выражена суть абсолютной, самодержавной власти. Развивая свою мысль о необходимости единоличной власти, Иван, цитируя пророка, приводит убедительное сравнение: «Горе дому, имже жена обладает, горе граду, имже мнози овладают».

Советский биограф Ивана Грозного подчеркивает как важнейшую особенность его политических взглядов их неразрывную связь с практикой: «Практическая деятельность подымается здесь до высоты теории, а сама теория выступает как прямое и непосредственное руководство к практической деятельности, определяющее и направляющее эту деятельность»[91]. Мысль советского историка, верная по существу, примечательна тем, что является парафразой знаменитого высказывания Сталина: марксизм не догма, но руководство к действию,

Пафос послания Ивана — защита и оправдание неограниченной самодержавной власти. Адресат — Андрей Курбский, но очень скоро царь перестает говорить «ты» и начинает говорить «вы», имея в виду всех своих врагов, изменников, покушающихся на его власть бояр. «Русские самодержцы, — ссылается Иван на историю, — изначала сами владели своим государством, а не их бояре и вельможи». Теория и ссылка на прошлое позволяют Ивану перейти к практике. Стремясь ограничить его власть, бояре совершают измену, а с изменниками царь имеет право расправляться, как они этого заслуживают: «Хочешь не бояться власти? Делай добро; а если делаешь зло — бойся, ибо царь не напрасно меч носит — для устрашения злодеев и одобрения добродетельных»[92].

Начал Андрей Курбский. Уйдя в Литву, он послал письмо царю, в котором обвиняет, объясняет, оправдывается. Легенда гласит, что послание Ивану было привезено в Москву

слугой князя Василием Шибановым. Царь, пронзив ногу посланника своим жезлом, выслушал прочитанное письмо, похвалил Ваську Шибанова за верность князю и послал его на казнь. Историки подвергают легенду сомнению. Несомненным является факт ответа Ивана Курбскому. Два обстоятельства объясняют значение князя Андрея Курбского в русской истории. Первое: он ушел из-под власти царя и публично объявил свои мотивы. Его можно было бы назвать первым русским эмигрантом, если бы он себя таковым не считал. Потомок древнего удельного рода князей Ярославских, Андрей Курбский считал своим правом покинуть сюзерена, с которым у него испортились отношения, и уйти к другому. Право отъезда было одной из важнейших привилегий служилых людей, с которой московские великие князья начали воевать со времен Ивана III. При Иване Грозном отъезд стал считаться изменой, но даже он не решался его запретить, ибо не любил прямо ломать древних обычаев. Желая воспрепятствовать отъездам, царь заставлял бояр целовать ему крест на верность. В середине 50-х годов, несмотря на крестное целование, московское боярство старается бежать в Литву. Бегство принимает угрожающие размеры. Репрессии, которые обрушиваются на пойманных беглецов и их семьи, побуждают к бегству других, что, в свою очередь, вызывает новые репрессии.

Второе обстоятельство — взгляды Андрея Курбского. Упреки, обвинения, аргументы князя-беглеца выстраиваются в систему взглядов, которую можно считать политической программой.

Более 400 лет не стихают горячие споры по поводу личности Андрея Курбского, мотивов его побега, справедливости его обвинений, смысла его взглядов. Иван предъявил Курбскому список преступлений: измена, нарушение крестного целования, желание восстановить ярославский удел, т.е. выделить Ярославль в самостоятельное княжество, намерение отнять у царя жену Анастасию. Если имелись основания для первых двух обвинений, третье и четвертое относятся к области фантазий царя. Мнения историков носят диаметрально противоположный характер. Господствующий взгляд: князь Курбский был изменником, противником самодержавия и выразителем взглядов крупного боярства, мешавшего созданию сильного централизованного государства. Автор новейшей биографии Ивана Грозного категоричен: Курбский «давно вступил в изменнические переговоры с литовцами, и его гнал из отечества страх разоблачения»[93]. Представители другого взгляда видели в Андрее Курбском честного, искреннего человека, борца с тиранией, высокообразованного публициста, первого русского историка. Н.А. Добролюбов, один из важнейших публицистов революционно-демократического движения XIX в., отмечал, что «История о великом князе московском» Курбского «написана отчасти уже под влиянием западных идей; ею Россия отпраздновала начало своего избавления от восточного застоя и узкой односторонности понятий»[94]. Друг Добролюбова А.Н. Пыпин уделил Курбскому восторженные страницы в «Истории русской литературы», называя его первым русским публицистом и первым гражданином своего отечества в полном смысле этого слова[95]. Современный исследователь пишет в 1987 г., что «к идеям опального князя восходит позднейшая традиция русского либерализма»[96].

Противоречивость отношений к Андрею Курбскому вызвана не литературной деятельностью князя, но взаимоисключающими взглядами на деятельность Ивана Грозного. Современный биограф царя Ивана, видя в послании Курбского «едва ли не единственный документ, открыто излагавший программу боярской оппозиции в России накануне опричнины», называет главным ее пунктом «требование о немедленном прекращении антибоярских репрессий»[97]. Кроме того, Курбский обвинял царя в кровожадности, в плохом управлении государством, в «кривине суда», оскудении дворян, притеснении купцов и страданиях землевладельцев. Польский историк К. Валяшсвский, автор биографии Ивана Грозного, опубликованной в 1912 г., сопоставляет обвинения царю, иначе говоря, теоретическую программу Курбского, с его деятельностью в Польше после бегства. Он упрекает князя в притеснении крестьян, живших в польских владениях, дарованных

Курбскому, в буйных набегах на соседей. Польские историки сообщают о том, что князь Курбский чрезвычайно быстро усвоил нравы польско-литовских магнатов, прежде всего не считался с королевской властью и бранил посланцев короля «непристойными московскими словами».

Став подданным польского короля, Андрей Курбский не перестал считать себя русским, в смысле православным. Он воюет с Москвой, но ненавидит и презирает Польшу, упрекает в «нечестивых нововведениях и шатаниях» католиков и протестантов, гордо противопоставляет чистый славянский язык — русский «польской барбарии». Ощущая себя совершенно независимым, Андрей Курбский, через 5 лет после бегства, недавно участвовавший в войне с Москвой на стороне Сигизмунда II Августа, решает воздействовать на русскую внешнюю политику Он обращается к императорскому агенту в Польше с предложением заключить союз между императором и русским государством против султана. Максимилиан II, извещенный о предложении своим агентом, аббатом Циром, чрезвычайно заинтересовался: в течение года велись переговоры между Курбским и представителем императора. Они не могли ни к чему привести, ибо князь Андрей не имел никаких полномочий, но они свидетельствовали об уверенности эмигранта, что он может такие переговоры вести, и о том, что мысль о необходимости для Москвы воевать на юге не оставляла его.

К. Валишевский замечает, что идеалы Курбского были осуществлены в Польше, что это были идеалы анархические, опасные и гибельные на их родине. Польский историк заключает главу о Курбском словами: «В борьбе между старым и новым порядком Курбский был самым блестящим защитником прошлого»[98]. Видя в программе Андрея Курбского «защиту прошлого», следовало видеть в деятельности Ивана Грозного будущее. В столкновении Ивана Грозного и князя Курбского можно видеть столкновение двух моделей — московской и польской, самодержавной и королевско-республиканской.

Переписка между царем всея Руси и его вассалом-изменником выходит далеко за рамки личного спора между бывшими друзьями, ставшими непримиримыми врагами. Вопрос о цели ответа Ивана Грозного на обвинения Курбского поставил еще Н. Костомаров. Автор статьи «Личность царя Ивана Васильевича Грозного»[99] удивлялся: неужели царь хотел убедить Курбского признать себя во всем правым, а всех опальных и замученных виновными? Историки XX в., изучив все списки писем, пришли к выводу, что послания царя были меньше всего рассчитаны на князя-изменника. Полное название первого послания: «Царево государево послание во все его Российское царство об измене клятвопреступников князя Андрея Курбского со товарищами». Имена «товарищей» князя Андрея известны — это были эмигранты, бежавшие из Москвы от царских преследований. В Литве образовалась русская политическая эмиграция. «Впервые за много лет оппозиция получила возможность открыто заявить о своих нуждах и противопоставить официальной точке зрения собственные требования»[100].

Исследователь опричнины С.Б. Веселовский, отмечая, что переписка Курбского с царем дошла до нас в большом количестве списков, хранившихся в разных местах, приходит к выводу, что она была «памфлетной борьбой царя с изменником, рассчитанной с первой строки и до последней на широкую аудиторию, и в первую очередь, на общественное мнение Польско-Литовского государства»[101]. В пределах Московского государства адресатом могли быть «читающие круги», т.е. монастыри, с которыми был связан Курбский, всегдашний сторонник «нестяжателей».

Опричнина

Возненавиде грады земли своей... всю землю державы своея, (царь) яко секирой наполы некако разсече.

Хронограф. 1617

Полк сатанинский, собранный тобою на погубу христианскую.

Митрополит Филипп Ивану. 1568

Опричнина — это королевское войско… прогрессивная армия.

И Сталин 1947

В феврале 1565 г. царским указом Московское государство было разделено, разрублено, как топором, по выражению Хронографа 1617 г., на две части. В одной, большей, названной земщиной, сохранялось старое управление, во второй — опричнине — вся власть принадлежала царю. Слово «опричь», означавшее долю, полагавшуюся вдове, прочно вошло в русский язык после появления неологизмов — опричнина, опричник, ставших синонимами жестокой, беспредельной власти. В сталинские годы деятели культуры, выполняя государственный заказ по личным указаниям вождя, постарались представить опричнину «прогрессивным» явлением. Их успех был временным.

Опричнина, самое удивительное изобретение Ивана Грозного, поразила воображение современников царя и потомков. Указ о разделении государства действовал семь с половиной лет, но опричнина стала символом царствования Ивана IV и вызвала острую полемику о целях и средствах, о смысле царского указа и его последствиях. Дискуссия началась с XVI в. и продолжается в наше время. Ход событий известен. О них рассказывает официальная летопись, и оставили свидетельства очевидцы. Летопись изложила абрис случившегося, очевидцы сообщили подробности, детали, факты, описали поведение участников — палачей и жертв. Особый характер повествованиям очевидцев придает то, что они были иностранцами, сводившими счеты с царем и Москвой.

Немец Генрих Штаден[102] был опричником, разбогатевшим в годы опричнины, а затем, после ее отмены, потерявшим полученное имение. Ливонские авантюристы Иоганн Таубе и Элерт Крузе[103] выполняли некоторые дипломатические миссии Ивана Грозного, а затем изменили царю и бежали в Литву. Альберт Шлихтинг, немец, служивший в польском войске во время Ливонской войны, попал в Москву как пленник. Единственный из иностранных очевидцев он знал русский, что дало ему возможность найти службу в качестве переводчика при бельгийце, личном враче царя. В 1570 г. Шлихтинг бежит в Польшу и пишет там записки об опричнине[104]. Попав в Ватикан, свидетельство А. Шлихтинга производит сенсацию: папа Пий V отказывается от намерения вести с Иваном переговоры о церковной унии. Современный английский историк полагает, что Шлихтинг положил начало «антирусским писаниям», но современный русский историк считает, что «Новое известие» Шлихтинга, при всех ошибках, неточностях и преувеличениях, доходящих иногда до фантастичности, производит благоприятное впечатление тем, что в нем нет той злостной лживости и преднамеренной клеветы, которыми проникнуто послание «лифляндских дворянчиков Таубе и Крузе»[105].

Летопись подробно излагает ход событий. 3 декабря 1564 г. царский поезд, состоявший из многих сотен возов, нагруженных казной, драгоценными святынями (иконами, крестами), забранными из церквей, выехал из Москвы вместе с царем, царицей Марией Темрюковной, кабардинкой, на которой Иван женился вскоре после смерти Анастасии, царевичами и ближними людьми, которых также сопровождали жены и дети.

Побродив некоторое время в окрестностях столицы, царь остановился в Александровой слободе. Только 3 января 1565 г. Иван отправил в Москву митрополиту Афанасию и оставшемуся правительству послание и «список, а в нем описаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей».

Целый месяц Москва не знала и не могла понять, что произошло. Московские государи, выезжая даже на короткое время, всегда оставляли назначенных людей управлять делами. Иван бросил Москву, не назначив никого, оставил город без власти. Напуганные москвичи, помнившие о кровавых раздорах в годы малолетства царя, опасались восстания черни и самовластия бояр. Одновременно с грамотой митрополиту и боярам, царь послал грамоту купцам и «всему христианству города Москвы». Делегация, возглавляемая митрополитом, включавшая духовных лиц, бояр и «всяких москвичей», явилась в Александрову слободу молить царя вернуться на трон.

Делегация выслушала обвинения, адресованные не определенным лицам, но, выражаясь сегодняшним языком, государственной структуре — всем служилым людям — от первого боярина до последнего дьяка. Царь обвинял их во всех грехах — от расхищения казны до предательства внешних интересов государства. Условием возвращения Ивана в Москву было общее согласие на предоставление ему неограниченной власти. Это должно было выражаться в отказе духовенства от исконного права вступаться за опальных и в отказе дворянства от древних гарантий — справедливого княжеского суда. Одновременно царь требовал согласия на создание личного опричного войска, особого двора, в знак разрыва со старым Государевым двором, символом системы, против которой Иван восстал. Опричная территория, которую взял себе царь, должна была обеспечить материальное снабжение нового двора и нового войска. В случае отказа принять его условия Иван грозил отказаться от власти.

Все условия были беспрекословно приняты, и в начале февраля Иван IV вернулся в Москву победителем. Государственный переворот, задуманный давно, тщательно подготовленный, удался. Внук Ивана III реализовал утопию, получил абсолютную, ничем не ограниченную власть, о которой писали Филофей, Иван Пересветов. Началось испытание неизвестной еще в России системы абсолютной самодержавной власти.

Таубе и Крузе пишут, что Ивана, вернувшегося после двухмесячного отсутствия в Москву, трудно было узнать, так он изменился: все волосы на голове и из бороды вылезли. Некоторые историки объясняют это переживаниями царя, который фанатически верил в божественное происхождение своего сана и тяжело перенес мысль о возможном отречении. Можно найти и другие объяснения. Царь, которого Курбский в посланиях часто упрекает в трусости, называет «бегуном и хоронякой», боялся, что переворот может не удаться. Начав строить Опричный двор (напротив Кремля), окружив себя новыми, тщательно отобранными советниками и «сатанинским полком» опричников, Иван приступил к реализации своих планов.

Каковы же были планы Ивана IV? Прежде всего, против кого был направлен переворот? Очевидный ответ — против тех, кто ограничивал власть царя — недостаточен, ибо носит слишком общий характер, вызывает другие вопросы. Точка зрения Н. Карамзина, не приписывавшего опричнине особых государственных целей, видевшего в ней проявление личных качеств грозного царя, имеет немного последователей. В середине XIX в. Константин Кавелин реабилитирует опричнину, «учреждение, оклеветанное современниками и непонятое потомством». Представитель «историко-юридической школы», рассматривавшей русский исторический процесс как мирную эволюцию от «родового быта» к государственному, Кавелин формулирует точку зрения, которая будет, с отдельными возражениями и видоизменениями, принята многими историками: «Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество, на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства»[106]. Современник историка писатель Алексей Толстой выразил эту мысль

художественными средствами: «...Усердно молился царь. Молился он в тишине на святой Руси, молился о том, чтобы дал ему Господь побороть измену и непокорство, чтобы благословил его окончить дело великого поту, сравнять сильных со слабыми, чтобы не было на Руси одного выше другого, чтобы все были в равенстве, а он бы стоял один надо всеми, аки дуб в чистом поле». Граф Толстой видит тот же процесс, что и либеральный историк Кавелин, но расценивает его иначе. Для Кавелина опричнина — прогрессивное государственное дело, для Алексея Толстого — уравнительная революция, которая не может удаться. Ибо, утверждает писатель. «Не расти двум колосьям в уровень, не сравнять крутых гор с пригорками, не бывать на земле безбоярщины»[107]. Историк и писатель видят одинаково главную цель опричнины — борьбу с боярами, с их властью, ограничивающей власть царя.

Скудость источников мешала историкам проникнуть в тайны эпохи Ивана Грозного. Выводы делались на основе немногочисленных свидетельств современников, официальных летописей. Сергей Платонов (1860—1933), один из крупнейших знатоков XVI—XVII вв., считая, что в опричнину были взяты почти все центры княжеского землевладения, утверждал, что опричнина подорвала силу бояр, лишенных земли. С.Б. Веселовский (1876—1952), автор важных исследований по истории опричнины, отверг «сложную и замысловатую концепцию С.Ф. Платонова»[108], ибо, изучив территорию опричнины, пришел к выводу, что она не была направлена против крупного боярства, свелась к уничтожению отдельных лиц и не нарушила прежнего порядка. Современный историк Руслан Скрынников, автор многочисленных работ по истории XVI—XVII вв., в частности биографии Ивана Грозного, обнаружил новый, неизвестный ранее источник: налоговые описи — писцовые книги — Казанского края, куда были выселены многие жертвы опричнины. Р. Скрынников полагает, что ему удалось «окончательно прояснить загадку опричнины»[109]. В казанскую ссылку попало, как свидетельствуют писцовые книги, примерно 180 лиц (с семьями). Около двух третей ссыльных носили княжеский титул. Главный удар, делает вывод Р. Скрынников, был нанесен по суздальской знати, высшему слою русской аристократии, «которая плотной стеной окружала трон», превратив монархию в пленницу. Опричная практика, состоявшая в выселении землевладельцев с территории, переходившей в опричнину, повлекла за собой «крушение княжеского землевладения. Катастрофа была столь велика, что никакие последующие амнистии и частичный возврат родовых земель опальным князьям не могли ликвидировать се последствии»[110].

Взаимоисключающие мнения историков об одном из важнейших эпизодов русской истории заставляют задуматься о возможностях проникновения в прошлое. Каждый из историков обнаружил в эпохе Ивана, в личности царя то, что он хотел увидеть, то, что позволяли ему увидеть его мировоззрение и его время. Сторонники целенаправленной истории обнаруживают в действиях Ивана Грозного планы, стратегию, цели. Те, кто не верит в «законы истории», видят в поступках царя проявления его темперамента, характера, находят элементы безумия.

Историки, люди мысли и пера, понимают Ивана Грозного теоретически, как фигуру из прошлого, как исторический персонаж. Сталин, в поисках модели для практической деятельности, первоначально остановил свой взор на Петре I, но затем выбрал Ивана IV. Начавшееся в 40-е годы величание отца опричнины было поручено не историкам, которые, тем не менее, приложили к ней руки, но прежде всего деятелям культуры романистам, драматургам, поэтам, кинорежиссерам. Эта кампания выражала отношение к Грозному вождя народов косвенно. Прямо свои мысли об Иване Сталин изложил в разговоре с Эйзенштейном и актером, исполнявшем роль царя, Николаем Черкасовым. Разговор происходил 25 февраля 1947 г. по просьбе кинематографистов, желавших убедить Высшую Инстанцию, что осуждение и запрещение второй серии «Ивана Грозного» произошло по недоразумению и что фильм можно исправить, если Сталин даст указания, как это сделать. Отказавшись дать указания, но, согласившись высказать «замечания зрителя», Сталин сообщил, как он видит прошлое, подчеркнув, что видит его правильно. Прежде всего: «Царь

у вас получился нерешительный, похожий на Гамлета. Все ему подсказывают, что надо делать, а не он сам принимает решения... Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (Вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе». Далее: «У вас неправильно показана опричнина. Опричнина — это королевское войско. В отличие от феодальной армии, которая могла в любой момент сворачивать свои знамена и уходить с войны, образовалась регулярная армия, прогрессивная армия».

Объясняя смысл политики Ивана, Сталин начинает с трактата о жестокости: «Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показывать, почему необходимо быть жестоким». По мнению Сталина, который понимал толк в жестокости, в характере Ивана были изъяны: «Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не сумел ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств, не довел до конца борьбу с феодалами. Если бы он это сделал, то на Руси не было бы Смутного времени... Тут Ивану помешал Бог: Грозный ликвидирует одно семейство феодалов, а потом целый год кается и замаливает «грехи», тогда же как ему нужно было бы действовать еще решительнее»[111].

Сталин, бравший уроки у прошлого, называет политику Ивана прогрессивной, ибо движение от феодализма к абсолютизму видится ему сквозь марксистские очки, как движение вперед. Сталин — практик, строитель тоталитарного государства — критикует тактику царя, объясняя ее пороки слабостями характера и ощущением греховности казней, которые Иван Грозный считал необходимым замаливать. На фоне выдающегося прогрессивного государственного деятеля, Ивана Грозного, далекий преемник царя — Сталин хочет выглядеть крупнее и прогрессивнее, ибо он учел ошибки создателя опричнины. «Исторические параллели всегда рискованны», — справедливо считал Сталин, но сходство между временем опричнины и эпохой «большого террора», между 1565—1572 и 1935—1938 так велико, что позволяет сравнивать деятельность и цели грозного царя и грозного генерального секретаря. Это сравнение позволяет понять исторические события, разделенные почти четырьмя столетиями: современники сталинского террора становились «очевидцами» опричного террора.

Аресты, ссылки, пытки, казни — результаты многочисленных процессов, жестокие репрессии без всякого суда ударяли по всему обществу. Знаменитая формула «большого террора» — «незаменимых нет!» — могла быть сочинена в годы опричнины, которые Курбский назвал «пожар лютости». Среди многочисленных концепций, рационализирующих политику Ивана, наиболее близкой к реальности кажется точка зрения Василия Ключевского, ибо ее подтверждает практика Сталина. В 60-е годы Иван Грозный столкнулся с противоречием, которое требовало решения: Московское государство было самодержавной монархией с аристократическим (боярским) правящим аппаратом. Можно было искать решения на пути реформ, Иван выбрал опричнину. Легко увидеть здесь аналогию с положением Сталина, захватившего к началу 30-х годов абсолютную власть, ограниченную «старой» коммунистической партией.

Иван не мог поладить с боярским правящим аппаратом, но не мог уничтожить его целиком, ибо заменить было некем. Опричнина — попытка жить рядом, но не вместе: была земская Боярская Дума, появилась опричная Боярская Дума, был Государев дворец в Кремле, неподалеку построили новый Государев дворец. Буйное воображение Ивана создало наводящую ужас форму опричников: в черных одеждах, на вороных конях, с метлой и собачьей головой, притороченной к седлу. Они казались новыми существами, пришельцами из подземного мира. Но ведущую роль в «сатанинском полку» играли бояре: Алексей Басманов, принадлежавший к старшей ветви одного из старейших боярских родов Плещеевых, князь Афанасий Вяземский. Не был «человеком из народа» один из положительных героев фильма Эйзенштейна Малюта Скуратов, главный палач Ивана.

В одном из писем Курбский напоминает Ивану, что в свое время, когда царь посетил в монастыре Вассиана Топоркова, сторонника Иосифа Волоцкого, и спросил его, как царствовать, чтобы держать вельмож в послушании, монах ответил: «Не держи при себе ни одного советника, который был бы умнее тебя». Иван оставил рассказ Курбского без возражений и, возможно, пользовался советом Вассиана при выборе опричных советников.

Василий Ключевский заключает: «Заподозрив все боярство в измене, (царь) бросился на заподозренных, вырывая их по одиночке, но оставил класс во главе земского управления; не имея возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй, он стал истреблять отдельных подозрительных или ненавистных ему лиц... В этом состояла политическая бесцельность опричнины: вызванная столкновением, причиной которого был порядок, а не лицами, она была направлена против лиц, а не против порядка».

Р.Г. Скрынников видит «разгадку опричнины» в уничтожении суздальской знати — четырех суздальских княжеских фамилий (Шуйские, Ростовские, Ярославские, Стародубские), которые оказывали всестороннее влияние на политическое руководство страной. Остается «загадкой» размах репрессий, вышедший далеко за рамки «большой четверки», опустошивший Московское государство значительно больше, чем татарские набеги.

После первых казней 1565 г. наступила передышка, которая была прервана в 1567 г., когда начался период «большого террора», продолжавшийся более трех лет. Нараставшее в среде боярства недовольство выражалось в крамольных разговорах, которые становились известны царю и укрепляли его страх перед заговором и потерей трона, а возможно, и жизни. Литовцы присылали московским боярам обещания помощи в случае антицарского выступления. Перехватив письма, царь потребовал от бояр отвечать, притворно соглашаясь с предложениями, в расчете выяснить обстоятельства заговора, которого, видимо, не было. Никаких его следов, во всяком случае, не сохранилось, если не считать свидетельства очевидцев, оставивших записи, — Г. Штадена и А. Шлихтинга. Но их источником были опричные круги. Иван Грозный затребовал текущие летописные записи и не вернул их, на этом прерывается летописная традиция, начавшаяся много веков назад. Погибли все опричные архивы. Некоторые следы происходившего историки пытаются обнаружить в синодике, поминальном списке казненных, составленном по личному распоряжению Грозного в конце его жизни.

Не имея документов, трудно определить, где кончаются крамольные разговоры, где начинаются заговоры. Иван Грозный, несомненно, верил в существование опасности. В 1556 г. он приказал заложить «каменный город» на крутом берегу реки Вологды и стал думать о переносе в Вологду столицы своего государства. Окруженная непроходимыми лесами, связанная с Белым морем реками Двиной и Сухоной, новая столица могла бы иметь немало преимуществ по сравнению с Москвой. Князь Святослав мечтал Уйти из Киева в Переяславль, его потомок Андрей Боголюбский осуществил мечту, уйдя в непроходимые московские леса. Петр I реализовал план Ивана — Вологда находится примерно на полпути между Москвой и Санкт-Петербургом, если идти на север.

Иван Грозный часто укрывался в Вологде, прожив в ней в общей сложности 3 года и 5 месяцев. Но в 1567 г. он пригласил к себе в опричный дворец английского посланника Антона Дженкинсона и, требуя сохранить строжайшую тайну, передал письмо для королевы Елизаветы, в котором предлагал союз, а также просил убежище для себя и своей семьи. Иван изложил просьбу в дипломатической форме: оба государя должны были тайно взаимно гарантировать друг другу право убежища. Известно, что Елизавета бежать никуда не собиралась.

Три года идут непрерывные казни, иногда с процессами, иногда без них. Митрополит Филипп пытается вступиться за преследуемых и в присутствии царя произносит в Успенском соборе проповедь о необходимости упразднить опричнину. Разгневанный Иван ответил, как сообщает новгородский летописец, грозным предупреждением: «Мягок я был с

вами, но теперь вы у меня взвоете». Первый удар был нанесен по Боярской думе: был казнен старший боярин думы (конюший) Иван Челяднин-Федоров и другие представители старых боярских фамилий. Обезглавленная дума не воспротивилась осуждению митрополита Филиппа, сосланного в монастырь и там убитого. На протяжении всех трех лет «большого террора» тянулось дело Владимира Старицкого, главный политический процесс эпохи. После казни Челяднина наступила расправа со Старицкими: была отравлена тетка царя Евфросинья, мать Владимира, выпил кубок с отравленным вином и князь Владимир.

Казни «заговорщиков» сопровождались убийством их родственников и слуг. Когда нити «заговора» потянулись в Новгород, Иван Грозный в январе 1570 г. отправился с армией опричников в крупнейший торговый центр страны и расправился с ним, как с завоеванным вражеским городом. Новгород был беспощадно разграблен, сожжен, разрушен, жители убиты или выселены. Разграблен был и Псков, но его жителей царь пощадил, испугавшись, как гласит легенда, угроз юродивого. Новгородцы были обвинены в поддержке Владимира Старицкого и в изменнических сношениях с Литвой. На обратном пути в Москву опричное войско разоряло и грабило все, что попадалось на дороге. В столице ждал очередной процесс, в заговоре были обвинены высшие приказные чины, входившие в думу дьяки, в том числе руководители шести приказов. Был среди них Иван Висковатый, с 1549 г. руководивший московской внешней политикой, которая в это время впервые была выделена в особую Избу — Посольский приказ. С 1561 г. И. Висковатый занимал пост печатника, т.е. казначея. Выходец из низов, он сделал блестящую карьеру благодаря выдающимся способностям и уму. Современники отмечали, что царь любил старого дипломата, но когда тот выступил против террора и опричнины, он был казнен вместе со 120 другими «заговорщиками».

Террор следовал своей внутренней логике, врагов становилось все больше и больше. После удара по княжеским семьям последовали казни московской нетитулованной знати, затем удар по церкви, разгром Новгорода, истребление верхушки приказной администрации. Каждая казнь тянула за собой новые имена, новые казни. Во второй половине 1570 г. пришла очередь инициаторов опричнины — Алексея Басманова, Афанасия Вяземского и близких им людей. Фаворит Ивана Федор Басманов зарезал отца, чтобы доказать свою любовь к царю и, единственный из руководителей опричнины первого призыва, был пощажен, отправлен в ссылку на Белое озеро, где умер. Место казненных заняли Малюта Скуратов и Василий Грязной — верные рабы, ни в чем не прекословившие царю.

Расправа с высшим слоем русского общества не могла не отразиться на всех других его слоях — переселялись крестьяне, разрушалась торговля, разорялась страна. Уничтожение заподозренного в измене опричного руководства поселяло в уме царя сомнения относительно пользы учреждения, которое было создано в первую очередь для его охраны и которому он перестал доверять. В 1571 г. царь после смерти второй жены Марьи Темрюковны выбрал после традиционных смотрин (в Александрову слободу было свезено около двух тысяч кандидаток) Марфу Собакину. Через две недели после свадьбы она умерла. На этот раз не могло быть сомнений: в опричной столице, Александровой слободе, куда не могли прийти без пропуска земские, отравить жену царя могли только свои. Опричное войско, насчитывавшее к этому времени 6 тысяч человек, неудержимо разлагалось. Безнаказанность, всевластие и возможности грабежа привлекали в опричники, как выражался Курбский, «похлебников и отовсюду злодеев». Генрих Штаден, свидетель и соучастник, рассказывает: «Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия. Они сами составляли себе наказы, будто бы великий князь указал убить того или другого из знати или купца, если только они думали, что у него есть деньги, убить вместе с женой и детьми, а деньги и добро забрать в казну великого князя. Тут начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно»[112].

Доверие царя к опричному двору резко поколебалось после набега крымского хана Девлета весной 1571 г. Командующим всеми полками, как опричными, так и земскими, направленными против крымчаков, был назначен брат второй жены царя опричник князь Михаил Черкасский. В набеге Девлета принял участие отец князя Михаила, возглавляющий ногайских и кабардинских союзников крымского хана. После таинственного убийства князя Михаила московские полки растерялись, Девлет беспрепятственно подошел к Москве, поджег посады, разграбил окрестности и ушел с огромной добычей. Пожар охватил Кремль и соседний Китай-город, выгорела вся опричная территория вместе с дворцом на Неглинной. Это был один из самых страшных пожаров в истории много горевшего города.

Иван в панике бежал на север и вернулся в Москву только в середине июня. После следствия о причинах катастрофы были казнены трое из шести (не считая князя Черкасского) опричных воевод, ни один из десяти земских воевод не подвергся опале. В следующем году, в ожидании нового набега крымской орды, главнокомандующим был назначен князь Михаил Воротынский, талантливый воевода, подвергавшийся опале, но помилованный. В июле 1572 г. крымские татары с союзниками вторглись в пределы Московского государства и двинулись к Москве. В 45 км от города возле деревни Молоди произошел бой, закончившийся разгромом татарской орды. Могуществу Крыма был нанесен серьезный удар. Для Ивана, «переселившегося» на время военных действий в Новгород, победа стала последним толчком, побудившим его отменить опричнину. Опричные приказы стали сливаться с земскими, кое-кто из выселенных владельцев возвращался на земли, отобранные в пользу опричников, было распущено опричное войско. Генрих Штаден жаловался, что его постигла такая же участь. В 1572 г. царским указом было запрещено употреблять само название опричнины.

С.Б. Веселовский замечает, что если бы Иван, создав опричнину, внес принципиальные структурные изменения в организацию служилого класса, было бы невозможно ограничиться «сменой вывесок», т.е. отказаться от опричнины, практически ничего не меняя. Но, заключает историк, «дело как раз в том, что опричнина не преследовала государственных целей и не внесла никаких существенных изменений в организацию двора, а временно разделила его на две враждующие или соперничающие части и оставила после себя только путаницу и скверные воспоминания»[113].

Если согласиться с такой оценкой опричнины, остается вопрос о причинах неизгладимого впечатления, произведенного ею на современников и потомков. Поминальные списки, составленные по приказу Грозного, позволили историкам подсчитать число жертв. Р.Г. Скрынников, тщательно изучавший источники, приходит к выводу, что только при новгородском погроме «погибло около 4 тыс. человек»[114]. Большая часть из них погибла в годы опричного террора. Если включить сюда и другие жертвы своеволия опричников, не вошедшие в синодик, можно прийти к цифре 10 тыс. человек. Население Московского государства составляло восемь-десять миллионов. Для сравнения: в это же самое время (24 августа 1572 г. — в ночь Св. Варфоломея) парижане убили примерно 1,5 тыс. гугенотов. Продолжавшаяся в других городах резня протестантов довела число жертв до пяти тысяч. Правда, Франция этого времени насчитывала около 20 млн. обитателей и, сравнительно, число жертв меньше. Современники рассказывали ужасы о жестокости Ивана. Начиная с конца XV и до XVII в. большой популярностью на Руси пользовалась повесть о Дракуле. Эта популярность была в немалой степени вызвана тем, что очень скоро образ Дракулы стал у русского читателя ассоциироваться с образом Ивана Грозного, напоминавшего современникам Дракулу своей необузданной жестокостью и крайним своеволием[115]. Но жестокость не была привилегией Москвы или Валахии. Французские историки, рассказывая о религиозных войнах во Франции в 1562—1593 гг., т.е. в эпоху Ивана Грозного, замечают: «Противники проявляли по отношению к друг другу ужасную жестокость»[116].

Причины неизгладимого впечатления, произведенного Иваном Грозным, следует, видимо, искать в ничем не ограниченном самовластии государя, которое выражалось часто в неожиданных до безумия поступках. Важную роль играло пристрастие царя к зрелищной стороне поведения, его умение придавать своим действиям характер трагического спектакля: внезапный отъезд из Москвы, раскол страны надвое, черные одежды опричников и т.д. Выражаясь сегодняшним языком, Иван IV был гениальным мастером рекламы.

Продемонстрировав, каким может быть русский царь, он создал труднодосягаемую модель того, каким он должен быть. Подняв на необыкновенную высоту порог своеволия и жестокости, Иван Грозный позволил всем своим потомкам казаться умеренными и благоразумными. Петр I мог себе позволять все, что он хотел, ибо до него был Иван. Сталин искал оправдания своим действиям, объявляя себя продолжателем дела Грозного.

Жестокость самодержца стала восприниматься как необходимый атрибут власти, прежде всего потому, что главным объектом царского гнева были бояре, вельможи. Иван Грозный стал популярнейшим царем русского фольклора: гроза сильных мира сего, он воспринимается, как защитник слабых, как подлинный русский царь, которого обманывают его ближние слуги, угнетая народ до тех пор, пока он не обнаруживает правды. И тогда — горе народным обидчикам. Страшная жестокость, с какой наказание поражало даже самых близких царю людей, поднимала самодержца еще выше над простыми смертными. Всеобщее бесправие перед государем превращалось в равноправие всех его подданных.

Конец царствования

Сам вечно среди пьянства, блуда, прелюбодеяния, скверны, убийств, грабежей, хищений и ненависти, среди всякого злодейства...

(Иван о себе в послании в Кирилло-Белозерский монастырь)

Наконец, царь сделался для всех россиян земным Богом.

Николай Карамзин

Грозный царь больше задумывал, чем сделал, сильнее подействовал на воображение и нервы своих современников, чем на современный ему государственный порядок.

Василий Ключевский

Отмена опричнины была эпизодом, не менявшим главного в политике царя; стремления к единодержавной власти и страха перед врагами, грозившими власти. Место опричнины занял «двор», в состав которого вошли те из опричников, которым Иван, тщательно их проверив и перепроверив, доверял. «Дворовую» думу возглавили боярин Василий Умной-Колычев и князь Борис Тулупов. Конфликт между ними и входившими в силу, заслужившими доверие царя Годуновыми привел к падению и казни Умнова-Колычева и Тулупова. Болезненная подозрительность, заставлявшая Ивана неустанно «перебирать людишек», побудила его к акту, вызвавшему на Руси еще большее недоумение, чем бегство в Александрову слободу. В октябре 1575 г. Иван Грозный передал власть в государстве недавно крещенному татарину, касимовскому царю Симеону Бекбулатовичу.

В «челобитной», посланной новому «великому князю всея Руси», «царю Симеону», Иван, именуя себя «Иванец Васильев», «Иванец Московский», просит для себя «удел», разделяя фактически снова государство на две части. В свой «удел» Иван взял города,

которые ранее в опричнину не входили. Набрав в «удельную» армию новых людей, Иван завершил истребление старого опричного руководства.

Через год «царь» Симеон был «сведен» с трона и отправлен в Тверь. Бывшие правители «удела» — не служивший в опричнине Афанасий Нагой, игравший в ней скромную роль, Богдан Бельский и Годуновы (Дмитрий, занимавший важную должность постельничего, и его племянник Борис) будут ведать важнейшими правительственными делами до смерти Ивана.

Пораженные современники и недоумевающие историки искали объяснений превращения Ивана Грозного в «Иванца Московского». Сам Иван в разговоре с послом Елизаветы Английской Д. Сильвестром объяснял свое решение «преступным и злокозненным поведением наших подданных, которые ропщут и противятся нам; вместо верноподданнического повиновения они составляют заговоры против нашей особы». Германский посол Даниил Принц, побывавший в Москве в 1576 г., писал, что царь передал власть Симеону «по причине подлости подданных»[117]. Важно отметить, что царь передал трон не своему старшему сыну — Ивану, которому в 1575 г. исполнился 21 год, а чужеземцу. Это можно объяснить желанием Ивана Грозного показать сыну, что царь может отдать государство, кому захочет.

Семейная «политика» Ивана Грозного особенно наглядно демонстрирует лихорадочное состояние царя. Историки расходятся при подсчете жен царя: одни говорят о семи, другие — о восьми.

Андрей Курбский пишет в своей «Истории», что «афродитские и бахусовы дела» измотали могучий организм Ивана. Но князь-эмигрант имеет в виду внебрачные забавы своего царственного друга. Чрезвычайно бурной была брачная история Ивана IV. После смерти Анастасии (1560 г.) и Марии (1569) Иван женится в третий раз на Марфе Собакиной, которая умирает через две недели после свадьбы (1571). Разрешение на четвертый брак (в 1572 г.) с Анной Колтовской дает собор, прислушавшись к аргументу царя, объяснявшего, что его предшествующие жены были отравлены. Через три года царь отправляет супругу в монастырь и, не венчаясь, получает согласие духовника на сожительство сначала с Анной Васильчиковой, а потом с Василисий Мелентьевой. Знаменитый русский драматург Александр Островский (1823—1886) в пьесе «Василиса Мелентьева» попробовал угадать, что двигало царем в его неистовой охоте за женами. Прогоняя Анну, Иван говорит ей: «Ты похудела, я не люблю худых...»

В 1580 г. государь, более или менее законно, вступил в седьмой брак, взяв в жены Марию Нагую, которая родила сына Дмитрия. Будучи в браке с Марией, царь не переставал добиваться руки племянницы Елизаветы Английской Марии Гастингс. В 70-е годы он долго рассчитывал заключить брак с сестрой польского короля Сигизмунда-Августа.

Отец Елизаветы Генрих VIII опережал Ивана IV по числу жен, расправляясь не менее решительно, чем московский царь, с надоевшими супругами. Можно, видимо, считать количество жен показателем уровня тиранства и свидетельством желания показать свою власть особенно наглядным образом.

Презрение, которое царь всея Руси высказывал по отношению к «ненастоящим», выборным польским королям, могло питаться, в частности, историей брака Сигизмунда II Августа с Барбарой Радзивилл. В 1548 г. Сейм, допросив короля, предложил ему развестись с красавицей Барбарой, и он согласился. Самодержавный государь таких проблем не имел.

Поиски самодержавной власти — одна из констант царствования Ивана Грозного. Вторая константа — неотрывное внимание царя к внешней политике. Он часто передоверял внутриполитические дела советникам-фаворитам, но внешней политикой, дипломатией он после разгона Избранной рады руководил лично, по своей воле. Впрочем, одной из причин конфликта с А. Адашевым и его кругом были разногласия по поводу внешнеполитической стратегии.

Послания Ивана английской королеве Елизавете, шведскому королю Иоганну III, польскому королю Стефану Баторию, рассказы иностранцев, встречавшихся с царем, убедительно свидетельствуют о дипломатических талантах московского государя. Раздражительным, неудержимый в гневе, он мог использовать вместо аргументов ругательства и угрозы, но в случае необходимости становился убедительным, завораживая собеседников начитанностью, знаниями, уступчивостью, которая нередко была уловкой.

Дипломатические таланты были очень нужны Ивану: главная цель его внешней политики — захват Ливонии и выход на Балтику — вовлекла Москву в гущу европейской политики. На Ливонию претендовали Литва, Швеция, Дания, Габсбурги, номинально считавшиеся сеньорами Ливонского ордена, пытались воспрепятствовать проникновению Москвы в Ливонию, уговаривая Ивана обратиться на юг, против «общего врага» — Оттоманской империи. В 1553 г. корабль английского капитана Ричарда Ченслера, участника большой экспедиции, организованной для открытия Индии северным морским путем, случайно занесло бурей в Белое море. Через Холмогоры Ченслер был доставлен в Москву и принят «вместе с товарищами» царем, который угостил их «за государевыми парадными столами»[118]. Начинаются постоянные русско-английские торговые отношения. Когда в 1560 г. император объявил блокаду русской Нарвы, выражая свое недовольство наступлением Ивана на Ливонию, Елизавета отказалась поддержать блокаду и продолжала оказывать покровительство английской «Московской Компании», торговавшей с русским государством. Пристально следит за развитием событий в Прибалтике Ватикан, желавший привлечь Москву к антитурецкому союзу и не оставлявший надежд на объединение церквей.

В 1556 г., на втором году опричнины, военные действия в Ливонии приостановились: московские войска взяли в 1553 г. Полоцк, а в 1554 г. потерпели поражение на р. Уле. Но Москва заключила мирные договоры с Данией и Швецией, намереваясь продолжать свое продвижение в Ливонии. Литва предложила Ивану мир, соглашаясь уступить все завоеванные русскими города, в том числе Полоцк. В 1556 г. царь созывает Земский собор, на который приглашает представителей знати, среднего дворянства и купеческую верхушку. Государь задает вопрос: принять ли предложенный Литвой мир или продолжать войну? Собор высказывается за войну и тем самым соглашается на введение новых налогов, которые были необходимы для продолжения военных действий. Современный историк отмечает парадоксальность того факта, что «хрупкий цветок, сословное представительство на русской почве»[119], расцветает в мрачное время опричнины. Он объясняет это поисками политического компромисса; ослабляя княжескую знать, царь попытался опереться на слой правящего боярства, стоявшего ступенью ниже. Ядро этого слоя — старобоярские московские семьи, поддержанные влиятельным духовенством, потребовали отмены опричнины, Иван ответил жесточайшими репрессиями, вполне удовлетворенный согласием Собора на продолжение войны.

Война продолжается, стремление Ивана завоевать Ливонию и выйти к морю было неизменным и непреклонным. Война шла уже более 15 лет и разорила страну. Подати не переставали расти, крестьяне бежали от них на окраины, куда еще не доходила рука Москвы. Бежало и население городов, прежде всего центра и северо-запада. Население Москвы сократилось в три раза. Голод и чума 1569—1571 гг. были дополнительным тяжелым ударом. Тем не менее, царь выжимал необходимые средства для продолжения своей политики.

В 1569 г. произошло событие, значение которого было понято в Москве не сразу. В Люблине была заключена уния между Польшей и Литвой. Давнишняя связь между ними превратилась в объединительный союз, создавший единое государство — Речь Посполитую двух народов. Это была уникальная государственная система — монархическая республика (Речь Посполитая) с избираемым королем. Смерть последнего Ягеллона, Сигизмунда-Августа в 1572 г. освободила трон. Выборы нового короля, борьба претендентов, поддерживаемых европейскими державами, конкурировавшими между собой, отвлекло все

внимание Польско-Литовского государства. Иван пользуется «бескоролевьем» для продолжения войны.

Имя Ивана в качестве кандидата на польский трон выдвигается рядом православных литовских магнатов, агитирующих за избрание славянского короля (других славян среди кандидатов не было). Правда, слухи об ужасах опричнины не сулили московскому государю поддержки большинства избирателей. Иван понимал, что избрание на польский трон дало бы Москве новые замечательные возможности. Литовскому послу, прибывшему в Москву в начале 1573 г. с извещением о смерти короля и просьбой о сохранении мира, Иван объяснял: «Не только поганство, но ни Рим, ни какое другое королевство не могло бы подняться на нас, если бы земля ваша стала заодно с нами». Но реально Польша его не интересовала. Не только потому, что мысль стать выбранным королем претила его идеям, но и потому, что раздираемая на части феодалами, своевольными панами Польша прибавляла хлопот. Поэтому Иван выдвинул условия: он готов стать кандидатом в случае признания его власти наследственной (больше никаких выборов!) и согласия на передачу Москве не только Ливонии, но также и Киева.

Иван рекомендовал выбрать на польский трон Максимилиана, сына австрийского императора. Москва тайно договорилась с Веной о ликвидации Речи Посполитой: в случае избрания Максимилиана Польша отходила к Австрии, Литва и Ливония — к России. Идея раздела Польши впервые появилась в дипломатических планах Европы. В Сейме победила французская партия, королем был избран Генрих Валуа, 22-летний младший сын Екатерины Медичи и брат Карла IX, один из организаторов Варфоломеевской ночи. Он оставался на польском троне 118 дней и бежал в Париж, чтобы занять трон Франции, освободившийся после смерти Карла IX. Полякам и литовцам нужно было выбирать снова.

При активной поддержке турецкого султана, желавшего помешать усилению Габсбургов, королем польско-литовско и республики был избран в декабре 1575 г. Стефан Баторий, опытный воин, с 1571 г. государь маленького семиградского княжества. Ему было 42 года, всего на три года меньше, чем Ивану Грозному.

Московский царь использует «бескоролевье» и добивается блестящих побед. Речь Посполитая занята внутренними делами, император не препятствует Ивану, рассчитывая на его поддержку на выборах польского короля; остается Швеция, претендующая на Ливонию. Кампании 1573, 1575, 1576 гг., успешный поход 1577 г. приносят победы, завоеванные города. Иван объявляет: «Ныне вся Лифлянская земля учинилась в нашей воле»[120]. Он пишет второе послание Андрею Курбскому, в котором гордо рассказывает о своих победах, указывая в конце. «Писан в нашей отчине Ливонской земле, в городе Вольмере...»[121]. Первое послание Ивану беглый князь Курбский писал в Вольмере, 13 лет спустя царь подчеркивает: я догнал тебя, ты вынужден бежать от меня дальше и дальше.

Успехи Ивана были тем внушительнее, что южная граница продолжала оставаться угрожающей. Отец Ивана, Василий III, начал создание сторожевой службы, охранявшей подступы к Московскому княжеству с юга. Границей был берег реки Оки. После взятия Казани и Астрахани началась усиленная колонизация Поволжья и «дикого поля» — территорий, лежавших к югу от среднего течения Оки. Возникла необходимость выдвижения на юг укрепленной линии городов-крепостей. Эти передовые, «украинные» (пограничные) города, соединились между собой укреплениями — валами в открытом поле, засеками в лесу. «Великая московская стена» называлась засечной чертой. Она, естественно, была недостаточной охраной от татарских набегов и дополнялась отрядами войск, каждую весну уходившими на юг для наблюдения за степью. Это требовало все больше средств и воинов.

Тем не менее, татары, цель которых ограничивалась грабежом и захватом пленных, уводимых в рабство, казались из Москвы меньшей опасностью, ибо от них можно было откупиться. Один из крымских ханов объявил русскому посланнику Нагому; татарин любит того, кто ему больше платит. Это означало, что польский король имел немалые возможности использовать склонность татар к дарам в своих целях, но подобные возможности были также

у русских. Южная граница вспыхнула зловещим огнем в 1569 г., когда, обнаружив, наконец, московскую опасность, турецкий султан Селим III попытался перейти с Дона на Волгу и овладеть Астраханью. Первое турецко-русское столкновение кончилось для султана неудачей, но противостояние двух государств будет длиться веками. Новосильцев, посол Ивана к султану, выдвинул аргумент, свидетельствовавший о новом положении Руси. «Мой государь, — говорил посол, — не враг мусульманской веры. Слуга его Саин-Булат господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожске, князья Ногайские в Романове»[122]. Это было совершенно верно: вассальные татарские князья служили московскому государю с середины XV в., татарская кавалерия активно участвовала в ливонской войне. Это была одна из причин, по которой Иван постоянно отказывался принять участие в антитурецкой коалиции, в которую его приглашали император и папа.

Осенью 1577 г. задача, которую поставил себе Иван Грозный, была, казалось, выполненной. Вся Ливония по Двине (т.е. Лифляндия и Эстляндия), за исключением двух городов-крепостей Ревеля и Риги, была в русских руках. Москва широким фронтом вышла на Балтику, овладев побережьем Финского и Рижского заливов. В 1578 г. в ливонскую войну вступила Польша. Она оказывала и до этого времени помощь Литве, воевавшей за Ливонию, но впервые Польша, возглавляемая энергичным, хорошо знавшим, чего он хочет, королем, начала войну с московским государством. В этой борьбе Ливония была первым полем сражения.

Ведя предвыборную кампанию, Стефан Баторий обещал «защищать христианство». Он не имел в виду турок, культурой которых восхищался, и власть над своим Семиградским княжеством признавал. В его глазах «врагом христианства» была Москва. Польский историк К. Валишевский, который, надеясь, что он никого не оскорбит этим утверждением, называл Польшу «высшим историческим выражением славянской расы»[123], видит в Стефане Баторий «истинного представителя этой страны». Ибо, пишет К. Валишевский, «он понял, что Польша, какой Баторий ее видел, цивилизованная, гражданская, либеральная, буйная, католическая, должна поглотить свою великую соседку и навязать ей свою культуру, свой политический строй и свою религию. В противном случае ей угрожала опасность самой быть поглощенной и подчиниться чужим порядкам»[124].

Появление Стефана Батория было случайным фактором. Генрих Валуа мог оставаться на польском троне. Эрцгерцог Максимилиан имел, при желании, шансы стать польским королем. В этих случаях Иван мог сохранить балтийское побережье для московского государства. Случилось иначе, мадьяр, не знавший польского и разговаривавший со своими подданными по латыни, вассал турецкого султана, понял нужды Польши лучше, чем подавляющее большинство поляков того времени. Норман Девис, современный английский историк, автор истории Польши, чрезвычайно увлеченный предметом своих исследований, пишет: «Москва Ивана жила в собственной патологической системе ценностей, в собственном замкнутом мире... Сопротивление (Польши) Москве было в то время вопросом принципов и вопросом жизни и смерти»[125]. Справедливое наблюдение относительно системы «собственных ценностей», «собственного замкнутого мира» сопровождается странным эпитетом — патологические. С точки зрения Москвы патологией была польская система «либерум вето», монархическая республика. Несомненным анахронизмом звучит заявление о войне Стефана Батория как вопрос жизни или смерти для Польши. Иван Польше не угрожал, ей будут угрожать его преемники. Стефан Баторий, случайно явившийся на историческую сцену, задержал продвижение Москвы на одно столетие. Польский король умер (или был отравлен) в отчаянии от неблагодарности своих подданных. Кроме военных побед он оставил знаменитую формулу: для поляков можно сделать все, с поляками ничего.

Заняв трон, Стефан Баторий приступил к реорганизации польской армии. Он утроил численность королевской пехоты, вооружив ее мушкетами, саблями, топорами (до этого пехотинцы имели только пики), кавалерия была усилена «крылатыми» гусарами, которые вскоре прославятся во всей Европе (их изобразил очень живописно Гоголь в «Тарасе

Бульбе»), пригласил наемников, продававших свой военный опыт тем, кто его хотел приобрести. По выражению Ивана, польский король «поднял на Русь всю Италию» (т.е. католическую Европу). Московская армия была более многочисленной, ее артиллерия была лучше польской, в ее рядах также были наемники, не говоря о татарах. Когда возникла нехватка боеприпасов, Иван выхлопотал у английской королевы присылку трех кораблей, нагруженных свинцом, медью, селитрой, порохом. В целом русские войска были снаряжены и обучены хуже польских.

Война, которую в 1577—1583 гг. Стефан Баторий вел против московских войск, принесла ему победу. После первых удач польского короля (захвата Полоцка, Великих Лук) активные боевые действия против Москвы начали шведы. Польско-литовские войска осадили Псков. За два года были потеряны завоевания многих лет. Твердая уверенность царя, что «кто бьет — тот лутче, а ково бьют и вяжут — тот хуже», подверглась тяжелому испытанию. Иван, терпя поражения на поле битвы, переходит в дипломатическое наступление. Он обращается в августе 1580 г. за содействием к новому германскому императору Рудольфу II, объясняя, что является жертвой «мусульманских государей и посаженника султана Стефана Батория». Впервые посол русского царя привозит послание римскому папе, в котором содержится то же обвинение против польского короля. Московский царь обещает, в случае оказания ему помощи, выступить против бусурман. В письме Стефану Баторию (1581) Иван настаивает на своем праве владеть Ливонией, всегда принадлежавшей его предкам, угрожает Польско-Литовскому государству в случае отказа подписать мир, войной на 40—50 лет, главное же — отвергает королевский аргумент относительно прав на Ливонию, поскольку это католическая страна. Совершенно неожиданно Иван Грозный ссылается на Флорентийский собор 1439 г., на котором в присутствии митрополита Исидора была достигнута уния между католической и православной церковью. Решения «латынского собора» были решительно осуждены русской церковью, Исидор дезавуирован. Упоминания Иваном постановления собора о том, что «греческая вера и римская должны быть едины»[126], были адресованы польскому королю в твердой уверенности, что они дойдут до Ватикана. Так и случилось. Рим отправил в Москву посредником иезуита Антония Поссевино. Надежда на воссоединение церкви была неотразимой приманкой.

В январе 1582 г., при активном посредничестве Поссевино, было подписано Запольское перемирие на 10 лет. Москва уступила Польше все свои завоевания в Ливонии, Баторий возвратил завоеванные им русские города Великие Луки, Холм и несколько других, удержав Полоцк. Единственным утешением была победа под Псковом: несмотря на долгие усилия польских войск, крепость выдержала осаду и осталась в русских руках. В августе 1583 г. было подписано трехлетнее перемирие со Швецией, которое оставляло в шведских руках всю завоеванную ими территорию — Эстляндию и несколько коренных русских городов. Москва бьиа, в результате, совершенно отрезана от Финского залива, за исключением небольшого участка в устье Невы.

25-летняя война за Балтику закончилась поражением Москвы. Это было поражение политики царя, потребовавшей огромного количества жертв, разорившей страну. Иван отказывался сдаться. Едва было подписано Запольское перемирие, царь начинает искать союзников для продолжения войны. Он обращается к английской королеве, противнице Габсбургов. В письме, отправленном в октябре 1570 г., Иван, рассерженный на Елизавету, выговаривал ей за слишком сильное влияние на государственные дела Англии «торговых мужиков», добавляя при этом: «А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица». Вынужденный обстоятельствами, царь меняет гнев на милость. Разговор с английским послом происходил в феврале 1584 г., за месяц до смерти Грозного.

Поражение в Ливонской войне задержало на сто лет продвижение России на запад. Некоторым возмещением было приобретение бескрайних территорий на востоке. В 1583 г. в Москву прибыли послы казачьего атамана Ермака, привезшие в подарок царю Сибирь. 840

казаков, отправившихся 1 сентября 1581 г. по реке Каме, присоединили к России владения татарских ханов, дойдя до реки Иртыш. Были открыты для завоевания земли, границей которых было побережье Тихого океана.

В январе 1581 г. умер старший сын царя Иван. Обстоятельства его смерти — результат избиения Иваном Грозным — остались невыясненными. Современники, в том числе англичанин Джером Горсей, живший в Москве, Антонио Поссевино, приехавший ко двору через несколько дней после смерти царевича, приводят различные версии, которые затем выбирались по вкусу историками, писателями, художниками. Картина Ильи Репина, одно из украшений московской Третьяковской галереи, представляет обезумевшего от горя царя, который держит в своих руках обливающегося кровью сына, на виске царевича рана, которую нанес ему Иван Грозный лежащим неподалеку жезлом. Французский историк Ален Безансон заметил, что в первом послании Курбскому Иван напоминал: «Вспомни величайшего из царей, Константина: как он, ради царства, убил собственного сына». И добавлял, что Константин «причислен к святым»[127]. Через 13 лет после письма царь Иван убил своего сына.

Каковы бы ни были обстоятельства гибели наследника московского трона, катастрофические последствия его смерти ощущались десятилетия спустя.

После смерти Ивана Ивановича наследником стал второй сын Анастасии Федор. Английский посол Джиль Флетчер характеризовал будущего царя Федора лаконично и выразительно: «Прост и слабоумен..., мало способен к политическим делам и крайне суеверен»[128]. Был еще один царский сын — Дмитрий, родившийся от последней — седьмой жены царя Марии Нагой, с которой Иван вступил в брак в 1580 г. Сомнения в законности этого брака бросали тень на законность наследника. Пройдет десять лет, и судьба царевича Дмитрия потрясет Московскую Русь.

19 марта 1584 г., 54 лет от роду, успев на смертном одре принять монашеский сан, Иван IV Грозный умер. Первый царь всея Руси оставил своему наследнику, слабоумному Федору, страну, разоренную многолетней войной и разрушительной внутренней политикой. Начиная с 60-х годов царь сознательно и неуклонно преследовал две цели: строительство абсолютной самодержавной власти и выход к Балтийскому морю. Он потерпел поражение, не достигнув второй цели. Он добился успеха, став самодержавным государем. Движение на Запад будет продолжено преемниками первого московского царя. Самодержавная власть Ивана станет образцом для всех будущих русских царей.

Прибирая к рукам всю власть в государстве, Иван способствовал ее централизации. Но централизованное государство было результатом концентрации власти в руках царя, а не наоборот. Выражением твердого убеждения Ивана Грозного в том, что он воплощает божественную власть на земле, было настойчивое отрицание им своего русского происхождения. Он не переставал повторять: я — не русский, я — немец. Речь шла не о литовском происхождении его матери или о греческой крови его бабки. Иван видел себя «немцем», иностранным принцем, управляющим страной, населенной чужим ему народом. В этом смысле он был настоящим потомком Рюрика.

Еще не было произнесено это слово, его скажет Петр I, но при Иване Московское государство становится империей. Историки, русские и иностранные, искали и ищут ответа на вопрос: почему русский народ терпел террор опричнины, капризы и своеволие Ивана? Василий Ключевский дает ответ, с которым соглашается большинство русских исследователей прошлого. Высший интерес, пишет автор курса русской истории, «парил над обществом, над счетами и дрязгами враждовавших общественных сил, не позволяя им окончательного разрыва, заставляя их против воли действовать дружно». Этот высший интерес — оборона государства от внешнего врага. «Московское государство, — резюмирует Ключевский, — зарождалось в XIV в. под гнетом внешнего ига, строилось и расширялось в XV и XVI вв. среди упорной борьбы за свое существование на западе, юге и юго-востоке»[129].

Василий Ключевский настаивает: «за свое существование», конкретизируя: на юго-востоке — за христианскую цивилизацию, на западе — за национальное единство. Иначе говоря, в одном направлении шла борьба с мусульманами, которые либо уничтожались, либо обращались в истинную веру, в другом направлении велись войны за включение в границы русского государства православных, живших в Литве и Польше. История свидетельствует, что эти две цели были всегда основными аргументами строителей империй. Была и третья. Историки, дающие материалистическое обоснование событиям прошлого, указывают на то, что московские государи имели единственную возможность платить служилому классу — награждать за службу землей. Отсюда необходимость завоевания пустых плодородных территорий.

Быть может, еще более важное значение, чем перечисленные три цели, имела четвертая — идеологическое обоснование строительства империи. Идеи православного царства и Москвы — третьего Рима, сформулированные в самом конце XV—в начале XVI вв., были кодифицированы в 60-е годы XVI в. по благословению митрополита Макария, влиятельнейшего духовного учителя Ивана и при ближайшем участии царского духовника Андрея (Афанасия). Была составлена «Книга степенная царского родословия, иже в русской земли в благочестии просиявших богоутвержденных скипетродсржателей». Эта фантастическая генеалогия русских государей (Иван использовал ее в своих посланиях, в частности к Стефану Баторию, как убедительнейшее подтверждение его прав на Ливонию) составляет, по выражению Г. Вернадского, философскую историю России. Степенная книга представляет историю Руси как историю установления православного царства. Русский народ, утверждают авторы Степенной книги, является народом исключительным, единственным: Русь — Новый Израиль. История русского народа имеет вселенское значение.

Для Ивана Грозного, человека неистово верующего, не было никаких сомнений в подлинности идеологии Степенной книги, следовательно в необходимости и справедливости его действий.

Сталин, самый убедительный из комментаторов политики Ивана, подчеркивает ценнейшую сторону царской идеологии. «Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая свою страну от проникновения иностранного влияния»[130]. Сталин, начинавший в тот момент решительную борьбу с «преклонением перед иностранщиной», хотел иметь царственного предшественника, которого он противопоставлял другим царям, в том числе Петру I и Екатерине. Но Сталин не ошибался в недоверии Ивана к иностранцам, которое сочеталось у царя с интересом и симпатией, которое он проявлял по отношению к некоторым гостям с Запада, посещавшим по разным поводам Москву. Всю жизнь Иван мечтал об отъезде в Англию, но въезд для иностранцев в Россию был ограничен (полностью запрещен евреям). Царь мог в дипломатической игре делать вид, что он благожелательно относится к Риму или Вене, но был беспощаден и неистов, защищая православную веру в спорах с лютеранами и католиками.

Почти четыре десятилетия царствования Ивана Грозного были временем, когда сложилась в основных чертах московская цивилизация. Московскую Русь сравнивают с азиатскими тираниями, обнаруживают аналогию с западноевропейскими государствами, которые в XIII—XIV вв. строили, не пренебрегая никакими средствами, централизованные государства. Значительное сходство можно обнаружить между московской цивилизацией, сложившейся в основных чертах в эпоху Ивана IV, и испанской имперской цивилизацией. Московская Русь, как Испания, пережила гнет иноземных захватчиков и в борьбе с ними выработала свои национальные черты. Как в Испании, так и на Руси, война с неверными стала религиозной целью. Хосе Ортега Гассет в «Безвольной Испании» (1921) видит странное сходство России и Испании, противоположных концов великой европейской диагонали, прежде всего в том, что это две крестьянские расы, где простой народ

доминирует, а культурное меньшинство дрожит перед народом[131]. Страстное отношение к вере, к религиозным вопросам характерно для обеих цивилизаций, не знающих снисхождения при защите своей «подлинной веры». Наполеон, увидев купола множества московских церквей, заметил, что это знак отсталости в эпоху, когда «все уже перестали быть христианами». Спутник императора возразил, русские и испанцы остались христианами. Расстроенный неприятным напоминанием о двух врагах империи, Наполеон записал в дневнике: «Русские никогда не будут христианами, испанцы никогда ими не были»[132]. Спорный вывод императора французов содержит признание в особом характере, как русской, так и испанской цивилизации. В пользу этого наблюдения говорит и тот факт, что никто из европейских монархов не был так похож на Ивана Грозного, как Филипп II.

Московские идеологи XIV в. настаивали на сходстве русского царства с древним Израилем, преемником которого стала столица Ивана IV. Старый завет, прежде всего «Книга царей», был главным источником аргументации Ивана в его посланиях противникам. Непоколебимой была его уверенность, что Библия говорит о нем и его устами.

По многим, частично перечисленным выше, причинам Иван Грозный сыграл ключевую роль в истории российской империи. Одна из важнейших причин — его внешняя политика. Василий Ключевский, давший всестороннюю оценку деятельности и личности первого русского царя, заключает главу о его правлении размышлениями о месте Московского государства среди других государств Европы. «Наш народ, — пишет историк о назначении русского народа, — был поставлен судьбой у восточных ворот Европы, на страже ломившейся в них хищной Азии. Целые века истощал он свои силы, сдерживая этот напор азиатов... Повернувшись лицом к Западу, к своим колониальным богатствам, к своей корице и гвоздике, эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны урало-алтайского востока ей ничто не угрожает...

«Спокойная и неблагодарная Европа» не заметила, по мнению Ключевского, что «переменив две главные боевые квартиры на Днепре и Клязьме, штаб этой борьбы переместился на берега Москвы, и что здесь в XVI в. образовался центр государства, которое, наконец, перешло от обороны в наступление на азиатские гнезда, спасая европейскую культуру от татарских ударов. Так мы очутились в арьергарде Европы, оберегали тыл европейской цивилизации»[133].

Василий Ключевский изложил традиционный взгляд на историю Древней Руси. Необходимость — географическое положение — превращается в добродетель — защиту христианской цивилизации. Такая интерпретация прошлого присуща не только русским историкам. Польша называла и называет себя предмостным укреплением христианства. Сербы гордятся битвой на Косовом поле (1389): потерпев поражение, они пожертвовали собой и задержали турок. Веками Европа сдерживала натиск монголов, арабов, турок. Пуатье, Лепант, Варна, Вена и множество других битв отмечают противоборство народов и цивилизаций.

Василий Ключевский совершенно прав, говоря о длившейся веками борьбе Руси с востоком. Спорно его утверждение, что Русь воевала, защищая Европу. Он не прав, умалчивая о том, что главной целью внешней политики Ивана было наступление на Запад. Первым из русских государей он сознательно повернул Русь на Запад. Перефразируя Ключевского, можно сказать, что Иван IV «перешел от обороны в наступление», но, прежде всего, не на «азиатские», а на «европейские гнезда». Ливония и выход на Балтику не могли быть ничем иным — и не были, это покажет будущее, — как началом продвижения Руси в Европу. Первым шагом в политике создания евразийской империи.

Смутные времена

Умер законный царь, престол остался пустым и — началась смута...

Николай Костомаров

Смута, как объясняет «Толковый словарь» Владимира Даля, — это возмущение, восстание, мятеж, крамола, общее неповиновение, раздор между властью. В Русской истории этим словом обозначают период между концом династии Рюриковичей и началом династии Романовых. О «смутном времени» по отношению к современности говорили после захвата власти большевиками в 1917 г., когда был убит последний Романов. Термин этот появился в политическом словаре во второй половине 80-х годов XX в., когда стала разваливаться советская империя.

При всем различии трех периодов есть у них сходная черта. Костомаров называет ее «престол остался пустым». В 1917 г. Николай II отрекся от трона за себя и за сына. В середине 80-х годов смерть трех генеральных секретарей, последовавшая одна за другой, расшатали фундамент советской легитимности. Формула автора «Хронографа», написанного в первой половине XVII в.: «Земля без царя — вдова», оказалась верной для истории русского государства, подчеркивала очень важную его черту.

Русские историки спорят относительно датировки начала Смуты. Н. Костомаров считает, что «первое русское лихолетье началось 15 мая 1591 г.»[134], когда в Угличе погиб семилетний мальчик — царевич Дмитрий, последний сын Ивана Грозного. Ключевский называет началом смуты 1598 год, дату смерти Федора Ивановича[135]. Есть исследователи, полагающие, что несчастья начались, когда Иван убил своего старшего сына. Наконец, есть все основания отсчитывать смутные времена со дня смерти Ивана Грозного 19 марта 1584 г. Смерть монарха нередко нарушает жизнь государства. Исчезновение короля вызывало каждый раз потрясения в Польше. Можно объяснять это необходимостью каждый раз выбирать монарха. Но и Франция, где трон передавался по наследству, переживала в XVI в. смутные времена, которые закончились только после коронования Генриха IV в 1589 г.

Естественные трудности перехода власти осложнялись особым характером московского государства и особым характером умершего царя. Самодержавная монархия требует самодержавного царя. В особенности, когда государство стоит перед лицом кризиса. Монархист Василий Шульгин определил причину русского кризиса накануне февральской революции 1917 г.: Россия была в этот момент «самодержавием без самодержца». После смерти модельного самодержца Ивана Грозного его наследники — слабоумный Федор и младенец Дмитрий — пугали неспособностью выполнять обязанности царя, что предвещало безудержное своеволие бояр, которое казалось тяжелее и страшнее законного своеволия царя.

Все согласны считать датой окончания смуты 1613 год, когда царем был выбран первый Романов — Михаил. Следовательно, смутные времена длились два, а то и три десятилетия. Продолжительность и трагичность событий, всколыхнувших все слои населения Руси, свидетельствуют о том, что корни кризиса уходили глубоко в государственный организм, в его прошлое. История конца XVI—начала XVII вв. известна сравнительно хорошо (имеются белые пятна), но смысл смуты остается неясным. Это не была политическая революция, ибо никто из действующих лиц не выдвигал новой политической программы, но несомненно наличие политических элементов (в особенности — внешнеполитических). Это не был социальный переворот, ибо никто не выдвигал требования радикальных изменений социальной системы, но совершенно бесспорно наличие социальных мотивов.

Каждое из многочисленных объяснений причин Смутного времени (объяснений много, ибо историки очень интересовались трагической, полной бури и грома, эпохой, выделяя одну из граней) содержит долю истины. Объединяя все мотивы, вес очевидные или не совсем ясные импульсы, можно сказать, что главным мотором смутного времени были поиски царя.

Иван Грозный оставил нерешенными два главных противоречия, возникших в процессе строительства московского централизованного государства, Первое — политическое. Здесь следует отдать Ивану должное: это противоречие между самодержавной властью государя и аристократической (боярской) администрацией он пытался решить, в частности, с помощью опричнины. Но действовал недостаточно последовательно (по мнению историков), недостаточно решительно и энергично (по мнению Сталина), и после смерти царя княжата (потомки удельных князей) пробуют взять реванш.

Социальное противоречие возникло в результате внешнеполитической программы московского царя: военные усилия для обороны и для экспансии вынуждали к все более тяжкой эксплуатации тяглого населения, а это влекло за собой бегство жителей на окраины и опустение центральных районов. Земля была главным источником доходов московского царя, продвижение на юг увеличивало размеры плодородных земель, которые оставались пустыми, ибо земледельцы бежали от налогов и притеснений. Вторым важнейшим мотором смутного времени были поиски рабочих рук, процесс закрепощения крестьян.

Третье противоречие — нравственное. Николай Карамзин в стихотворении «Тацит», говоря о Риме, описанном знаменитым историком, в котором нет никого, кроме убийц и жертв, выносит приговор: «Жалеть об нем не должно: он стоил лютых бед несчастья своего, терпя, чего терпеть без подлости не можно!»[136]. Русский историк, беспощадно осуждавший Ивана Грозного, сравнивал его с римскими тиранами. Через полвека после Карамзина Николай Костомаров писал: «Исчезло уважение к правде и нравственности после того, как царь, который, по народному идеалу, должен быть блюстителем того и другого, устраивал в виду своих поданных такие зрелища, как травля невинных людей медведями или всенародные истязания обнаженных девушек, и в то же время соблюдал самые строгие правила монашествующего благочестия». В результате, подводит итог историк, «должно было вырасти поколение своекорыстных и жестокосердных себялюбцев, у которых все помыслы, все стремления клонились только к собственной охране, поколение, для которого, при наружном соблюдении обычных форм благочестия, законности и нравственности, не оставалось никакой правды»[137]. Именно это поколение было актером Смутного времени: люди, воспитанные в эпоху Ивана Грозного, искали царя, стремились закрепостить крестьян или воевали за свободу. Ужасы Смутного времени, резюмирует Н. Костомаров, «были выступлением наружу испорченных соков, накопившихся в страшную эпоху Ивановых мучительств»[138].

Примечательная особенность Смуты — в неразрывной связи внутренних и внешних проблем. За три десятилетия со дня смерти Ивана Грозного до избрания Михаила Романова на московском троне переменилось пять царей. Это само по себе было необычно: долгие царствования были одной из причин возвышения Москвы. Династические споры — причина кремлевского калейдоскопа — втянули в московскую политику иностранные державы в масштабах, не виданных до сих пор. Достаточно сказать, что в числе пяти царей был польский королевич Владислав. Обязательная глава всех советских учебников по истории России «Борьба русского народа против польско-шведских интервентов», как правило, не содержит упоминания, что иностранцы являлись на Русь по приглашению русских участников гражданской войны.

Социальное движение — бегство крестьян и горожан на юг, в плодородные заокские земли — также было чревато внешнеполитическими конфликтами. Незаселенная территория, Дикое поле, неотразимо привлекавшая землей и волей, практически была ничейной, но формально принадлежала Литве, а после заключения в 1569 г. Люблинской

унии значительная часть бывшей Киевской Руси стала польской. Впервые возникает проблема Украины, которая сыграет важнейшее значение в истории русской империи. Для русских южные степи, раскинувшиеся до Черного моря, были окраиной (откуда и возникло название страны — Украина), с этим были согласны и поляки, называвшие эти земли кресами, окраиной. Население Украины исповедовало православие и во времена, когда не национальность, понятие неясное, а религия определяла место человека в пространстве, чувствовало себя связанным с православными русскими.

Украинские историки видят начало своей государственности в Киевской Руси. Падение Киева, нашествие татар прерывают самостоятельную историю народа, территория становится частью монгольской империи, Литовского княжества, польского королевства. Украину вписывают на историческую карту казаки. Как в бесконечных других случаях, историки спорят об их происхождении, о происхождении самого слова. В XVII в. некоторые находчивые филологи, сближая слова козак и коза, объясняли, что казаками называли людей, которые на своих лошадях были быстры и легки, как козы. В казаках видели остатки половцев, Вольтер в «Истории Карла XII» называет их потомками татар; Карамзин, Соловьев и некоторые другие историки считали их потомками тюркского племени черных клобуков, союзников киевских князей.

Известия о казаках появляются в конце XV в. Польский летописец Мартин Вельский, дядя которого был первым старшиной казацкого войска в XVI в., говорит о происхождении казачества из местного населения. Так же считают и украинские историки, объясняя возникновение казачества условиями жизни, которые вынуждали для защиты жизни и имущества вооружаться и вести вооруженный образ жизни. В начале XVI в. число казаков значительно увеличилось, они не только обороняются от набегов крымских татар, но и сами начинают нападать на владения крымских ханов и даже турецкого султана. В половине XVI в.

Дмитрий Вишневецкий создает на днепровских островах (Хортице, Томаковском) под защитой непроходимых порогов Запорожскую сечь, которая была крепостью и сообществом вольных воинов, живших грабежом «неверных». Люблинская уния — важный момент в истории казачества и Украины. Польша не знала свободного сельского населения, а в Литве 9/10 крестьян были свободными. Когда польские порядки пришли на Украину, началось закрепощение крестьян. Посягательство на свободу казаков вызвало отпор. Стефан Баторий находит решение: не имея возможности уничтожить казачество, он берет его на службу. Создается реестр, в который записываются «королевские казаки». Баторий создал шесть полков, по тысяче всадников в каждом. Нереестровые казаки объявлялись незаконными, воровскими. Впрочем, польский Сейм не утвердил программу короля, но идея использования казаков на службе польской короны была принята.

Число казаков особенно во второй половине XVI в. непрестанно увеличивается. На Сечь бегут из России, из Польши и Литвы, из западной Европы — любители приключений и свободной жизни. «Тарас Бульба» Гоголя не может считаться историческим источником, но описание приема в Сечь представляется правдоподобным. «Пришедший, — рассказывает писатель, — являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил. «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?». «Верую!», — отвечал приходивший. «И в Троицу святую веруешь?» «Верую!» «И в церковь ходишь?» «Хожу!» «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился... Этим оканчивалась вся церемония»[139]. В этой простой церемонии обращает внимание только требование перекреститься, православные и католики крестятся по-разному. Впрочем, католики также бежали на Сечь. Наблюдается в конце века перекрестное движение: украинские магнаты, привлеченные польской культурой, нравами, полонизируются, уходят на Запад; крестьянское население Московского государства, Польши и Литвы, привлеченное свободой Дикого поля, бежит на юго-восток

Правитель и царь

Царствовал Федор, но он не мог властвовать,
Николай Костомаров

Подготовленное в 1922 г. в Москве краткое пособие по истории представляет событие так: «После смерти Ивана Грозного место на престоле занял его сын — Федор Иванович, не обладавший широким кругозором государственного деятеля, нерешительный и болезненный»[140]. Что касается нерешительности, болезненности — все современники и историки согласны. Мнения относительно отсутствия «широкого кругозора» представляются желанием недавних советских историков приукрасить царский портрет. Русские историки, писавшие о Федоре, как правило, цитировали донесение польского посла Льва Сапеги королю. Приехавший в Москву сразу же после смерти Ивана посол представился новому царю. «Хотя про него говорят, — писал князь Сапега, — что у него ума немного, но я увидел как из собственного наблюдения, так и из слов других, что у него вовсе его нет».

Отсутствие ума царствовать не мешало. Подданные Федора относились к нему благожелательно, очень ценили его увлечение — колокольный звон, видели в нем блаженного. Впрочем, царь Федор нравился не только русским. Литовские православные магнаты очень поддерживали кандидатуру Федора на польский трон. Слабый, блаженный король вполне устраивал и часть польской шляхты. Сейм долго колебался между символами трех кандидатов — немецкой шляпой Габсбургов, шведской селедкой Вазы и шапкой Мономаха.

Царствовать Федор мог, он не мог управлять государством. В лице Федора, заметил Василий Ключевский, династия вымирала воочию. Выросший среди ужасов опричнины, забитый, болезненный, царь «искал на престоле человека, который стал бы хозяином его воли: умный шурин Годунов осторожно встал на место бешеного отца»[141].

Годуновы, Дмитрий и его племянник Федор, вошли в ближний круг Ивана в последний период его жизни. С легкой (или нелегкой) руки Карамзина возникла легенда о происхождении Бориса Годунова. Пушкин, следовавший в своей трагедии «Борис Годунов» за Карамзиным, позволяет князю Василию Шуйскому охарактеризовать Бориса так: «вчерашний раб, татарин, зять Малюты». В этой ненавистной характеристике верно лишь то, что Борис был женат на дочери Малюты Скуратова, кровавого палача на службе Ивана. Но Годуновы «не были ни татарами, ни рабами. Природные костромичи, они издавна служили боярами при московском дворе»[142].

Дмитрий Годунов был постельничим царя Ивана, т.е. заботился о быте царя и был одновременно главой внутренней дворцовой стражи. Когда дети Федора, брата Дмитрия, осиротели, дядя взял во дворец Бориса и его сестрицу Ирину. Царский постельничий не мог не вступить в опричнину, стал опричником, едва достигнув совершеннолетия, и Борис. Однако в опричном разгуле ни дядя, ни племянник не участвовали. Их имен нет среди прославленных грабежами и убийствами «воинов» «сатанинского полка». Борис, родившийся в 1552 г., был еще очень молод, и некоторые историки, в том числе В. Ключевский, ошибочно считали, что он «не значился в списках опричников и тем не уронил себя в глазах общества...»[143].

Оказавшись при дворе, когда царь, подозревавший родовитых бояр и княжат в измене, стал окружать себя новыми, преданными только ему людьми, Дмитрий Годунов стал плести сеть брачных связей. Племянник Борис женился на дочери главного опричного палача Малюты Скуратова, наследника царя Ивана удалось женить на Евдокии Сабуровой, родственнице Годуновых. Но через год Иван, менявший своих жен почти так же часто, как и

царственный отец, отослал Евдокию в монастырь. Некоторые историки считают, что развод сына был решен отцом. Не отчаявшиеся Годуновы сосватали в 1580 г. младшему сыну царя Федору сестру Бориса Ирину. Царевичу и его жене было по 23 года.

Через год после свадьбы младший сын, после убийства отцом старшего, стал наследником престола. Еще через три года, после смерти Ивана Грозного, Федор вступил на престол.

Убийство Грозным старшего сына было случайностью. Состояние младшего сына Федора можно рассматривать как закономерность: Иван Грозный знал своего младшего сына. В завещании он назначил регентский совет, в который включил двух представителей знати (из числа недобитых феодалов, в чем упрекал Грозного Сталин): князя Ивана Мстиславского и князя Ивана Шуйского, знаменитого воеводу, защитника Пскова, дядю Федора (брата его матери) Никиту Романова и последнего из видных деятелей опричнины — Богдана Вельского. Автор новейшей биографии Бориса Годунова Р.Г. Скрынников, работая в варшавском и венском архивах, нашел донесения польского и австрийского послов, великолепно знавших положение в Москве. Из них следует, что Борис Годунов не был включен в регентский совет. Это не мешает ему (может быть, следует сказать вдохновляет) в борьбе за влияние на царя, развернувшейся среди регентов и вовлекшей московское население.

Современники, писавшие о царствовании Федора после Смутного времени, с его мятежами, войнами, интервенцией, вспоминают о «времени отдыха от погромов и страхов опричнины». Между ужасами опричнины и ужасами Смуты годы правления Федора и его шурина могли казаться спокойными. Они ими не были. Толпы москвичей и иногородних «воров» и «поджигателей» атакуют раз за разом Кремль, выражая свою поддержку одному из регентов и возмущение другими. Чувствуя ослабление центральной власти, все чаще бунтуют крестьяне, но также дворяне, протестуя против тяжести налогов и льгот, которыми пользуется боярство. Собирается горючий материал, который воспламенится в пожар Смуты в начале XVII в.

Умело маневрируя, Борис Годунов избавляется от регентов. Первым падает Богдан Вельский, который, вместе с родственниками последней жены Ивана Марии Нагой, пробует отстаивать права на трон царевича Дмитрия. Царевича вместе с матерью отправляют в Углич, Вельский был сослан. Болезнь Никиты Романова лишила регентский совет очень влиятельного члена, но родственники Романова поддерживают Бориса как союзника против высшей аристократии, угрожавшей царю Федору. «Временник» дьяка Ивана Тимофеева — одно из важнейших свидетельств современников о Смутном времени. Безжалостный критик Ивана Грозного, у которого он не обнаруживает ни одной положительной черты характера, он не жалует и бояр: «Бояре долго не могли поверить, что царя Ивана нет более в живых, когда же они поняли, что это не во сне, а действительно случилось, через малое время многие из первых благородных вельмож, чьи пути были сомнительны, помазав благоухающим мирром свои седины, с гордостью оделись великолепно и, как молодые, начали поступать по своей воле». Иван Тимофеев, очень благоволивший к царю Федору за его набожность, добавляет, что бояре «пренебрегали оставшимся после царя сыном Федором, считая, как будто и нет его»[144].

В этих расчетах не был учтен Борис Годунов. Сравнительно быстро был выведен из игры князь Мстиславский, человек ограниченный и легко управляемый другими. Более полутора лет шло единоборство Бориса с могущественной семьей Шуйских, которые снова, как и после смерти Василия III, пытаются занять первое место в государстве. Несмотря на союз с митрополитом Дионисием, Шуйские, требовавшие расторжения брака Федора с Ириной, терпят поражение. Виднейших представителей боярской семьи ссылают, митрополита лишают сана и постригают в монахи, шестерых купцов, вождей выступления московской «черни» против царя, казнят.

Шуйским предъявляется еще одно обвинение: в сношениях с Польшей. Пропольские настроения московской высшей аристократии были известны. Русским вельможам чрезвычайно нравились порядки в Речи Посполитой, где король — за редкими исключениями — не имел своей воли, а подчинялся сейму, в котором решающую роль играли магнаты. В 1585 г. переводчик Посольского приказа Зборовский доносит Стефану Баторию, готовившему поход на Москву, о существовании на Руси сильной пропольской партии, возглавляемой Шуйскими[145]. Важнейшая черта Смутного времени — активное участие иностранных держав в московских делах — уходит корнями в антибоярскую политику Ивана Грозного. После его смерти подлинные настроения и внешнеполитические симпатии высшей аристократии начинают проявлять себя.

Борис получает в дополнение к высшему сану конюшего наименование ближнего государева боярина и титул наместника царского: казанского и астраханского. После разгрома регентского совета вся власть сосредотачивается в его руках. Опытный политик, Борис знает цену деньгам. Он получает от царя огромные владения: земли, села, города — и становится одним из самых богатых людей в государстве. На престол митрополита Борис сажает преданного ему ростовского архиепископа Иова. Иностранные послы вручают ему грамоты, он принимает их с царским великолепием. Власть в государстве находится в его руках. Ключевский пишет, что он «правил умно и осторожно»[146], но Костомаров замечает: «Состояние народа при Борисе было лучше, чем при Грозном, уже потому, что хуже времен последнего мало можно найти в истории»[147].

Иван оставил своему младшему сыну тяжелое наследство: разоренную страну, неурегулированные внешние конфликты. В первый, но не в последний, раз в русской истории государственными делами занимается не монарх, но доверенное лицо — правитель. Борис от имени царя продолжает как внутреннюю, так и внешнюю политику Ивана Грозного без чрезмерных ее эксцессов и крайностей. Основная линия стратегии царя всея Руси остается неизменной: дальнейшее ослабление боярской власти как необходимое условие укрепления самодержавной царской власти, поддержка среднего дворянского класса, опоры самодержавия; оборона границ и по мере возможностей их дальнейшее расширение.

В царствование Федора, иначе говоря, правителя, завершается система прикрепления крестьян к земле — закрепощение. Уложение о крестьянах, изданное при царе Василии Шуйском в 1607 г., сообщает, что «при царе Иоанне Васильевиче крестьяне имели выход свободный, а царь Федор Иванович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам заказал и у кого толико тогда крестьян было, книги учинил»[148]. Свободный выход, о котором говорит Уложение, был разрешен судебниками 1497 и 1550 гг.: раз в году, за неделю до и неделю после Юрьева дня (26 ноября), после окончания полевых работ крестьяне имели право перейти от одного владельца к другому, уплатив «пожилое». Право перехода стало ограничиваться еще при Иване: богатые бояре, уплатив «пожилое», переманивали к себе крестьян, царь препятствовал этому. После его смерти переход от одного помещика к другому становится все труднее. Вводятся «заповедные» годы, когда такой переход запрещается вообще.

Русские историки не смогли найти в архивах закона, запрещающего Юрьев день. Закрепощение происходило постепенно. Писцовые книги, упоминаемые в Уложении, — результат переписи земли, произведенной в 80-х—начале 90-х годов — стали юридическим документом, закреплявшим крестьян. Ряд указов регламентировали новое положение. Несмотря на продолжительность процесса прикрепления крестьян к земле, лишения их свободы, закрепощение было неожиданностью. В русском языке навсегда сохранилась пословица — «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день», выражающая высшую степень удивления.

Иван III, дед Ивана Грозного, начал бороться с «отъездами», правом удельных князей «отъезжать» к другому сюзерену. Иван IV покончил окончательно со старинной привилегией. Его наследник (Борис от имени царя) запретил «выход» крестьян, закабалив практически все население. Нетрудно найти экономические объяснения этой меры. Нужда в

рабочих руках побудила польских магнатов установить крепостное право в южнорусских степях. Закрепощение крестьян знают и другие страны. Московское государство стремилось ограничить свободу передвижения не только по экономическим причинам.

Русским купцам запрещалось свободно выезжать за границу, исключение допускалось только по особому царскому указу. Запрет существовал, несмотря на явную его невыгоду. Иностранным купцам разрешалось приезжать и выезжать. Когда после смерти Стефана Батория польский сейм готовился избрать нового короля, московские послы, агитируя за кандидатуру Федора, соглашались на многие требования поляков, но категорически отвергали возможность свободного приезда русских в Польшу и Литву, хотя не возражали против свободного въезда поляков и литовцев в Московское государство. Послы объясняли: «Противно московскому обычаю, чтобы московские люди ездили всюду по своей воле без государева повеления».

Самодержавная власть государя требовала полного порабощения подданных. Не менее важно было и то, что Москва ощущала себя особым миром, выход из которого составлял измену.

Одно из важнейших событий царствования Федора еще более подкрепляло представление об особом месте Москвы в мире. В 1586 г. в Москву приехал антиохийский патриарх Иоаким. Четыре существовавших тогда патриарших стола — Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим — находились на землях, составлявших часть Оттоманской империи, и влачили жалкое существование. Они нередко обращались за помощью к православному московскому царю. И на этот раз Иоаким приехал за милостью. Ему был представлен проект учреждения патриархии в Москве.

По свидетельству современников, царь Федор чрезвычайно интересовался переговорами и лично в них участвовал, церковные дела были ему очень близки. Главную роль играл, как обычно, Борис Годунов. Николай Костомаров, относившийся к правителю недоброжелательно, хотя и ценивший его таланты, пишет, что Борис задумал учредить московскую патриархию, ибо «имел в виду свои личные расчеты и всегда делал то, что могло придать его правлению значение и блеск»[149]. Современный биограф Годунова обращает внимание на то, что «антифеодальные восстания, распри между боярами и полная недееспособность Федора ослабили самодержавную систему управления»[150]. Эти факторы, несомненно, играли свою роль, как и низложение митрополита Дионисия, которое отражало конфликт между светской и духовной властью, недовольной, опасавшейся лишения налоговых льгот, которыми пользовались монастыри.

Главным было другое. Джеймс Биллингтон называет Московское государство органической религиозной цивилизацией. Идея Москвы — третьего Рима, родившаяся в конце XV — начале XVI вв., стала за столетие официальной идеологией. Богатая московская церковь смотрела сверху вниз на бедные патриархии Востока, подчиненные бусурманам-туркам. Патриарший стол рядом с троном самодержавного царя становился необходимостью. Так было в Константинополе, так должно быть в Москве. Переговоры о создании патриаршей кафедры в Москве начались с антиохийским патриархом Иоакимом. Они продолжались после приезда ко двору Федора летом 1588 г. главы вселенской церкви константинопольского патриарха Иеремии, приехавшего просить субсидии. Долгие и трудные переговоры закончились успехом Бориса, ведшего их. Патриарх Иеремия, обнаруживший, что находится в плену, хотя отношение к нему было чрезвычайно почтительным, согласился на московские условия, ради того, чтобы вырваться домой, и рукоположил патриарха России. 26 января 1589 г. ставленник Бориса митрополит Иов был возведен на московский патриарший престол.

Грамота об избрании патриарха официально указывала на роль России как оплота православной истинной церкви: «Ветхий Рим падеся аполинариевой ересью... второй же Рим, иже есть Константинополь... от безбожных турок обладаем, втое же, о благочестивый царь, великое российское царствие — третий Рим благочестием всех превзыде, и вся

благочестивая царствие в едино собрана, и ты един под небесем, христианский царь...» Современный русский историк отвергает предположение, что официальное признание доктрины «Москва — третий Рим» следует трактовать как выражение Москвой Бориса претензии на роль центра новой мировой империи, преемницы древнего Рима и Византии. С его точки зрения, поражение в Ливонской войне так ослабило Московское государство, что оно могло думать только о защите своих границ и возвращении утраченных русских территорий. Он отвергает также предположение, что русская церковь могла в это время претендовать на руководство всемирной православной церковью. Доктрина «Москва — третий Рим», пишет Р.Г. Скрынников, «выражала преимущественно стремление ликвидировать неполноправное положение Москвы по отношению к другим центрам православия... Отразило новое соотношение сил внутри вселенской православной церкви»[151].

Побежденная на поле битвы, разоренная войной и опричной политикой, переживавшая острый социальный конфликт Москва в конце XVI в. не могла претендовать на мировую империю и роль главы всемирного православия, но доктрина «третьего Рима» не была тактическим требованием сиюминутной политики. Она выражала глубокое убеждение в исторической, Божественной, миссии, представляя собой могучий духовный стимул, игравший важнейшую роль в будущем страны. В начале 20-х годов XX в., когда Россия переживала послереволюционное Смутное время, побежденные противники большевиков призывали к сотрудничеству с новой властью ради интересов государства и объясняли, что Третий интернационал является ипостасью Третьего Рима и его инструментом[152].

Смерть Ивана Грозного показалась королю Речи Посполитой Стефану Баторию достаточной причиной для объявления десятилетнего перемирия с Москвой недействительным. Баторий начал энергично готовиться к войне. Ему удалось убедить римского папу Сикста V, мечтавшего о крестовом походе против турок, что кратчайший путь в Стамбул ведет через Москву. Из Ватикана пришли первые субсидии для королевской войны и обещания дальнейшей помощи. Одновременно в Москву был отправлен посол, предложивший вечный мир с Речью Посполитой, который закреплялся бы согласием на унию (если кто-либо из государей — польский или русский — умирает, ему наследует остающийся в живых) и уступкой Смоленска, Новгорода и Пскова. Русские дипломаты ответили, что в Москве невозможно обсуждать вероятность смерти царя. Польский историк замечает: «Только в нашем Сейме можно было свободно, никого не оскорбляя рассуждать о том, что произойдет, когда король почиет в бозе»[153]. Не было, конечно, и речи об уступке русских городов.

Смерть Стефана Батория прервала приготовления к войне. Начались выборы нового короля. Некоторые русские историки считают, что Борис Годунов имел возможность провести кандидатуру Федора на трон Речи Посполитой: литовские магнаты, составлявшие русскую партию, просили на подкуп других депутатов Сейма 200 тыс. рублей. Борис после долгих размышлений послал 20 тыс., обещая потом еще 70 тыс., но было уже поздно. Партия шведского королевича Сигизмунда имела за собой сильную армию под командованием канцлера Яна Замойского, партия эрцгерцога Максимилиана Габсбурга имела поддержку папы и испанское золото, щедро раздаваемое послом Испании. Потерпел поражение только царь Федор, два других кандидата были выбраны враждующими фракциями. Ян Замойский разбил войско Максимилиана и, взяв эрц-герцога в плен, вынудил его отказаться от притязаний на польский трон. Сигизмунд III Ваза, сын шведского короля Юхана III, стал королем Речи Посполитой, оставаясь наследником шведской короны. Межкоролевье в Польше, а затем, после смерти Юхана III в 1592 г., неоднократные попытки Сигизмунда занять шведский трон (только в 1599 г. он был окончательно лишен прав на шведскую корону) отвлекали внимание Речи Посполитой от московских дел.

Воспользовавшись польско-шведскими раздорами (Сигизмунд дважды являлся в Швецию за наследством: в 1592 г. вместе с иезуитами и папским нунцием, в 1598 г. — с армией), а также набегом крымского хана на Польшу (в августе 1589 г. татары появились под

Тарнополем и Львовом), дополнительно ослабившим Польшу, Москва выступила против Швеции. Царь Федор лично повел войска, при армии находился и Борис Годунов. Зимой 1590 г. русские овладевают потерянной в Ливонскую войну русской территорией, но штурм Нарвы, руководимый Годуновым, не проявившим военных талантов, заканчивается неудачей. В результате перемирия шведы уступили крепости Ивангород и Копорье, но сохранили Нарву. Основная цель русского наступления — овладение портом Нарвой и восстановление «нарвского мореплавания» — не была достигнута. Но было восстановлено положение, которое существовало до начала Ливонской войны.

Шведский король, не удовлетворенный результатами столкновения, начал в 1591 г. военные действия. Наступление шведов на Новгород и Псков должно было совпасть с вторжением крымско-турецких войск, насчитывавших до 100 тысяч всадников. 4 июля 1591 г. татарская орда подошла к Москве. Ночью, по не выясненной историками причине, в татарском стане началась паника и татары, теряя обозы, бросились в бегство. Неудача крымского хана охладила рвение шведской армии. В мае 1595 г. между Москвой и Стокгольмом был подписан «вечный мир» в Тявзине. Морская блокада русского побережья сохранялась. Швеция, обладавшая сильным флотом, создававшая армию, которая вскоре станет одной из могущественнейших в Европе, ставила своей целью превращение Балтийского моря в шведское озеро. В конце , продолжая политику Ивана Грозного, Борис заключил договор с Англией. Елизавета пыталась добиться для английской торговли права торговать без пошлины одновременно с запрещением торговли для других иноземцев, кроме того, королева просила разрешения искать сухопутный путь в Китай и содействия в этом русских. Отвергнув просьбы об исключительных правах, Борис разрешил одной компании торговать беспошлинно. Разрешалась только оптовая, но не розничная, торговля. Главными предметами вывоза из России были лен, пенька, рыба, икра, кожи, деготь, поташ, сало, воск, мед, меха. Торговля в основном носила меновый характер, причем воск разрешалось менять только на порох, селитру и серу на предметы, необходимые для армии.

На юге правитель Московского государства уделяет особое внимание строительству городов, укреплению засечной черты: в 1585 г. — Воронеж, в 1586 г. — Ливны, затем — Елец, Белгород, Оскол и Курск. Граница Дикого поля отодвинулась далеко на юг. Линия укрепленных городов не помешала войску хана Казы-Гирея дойти до Москвы в 1591 г., но это был один из самых последних крымских набегов таких размеров.

В 1586 г. отдался под защиту московского государя кахетинский царь Александр. Одно из маленьких государств, на которые в XV в. распалась Грузия, Кахетия занимает долины между Главным Кавказским и Кахетинским хребтами в Восточной Грузии. Принятие христианской Кахетии под высокую руку царя продвинуло границы Москвы до Кавказа, но было чревато столкновениями с Турцией, Персией и горскими народами, которые претендовали на кахетинскую землю. Борис не хотел втягиваться в конфликт с сильными мусульманскими государствами и оказал лишь незначительную помощь королю Александру. Единственным видимым результатом расширения пределов Московского государства было укрепление города на реке Терек.

Интерес к Кавказу проявлял уже Иван Грозный, выбравший второй женой кабардинскую княжну Марью Темрюковну. Решение кахетинского короля Александра свидетельствовало о притягательности православного московского царства для христианских государств Кавказа, взятых в клещи мусульманскими державами.

Огромное значение для будущего России имело движение в глубь Сибири, развивавшее успехи Ермака. Поход 640 донских казаков, усиленных двумя сотнями солдат, был организован и оплачен семьей Строгановых, история которых в России уникальна. Потомки поморских крестьян, они неслыханно разбогатели, владея соляными варницами и монополизировав торговлю с туземным населением. В 1558 г. Иван Грозный пожаловал Строгановым территорию по Каме и на Урале размером более 10 млн. гектаров. Царь освободил их от налогов, оставив за собой только право на серебряную, медную и

оловянную руду, если она будет найдена. Вся власть на территории принадлежала Строгановым: они имели право суда над жителями, будучи сами подсудны только царю, они строили крепости, держали войско и лили пушки. Поход Ермака был организован для защиты владений от нападений местных племен, объединенных в 1556 г. ханом Кучумом.

Казаки Ермака, используя не известное их противникам огнестрельное оружие, разбили Кучума и дошли до Иртыша. В первый советский период, когда историки-марксисты не делали различия между английскими, французскими и русскими колонизаторами, о завоевателе Сибири писали: «Отряд Ермака разбил царя сибирских татар Кучума и продвинулся в глубь Сибири, заливая свой путь кровью татар, вогулов и остяков»[154]. Смерть Ермака, утонувшего в Иртыше в 1584 г., задержала дальнейшее продвижение русских в Сибирь. Но оно продолжалось, причем завоевание безграничных пространств велось уже государством: в Сибирь посылались стрелецкие войска, началось строительство укреплений. В 1586 г. строится первый сибирский город — Тюмень, в 1587 г. — Тобольск. В 1604 г., в царствование Бориса, сооружается крепость Томск. По берегам Оби возводятся укрепленные остроги. Миф Ермака, героя-завоевателя, открывшего дорогу на восток, к солнцу, становится одним из стимулов продвижения в Сибирь.

В это время происходит «открытие» Китая. В 1567 г., возможно по собственной инициативе, два казака Петров и Ялычев появляются в Пекине. Не имея никаких грамот, никаких подарков они не были приняты императором. В 1608 г. томский воевода князь Волынский сообщает в Москву: «За монгольской землей Алтан-хана, в трех месяцах езды, находится страна Китай. Там имеются каменные города и дома, похожие на московские. Царь Китая более могуществен, чем государь Монголии Алтан-хан. В городах есть много церквей с колокольнями, но мы не знаем, какую религию они исповедуют. Люди живут, как в России»[155]. В это время Москве, переживавшей смуту, было не до Китая. Но дорога к нему была открыта.

«Время отдыха от погромов и страхов опричнины», как называет Ключевский царствование Федора, было нарушено событием, потрясшим современников, но трагическое значение которого стало ясно лишь позднее. 15 мая 1591 г. в Угличе погиб царевич Дмитрий, последний сын Ивана Грозного. Поскольку детей у Федора не было, пресеклась династия Калиты, династия Рюриковичей. Вслед за Николаем Карамзиным, в особенности вслед за Александром Пушкиным, посвятившим «Бориса Годунова» «драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина»[156], виновность правителя в убийстве царевича мало у кого вызывает сомнения. Разве не признается в трагедии Пушкина Борис, став уже царем: «Как молотком стучит в ушах упрек, И все тошнит, и голова кружится, И мальчики кровавые в глазах...».

Новейшие исследования обстоятельств одной из самых таинственных в русской истории смертей, повлекшей десять лет спустя в начавшейся гражданской войне бесчисленные жертвы, опровергают версию убийства царевича по приказу Бориса. Р.Г. Скрынников приходит к парадоксальному выводу, что следственные материалы свидетельствовали о непричастности Бориса к смерти царевича. Именно поэтому историки отказывались верить в их истинность. Предвзятое отношение к Борису определило точку зрения Карамзина и пошедших за ним историков.

Следственная комиссия, отправленная из Москвы в Углич, установила факты, допросив свидетелей (очевидцев смерти Дмитрия не было). Комиссию возглавлял Василий Шуйский, один из главных противников Бориса, который приказал убить одного из братьев Василия, сослать в монастырь, где он умер. Сам Василий лишь недавно вернулся из ссылки. Потом Василий Шуйский будет несколько раз менять рассказ о смерти царевича, в зависимости от политических обстоятельств, что посеяло серьезные сомнения в результатах деятельности следственной комиссии. Вывод комиссии был категоричен: мальчик, подверженный эпилепсии, играл во дворе дома, где он жил, в ножички, во время внезапного приступа он упал на нож и перерезал себе горло. Мать царевича Мария, ее братья Нагие, все

их родственники моментально объявили о том, что царевич убит людьми Бориса. В Угличе вспыхнул бунт, было убито 15 сторонников Бориса, это дало правителю повод расправиться с Нагими: Мария была сослана в монастырь, братья казнены.

Главный довод сторонников виновности Бориса: убийство царевича было ему выгодно. Став совершеннолетним, Дмитрий мог бы претендовать на трон. Главный довод новейших исследователей: никакой выгоды убийство царевича Борису не давало. Еще не исчезла возможность рождения законного наследника в семье Федора. В 1592 г. Ирина оправдала надежды и родила дочь Феодосию, которая, правда, вскоре умерла (в ее смерти не замедлили обвинить Бориса). Из ближайших родственников царя после смерти Дмитрия наибольшие шансы на престол имели Романовы, а не Годунов. Положение в стране, ожидавшей вторжения шведов и татар, было напряженным, и любой инцидент мог вызвать волнения.

Патриарх Иов подтвердил своим авторитетом выводы комиссии: непричастность Бориса, виновность Нагих, поднявших бунт против правителя и царя. Пятнадцать лет спустя, когда царевич Дмитрий был провозглашен святым, церковь объявила смерть мальчика убийством, ибо святой не мог, даже случайно, убить себя сам.

Важное событие, добавившее горючий материал для грядущих смутных времен, произошло на территории Речи Посполитой за пределами Московского государства. Его значение для России не будет полностью исчерпано и в конце XX в. В октябре 1596 г. в Бресте Литовском собор части православных епископов Польши и Литвы принял решение об унии православной и католической церквей. Православная церковь сохраняла свои обряды, но принимала верховенство папы. В декабре 1595 г. львовский епископ Кирилл Терлецкий и Волынский епископ Ипатий Потей принесли в Риме присягу Клименту VIII. Собор в Бресте узаконил действия епископов. Одновременно в Бресте собрались православные епископы, отказавшиеся принять унию. Православная церковь в юго-восточной Руси распалась: униаты связали себя с католицизмом, православные обратили взоры в сторону Москвы, ставшей недавно патриархией. Уведя из православной церкви часть верующих, Речь Посполитая восстановила против себя всех тех, кто отказался принять верховенство папы римского. Положение на Украине резко обострилось. Сигизмунд III, ревностный католик, воспитанник иезуитов, возглавивших контрреформацию, не удовольствовался унией, он принял административные меры для укрепления новой церкви, активно преследуя православных. Польский историк Павел Ясеница, рассматривающий унию как политическую ошибку, последствия которой для Польши были трагическими, пишет: «Сигизмунд III, христианин от деда-прадеда, меньше понимал и меньше сочувствовал христианской церкви, чем язычник Ольгерд и родившийся в язычестве Витольд.

Они изо всех сил старались создать в пределах Литвы православную Церковь, он бессердечно ее уничтожал»[157].

Современный английский историк Норман Девис, автор истории Польши, очень увлеченный сюжетом исследования, признавая, что Сигизмунд III был ярым католиком и энтузиастом контрреформации, настаивает на том, что Речь Посполитая оставалась «страной терпимости»[158]. Современный американский историк Джеймс Биллингтон сравнивает польского короля с Иваном Грозным, находя, что «во многих отношениях Сигизмунд III был еще более фанатичен, чем русский царь». Мессианский фанатизм, который возбудили в Иване иосифляне, в Сигизмунде возбудили в еще большей степени иезуиты. Польский король, считает американский историк, практически отдал свое королевство во власть позднейшему монументу испанского крестоносного усердия: ордену Иезуитов Игнация Лойолы[159].

Историк Речи Посполитой Павел Ясеница, размышляя во второй половине 60-х годов XX в., видит в антиправославной политике Сигизмунда III шаг к пропасти, в которую позднее упала Польша. Необходимо было, считает историк, превратить бицефальную конфедерацию Польши и Литвы в трицефальную, включив в Речь Посполитую Украину.

Возможности для этого, несомненно, были, но у короля к этому не было никакого желания. Начавшаяся вскоре в Москве Смута открыла, казалось бы, совершенно другие, блестящие для Польши перспективы.

Царь Борис

Годунов, татарин прохождением, Кромвель умом, воцарился со всеми правами монарха законного и с той же системой единовластия неприкосновенного.

Н. Карамзин

«Рабоцарь», царь из рабов...

В. Ключевский

7 января 1598 г. царь Федор Иоаннович умер. Трон Ивана Калиты опустел, династия Рюриковичей кончилась. Законное право на престол имела царица Ирина, которая при жизни мужа была формально «первосоветницей своего супруга» и наравне с боярами участвовала в решении государственных дел. Это, в частности, еще один довод для историков, сомневающихся в причастности Бориса к убийству Дмитрия. До него право на трон имела Ирина.

Начали присягать царице. Но девять дней спустя она постриглась, вновь оставив трон пустым. Началось междуцарствие.

Исследователь смутного времени С.Ф. Платонов отметил, что княжеская знать была настолько ослаблена политикой Грозного и Годунова-правителя, что никто из представителей знатнейшей аристократии «не искал престола после смерти Федора». Претензии предъявили Романовы, родственники умершего царя, старый опричник, авантюрист Богдан Вельский и, конечно, Борис Годунов. Князь Федор Мстиславский был главой Боярской думы и праправнуком Ивана III, что давало ему право выдвинуть свою кандидатуру. Он этого не сделал, не имея сторонников. Важнейшую роль в избрании Годунова сыграл патриарх Иов. По поручению царицы он созвал земский собор. Представительное учреждение Московского государства состояло из представителей основных групп населения, назначаемых правительством. Некоторые историки говорили о подтасовке состава собора 1598 г., что и дало возможность Борису Годунову добиться избрания на царский трон. Изучив список членов земского собора, В. Ключевский пришел к выводу, во-первых, что он представлял основные четыре группы: церковное управление, высшее государственное управление, военнослужилый класс и торгово-промышленный класс; во-вторых, при выборе представителей были соблюдены все правила. В. Ключевский заключает, что «подстроен был ход дела, а не состав собора. План сторонников Годунова состоял не в том, чтобы обеспечить его избрание на царство подтасованным собором, а в том, чтобы вынудить правильно составленный собор уступить народному движению»[160].

Встретив сопротивление в Боярской думе, Борис, опиравшийся на дворянство, использовал могучее средство воздействия — народную поддержку. Агитаторы Бориса Годунова организовали в Москве движение в пользу Бориса. Избранный земским собором, на котором председательствовал патриарх Иов, Борис потребовал, чтобы ему присягали не во дворце и присутственных местах, как это было принято, но в церквях, в том числе в главном московском соборе, Успенском.

В сентябре 1598 г. Борис короновался в Успенском соборе. Он пожаловал высшие боярские и думные чины многим знатным лицам, в том числе своим бывшим друзьям,

которые стали его противниками перед выборами, — Романовым и Вельскому. Царь дал тайный, но ставший широко известным, обет в течение пяти лет не проливать крови. Первый «выборный» царь занял московский престол.

Можно говорить о феномене Бориса Годунова. Годы его правления от имени царя Федора, как единодушно свидетельствуют современники и историки, были по сравнению с эпохой Грозного спокойными, временем отдыха. Спокойно началось правление Бориса после его избрания царем, он продолжал свою прежнюю политику. А между тем он — один из наиболее критикуемых русских царей, трактуемый как выскочка, как незаконный пришелец, хотя избрание его было совершено с полным соблюдением законов и обычаев.

Портрет Бориса Годунова, который стал потом источником всех описаний царя Бориса, мы находим в «Записках о России» англичанина Джерома Горсея, который на протяжении двух десятилетий (1573—1591) ездил в Россию как представитель торговой Московской компании, а затем как дипломатический агент русских царей и английской королевы. «Он приятной наружности, — пишет Горсей о царе Борисе, — красив, приветлив, склонен к черной магии, от роду ему 45 лет, но умом быстр, обладает красноречием от природы и хорошо владеет своим голосом, лукав, очень вспыльчив, мстителен, не слишком склонен к роскоши, умерен в пище, но искушен в церемониях, устраивает пышные приемы иноземцам, посылает богатые подарки иностранным государям»[161]. Капитан Жак Маржерет, профессиональный солдат, потерявший после окончания религиозных войн работу на родине, во Франции, пошел на службу к Стефану Баторию, потом воевал в армии императора Рудольфа, а в 1600 г. предложил свою шпагу Борису, который поручил ему командование немецкими наемниками. Жак Маржерет попал в «Бориса Годунова» Пушкина, его солдатская речь (на французском языке) переводится, чтобы не обидеть нежного уха русских читателей, с изъятием грубых слов. В своих записках-воспоминаниях Жак Маржерет отмечает, что при Борисе империя (он единственный говорит о Московском государстве как об империи, называя царя — императором) жила лучше, чем когда-либо.

Значение свидетельств иностранцев связано как с важностью взгляда со стороны, так и с тем, что с 1576 г. общерусские летописи больше не велись. Древний обычай фиксирования важнейших, с точки зрения летописца, событий внешней и внутренней политики был, по приказу Ивана Грозного, заброшен. В качестве русского источника остаются случайные сведения местных и частных летописцев, воспоминания некоторых современников. В них царь Борис описывается как обладатель многочисленных добродетелей, говорится, что наружностью и умом он превосходил всех своих предшественников. Современники отмечают и отрицательные черты: ненасытное властолюбие, наклонность доверчиво слушать наушников.

Николай Костомаров, автор «Русской истории в жизнеописании ее главных деятелей», рисует облик «выборного» царя: «Красивый собой, он отличался замечательным даром слова, был умен, расчетлив, но в высокой степени себялюбив». Здесь влияние Джерома Горсея очевидно. Главным мотором деятельности Бориса, считает Костомаров, было себялюбие. «Вся деятельность его клонилась к собственным интересам, к своему обогащению, к усилению своей власти, к возвышению своего рода... Этот человек, как всегда бывает с подобными людьми, готов был делать добро, если оно не мешало его личным видам, а, напротив, способствовало им; но он также не останавливался ни перед каким злом и преступлением, если он находил его нужным для своих личных выгод, в особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя».

Еще одно качество отмечает историк: «Всему хорошему, на что был способен его ум (Бориса), мешали его узкое себялюбие и чрезвычайная лживость, пронизавшая все его существо, отражавшаяся во всех его поступках. Это последнее качество, впрочем, сделалось знаменательной чертой тогдашних московских людей. Семена этого порока существовали издавна, но были в громадном размере воспитаны и развиты эпохою царствования Грозного, который сам был олицетворенная ложь»[162].

Борис Годунов, как свидетельствуют источники, не был образцом добродетели. Но совершенно очевидно, что он обладал многими качествами выдающегося государя. История знает немного примеров беспорочных монархов. Где причина отрицательного отношения к царю Борису? Время после смерти Ивана Грозного, начавшиеся смутные времена были эпохой поисков ответа, в числе многих других вопросов, на очень важный: каким должен быть русский царь? Исчезновение династии, необходимость выбора нового государя дала русским возможность выразить разными способами свой взгляд на монарха, на качества, необходимые царю.

Н. Карамзин признает: «Годунов, тревожимый совестью (по поводу убийства царевича Дмитрия, в котором обвиняет его историк. — *М.Г.),* хотел заглушить ее священные укоризны действиями кротости и смягчал самодержавие в руках своих: кровь не лилась на лобном месте, ссылка, заточение, невольное пострижение в монахи были единственным наказанием бояр, виновных или подозреваемых в злых умыслах». Историк не видит ничего положительного в кротости Бориса, ибо объясняет ее укорами совести. Непригодность Годунова на царский престол, с точки зрения Карамзина, связана с его «выборностью». Он — не наследственный государь. В результате: «Бояре, некогда стояв с ним на одной ступени, ему завидовали; народ помнил его слугою придворным»[163]. Ключевский согласен с тем, что нецарское происхождение Годунова, то, что он был «рабоцарь», царь из рабов[164], определяло отношение к нему.

Современник событий Джером Горсей, сначала очень хваливший царя Бориса, меняет к нему отношение. Он называет его «узурпатором», переводя это слово на русский как «тиран-душегубец»[165].

Предшественникам Бориса на московском троне прощали все. Ему не только ничего не прощали, его обвиняли во всех бедах и преступлениях, случившихся в его время. Распространялись слухи, что это Борис привел татар под Москву; поджег столицу; организовал голод. Когда царь открыл царские амбары, чтобы кормить голодных, его упрекали за то, что слишком много голодающих пришло в Москву, всем хлеба не хватало и тысячи умерли с голоду. Но главные обвинения носили «династический» характер: Борис убил Дмитрия, сына Грозного, по его приказу умертвили годовалую дочь Федора Феодосию и ослепили старого Симеона Бекбулатовича, некогда объявленного Иваном московским царем. Создавалось впечатление, что Борис, не имеющий в своих жилах царской крови, уничтожает всех, кто ее имеет, и тем самым добивается права на престол.

Борису приписывали даже идею Самозванца. Приказав убить царевича, он, якобы, приготовил двойника, которого, в случае необходимости, готов был предъявить народу, возвести на трон и править вместо него.

Имеются политические причины, объясняющие нараставшую непопулярность царя Бориса. При дворе Федора правитель, продолжая политику ослабления силы княжат, был признанным главой дворцовой знати, старомосковского дворянства. На пути к трону Борис встретил не потомков Рюриковичей и Гедиминовичей, а своих союзников Романовых и Вельских. После избрания Борис щедро наградил высшими думными чинами княжескую аристократию, но не приобрел ее благосклонности, поскольку не поступился своей самодержавной властью. Его главными противниками стали прежние друзья. Годунов оказался в полном одиночестве, его поддерживали только родственники, которыми он заполнил думу.

Одиночество порождало страх и подозрительность. Родственник царя Семен Годунов возглавил политический сыск и очень поощрял доносы, которые превратились в подлинную страсть. Современник отмечает, что доносили еще больше, чем при Грозном, «доносили друг на друга попы, чернецы, пономари, просвирни; жены доносили на мужей, дети на отцов; от такого ужаса мужья от жен таились, в этих окаянных доносах много крови пролилось неповинной, многие от пыток померли, других казнили, иных по тюрьмам разослали и со всеми домами разорили». По доносу казначея Александра Романова было начато «дело»

против семьи Романовых. Все обвиняемые (обвинение гласило: «Злодеи, изменники хотели царство достати ведовством и кореньями») были осуждены: Федор Никитич был пострижен в монахи, что исключало возможность мечтать о царском венце, и сослан на Северную Двину, была пострижена и его жена; дети, братья и родственники сосланы в далекие монастыри.

Был осужден Богдан Вельский. Попал в опалу дьяк Андрей Щелкалов, игравший выдающуюся роль в руководстве государством.

Политические причины не объясняют все более шаткого положения Бориса. Первого русского «избранного» царя не считали настоящим царем. Ему не хватало необходимой легитимности. Понимая свою слабость (отсутствие в венах царской крови), Борис решил пригласить к участию в выборах народ. Странное словосочетание «популярность царя» становится возможным, ибо Борис ищет популярности как новую базу легитимности. Итальянский историк Гильельмо Ферреро говорит, что принцип легитимности является оправданием власти, т.е. права командовать.[166] Еще при Иване III оправданием власти московского государя стало божественное происхождение его власти. Этот принцип утвердился при Василии III и не вызывал уже никаких сомнений при Иване IV. Божественное происхождение царской власти исключает необходимость в народном голосовании. Более того, обращение к народу свидетельствует о неуверенности избранника, вызывает подозрения в его «праве командовать». Пушкин приписывает Борису Годунову внутренние мучения, вызванные угрызениями совести: «мальчики кровавые в глазах». Ферреро задает вопрос: «Не обладает ли власть, захваченная путем государственного переворота, дьявольской способностью наполнять ужасом прежде всего того, кто власть захватил, а уже потом других?» Борис Годунов пришел к власти законным путем, но он был выскочкой. Возможно, поэтому он жил в страхе. Все знали, и он в том числе, что дело на царском престоле не чисто.

Самозванцы

Убиенный много и восставый, Двадцать лет со славой правил я Отчею Московскою державой, И годины более кровавой Не видала русская земля.

М. Волошин. Дмитрий император. 1591—1613.

Проспер Мериме в книге о Лжедмитрии замечает: «Революции, как болезни, возвещают о себе неясным плохим самочувствием, значение которого становится понятным только позже»[167]. Подземный гул слышен был в Московском государстве после избрания Бориса, он нарастал по мере того, как росло недовольство всех слоев населения. Был подписан на 20 лет мир с Польшей. Прекратилась война с Ливонией. Крымский хан, потерпев поражение под Москвой, старался справиться с казачьими набегами. Борис заботился о развитии торговых отношений и других контактов с Западом. Некоторые историки называют его «западником» и предшественником Петра. «Никто из прежних московских царей не отличался такой благосклонностью к иностранцам, как Борис», — замечает Костомаров[168]. Немецкие купцы, переселенные в свое время на Русь из ливонских городов, получили щедрые льготы, некоторым было дано право беспошлинной торговли с заграницей, они могли, дав присягу, свободно передвигаться по стране и выезжать из нее. Был создан полк, состоявший из двух тысяч наемников — немцев, греков, шведов, поляков. В числе его командиров был капитан Маржерет. В Немецкой слободе, районе, выделенном для иностранцев, который москвичи называли Кукуй, было разрешено вновь открыть

протестантскую церковь. Для своей дочери Ксении Борис искал в мужья иностранного принца. Сначала Борис пригласил в Москву шведского принца Густава, изгнанного сына свергнутого Эрика XIV, дал ему удел Калугу, но швед отказался принять православие и покинуть сопровождавшую его любовницу. Датский принц Ганс принял все условия, но внезапно заболел и умер (виновником объявили Бориса).

Современники упоминают, что Борис поощрял бритье бороды на чужеземный лад, но самым неожиданным проявлением интереса царя к Западу была посылка за границу для науки группы «российских робят», молодых дворян. Точное число посланных неизвестно: Сергей Платонов говорит о восемнадцати (по шесть в Англию, Францию и Германию), Джеймс-Биллингтон о тридцати[169]. Историки согласны с тем, что все, кроме, возможно, двоих, остались на Западе. Может быть, в результате этого смелого и неудачного опыта, окончательно до Петра I утвердилось правило, о котором пишет Григорий Котошихин: «Для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи, и вольность благую, начали бы свою веру отменять и приставать к иным, а о возвращении к домам своим и сородичам никакого бы попечения не имели и не мыслили»[170].

Катализатором всех движений, которые после смерти Ивана IV начали встряхивать фундамент Московского государства, стал голод. Он начался в 1601 г. и продолжался три года. В 1602 г. люди стали умирать тысячами и десятками тысяч. Только в Москве, по сведениям Жака Маржерета, умерло 120 тыс. голодных. Правительство делало все, что могло, но размеры бедствия, размеры территории, охваченной голодом, были слишком велики. Хлеба нельзя было ни купить, ни получить. Оставался только один путь — грабеж.

Шайки разбойников свирепствуют на дорогах, подходят к самой Москве. В августе 1603 г. у ворот столицы происходит сражение между «разбоями», возглавляемыми Хлопко Косолапом, и царским войском под командованием Басманова, известного военачальника Ивана. В упорном бою погиб царский воевода, Хлопко был взят в плен и повешен, а его «армия» разбита и рассеяна.

Советские историки до самого последнего времени единодушно рассматривали Смутное время прежде всего как время «антифеодальных народных восстаний», как крестьянскую войну. В связи с этим Хлопко Косолап именовался вождем повстанцев, предводителем народного движения[171]. Р. Скрынников, один из лучших знатоков эпохи, пишет: «Источники официального происхождения старались дискредитировать выступления низов, называя их «разбойными». Он, конечно, не мог не знать, что все «домарксистские» историки также говорили о разбойниках, описывая события Смуты. С. Платонов говорил, например, о «разбойничьей шайке старейшины» Хлопко, о том, что после поражения «шайка рассеялась»[172]. Биографию Бориса Годунова, из которой взята цитата, Р. Скрынников опубликовал в 1978 г. Десять лет спустя в биографии Григория Отрепьева историк позволяет себе усомниться. «Можно ли видеть в «выступлениях» разбойников борьбу угнетенных масс против феодализма?» — спрашивает Скрынников[173]. И приходит к выводу, что «трудно провести разграничительную черту между разбойными грабежами и голодными бунтами неимущих», имея в виду выступления 1602— 1603 гг.

Настаивая на «антифеодальном» характере вооруженных движений эпохи Смуты, советские историки, во-первых, утверждали спорную теорию о существовании феодализма в России, что подтверждало правоту учения Маркса о движении истории, а, во-вторых, находили необходимых предков-большевиков. В то же время историки подчеркивают значение Юрьева дня, недели, в которой крестьяне могли переходить от помещика к помещику. В 1601 г., когда неурожай вызвал первую тревогу, Борис восстановил Юрьев день, оговорив закон множеством оговорок. Очень скоро, в 1603 г., он аннулировал собственный закон: Юрьев день был отменен окончательно. Существование возможности сменить помещика давало крестьянину ощущение свободы, ограничивая одновременно своеволие помещика. Исчезновение Юрьева дня означало полное закрепощение,

порабощение крестьян. Им оставался единственный путь к свободе — бегство на юг, в Дикое поле.

Происходил естественный отбор: бежали самые смелые, наиболее инициативные и вольнолюбивые. Особенно часто холопы, служившие в вооруженных боярских свитах, — боевые холопы. Они пополняли казачество, они составляли ядро разбойничьих шаек.

Капитан Маржерет рассказывает, что слух о том, что царевич Дмитрий, Дмитрий Иванович, как он пишет, жив, появился в Москве в 1600 г. Затем стали распространяться вести о том, что в Литве или польской Украине чудом спасшийся царевич собирает войско, чтобы идти на Москву. Слухи о спасении Дмитрия появляются за два года до того, как Юрий Богданович Отрепьев, он же Григорий или Гришка Отрепьев, монах Чудова монастыря, находившегося в Кремле, бежал в Литву, чтобы превратиться в претендента на московский престол.

Нужда в Самозванце появилась до того, как он объявился. Сама идея была недавно испробована. В 1561 г. критский грек Василид, выдававший себя за самосского герцога Гераклида, с помощью запорожских казаков захватил молдавский трон. Полтора десятилетия спустя казаки снова помогают самозванцам, ищущим власти в Молдавии. В начале XVII в. Самозванец появляется на Руси.

До сих пор остается много загадок, связанных с первым русским самозванцем — Лжедмитрием. С одним согласны все — подлинный царевич Дмитрий умер: убит или погиб случайно. Большинство историков согласны с тем, что первый самозванец был беглый монах Григорий Отрепьев. Проспер Мериме в биографии Лжедмитрия, написанной на основе серьезных исторических источников, перечисляет ряд неясностей, противоречий, которые позволяют ему сомневаться в распространенной версии. Он, например, отмечает очень хорошее знание самозванцем польского языка, его великолепное умение ездить верхом, его смелость. «...В каком монастыре, — пишет Мериме, — нашли монаха, который убивал медведя одним ударом ножа или вел в атаку эскадрон гусар?»[174].

Сегодня биография Лжедмитрия известна гораздо лучше, чем в XIX в. Обнаружены документы, свидетельствующие, что самозванцем был Григорий Отрепьев. Но и сегодня остается немало вопросов, на которые нет ответа. Тайна Лжедмитрия не выяснена до конца.

Прежде всего поражают сроки. Появляется совсем молодой человек (предполагают, что он родился в 1582 г. и был ровесником царевича Дмитрия) и в течение полугода овладевает московским троном. Царствует одиннадцать месяцев без нескольких дней, гибнет, его прахом заряжают пушку, которая выстреливает в сторону запада. «Как сверкающий метеорит, он внезапно осветил тьму и исчез, не оставив следа», — это автор «Кармен» пишет о герое, который ему очень нравится. Он сравнивает Лжедмитрия с его современником Генрихом Наваррским, также «овладевшим наследственным троном»[175].

Не все были такого хорошего мнения о самозванце, как французский писатель. Церковь предала Гришку Отрепьева анафеме, его осуждали за переход в католичество (тайный), за связи с иезуитами, обвиняли в желании обратить в латинскую веру Москву.

Василий Ключевский, по своему обыкновению, остроумно и лаконично объяснил происхождение самозванца: «Винили поляков, что они его подстроили; но он был только испечен в польской печке, а заквашен в Москве». Иначе говоря, изобрели Лжедмитрия в Москве, а реализовалось дело с помощью поляков. Это совершенно очевидно для Бориса, который, услыхав о появлении Лжедмитрия, заявил боярам: это вы подставили самозванца!

Говоря о «закваске в Москве», В. Ключевский называл точное место: «В головах наиболее гонимого Борисом боярства с Романовыми во главе, по всей вероятности, и была высижена мысль о самозванце»[176]. В конце XIX в. историк мог уже писать о службе Григория Отрепьева у Романовых, но, как отмечает другой историк, во второй половине XX в., «в царствование Романовых было небезопасно или, во всяком случае, неприлично вспоминать этот факт из биографии вора и богоотступника»[177]. Сегодня, когда писать об

этом стало совсем прилично, биограф Отрепьева рассказывает о службе Григория у Михаила Романова, а затем у его родственника князя Черкасского. Когда царь Борис послал в заточение великих бояр Федора Никитича Романова и Бориса Камбулатовича Черкасского, Отрепьев, еще носивший имя Юрий, постригся в монахи, чтобы избежать участи своих господ. И принял имя Григорий. Разгром дома Романовых и пострижение 20-летнего дворянина случилось в 1600 г. Григорий не только постригся в монахи, но и отправился служить в провинциальные монастыри, подальше от столицы. Но очень скоро он появляется в Москве: по рекомендации деда, Елизария Замятии, охранявшего порядок в центре Москвы, Григория принимают в Чудов монастырь, куда к этому времени удалился Замятия. Поздние летописцы, поражаясь способностям Григория Отрепьева, объясняли их возможными связями с нечистой силой. Р. Скрынников пишет: «Карьера Отрепьева на монашеском поприще казалась феерической. Сначала он оставался служкой у монаха Замятии, затем келейником архимандрита и дьяконом и, наконец, стал придворным патриарха». Взлет произошел всего за один год. Его причиной были незаурядные способности молодого человека: «В несколько месяцев он усваивал то, на что у других уходила вся жизнь»[178].

Затем начинаются тайны. Григорий Отрепьев бежит из монастыря. Он появляется в Троице-Печерской лавре в Киеве, оказывается в Запорожской сечи. Запорожцы помогают Григорию установить связи с донскими казаками. Он бродит по югу, как если бы имел план и знал, что делает. Ничего совершенно достоверного о подготовительном периоде деятельности самозванца не известно. Ключевский и историк Смутного времени С. Платонов считали, что идея самозванца родилась в кругу Романовых, современный биограф Годунова и Отрепьева возражает «...Самозванческая интрига родилась не на подворье Романовых, а в стенах Чудова монастыря»[179], среди бродячих монахов. Польский историк Александр Гиршберг, автор «Дмитрия Самозванца» и «Марины Мнишек»[180] доказывает, что самозванец — «представление, рассчитанное на живую привязанность народа к исчезнувшей династии», был создан оппозицией Годунову, составленной крупнейшими московскими боярами, объединившимися с литовско-русскими магнатами, как правило, православными.

Несомненно, и русские бояре (Романовы прежде всего), и литовские магнаты имели основания быть недовольными Борисом. Выше говорилось о конфликте Бориса Годунова с бывшими союзниками Романовыми. В конце XVI в. польско-литовские князья Острожские, Вишневецкие и Збаражские передвинули границы своих владений в глубь Червонной Руси, которая входила в состав коронных польских земель, значительно увеличив свое могущество. В киевском воеводстве Вишневецким принадлежало 38 тыс. крестьянских хозяйств с населением в 230 тыс. человек. Тогдашняя Швеция, начавшая в это время войну за превращение Балтики в шведское озеро, насчитывала менее 1 млн. жителей. Острожские и Вишневецкие выдвинули претензии на земли, которые принадлежали московскому царю.

В числе «изобретателей» Лжедмитрия все исследователи называют иезуитов. И для этого также имеются основания. Папский нунций при польском дворе Клаудио Рангони присутствовал во время аудиенции, данной Сигизмундом III самозванцу, и деятельно способствовал реализации планов претендента на московский престол.

Обилие вдохновителей, «изобретателей» не разъясняет до конца источника появления «идеи», рождения плана объявить Отрепьева чудом спасшимся царевичем Дмитрием.

Документированная история Лжедмитрия начинается с 1601 г., когда он появляется при дворе князя Константина Острожского, ревностного защитника православия и активнейшего противника церковной унии. По неясным причинам князь Острожский приказал прогнать монаха-расстригу, который нашел себе убежище в Гоще, центре арианской секты. Протестанская секта ариан[181], которых называли также антитринитарными (противниками Троицы) польскими братьями, играла важную роль в польской Реформации. Они признавали единого Бога, отвергали догмат Святой Троицы, признавали Христа не Богом, но боговдохновенным человеком, посредником между Богом и людьми, требовали безоговорочного соблюдения свободы совести. Пробыв некоторое время в арианской «школе

свободомыслия», как выражается Н. Костомаров[182], нахватавшись «верхов польского либерального воспитания», Григорий Отрепьев уходит на службу к врагу князя Острожского князю Адаму Вишневецкому.

Константин Острожский, киевский воевода, один из самых горячих защитников православия в Литве, основатель теологической академии в Остроге, сыгравшей важную роль в оживлении православной жизни, издавшей первую печатную Библию на старом церковнославянском языке, непрерывно враждовал с Адамом Вишневецким, потомком Дымитра Вишневецкого, старосты каневского и черкасского, основателя первой Запорожской сечи, недавним католиком.

Адаму Вишневецкому Григорий Отрепьев «открывает» свое царское происхождение, убеждает князя в том, что он сын Ивана Грозного. Насколько князь был убежден, неизвестно, но в письме гетману Яну Замойскому, командующему польскими войсками, князь Адам объясняет, что долго колебался, но поверил после того, как два десятка москвичей, приехавших к нему, «узнали» царевича. Вишневецкий просил оказать сыну Грозного всяческую поддержку. Замойский отвечал холодно и очень сдержанно. Москва энергично потребовала выдачи самозванца. Вишневецкий отказался. Царские войска вторглись во владения магната, сожгли несколько укрепленных городов. Вишневецкий ответил активной поддержкой самозванцу. Брат Адама Константин завез Дмитрия к своему тестю Юрию Мнишеку в Самбор. Там произошла встреча с дочерью хозяина Мариной. Дмитрий влюбляется в «гордую полячку», как назвал ее Пушкин. Странная любовная история немало способствовала популярности Лжедмитрия в глазах позднейших поэтов и драматургов. Сандомирский воевода Юрий Мнишек, входивший в круг приближенных Сигизмунда III, соблазнившись обещаниями самозванца поделиться легендарными богатствами московской короны, согласился отдать ему руку четвертой дочери Марины. Польский историк, называющий Лжедмитрия авантюристом, добавляет, что Марина, «обращавшая на себя внимание отталкивающей красотой, женщина холодная, честолюбивая, безжалостная как худший из ростовщиков»[183], вполне ему подходила.

Юрий Мнишек организует в конце марта 1604 г. встречу короля и самозванца в Кракове. Во время аудиенции присутствовал папский нунций Рангони, который убедил короля оказать поддержку претенденту на московский престол, обещавшему обратить Московское государство в истинную католическую веру. Король обещал Лжедмитрию пенсию в 40 тыс. злотых и пожелал успехов. Политика помощи самозванцу встретила решительное сопротивление сейма, выражавшего интересы большинства польско-литовской шляхты. С 1600 г. Речь Посполитая была втянута королем в войну со Швецией, которая будет тянуться более 60 лет. Крупнейшие польские полководцы Ян Замойский, Станислав Жулкевский, Ян Кароль Ходкевич были против войны с Москвой. Гетман литовский Ходкевич отвечал 19 марта 1604 г. королю, известившему его о разговоре с «царевичем»: «Оказия вкусная, но дело ненадежное, дома неспокойно, а к тому же речь идет о перемирии, которое, если будет нарушено, ничего хорошего не принесет»[184]. Гетман имел в виду перемирие с Москвой, подписанное два года назад. Войну с Москвой в поддержку «законного наследника» царского трона начал Юрий Мнишек, поддержанный Вишневецким, иезуитами и королем.

Предварительно, однако, был подписан брачный контракт, по которому жених обещал невесте золото, драгоценности, а также Псков и Великий Новгород, будущему тестю он обещал миллион злотых, а также Смоленскую и Северскую земли (эти земли Лжедмитрий ранее обещал королю). «Царевич» принял (тайно!) католичество и обещал иезуитам всяческую помощь в обращении Руси.

Вернувшись из Кракова, Лжедмитрий собирает войско для похода на Москву. Описание состава войска неразрывно связано с отношением историка к предприятию самозванца. Современный биограф Отрепьева Р.Г. Скрынников сообщает: «Среди тех, кто намеревался запродать свое оружие московскому «царевичу», можно было встретить и

ветеранов Батория, и всякий сброд — мародеров и висельников»[185]. Польский историк, осуждающий авантюристские планы короля и иезуитов, перечисляет: «Частные магнатские полки, различные волонтеры, казаки и мечтавшая о грабежах голь — из них состояла армия самозванца»[186]. Николай Костомаров видит войска «названного Дмитрия», как он называет самозванца, иначе: «Все, что было в южной Руси буйного, удалого, отозвалось дружелюбно на воззвания названного московского царевича»[187].

Сергей Платонов, книга которого о Смуте сохраняет значение и сегодня, называет «команду самозванца» «сбродом», но добавляет, что «не в этом войске заключалась главная сила самозванца»[188]. По мнению историка, самозванцу удалось с помощью «прелестных писем» и посланников поднять народ против Бориса и за него, законного царевича. Было организовано, пишет С. Платонов, «против московского правительства восстание южных областей государства»[189].

Нет никакого сомнения в остром недовольстве низов политикой Бориса, возникшими надеждами на появление «доброго царя», сына «доброго Ивана Грозного», при котором существовал Юрьев день и крестьянин чувствовал себя свободно. Неясно, однако, какое «государство» имеет в виду Сергей Платонов. Точнее, совершенно ясно, что говорит о Московском государстве. Основная часть юга Руси не входила, однако, в состав Московского государства, Украина была польской. Но именно оттуда пришла главная поддержка армии самозванца — казаки. Р.Г. Скрынников приводит точные цифры. В начале сентября 1604 г., перед походом, «армия Мнишека» насчитывала около двух с половиной тысяч человек, в числе которых более половины — тысяча четыреста двадцать — составляли казаки[190]. Донские казаки хотели помешать неумолимому продвижению русских войск, строивших укрепленные города все глубже и глубже в «Диком поле», приближаясь к казачьим землям. Запорожские казаки с конца XVI в. оказывают все более решительное сопротивление польским магнатам, стремящимся их закабалить. В 1591 г. польский шляхтич Кшиштоф Косинский, обиженный князем Острожским, поднимает казачье восстание и два года «ходит по Киевщине и Волыни, разоряя польские имения». Но едва погиб Косинский, напавший на владения Вишневецкого, выступил против поляков Семен Наливайко, казачий атаман, еще недавно воевавший в рядах польских войск против Косинского. Для борьбы с Наливайко, который, по словам Грушевського, «два года ходил по Украине, громя панов»[191], король послал гетмана Жулкевского. С большим трудом, в 1596 г., удалось разбить казачье войско атамана Наливайко, схваченного, отосланного в Варшаву и там казненного.

Украина, которая еще не носила этого имени, бурлила, ожидая возможности освободиться от помещиков. Призывы Лжедмитрия нашли немедленный отклик, прежде всего у казаков. Их поддержка «царевичу» сыграла важнейшую роль в победе претендента на московский трон. Этого было бы, конечно, недостаточно, ибо московское войско обладало необходимой силой для разгрома сборной «армии Мнишека». Но предприятие Лжедмитрия не было военным единоборством.

13 октября 1604 г. войско самозванца переходит русскую границу и начинает медленно продвигаться вперед. Известие о вторжении вызывает серьезную тревогу в Москве. Борис объявляет всеобщую мобилизацию, впервые после 13-летнего перерыва, и поручает командование если не самым лучшим, то безусловно, самым родовитым полководцам — Мстиславскому, Шуйскому, Трубецкому, Голицыну. 23 октября войско самозванца переправляется через Днепр, жители города дали необходимые перевозочные средства, в которых отказал киевский воевода Януш Острожский. Две армии медленно шли навстречу друг другу. Первое столкновение у стен Новгород-Северского произошло 21 декабря 1604 г. и закончилось неожиданной победой самозванца, несмотря на огромное численное превосходство противника. 1 января наемники, не получившие вовремя денег, подняли мятеж в лагере Лжедмитрия и ушли от него. 21 января 1605 г. армия самозванца потерпела поражение под Добриничами. Брошенный всеми, претендент на московский трон еле спасся, ускакав от победителей, еще раз проявив свои кавалерийские способности.

Превратности военного счастья к этому времени как бы потеряли свое значение. Ушедших наемников заменили запорожцы и отряды донцов, в лагерь Лжедмитрия стекались крестьяне, жители городов открывали свои ворота самозванцу, принося ему нередко связанных царских воевод. Гетман Замойский, опытный полководец, сердился, когда ему говорили о походе «армии Мнишек», замечая, что надо будет бросить в огонь все летописи и изучать мемуары воеводы сандомирского, если его предприятие будет иметь хоть какой-нибудь успех. Замойский помнил, что Стефан Баторий, собравший в свою армию прославленную польскую кавалерию и знаменитую венгерскую пехоту, имевший столько денег, сколько ему было нужно, не смог сломить могущества Москвы. На что мог рассчитывать Лжедмитрий с горстью солдат, без денег?

Рассуждения гетмана были бы как нельзя более логичны, если бы события знали, что им нужно подчиняться логике.

П. Пирлинг, католический священник и французский историк, «ученый патер», как назвал его русский издатель, посвятил первый том монументального исследования «Россия и…» Дмитрию Самозванцу[192]. Книга Пирлинга представляет собой особый интерес, ибо автор использовал неизвестные до него источники, хранящиеся в ватиканских архивах. Предприятие Лжедмитрия — одно из наиболее документированных событий русского Средневековья: самозванец регулярно посылал письма папскому нунцию в Варшаве Рангони и Мнишеку, о деятельности «царевича» докладывали иезуиты, находившиеся при самозванце, подробные рапорты папе посылал Рангони. Все это бережно собрано в Ватикане.

Объясняя, почему ошибался гетман Замойский, П. Пирлинг пишет о «невероятной фантастичности московского похода», успех которого был результатом «фатального сцепления обстоятельств». Автор «Дмитрия Самозванца» перечисляет их перемены, происшедшие в социальном строе московского царства, тирания власти и соперничество бояр, смена династии и слухи, ходившие в народе, недавние аграрные законы, колебания старых нравов, честолюбие одних и ненависть других. Историк русско-ватиканских отношений называет главные причины смуты, ставя на первое место социальные перемены. Эта причина, особенно дорогая историкам-марксистам, несомненно очень важна. Появление Лжедмитрия на территории Московского государства вызвало восстание населения, которое во многом способствовало победе самозванца.

Социальное движение было одним из моторов государственного кризиса. Василий Ключевский заметил, что «отличительной особенностью смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лестнице чинов». Историк категоричен: на вершине лестницы стояло боярство, оно и начало смуту[193].

Появление самозванца включило в смуту тех, кто занимал нижние ступени социальной лестницы. Но победа Лжедмитрия была обеспечена не социальным движением низов, а поддержкой, оказанной ему верхами. Одна идея объединяла все слои русского общества: все единодушно не хотели царя, который занимал московский трон. У каждого из этих слоев были свои причины, все были едины в отрицании его прав. У Пушкина Дмитрий Самозванец гордо заявляет: «Тень Грозного меня усыновила...» Поэт верно назвал главное оружие Лжедмитрия: вера в то, что явился, спасенный Божьим провидением, законный царь, влекла к нему народ, сомневавшийся в законности Бориса; еще важнее было то, что «царевич» был сыном Грозного, который оставался в памяти как «добрый царь». Неотразимая логика влекла к самозванцу, только законный царь может быть добрым царем, только добрый царь может быть законным. Если для высшего боярства законность «Дмитрия» имела второстепенное значение, ибо первостепенной целью было свержение Бориса, для низов законность, легитимность «царевича» была необходимым условием его «доброты».

Вторжение «армии Мнишека» в Московское государство не было войной Польши, Речи Посполитой против Руси Предприятие самозванца поддержали король и Ватикан. Сигизмунд III, который мечтал прежде всего о возвращении отцовской шведской короны, строил фантастический план превращения Москвы, после завоевания ее «царевичем», в базу войны со Швецией. Ватикан поверил в возможность объединения церквей. Первое донесение Рангони о появлении в Польше загадочной личности, объявившей себя законным наследником московского трона, вызвало скептическую заметку папы Климента VIII на полях письма: «Еще один португальский самозванец воскрес»[194]. Он имел в виду самозванцев, объявившихся после смерти португальского короля Себастьяна Рангони послал первое письмо о самозванце в ноябре 1603 г. Но уже в мае 1604 г. Климент VIII, отвечая на письмо «Дмитрия», называет его «любезным сыном и благородным синьором».

Клаудио Рангони, епископ Реджио, приехал как папский нунций ко двору Сигизмунда III, в 1599 г. В его инструкциях имелся параграф, посвященный московским делам. Прошло 17 лет с того времени, когда Антонио Поссевино посетил Кремль и вел богословский спор с Иваном Грозным. Положение в Московском государстве изменилось, но политика Ватикана оставалась неизменной. Папскому нунцию предлагалось действовать в пользу тесного союза между Польшей и Москвой, который должен был привести к объединению церквей. Московский «царевич», явившийся в Польшу просить помощи, кажется Рангони ответом на его молитвы. Встреча в Кракове делает нунция горячим сторонником «царевича». Портрет, оставленный Рангони, свидетельствует, что молодой претендент произвел большое впечатление на ватиканского дипломата: «Дмитрий имеет вид хорошо воспитанного молодого человека; он смугл лицом, и очень большое пятно заметно у него на носу, вровень с правым глазом; его тонкие и белые руки указывают на благородство происхождения; его разговор смел; в его походке и манерах есть, действительно, нечто величественное». После беседы с «царевичем» папский нунций добавил подробности: «Дмитрию на вид около 24 лет (по словам претендента ему было 23 года, царевичу Дмитрию был бы 21 год.). Он безбород, обладает чрезвычайно живым умом, очень красноречив; у него сдержанные манеры, он склонен к изучению литературы, необыкновенно скромен и скрытен»[195].

Лестные портреты претендента и его готовность переменить веру, сопровождаемая обещаниями содействовать обращению русского народа, убедила Климента VIII. Но поддержка Ватикана носила прежде всего характер духовный. Денег, нерва войны, как выражался Наполеон, папа не присылал, их приходилось раздобывать на «освобожденной» территории. В «армию Мнишека» были направлены для обслуживания духовных нужд католических наемников военные капелланы — иезуиты. Два священника-иезуита постоянно как духовники сопровождали самозванца. Молодые, неопытные духовники, покоренные чарующими манерами претендента, заботились о его душе, писали рапорты, в которых регистрировали высказывания «царевича». Они не были в состоянии давать ему практических советов, военных или политических.

В числе тайн, окружающих восхождение Лжедмитрия, — отсутствие сведений о советниках претендента. В письмах, в донесениях отцов Николая Чиржовского и Анджея Лавицкого, в рапортах папского нунция не говорится ничего о присутствии в его окружении людей, помогавших в составлении планов, в разработке, стратегии овладения московским троном. А между тем план был. Втягивание в смуту всех слоев русского общества, о котором пишет Ключевский, происходило стихийно, по мере развития событий. План Лжедмитрия (или его таинственных советников, если они существовали) состоял в объединении против Москвы Степи. В двух письмах папскому нунцию, 14 апреля и 13 мая 1605 г., претендент рассказывает, что он направляет гонцов в бассейны рек Дона, Волги, Терека и Урала, рассчитывая поднять казаков и татар и направить их к столице государства, которым он предполагал овладеть. Окруженная Москва должна была сдаться.

В этом плане привлекают внимание два обстоятельства. П. Пирлинг, анализируя переписку Лжедмитрия, отмечает, что «царевич», чрезвычайно словоохотливый, рассказывая

о татарах и казаках, становится исключительно сдержанным, когда заходит речь о сношениях с русскими. По мнению историка, это может означать, что существовала связь между Лжедмитрием и группой бояр. Единственный документ, который подтверждает эту гипотезу — донесение грека Петра Аркудия, путешествовавшего по Польше, папе Павлу V[196].

Несравненно важнее другое обстоятельство. План Лжедмитрия, великолепно удавшийся, вовлек в орбиту московской политики Украину и ее население, прежде всего казаков. Вместе с Лжедмитрием украинцы придут в Москву, но тем самым, хотя для современников это еще не было ясно, Москва пришла на Украину. Поскольку значительная часть украинских земель входила в состав Речи Посполитой, польско-литовско-русские отношения переплелись, как никогда раньше.

1 мая 1604 г., еще будучи в Самборе, самозванец одобряет документ, в котором он титулуется: «славнейший и непобедимый Дмитрий Иванович, император Великой Руси...». Век спустя Петр I примет титул императора, включив в состав Русского государства почти все территории, которые пошли против Москвы по призыву самозванца.

1 апреля 1605 г. скоропостижно скончался царь Борис. Внезапная смерть в 53 года породила слухи об отравлении, о самоубийстве. Готовя поход, Лжедмитрии предвидел смерть царя: в письмах он высказывал лишь опасение, что она произойдет слишком быстро, до того как он приготовится. Еще до смерти Борис назначил 16-летнего сына Федора соправителем, и перемена на троне произошла без осложнений. Всеобщее недовольство Борисом распространялось и на его сына. Он оказался совершенно один, поддерживаемый только родным кланом.

Единственной надеждой Федора был популярнейший в то время русский воевода Петр Басманов, внук Алексея, одного из первых опричников, и сын Федора, любимца Ивана Грозного. Отправленный командовать армией, которая стояла под Кромами, готовясь дать решительное сражение самозванцу, Петр Басманов привел свое войско к присяге царю Федору. Текст присяги показался солдатам двусмысленным, не осуждавшим безоговорочно Лжедмитрия. Сомнения Петра Басманова носили другой характер: мать Федора, царица Мария, была дочерью Малюты Скуратова. Царь был внуком Малюты. Возможно, воевода понял, что у «царевича» больше шансов на победу, чем у царя.

Под Кромами возникает боярский заговор против Федора. Заговорщики устанавливают связь с лагерем самозванца. Единственный источник, рапорт Петра Аркудия, приводит условия, на которых заговорщики согласились признать «царевича» истинным Дмитрием, сыном Ивана Грозного: православная вера остается нерушимой; самодержавная власть сохраняется такой же, какой была при Иване IV; царь не будет жаловать боярского чина иноземцам и назначать их в Боярскую думу, но волен брать иноземцев на службу ко двору и даст им право приобретать землю и другую собственность в Русском государстве; принятые на службу иностранцы могут строить на русской земле костелы.

Если считать это соглашение подлинным (позднейшие события позволяют это делать), то следует заключить, что Лжедмитрий не настаивал (как он обещал в Самборе) на особых привилегиях для католической церкви в Москве. Это можно рассматривать как тактический ход, претендент хотел приобрести поддержку заговорщиков. Однако и позднее Дмитрий ведет себя самостоятельно, отнюдь не как кукла в руках иезуитов.

Петр Басманов перешел на сторону заговорщиков и, как рассказывает свидетель, духовник самозванца Анджей Лавицкий провозгласил «царевича» законным наследником престола и истинным потомком русских царей, а затем поцеловал крест в знак верности. Армия под Кромами развалилась, одни бежали в Москву, другие присоединились к «Дмитрию».

Есть множество определений Смутного времени. Его можно назвать также эпохой предательств. Измена присяге, крестному целованию, не говоря уже о данном слове,

становится обычным делом, хлебом насущным. Эпоха полна поразительных примеров многократных измен, перебежек из одного лагеря в другой. Это касается прежде всего лиц известных, о них пишут свидетели событий. Но легко и быстро меняет свою привязанность простои люд, совершенно потерявшийся среди претендентов, самозванцев, подлинных и лжецарей.

Петр Басманов, изменивший Федору и переметнувшийся к «Дмитрию», был наиболее благородным среди «перевертышей». Присягнув «сыну Грозного», остался ему верен и умер, защищая царя, убитый Михаилом Татищевым, которого он незадолго до переворота спас от гнева «Дмитрия». Князь Василий Голицин, один из воевод, командовавших армией под Кромами, перешел на сторону «Дмитрия» вместе с Басмановым. Посланный в Москву от имени нового царя, он присутствовал при удушении царя Федора. Предав «Дмитрия», он участвовал в заговоре, организованном Василием Шуйским. Назначенный воеводой в армию, которая была послана против второго самозванца, В. Голицин предает Шуйского и переходит на службу к полякам, с которыми затем также ссорится. Не менее красочным был список измен князя-воеводы Михаила Салтыкова. Моделью «перевертыша» был Василий Шуйский, о котором речь будет ниже.

После распада армии под Кромами, самозванец медленно движется к Москве, принимая спешащих к нему на поклон бояр, посылая в столицу послов с грамотами от имени законного наследника, призывающего свергнуть сына Годунова.

30 июня 1605 г. самозванец торжественно въехал в Москву. В октябре 1604 г. Лжедмитрий с горсткой наемников пересек границу Московского государства — менее года спустя он вступил в Кремль, сопровождаемый высшей знатью и восторженным народом. Трон был свободен. Возбужденные грамотами «царевича» и его посланниками, москвичи бросились на царский дворец, арестовали царя и его мать (потом убили), растерзали родню Годунова. Летопись отмечает, что были разбиты погреба с хмельными напитками и спокойствие в городе наступило только после того, как все были мертвецки пьяны.

Непреклонным противником Лжедмитрия был патриарх Иов, клеймивший претендента, как пособника «жидов, латинян и лютеран». В числе первых актов «Дмитрия» были лишение Иова сана и ссылка в монастырь. Во главе русской церкви новый царь поставил архиепископа рязанского грека Ипатия, первым из иерархов признавшим «Дмитрия Ивановича». До приезда на Русь в поисках счастья Ипатий был епископом эриссонским (близ Афона). Легкий, веселый, знавший Запад и гораздо более терпимый, чем Иов, новый патриарх как нельзя лучше соответствовал нраву Лжедмитрия.

18 июля в Москву прибыла царица Мария, после пострижения инокиня Марфа. Она признала в самозванце своего сына Дмитрия. Трогательная встреча на глазах народа, когда мать и сын рыдали, обнявши друг друга, рассеяли все сомнения. 30 июля патриарх Ипатий венчал царским венцом в Успенском соборе нового царя. Это был апофеоз самой удивительной в русской истории авантюры.

Правоведы и богословы могут спорить о значении миропомазания, о значении святого елея. «Дмитрий» стал царем более законным, чем Борис Годунов, ибо в представлении народа и всех собравшихся в Успенском соборе, он был наследником Ивана IV, продолжателем династии Рюриковичей. Перед лицом Бога и людей «Дмитрий» стал законным царем.

Заговор против царя Дмитрия возник еще до коронования, едва самозванец торжественно вступил в Москву. Он был быстро раскрыт и по обвинению в распространении слухов, что царь — это монах-расстрига Гришка Отрепьев, в подготовке покушения на Дмитрия и многих других преступлениях были арестованы Василий Шуйский, его братья и многочисленные сторонники. Для суда над великим боярином Шуйским и его сообщниками был созван собор, Боярская дума и представители других сословий. Обвинителем выступил сам Дмитрий, ссылавшийся на изменническую традицию Шуйских, издавна интриговавших

против московской династии. Царь напомнил, что Иван Грозный семь раз приказывал казнить Шуйских, а Федор Иванович казнил дядю Василия Шуйского. Князь Василий признался во всех преступлениях, покаялся и просил снисхождения. Приговоренный к смертной казни, он был помилован в последнюю минуту, перед плахой.

Современный биограф Григория Отрепьева высказывает сомнения относительно принятой историками версии «заговора Шуйского», аргументируя тем, что «Дмитрий», явившийся в Москву, был радостно встречен населением, находился на вершине успеха и «планировать переворот в таких условиях было безумием». Историк считает, что спешить надо было скорее новому царю, опасавшемуся Шуйских. И добавляет: «Даже если заговора не было и в помине, ему (Дмитрию) стоило выдумать таковой»[197]. Поскольку одиннадцать месяцев спустя Василий Шуйский организовал успешный заговор, несмотря на то, что популярность царя оставалась очень значительной, сомнения относительно первого заговора представляются недостаточно убедительными. Более убедительным кажется предположение тех историков, которые полагают, что княжата, высшее боярство, воспользовавшись Лжедмитрием для борьбы с Годуновыми, торопились разделаться с новым царем, пока он не укрепился на престоле.

Одиннадцать месяцев царствования Дмитрия состоят из двух частей, из планов и реальной деятельности. Из мечтаний и реальности. Своими планами и мечтами самозванец делится в письмах Рангони, в разговорах с духовником и секретарями-иезуитами, которые рассказывают о них в своих письмах и регистрируют в дневниках. 11-месячная деятельность царя Дмитрия документирована официальными актами и многочисленными свидетельствами современников русских и иностранных. В конце 1605 г. в Венеции выходит книга, скромно озаглавленная «Реляция». Автором, скрывшимся под псевдонимом Бареццо-Барецци, был иезуит Антонио Поссевино, посетивший Ивана Грозного и не оставивший мысли об обращении Руси в католическую веру. Известия о появлении «Дмитрия» вызвали его энтузиазм. Поссевино пишет письмо царю, развивает перед ним широчайшие планы союза России и Польши, разгрома протестантской Швеции, крестового похода против турок и т.д. В «Реляции» Поссевино излагает содержание писем, которые он получает из Москвы от секретарей Дмитрия, восторженно пропагандируя удивительную жизнь и фантастические планы молодого московского царя. Книга имеет большой успех, выходит на французском, немецком и латинском языках. Переводится на испанский. И, по-видимому, служит источником для Лопе де Вега, который в 1617 г. пишет пьесу «Великий герцог Московский», впервые выводя на сцену историю самозванца.

Поразительный успех «Дмитрия», удививший и тех, кто считал его самозванцем, и тех, кто верил, что он был чудом спасенный «царевич», вызвал необузданные мечтания у всех тех, кто был с ним так или иначе связан. Это касалось не только Мнишеков, новой родни царя, но также короля Сигизмунда III и Ватикан. Папа Павел V приходит к выводу, на основании донесений Рангони, что Дмитрий воплощает идеал московского царя, о каком давно мечтали в Ватикане: ревностный католик, сторонник унии, предан святому престолу и враг ислама. Павел V призывает Мнишеков, короля Сигизмунда, иезуитов оказывать всяческую поддержку царю.

Мечты польского короля подробно изложены в инструкции послам, которые должны были сопровождать Марину в Москву, и помечены 6 февраля 1606 г. Сигизмунд III планировал раздел Московского государства. Послам предлагалось получить согласие Дмитрия на присоединение к Речи Посполитой не только Северска и Смоленска, на которые король претендовал уже в 1600 г., то также Новгорода, Пскова, Вязьмы, Дорогобужа и других городов. Требования аргументировались тем, что в свое время эти земли принадлежали Литве. Кроме того, Дмитрий должен был согласиться на пропуск польских войск через русскую территорию до Финляндии и снабжение их деньгами, провиантом и амуницией, необходимых для войны со Швецией. После завоевания шведского престола могучая Польша предлагала заключить наступательный и оборонительный союз с Москвой.

Планы Сигизмунда III были персональными королевскими мечтаниями, которые не имели поддержки большинства шляхты. В апреле 1606 г. противники короля подняли бунт — рокош, считавшийся в монархической республике законной формой протеста. Рокош возглавлял Николай Збжидовский, один из покровителей самозванца в пору его пребывания в Самборе, Ходили слухи, что «рокошане», законные мятежники, вели тайные переговоры с Дмитрием и предлагали ему корону Речи Посполитой.

Источником фантастических планов, имевших целью изменить ход русской и европейской истории, были мечты, планы, обещания самозванца. В Самборе, где безумный замысел объявить себя сыном Ивана Грозного нашел первую поддержку, во время аудиенции в королевском дворце в Кракове, в разговорах с папским нунцием Рангони, Лжедмитрий обещает то, что хотят получить его собеседники: Мнишекам — неслыханные богатства, польскому королю — русские земли, римскому папе — объединение церквей, крестовый поход против ислама. Вступив в Москву, одев царскую корону, «Дмитрий» начинает маневрировать. Сигизмунд III, пишет Пирлинг, «рассчитывал на безграничную благодарность Дмитрия и настойчиво напоминал о благодеяниях, которыми он осыпал когда-то царевича... С апломбом и самонадеянностью выскочки Дмитрий забывал обещания, данные в тяжелые дни, и медлил привести их в исполнение»[198]. Уклончивость царя, забывшего обещания претендента, можно объяснять «самонадеянностью выскочки», но можно видеть в нежелании удовлетворять требования короля и Ватикана трезвый расчет политика, учитывающего изменение в соотношении сил и возможные последствия для него в случае чрезмерных уступок, не отвечающих интересам Московского государства.

Значительный интерес представляют реформаторские замыслы царя Дмитрия. О них также больше всего известно по письмам и воспоминаниям собеседников царя. Биограф Лжедмитрия признает: «Составить сколь-нибудь точное представление о его правлении весьма трудно. После его смерти власти приказали сжечь все его грамоты и прочие документы»[199]. Сохранившиеся (все документы уничтожить необычайно трудно) грамоты свидетельствуют о широких замыслах, о направлениях задуманных реформ, которые не были реализованы из-за сопротивления близкого окружения и незначительности времени, отведенного «Дмитрию». Различная, нередко взаимоисключающая оценка планов и деятельности самозванца на троне отражает взгляды историков и господствующую в данный момент моду на прошлое.

Василий Ключевский, ссылаясь на свидетельства иностранцев, приводит слова Петра Басманова: царь — не сын Ивана Грозного, но его признают царем потому, что присягали ему, и потому еще, что лучшего царя теперь нет[200]. Можно думать, что Петр Басманов верил в то, что говорил, ибо умер, защищая «Дмитрия». Современный историк, цитируя тот же источник, что и Ключевский[201], обрывает его посредине: «Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он нам государь...». Аргумент «лучшего царя теперь нет» может вызывать споры, хотя, несомненно, Петр Басманов хорошо знал претендентов на московский трон. Слова и дела «Дмитрия» свидетельствуют, что он был царем, непохожим на своих предшественников[202].

Многие современники передают его взгляды на власть: у меня два способа удержать царство: один способ — быть тираном, а другой — всех жаловать; лучше жаловать, а не тиранить. А.Н. Островский (1823—1886) в пьесе «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» представляет новизну политической концепции «Дмитрия» в диалоге царя и Басманова. Воевода излагает традиционную точку зрения: «Привыкли мы царевы грозны очи, Как божие всевидящее око, Над головой своей поклонной видеть И выполнять лишь грозные приказы, Грозящие неумолимой карой. Ты милостью себя навек прославишь, Но без грозы ты царством не управишь». Дмитрий отвечает: «Не диво мне такие речи править! Вы знаете одно лишь средство — страх! Везде, во всем вы властвуете страхом; Вы жен своих любить вас приучали Побоями и страхом; ваши дети От страха глаз поднять на вас не смеют; От страха пахарь пашет ваше поле; Идет от страха воин на войну; Ведет его под страхом

воевода; Со страхом ваш посол посольство правит; От страха вы молчите в думе царской! Отцы мои и деды, государи, В орде татарской, за широкой Волгой, По ханским ставкам страха набирались, И страхом править у татар учились. Другое средство лучше и надежней — щедротами и милостью царить».

Сценическая карьера этой пьесы самого популярного русского драматурга XIX в. была очень коротка. В советское время она не ставилась никогда. Желание отказаться от страха как инструмента власти не вызывало всеобщего одобрения. Многие другие идеи Лжедмитрия казались неожиданными, чужими, еретическими. В одном он твердо следовал московской традиции: он твердо верил в необходимость широчайшей самодержавной власти. Титул императора, на котором он настаивал, не боясь риска поссориться с польским королем, был для «Дмитрия» важным атрибутом самодержавного русского царя.

Вступив на трон, Лжедмитрий планирует и действует лихорадочно, как если бы понимал, что времени у него мало. Некоторые историки обвиняют царя в том, что он сделал слишком мало, признавая в то же время, что сопротивление реформам было огромное. Сопротивлялось боярство, недовольное тем, что «Дмитрий» приблизил к себе худородных «родственников» Нагих, тем, что «добрый царь» стремился облегчить положение холопов, запретил помещикам требовать возвращения крестьян, бежавших в голодные годы. Всем служилым людям было удвоено жалование и строго-настрого запрещено брать взятки. За этим должны были следить специально назначенные контролеры.

По приказу царя началась работа по созданию единого кодекса законов — дьяки составили Сводный судебник, в основу которого был положен Судебник Ивана IV, включивший закон о праве крестьян уходить от помещика в Юрьев день. Возможно, Лжедмитрий думал о его восстановлении. Государственный совет, Боярская дума, получает новое название: Сенат. Он состоит, как и Дума, из четырех разрядов: первый — духовенство — патриарх, четыре митрополита, шесть архиепископов и два епископа, второй разряд — 32 боярина, принадлежавших к знатнейшим фамилиям, третий разряд составили 17 окольничьих, а четвертый

— 6 дворян. Реформа состояла, во-первых, во включении во второй разряд и опальных Годунова (княжат), и любимцев нового царя (в том числе Нагих); во-вторых, в изменении названия. Отброшенное после смерти «Дмитрия», оно будет возвращено в государственную номенклатуру Петром I.

Самозванец, хорошо знавший монастырскую жизнь, питал к монастырям, монахам, монашеской жизни глубокую неприязнь. На пути к Москве он много говорил о планах преобразования монастырей. Вступив на трон, он не рискнул коснуться основ монастырской системы, не решился пойти по стопам «предков» — Ивана III, Ивана IV, конфисковавших монастырские земли и имущество. Но это не смягчило острой враждебности православного духовенства, если не считать патриарха Игнатия, к царю. Монастыри обижались на необходимость платить «Дмитрию» сравнительно небольшие суммы денег на дворцовые нужды, обвиняли его в отступничестве от православия, в его веротерпимости

Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицин, активный участник событий Смуты, много раз менявший покровителей и стороны, оставил один из важнейших источников по истории своего времени, очень популярное «Сказание». Автор «Сказания», который не называет царя Дмитрия иначе как «расстрига Григорий» (воспоминания писались после 1613 г.), перечисляет множество грехов и преступлений самозванца, в том числе разрешение «всем жидам и еретикам невозбранно ходити во святые божиа церкви»[203]. Для Авраамия Палицина появление «расстриги» — одно из звеньев цепи, которую со времен святого Владимира, крестившего Русскую землю, плел «змии всепагубный, возгнездившийся в костеле Италийском», иначе говоря Ватикан. Автор «Сказания» напоминает историю попыток католической церкви «прельстить» Русь: Александр Невский, которого искушали католики, потом митрополит Исидор, «проклятый», подписавший Флорентийскую унию, «Антон Посевус» (Антонио Поссевино), соблазнявший Ивана Грозного[204]. А потом

очередная попытка: расстрига, которого, по убеждению Палицина, привели к власти «злые враги — казаки и холопы».

Легко понять ожесточение Авраамия Палицина, свидетеля нарушения всех традиций православной церкви и московских обычаев царем и окружавших его чужеземцев. «Дмитрий», тайно перешедший в католицизм, не был противником православия Он, например, послал деньги Львовскому братству, оплоту православия в Речи Посполитой. Совершенно индифферентный к спорам христиан, державший при себе духовников-иезуитов, секретарей-протестантов братьев Бучинских, ходивший в православную церковь, Лжедмитрий искал себе всюду союзников.

Вступление Дмитрия на престол вызвало заметное оживление торговой деятельности в России. Купцы приезжают из Польши, из Германии, появляется несколько итальянских купцов Особый интерес проявляют англичане, хорошо знающие Московию со времен Ивана Грозного. Николай Костомаров, очень хорошо относящийся к Лжедмитрию, пишет. «Всем было предоставлено свободно заниматься промыслами и торговлей, всякие стеснения к выезду из государства, к въезду в государство, переездам внутри государства уничтожены. «Я не хочу никого стеснять, — говорил Дмитрии, — пусть мои владения будут во всем свободны. Я обогащу свободной торговлей свое государство. Пусть везде разнесется добрая слава о моем царствовании и моем государстве»[205]. Англичане, посещавшие царство Дмитрия, отмечали, что он сделал свое государство свободным.

Николай Костомаров несколько преувеличивает «свободы», состояние государства не позволяло без стеснения разъезжать по своим надобностям. Бесспорно, как свидетельствуют даже противники «Дмитрия», он планировал введение свободной торговли, свободного въезда в страну и выезда. Мечтал он также о поощрении образования. В письмах он составлял планы: «Как только с Божьей помощью стану царем, сейчас заведу школы, чтобы у меня во всем государстве выучились читать и писать; заложу университет в Москве, стану посылать русских в чужие края, а к себе буду приглашать умных и знающих иностранцев»[206].

Удивительная история самозванца, ставшего царем, ставит вопрос, на который можно дать только предположительный ответ: верил Григорий Отрепьев в то, что он — чудом спасшийся сын Ивана Грозного, или только притворялся, что верит? Играл ли он роль, сознавая, что играет, либо маска так приросла к лицу, что он сам поверил в свое царское происхождение? Поведение Лжедмитрия может служить косвенным доказательством его безграничной веры в себя, в свое право сидеть на московском троне, в свою судьбу. Крупнейший знаток Смуты С.Ф. Платонов оспаривает «тенденцию некоторых историков представлять самозванца человеком выдающегося ума и ловкости»[207]. Главный упрек историка — обилие иностранцев вокруг царя, что раздражало москвичей. Напротив, Василий Ключевский говорит о Лжедмитрии: «Богато одаренный, с бойким умом, легко разрешавший в Боярской думе самые трудные вопросы...»[208]. Царь Дмитрий вел себя так, как если бы ни малейшее сомнение никогда не коснулось его. Он нарушал традиции московских государей, вел себя так, как ему хотелось, как было естественно для него. В пьесе А.Н. Островского Василий Шуйский говорит о поведении, недостойном царя: «Москва привыкла видеть, Как царь ее великий, православный, На высоте своей, недостижимой, Одной святыне молится с народом, Уставы церкви строгие блюдет, По праздникам духовно веселится, А в дни поста, в смиренном одеяньи, С народом вместе каяться идет».

Царя упрекали в том, что он не спит после обеда, не ходит в баню, ест телятину, которую русские не ели. С удивлением смотрели, как он, спускаясь с «недостижимой высоты», являлся на пушечный двор, где делали новые пушки, мортиры, сам работал вместе с другими. Не перестававший думать о военных походах, царь очень интересовался войском, устраивал потешные военные игры, маневры, в которых участвовал лично.

Планы и деятельность «Дмитрия», его поведение, нарушавшее чопорные нравы московского двора, не могут не напомнить другого русского царя — Петра I, правившего

столетие спустя. Петр I добился международного признания своего императорского титула и стал первым официальным русским императором, но Лжедмитрий за сто лет до него потребовал для русского царя это звание. Самозванец на троне и законный русский царь проявляли одинаковый страстный интерес к Западу, побывали там, окружали себя чужеземцами, хотели просвещать народ, поощряли торговлю, заботились об армии, вели себя не так, как полагалось русским царям.

Несомненно, то, что у Лжедмитрия было лишь эскизом, неясным проявлением туманных идей и неосознанных чувств, было у Петра великой политикой. Но принимая во внимание, что Лжедмитрий оставался на троне менее года, а Петр правил четыре десятилетия, можно сказать, что история провела в образе Лжедмитрия репетицию, прежде чем вывела на сцену Петра Великого. Григорий Отрепьев был самозванцем, завоевавшим трон, Петр I был законным третьим царем из династии Романовых, но в народе Петра считали самозванцем, настолько его поведение и деятельность выпадали из нормы «великого православного царя».

Деятельность царя Дмитрия вызывала недовольство среди высшего боярства, в некоторых церковных кругах. Народ, т.е. жители Москвы, которых многое в поведении и окружении царя раздражало, сохранял веру в него. Но объективная реальность царской политики имела значительно меньшее значение, чем страсть к власти, обуревавшая вечного претендента Василия Шуйского. Он упорно и неутомимо плел сеть заговора. В начале 1606 г. заговорщики В. Шуйский, В. Голицын передали Сигизмунду III, что в Москве хотят призвать на трон сына польского короля Владислава. Проект действительно существовал, но обращение к Сигизмунду имело целью выяснить отношение короля к планам свержения Лжедмитрия, которого заговорщики считали польским ставленником. Документов, свидетельствующих о помощи Сигизмунда III заговорщикам, не найдено. Известно, однако, что король был недоволен поведением Лжедмитрия, отказавшегося удовлетворить требования короля. Кроме того, Варшава была полна слухов о подготовке московским царем похода на Польшу для захвата трона. До короля дошли сведения о том, что «Дмитрий» поддерживает связи с Николаем Збжидовским и другими противниками Сигизмунда III.

Представление о существовании серьезной «московской угрозы» выражено современным польским историком зловещей фразой: «Хмурой весной 1606 г. судьба улыбнулась нам криво и жестоко»[209]. Иначе говоря, убийство «Дмитрия» спасло Польшу от московского нашествия.

Финал начался въездом в Москву свадебного кортежа. 24 апреля невеста, окруженная многочисленной свитой, явилась к жениху, долго ждавшему ее. Не соглашающиеся ни в чем, историки спорят также о женских достоинствах Марины. Галантный Проспер Мериме пишет, что дочь Юрия Мнишека «выделялась своей грацией и красотой среди женщин своей страны»[210]. Для доказательства своего тезиса знаменитый французский писатель цитирует величайшего русского поэта Александра Пушкина, написавшего однажды: «Нет на свете царицы краше польской девицы»[211]. Современный русский историк, отметая поэтическое красноречие, жестоко констатирует: «Марина Мнишек не обладала ни красотой, ни женским обаянием. Живописцы, щедро оплаченные самборскими владельцами, немало постарались над тем, чтобы приукрасить ее внешность. Но и на парадном портрете лицо будущей царицы выглядело не слишком привлекательным ... тщедушное тело и маленький рост очень мало отвечали тогдашним представлениям о красоте»[212]. Историку следовало бы добавить: русским представлениям о красоте, ибо польские и иностранные современники видели московскую — на очень короткий срок — царицу иначе.

Москву поразил не внешний облик царской невесты, но ее многочисленный, броско вооруженный кортеж. Большинство историков пишет о неприятном впечатлении настоящей чужеземной оккупации, которую производила орда иностранцев, к тому же ведущих себя как солдаты в завоеванном городе.

Свидетельства современников о пьяных жолнежах, пристававших к женщинам, разбивавших лавки, единодушны. Они расходятся, когда встает вопрос: кем же были чужеземцы? Одни пишут: поляки, другие, согласные с первыми, предпочитают говорить «ляхи», третьи называют гостей царя — «Литва». Николай Костомаров, который в 40-е годы XIX в. был членом тайного украинского Кирилло-Мефодиевского общества, за что подвергался репрессиям, пишет: «...Большая часть этих пришельцев только считались поляками, а были русские, даже православные, потому, что в то время в южных провинциях Польши не только шляхта и простолюдины, но и многие знатные паны еще не отошли от предковской веры».

Несколько модернизируя терминологию, можно сказать, что вместе с Лжедмитрием, а потом в свадебном кортеже, в Москву пришли украинцы, т.е. жители окраинных провинций Речи Посполитой и Московского государства, в своем большинстве православные. Но, как замечает Н. Костомаров, «московские люди с трудом могли признать в приезжих единоверцев и русских по разности обычаев, входивших по московским понятиям в область религии. Притом же все гости говорили или по-польски, или по-малорусски»[213].

8 мая 1606 г. состоялось бракосочетание «Дмитрия» с Мариной, и подготовка к перевороту вошла в заключительную стадию. В народе активно распространялись слухи, что царь — поганый, некрещеный, потакает чужеземцам, но популярность Лжедмитрия продолжала оставаться очень высокой. Поэтому толпе, которую Василий Шуйский бросил в ночь с 16 на 17 мая на Кремль, предварительно открыв ворота тюрем, объяснили: поляки царя убивают! Лжедмитрия многократно предупреждали о готовящемся заговоре, но, как всегда в подобных случаях, жертва не верит в опасность. Мнишеку, предлагавшему принять меры безопасности, царь ответил: «Я знаю, где царствую; у меня нет врагов; я же владычествую над жизнью и смертью»[214]. Убеждение в неприкосновенности русского самодержца оставалась у Лжедмитрия до конца его жизни.

«Император Дмитрий Иванович, ничего не подозревавший, был зверски убит в шесть утра», — с военной лаконичностью пишет капитан Маржерет. Свое отсутствие на посту командира дворцовой охраны он объясняет болезнью. Ходили слухи, что он отвел охрану по сговору с заговорщиками. По другим слухам, значительно более правдоподобным, Василий Шуйский именем царя значительно сократил охрану. После победы заговорщиков и коронования Василия Шуйского Жак Маржерет отказался служить новому царю и уехал в родную Бургундию.

Победители надругались над телом законного царя. Труп был разрезан на части, сожжен, пеплом выстрелили из пушки. Даже память о самозванце должна была исчезнуть. Во время погрома «латинян» было много жертв с обеих сторон, ибо вооруженные гости Лжедмитрия сопротивлялись. Маржерет пишет, что было убито 1705 поляков. По другим сведениям, число жертв составило примерно 500 человек. Погибло около трехсот москвичей Заговорщики, не желая портить отношений с Речью Посполитой, поставили охрану вокруг дома, где находились послы Сигизмунда III. Как и другие спасшиеся поляки, в том числе Марина и ее отец, послы были отправлены в ссылку, где пробыли более двух лет.

После убийства царя победившие заговорщики заседали три дня, решая, кому достанется московский трон. Представитель старейшего рода Рюриковичей князь Федор Мстиславский, не участвовавший в заговоре, отказался от короны в пользу Василия Шуйского, второго по старшинству линии Рюриковичей. На трон претендовал также князь Василий Голицын, лично присутствовавший при убийстве двух царей, Федора Борисовича и Лжедмитрия, в числе кандидатов были Романовы. Трон достался Василию Шуйскому.

Цари и самозванцы

На куски разрезали, сожгли,
Пепл собрали, пушку зарядили,
С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.
Тут меня тогда же стало много...
Максимилиан Волошин

Блистательный портрет Василия Шуйского, сделанный В. Ключевским, не нуждается ни в дополнениях, ни в комментариях: «Это был пожилой, 54-летний боярин, небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, чем умный, донельзя изолгавшийся и изинтриганившийся, прошедший огонь и воду, видавший и плаху и не попробовавший ее только по милости самозванца, против которого он исподтишка действовал, большой охотник до наушников и сильно побаивавшийся колдунов»[215].

После смерти Федора Ивановича прошло 8 лет, а на московский трон взошел третий царь. Невиданная в московской истории быстрота ротации государей была очевидным симптомом тяжелого государственного кризиса. «Дмитрий» не нуждался для коронации в избрании, как это было с Борисом, он занял трон как законный наследник, как сын Ивана IV. Василия Шуйского полагалось выбрать царем Земским собором. Но заговорщики торопились. По описаниям летописцев, Василия привезли из Кремля на Красную площадь и на Лобном месте «выкрикнули» царем. Даже в Москве не все знали о появлении нового государя. Другие города и провинции, получив грамоты, объявившие о московском выборе и его причинах, в большинстве случаев признать Василия отказывались.

Царь Василий объяснял, что царь Дмитрий оказался самозванцем Гришкой Отрепьевым, который хотел уничтожить православие и отдать русские земли полякам, а потому был свергнут и убит, а он, Василий, занимает трон по праву наследства, как представитель старшей линии Рюриковичей и по выбору всех людей Московского государства. Первый акт нового царя — торжественная клятва, целование креста на том, что он не будет употреблять во зло полученную им власть — не произвел особого впечатления на современников, но вызвал горячие споры историков.

Для В. Ключевского очевидно. «Воцарение князя Василия составило Эпоху в нашей политической истории. Вступая на престол, он ограничил свою власть и условия этого ограничения официально изложил в разосланной по областям записи, на которой он целовал крест при воцарении». Историк признает, что «подкрестная запись» слишком сжата, неотчетлива, производит впечатление чернового наброска. Главное ее содержание. клятвенное обязательство судить «истинным праведным судом», по закону, а не по усмотрению.

С. Платонов отказывается видеть в обещании Василия умаления царской власти, указывая, что «новый царь прямо заявил, что будет «держать государство» так же, как прежние великие государи. Он только обещал не злоупотреблять самодержавной властью, как злоупотребляли ею его ближайшие предшественники, Грозный и Борис»[217]. Для Н. Карамзина, писавшего свою историю государства Российского почти за век до Платонова и Ключевского, сомнений не было: «Отрасль древних князей суздальских, угодник царя Бориса, осужденный на казнь и помилованный Лжедмитрием, свергнув неосторожного самозванца, в награду за то принял окровавленный его скипетр от Думы Боярской и

торжественно изменил самодержавию, присягнул без ее согласия не казнить никого, не отнимать имений и не объявлять войны»[218].

Для Карамзина не было никаких сомнений: Василий изменил самодержавию, обещая ограничить свою власть в пользу бояр, «многоглавой гидры аристократии», как он выражался. Не имело значения, что обещание было формальным жестом, что «крестное целование» не мешало Василию Шуйскому своевольничать, важно было посягательство на идею самодержавной божественной власти. Николай Карамзин, несомненно, прав: царь Василий был изменником, но эта измена явилась результатом ослабления государства, потерявшего опору — самодержавную царскую власть: фундамент Московского государства, который строился на протяжении всего XVI в., зашатался под ногами. «Крестное целование» Василия Шуйского было результатом и одновременно причиной подземных толчков.

Избрание Василия открывает семилетний период, в который Смута достигнет своей высшей точки. Московское государство распадется, а потом начнет восстанавливаться, открыв в себе неожиданные и могучие жизненные силы. Авраамий Палицин, современник событий, кратко и выразительно резюмирует положение после восшествия на трон царя Василия: «И устройся Росиа вся в двоемыслие: ови убо любяще его, ови же ненавидяще»[219]. Проблема нового царя состояла в том, что любили его очень немногие, а ненавидели очень многие. Любила его первоначально Москва, чернь, которая участвовала в свержении Лжедмитрия, погроме и грабеже «поляков». Московская «площадь», по выражению современника, готова была еженедельно менять государя в надежде на грабеж.

Активно не любила нового царя провинция, «все украины», как выражались в то время, т.е. все окраины. Перестают подчиняться Москве города, граничащие с Речью Посполитой, а потом все Поле, за ним Тула, Рязань и окружающие их земли, отпадают области, лежащие к востоку от Рязани, за Волгой, Камой, поднимает мятеж Астрахань. Патриарх Гермоген увещевал русский народ принять присягу Василию, излагая в рассылаемых грамотах диалог: русские люди считают, что «князя-де Василия Шуйского одною Москвой выбрали на царство, а другие-де города того не ведают, и князь Василий-де Шуйский нам на царство не люб»; на это Гермоген: «Дотоле Москве ни Новгород, ни Казань, ни Астрахань, ни Псков и ни которые города не указывали, а указывала Москва всем городам».

Провинция поднимается против Москвы, окраина против центра. Слабость центральной власти, отказ в легитимности новому царю поворачивает вспять длившийся веками процесс собирания государства вокруг Москвы. Недовольство царем рождает парадоксальную реакцию: ищут и легко находят самозванца. «Самозванство, — замечает В. Ключевский, — становилось стереотипной формой русского политического мышления, в которую отливалось всякое общественное недовольство»[220].

Современники Смуты отчетливо это понимали. Василий Шуйский прежде всего, через три недели после восшествия на престол, организует перенос тела царевича Дмитрия из Углича в Москву. Он желает подтвердить факт убийства царевича, а тем самым самозванства Гришки Отрепьева, и предотвратить как бы предчувствие, что может случиться возрождение «Дмитрия». Убийство, четвертование, сожжение, стрельба пеплом на все стороны света кажется недостаточным. Перечислив многообразные формы истребления тела самозванца, поэт Максимилиан Волошин говорит от имени Деметриуса императора: «Тут меня тогда уж стало много...»

Самозванцы рождаются, как грибы после дождя. Ни одна страна не знала такого числа самозванцев, как Россия. «С легкой руки первого Лжедмитрия самозванство стало хронической болезнью государства: с тех пор чуть не до конца XVIII в. редкое царствование проходило без самозванства»[221]. Исследователь социально-утопических легенд К. Чистов видит в самозванстве воплощение русской народной легенды о «возвращающихся избавителях»[222].

Историки насчитали только в Смутное время 12 различных самозванцев. Необходимость в них была так велика, что они возникают, обходясь без всякого правдоподобного объяснения.

Капитан Маржерет первым отметил появление среди волжских казаков «юного принца именем царь Петр», который, якобы, был истинным сыном царя Федора Ивановича и Ирины Годуновой. У Федора не было сына, у них родилась дочь, вскоре умершая. Легенда объясняла появление сына тем, что его младенцем подменили дочерью. Каждый казачий отряд хочет иметь своего «царевича», появляются «Август князь Иван», Лаврентий, Федор и т.д.

Главным самозванцем, нетерпеливо ожидаемым, остается «царь Дмитрий». Его свержение, воспринятое в народе как боярская измена, способствует растущей популярности имени. Вскоре после убийства царя «Дмитрия» распространяется слух о его спасении. Важную роль здесь играет Марина Мнишек. Обобранная дочиста, но оставшаяся живой, московская царица начинает действовать. Итальянец Александр Чикки в «Истории Московской», которая вышла в Пистойе в 1627 г., т.е. вскоре после событий, рассказывает: «Когда императрица заметила, что волнение немного утихло и иные даже повиновались ей, то немедленно распустила молву, что на площадь вынесено убийцами не тело ее мужа, а человека, на него похожего, он же был предуведомлен о намерении врагов своих, успел бежать ночью, через потаенную калитку»[223].

Первый год после избрания Василия может быть назван временем самозванства без самозванца. Провинция, не желающая признавать нового царя, поднимает восстание и ищет «Дмитрия». Центром антимосковского движения становится Путивль, который три года назад был главной квартирой первого Лжедмитрия. Князь Григорий Шаховской, воевода, присланный Василием, становится во главе мятежников. К нему приезжает с письмом от «царя Дмитрия» Иван Болотников — одна из наиболее красочных фигур эпохи. Дворянский сын, он попадает в кабалу к боярину Андрею Телятевскому, бежит к казакам, взятый в плен турками, служит гребцом, прикованный к скамье на галере, освобожденный немецким кораблем, напавшим в море на турок, появляется в Венеции, откуда через Венгрию и Германию перебирается в Польшу, где встречает соратника Лжедмитрия, спасшегося бегством из Москвы. Он представляется Болотникову «царем Дмитрием» и посылает его к Шаховскому.

Иван Болотников, проявивший недюжинные военные таланты, становится во главе непрерывно растущего войска, которое видит в нем воеводу царя Дмитрия. Советские историки представляли Болотникова вождем «крестьянского движения», а затем, повысив в звании, «крестьянской войны», в некотором роде предшественником Октябрьской революции. Такой взгляд легко понять, учитывая, что Сталин, подчеркнув, что «мы, большевики, всегда интересовались такими личностями, как Болотников, Разин, Пугачев и др.», говорил о «стихийном восстании крестьянства против феодального гнета». Исследователи, не связанные обязательными предписаниями, отмечают, что в движении Болотникова участвовало очень мало крестьян, основную массу составляли казаки (терские, яицкие, донские), жители городов юго-западной и центральной России, среднее и мелкое дворянство Рязани (руководитель — Прокопий Ляпунов), Тулы (руководитель Истома Пашков), дезертиры, перебежавшие из войск, брошенных против Болотникова. Авраамий Палицин говорит о присутствии среди «воров» крымских и ногайских татар.

Вхождение поочередно всех слоев русского общества в смуту завершилось войной Болотникова. К нему присоединились средние и низшие классы. Каждый из них преследует собственные интересы. Подлинных воззваний Ивана Болотникова не сохранилось, но, по откликам на них московских властей, совершенно очевидна крайняя радикальность части восставших, низших слоев. Советский историк цитирует летописца: «И в тех украинных, в польских и северских городах тамошние люди по вражию навождению бояр и воевод и всяких людей побивали всякими смертми, бросали с башен, а иных за ноги вешали и к

городовым стенам распинали и многими различными смертьми казнили, и прожиточных (богатых) людей грабили: а ково побивали и грабили, и тех называли изменники, а оне буто стоят за царя Дмитрия»[224]. Советский историк опускает упомянутые летописцем массовые насилия боярских жен и детей, но сообщает, что во многих случаях расправами руководил лично сам Болотников.

Лозунг Болотникова, который триста лет спустя возродился в ленинской формуле «грабь награбленное», был важным движущим стимулом движения, но его идеологией оставалась вера в то, что грабят и убивают врагов законного царя-освободителя Дмитрия.

Повторяется удивительная эпопея Лжедмитрия: двигаясь по маршруту первого самозванца, войско Болотникова, отправившись в поход летом 1606 г., в октябре было уже под Москвой. Одновременно к столице подошла «дворянская» армия И. Пашкова и П. Ляпунова. Но число дворян было невелико, основу повстанческого войска, разбившего регулярные правительственные полки, составляли казаки, посадские люди, крестьяне, холопы. Альянс между Болотниковым и «попутчиками»-дворянами продержался недолго. Дворяне пришли под Москву, чтобы сбросить боярского царя Василия и посадить на трон своего — Дмитрия. Болотников слал москвичам призывы расправиться с боярами, грабить и жечь имущих. «Совместные действия этих двух общественных групп являлись простым недоразумением», — пишет С. Платонов. Разрыв был неизбежен и потому, что в лагере Болотникова не было «царя Дмитрия»: приехали с ним встретиться представители москвичей и вернулись очень огорченные, не нашли его и дворяне, присоединившиеся к «большому воеводе» Дмитрия.

Сначала от Болотникова уходят рязанцы Ляпунова, потом во время боя с царскими войсками повстанцев бросают другие дворянские отряды. Болотников отступает от Москвы сначала к Калуге, потом к Туле. Только в октябре 1607 г. царские войска смогли после долгой осады овладеть Тулой: расправа с восставшими была безжалостно-жестокой. В числе многих пленных был казнен и «царь Петр», сопровождавший Болотникова. Вождь восстания был увезен в Каргополь, ослеплен и утоплен.

Разгром армии Болотникова ненадолго облегчил положение Василия: ему по-прежнему отказывались присягать на значительной территории государства. Там ждали самозванца, и Он явился.

В. Ключевский, самый остроумный из русских историков, назвал Самбор, имение Мнишеков, «мастерской самозванцев». Туда обращаются с просьбой найти нужного человека, Юрий Мнишек и Марина оставались в московской ссылке, но жена Юрия приняла активное участие в поисках. Летом 1607 г. «Дмитрий» был найден. Личность Лжедмитрия II еще более загадочна, чем Лжедмитрий I. Историки не интересовались им, возможно и потому, что Филарет, отец будущего царя Михаила, признал его. Различные документы и различные авторы называют различные имена — от местного жителя Матвея Веревкина до сына Андрея Курбского, в свое время примкнувшего к Лжедмитрию I. Р.Г. Скрынников в новейших исследованиях пришел к выводу, что Лжедмитрий II был школьным учителем из Шклова, перешедшим в православие, но хранившим в своих бумагах талмуд, еврей, по имени Богданко.

Личность нового претендента остается неизвестной еще и потому, что от него требовалось только одеть на себя ждавший его костюм существовавшей легенды. Достаточно было назваться чудесно спасшимся царем Дмитрием, и к нему в Стародуб (Северская земля) потянулись тысячи: окрестные жители, донские казаки атамана Ивана Заруцкого, поляки. В Польше недовольные королем шляхтичи подняли мятеж, начался новый рокош. 24 июня 1607 г. предводитель мятежников объявил короля свергнутым и провозгласил «бескоролевье». Сторонники короля разбили мятежников, состоялось примирение, а безработные солдаты обеих сторон потянулись к Лжедмитрию, обещавшему добычу и славу. Одним из первых явился литовский шляхтич Александр Юзеф Лисовский, сформировавший кавалерийский отряд, ушедший в далекий рейд собирать остатки разбитой

армии Болотникова. Он привел к Лжедмитрию II около 30 тыс. «русских и украинских людей».

Весной 1608 г. армия Лжедмитрия II двинулась в поход, имея целью Москву. Встречая редкое сопротивление московских войск, «царь Дмитрий» остановился в нескольких верстах от столицы, в селе Тушино. Первого самозванца называли «расстрига» Гришка Отрепьев, второго, не зная и, как бы, не желая знать имени, называли только Вор. В русском языке того времени это означало — мошенник, обманщик, но также — изменник, разбойник. По месту штаб-квартиры, в которой он обосновался, Лжедмитрий II вошел в русскую историю под именем Тушинского вора.

В Тушино шли новые сторонники «законного царя», в том числе много поляков, сильные отряды привели брат литовского канцлера Льва Сапеги князь Ян-Петр Сапега, князь Роман Рожинский. Василий Шуйский подписывает с польским королем мир на четыре года (точнее, на три года и одиннадцать месяцев), в котором обе стороны обещали не вмешиваться во внутренние дела другой стороны, а Сизигзмунд даже обещал отозвать из Московского государства всех подданных Речи Посполитой, Москва отпускала всех пленных, захваченных после свержения «Дмитрия». Освобождена была и Марина Мнишек. По дороге домой она была перехвачена отрядом, посланным «мужем». Некоторые историки подозревают, что царица не торопилась возвращаться в Самбор. Привезенная в Тушино, Марина, как передают очевидцы, после некоторого колебания, «узнала» супруга. Это сильно увеличило его авторитет: исчезли последние сомнения в подлинности «царя».

Не имея возможностей для регулярной осады Москвы, «тушинцы» старались перекрыть все дороги, ведущие в столицу. Это не удавалось. В сентябре 1609 г. «литовский гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовский с польскими и с литовскими людьми и с русскими изменниками»[225] осадили Троице-Сергиев монастырь. Основанный в XIV в. Сергием Радонежским, в начале XVII в. монастырь был одним из крупнейших и влиятельнейших в стране, но, кроме того, он был первоклассной крепостью, защищавшей Москву с севера, путь, который вел к северным городам — Ростову, Ярославлю и далее на север, в Сибирь. Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицин оставил «Сказание», книгу воспоминаний о Смуте, в которой описание осады занимает центральное место. Все попытки захватить монастырь и перерезать северную дорогу были тщетны: гарнизон, поддержанный монахами, защищался до января 1610 г., когда пришли подкрепления и осада была снята.

«Вор» не мог взять Москву, царь не мог разбить «вора» и хотя бы отогнать от столицы. Государство развалилось на сторонников «царя Дмитрия» и сторонников царя Василия. Юг, воспринявший свержение «Дмитрия» как свое поражение, шел за вторым самозванцем, север предпочитает московского царя. Убедившись в своей слабости, Василий обращается за помощью к иностранцам. Он посылает своего племянника 24-летнего князя Михаила Скопин-Шуйского, успевшего проявить незаурядный военный талант, на север «нанимати немецких людей на помочь». Князь Скопин-Шуйский подписывает 29 февраля 1609 г. договор со Швецией. За помощь солдатами Москва уступала своему традиционному противнику Ижорскую землю (Ивангород, Ям, Копорье, Корелу, которые были отвоеваны в царствование Федора Ивановича), Шуйский отказывался от русских притязаний на Ливонию и обязался вести войну с Польшей. В августе сравнительно небольшая армия князя Скопина-Шуйского, поддержанная закованными в броню 15 тысячами шведских наемников, которыми командовали генералы Делагарди и Горн, появилась возле Москвы. «Шведская интервенция», как называли советские историки боевые действия наемников, позволила одержать ряд побед над «ворами», которые, однако, держались в Тушино.

Договор со шведами был воспринят Сигизмундом III как нарушение только что подписанного Москвой договора с Речью Посполитой и как долгожданный предлог начать войну. В октябре 1609 г. польские войска осадили Смоленск, защищаемый могучими стенами, сооруженными при Борисе Годунове, и гарнизоном под командованием воеводы

Михаила Шеина. Главной целью короля было распространение католицизма на востоке. Папа Павел V благословил предприятие и прислал «рыцарю церкви» меч и шляпу, со своей стороны Сигизмунд III просил Ватикан ускорить канонизацию Игнация Лойолы, основателя ордена иезуитов, который был выбран патроном похода на Москву.

Тушино превратилось во вторую столицу — при Лжедмитрии II собрался двор, состоявший из родовитых и менее родовитых бояр, из дворян. Первое место принадлежало митрополиту Филарету (в миру Федору Романову). Современники считали по-разному: одни думали, что Филарет — пленник «Вора», другие имели основание считать, что он находится там добровольно. Митрополитом Филарета поставил Лжедмитрии I. Тушинский «Вор» признал его патриархом, несмотря на то, что в Москве имелся патриарх Гермоген. В государстве стало два царя: один в Кремле, другой — в Тушино, и два патриарха, две боярские Думы, две администрации. Катастрофа была не только политической, но и моральной: появились слова «перелеты», «перевертыши», обозначавшие тех, кто легко и без угрызения совести переходил из одного лагеря в другой и обратно. Легкость измены и ее безнаказанность поощряли других. Московские купцы везли в тушинский лагерь продовольствие и даже порох, необходимый для обстрела города.

10 марта 1610 г. князь Скопин-Шуйский разрывает кольцо осады и входит в Москву. Самозванец бежит в Калугу: смятение в тушинском лагере превращается в схватку между поляками и казаками. Казаки следуют за Лжедмитрием, который находит в Калуге поддержку «холопов боярских»[226]. Неожиданная смерть 24-летнего князя Скопина-Шуйского, по слухам, отравленного царем Василием, увидевшим в молодом воеводе соперника, была последним ударом по остаткам царского авторитета.

Правящий класс Московского государства оказался перед лицом трех возможностей: царь Василий, Самозванец, польский король. Противники Василия, составившие двор в Тушино, не удовлетворенные самозванцем, зависимым от командиров польских отрядов, ищут соглашения с Сигизмундом III. Мысль о польском королевиче на русском троне возникла еще в эпоху первого самозванца, в начале 1610 г. она принимает реальную форму. После недолгих переговоров в королевском лагере под Смоленском представители «тушинцев» подписывают 4 февраля 1610 г. договор о признании русским царем сына Сигизмунда Владислава. Русской делегацией руководил князь-воевода Михаил Салтыков, биография которого может считаться образцом поведения в Смутное время. В 1601 г. он — один из трех командующих армией, отправленной Борисом против самозванца. Вместе с Басмановым и Голициным он переходит в лагерь Лжедмитрия. Вознагражденный «Дмитрием», который вводит его в состав Боярской Думы, М. Салтыков становится одним из организаторов свержения «Дмитрия». Высланный из Москвы Василием Шуйским, который не доверял «перевертышу», князь Салтыков присоединяется к Тушинскому вору, а затем бросает его, уходит к полякам и умирает в Польше в 1611 г.

Пестрая биография не помешала М. Салтыкову заключить договор, в котором, как выражается В. Ключевский, русская политическая мысль достигает такого напряжения, как ни в одном другом акте Смутного времени[227]. Договор прежде всего гарантировал неприкосновенность православной религии (Владислав должен был перейти в «истинную веру») и государственного строя. Одновременно — в этом Ключевский видит развитие русской политической мысли — власть царя ограничивалась в значительно большей степени, чем это обещал Василий в «крестоцеловальной». Парадоксальность договора заключалась в том, что русская сторона стремилась гарантировать сохранение традиционного порядка, ограничивая власть будущего царя думой, боярским судом и советом «всея земли» — представительным земским собором. Желая сохранить московский строй, русские представители подписали договор, который его подрывал в самой основе — ограничивалось самодержавие. Ограниченное самодержавие существовать не может — это сочетание двух взаимоисключающих терминов. Оксиморон, как говорят литературоведы.

Филарет, поспешивший в королевский лагерь, был захвачен войсками Шуйского, привезен в Москву как освобожденный из рук поляков пленник. Он стал активнейшим пропагандистом идеи унии с Речью Посполитой, не столько из любви к Сигизмунду либо Владиславу, сколько из вражды к Василию. Небольшой отряд, под командованием гетмана Жолкевского, две с половиной тысячи кавалеристов и двести пехотинцев, двинулся в направлении Москвы. Многочисленное московское войско, подкрепленное шведскими ландскнехтами, возглавляемое бездарным воеводой, братом Василия Дмитрием Шуйским, было наголову разбито поляками под Клушино 24 июня 1610 г. Некоторые историки объясняют поражение изменой шведов. Большинство возлагает вину на бесталанного командующего. Клушинская катастрофа стала последней каплей, переполнившей чашу недовольства царем Василием. Гетман Жулкевский быстрыми маршами шел на Москву по Можайской дороге, из Калуги спешил к столице Тушинский вор.

Москва, лишенная армии, ответила на угрозу свержением царя. Противники Василия Шуйского подняли толпу точно так же, как сделал это он сам против Лжедмитрия. На этот раз обошлось без кровопролития: Василий был пострижен в монахи и помещен в Чудов монастырь, откуда десять лет назад бежал Гришка Отрепьев. Власть была вручена Боярской думе, которая в тот момент состояла из семи членов. Заботу о государстве передали Семибоярщине. Это ее имел в виду Н. Карамзин, когда писал «многоголовая гидра аристократии». Москвичи, присягнув боярам, поручили им собрать представителей «всей земли» и выбрать государя. На разосланные в разные города приглашения никто не откликнулся.

Государственная власть развалилась. Оставались многочисленные претенденты. Прежде всего, надо было выбирать между Вором и поляками. Много поляков было и в армии второго самозванца, но они служили в тушинской армии по личной инициативе, только для себя. Армия Жулкевского представляла Речь Посполитую, исконного противника. Современники свидетельствуют, что московская «чернь» склонялась на сторону «царя Дмитрия», бояре предпочитали поляков. Они, пишет Карамзин, «увидели необходимость иметь царя и, боясь избрать единоземца, чтобы род его не занял всех ступеней трона, предложили венец сыну нашего врага, Сигизмунда»[228]. Боярская «семерка», возглавляемая князем Федором Милославским, созвала Земский собор из имевшихся под рукой в Москве представителей различных сословий. Собор от имени «всея земли» заключил 17 августа соглашение с гетманом Жулкевским и выбрал царем сына Сигизмунда III Владислава. Соглашение в основном повторяло условия, выработанные в феврале под Смоленском. Владислав не имел права изменять народных обычаев, обязан был держать на должностях только русских, не мог строить костелов и совращать русских в латинство, обязывался уважать православную веру и не впускать жидов в Московское государство. Был вычеркнут пункт о свободе выезда за границу для науки. Москва присягнула, целовала крест новому царю и в октябре польско-литовские войска вступили в столицу русского государства.

Главным препятствием на пути Владислава к московскому трону оказался его отец. Сигизмунду III мешало не только то, что его сын, прежде чем воссесть на русский престол, должен был перейти в православие. Прежде всего, ему мешало то, что сын мог занять место, которое он хотел занять сам. Папский нунций писал из Варшавы в Ватикан: «Царская корона на голове Сигизмунда III казалась бы мне самой лучшей гарантией религиозного возрождения москалей»[229].

Под Смоленском, когда бояре, ведшие переговоры с королем, присягнули соблюдать договор, Сигизмунд отказался это сделать. По мысли бояр, но так же думал и гетман Жулкевский, избрание Владислава означало заключение личной унии. Сигизмунд унии не хотел, он мечтал о завоевании Московского государства. Король отозвал несогласного с его политикой гетмана Жулкевского. Гарнизоном остался командовать Александр Госевский, не умевший или не желавший поддерживать дисциплину среди своих солдат, которые вели себя

все более разнузданно. По приказу короля гетман забрал в Польшу Василия Шуйского (умер в Польше в 1612 г.) и его братьев.

Падение царя Василия и избрание Владислава дало шведам повод вторгнуться в Московское государство. В августе 1610 г. войска Якоба Делагарди, недавнего союзника Скопина-Шуйского, начали осаду Новгорода. В конце 1610—начале 1611 гг. шведы захватили значительную часть побережья.

А.К. Толстой в своей иронической «Истории государства Российского» лаконично и красочно изображает состояние дел: «Пошел сумбур и драки, поляки и казаки, казаки и поляки нас паки бьют и паки; мы ж без царя, как раки, горюем на мели». Тогда между теми и другими не видели разницы. Авраамий Палицин называет атамана донских казаков Ивана Заруцкого «поляком»[230], поляка Александра Лисовского, который вместе с Петром Сапегой осаждал Троице-Сергиев монастырь — «злонравным лютором»[231]. Казаки и поляки, поляки и казаки составляли основную часть армий, воевавших на просторах Московии. Сигизмунд III привел под Смоленск 17 тыс. поляков и 10 тыс. казаков, не считая литовских татар. В Тушинском лагере вокруг самозванца собралось 20 тыс. поляков и более 40 тыс. казаков[232]. Совершенно невозможно было отличить поляков от казаков по их отношению к населению: они одинаково грабили, разоряли, насиловали.

Наступил паралич власти. Собор, избравший Владислава, отправил половину своего состава к Сигизмунду под Смоленск.

Делегацию возглавляли «большие послы» — князь Василий Голицын и Филарет. Они должны были предъявить королю решение Москвы и привезти в столицу царя Владислава; король не хотел его давать, делегация не имела права менять решение Собора и приглашать на московский трон Сигизмунда. Чего он добивался. Оставшаяся в Москве часть Собора не была полномочна действовать, даже если бы хотела, в отсутствии послов, отправленных к Смоленску.

Паралич власти был, прежде всего, результатом неудачи политики высшего правящего слоя. Бояре, после провала политики их царя Василия Шуйского, сделали попытку сохранить свою власть, избрав польского королевича. С. Платонов пишет: «Попытка политической унии с Речью Посполитой была лебединой песнью московского боярского класса». Одновременно, как покажут позднейшие события, это была последняя попытка создать систему ограниченного самодержавия. Московские бояре пытались совершить революцию, ее можно называть консервативной революцией, но это, несомненно, была попытка изменить характер существовавшего до начала смуты порядка.

Боярам помешал польский король Сигизмунд III, ослепленный своими амбициями и религиозным фанатизмом. В конце 1610 г. власть в Москве принадлежит польскому гарнизону, под командованием Александра Госевского, который ведет себя как в завоеванном городе. Москвичи начинают волноваться, оккупанты устанавливают военное положение.

Убийство Лжедмитрия II[233] меняет ситуацию: исчезает враг, Тушинский вор, «казацкий царь», который представлялся многим опасностью, еще более грозной, чем поляки. Исчезновение Вора (убит 10 декабря) оставляло только одного врага — оккупантов Москвы. Об этом заговорил единственный авторитет, который оставался незапятнанным сношениями с поляками или тушинцами, — патриарх Гермоген. Он соглашался принять присягу Владиславу, ибо тот обещал перейти в православие. Патриарх в Успенском соборе запретил своей пастве целовать крест которолю-католику. Смута вступила в очередной, национальный период своей истории. До сих пор главной разделительной чертой была религия. Патриарх Гермоген призвал подняться против иноземцев. Позиция патриарха, выступившего как против поляков, занимавших Москву, так и против поддерживавших оккупантов бояр (главным коллаборантом был Михаил Салтыков), требовала мужества. К тому же, не все церковные иерархи были согласны с ним. Авраамий Палицин, входивший в

состав посольства, отправленного к Сигизмунду, согласился поддержать притязания короля на русский престол и был отпущен домой, получив охранные грамоты для Троице-Сергиева монастыря. Большинство других послов было задержано поляками на долгие годы. Патриарх Гермоген был арестован Госевским и 17 февраля 1611 г. умер в тюрьме. Разосланные им в разные города грамоты дали толчок к организации движения за освобождение Москвы, которое получило название первого ополчения.

Первой поднялась Рязань, имевшая в лице воеводы Прокопия Ляпунова энергичного и уважаемого руководителя. К нему присоединился Нижний Новгород и другие города. Прокопий Ляпунов сумел договориться о совместных действиях с теми тушинцами, которые после смерти самозванца не ушли к полякам. К ополчению присоединились казаки под командованием князя Дмитрия Трубецкого и атамана Ивана Заруцкого. Зимой 1611 г. по разным дорогам ополчение пошло к Москве. Готовясь к осаде, поляки, воспользовавшись выступлением москвичей 19 марта в Вербное Воскресенье, выгнали жителей и сожгли город, закрывшись в Кремле Польский историк констатирует: «Город умышленно подожжен нашими. Дома, которые не загорались, обливались смолой, и тогда огонь пожирал их»[234]. Ополчение застало только пепелище столицы и раскинуло лагерь на развалинах. По общему согласию власть над русской землей получили «троеначальники»: был выбран триумвират, состоявший из Ляпунова, Трубецкого, Заруцкого.

Убитый самозванец не хотел исчезать и, выражаясь поэтически, также присутствовал под Москвой. Марина, не желая ни за что расставаться с мечтой о московском троне, родив в января 1611 г. сына от Лжедмитрия II, связалась с Иваном Заруцким. Авраамий Палицин, несмотря на свой монашеский чин, выражался языком ядреным: «И остася сука со единым щенетем. К ней же припряжеся законом сатанинским поляк Иван Заруцкий, показуяся, яко служа ей и тому выблядку»[235].

Подошедшее к Москве ополчение, начав осаду польского гарнизона в Кремле, решило создать новую систему власти, выводящую страну из кризиса. По инициативе Прокопия Ляпунова был выработан «приговор», утвержденный всем войском 30 июня. Это уникальный в русской политической истории документ. Он определял, что верховная власть в стране принадлежит «всей земле», иначе говоря — всему войску, посылавшему своих представителей в совет «всея земли». «Троеначальники» становились временным правительством, которое отчитывалось перед советом, имеющим право смещать членов триумвирата. Суд принадлежал правительству, но приговаривать к смертной казни они могли только с согласия совета. Были урегулированы поместные дела: все пожалования Вора и Сигизмунда объявлялись недействительными, «старые» казаки могли получать поместья и становиться служилыми людьми, «новые» казаки, т.е. беглые холопы, возвращались хозяевам. Для административного управления учреждалась приказная система по московскому образцу.

«Приговор 30 июня» обходился без царя, верховная власть принадлежала войску, ядром которого считали себя «служилые люди», среднее провинциальное дворянство. Решение «всея земли» было явно направлено против казаков и крестьянства, усиливая крепостную зависимость. 22 июля Прокопий Ляпунов был убит казаками, земская часть ополчения разбежалась. Власть в лагере под Москвой перешла в руки атамана Заруцкого и его казаков. Восстановилось «Тушино» — без Вора, но с его сыном, «воренком».

Государство осталось без власти. 3 июня 1611 г. поляки овладевают Смоленском, а затем 16 июля шведы захватывают Новгород. Бывшие союзники (шведскими солдатами командовали Делагарди и Горн, еще недавно воевавшие в армии Скопина-Шуйского) не только легко овладевают побережьем, но отдают завоеванные земли принцу Филиппу, брату шведского короля Густава-Адольфа, который выдвигает претензии на московский трон.

Смута достигла зенита. Было полностью дискредитировано родовитое боярство; рядовое дворянство, выдвинувшее определенную политическую программу, не имело силы для ее реализации; нижние слои общества не имели ни программы, ни организации и могли

выражать свое недовольство только стихийно. Дискредитация правящего слоя, потеря им власти оставила пустоту, которая была одной из причин социального бурления. Авраамий Палицин замечает, что все старались подняться выше своего звания: рабы хотели стать господами, рядовой воин начинал боярствовать. «Государство, — резюмирует В. Ключевский, — потеряв свой центр, стало распадаться на составные части; чуть не каждый город действовал особняком... Государство преображалось в какую-то бесформенную, мятущуюся федерацию»[236].

Распад государства привел к территориальным потерям, отбрасывавшим западные пределы Москвы по крайней мере на сто лет назад. Завоеванный в 1514 г. Смоленск был потерян. Закрыт был путь на Балтику.

Катастрофа Смутного времени, как это видно из конца XX в., была моделью государственного развала: в 1917 г. и в 1990 г. царская империя и Советский Союз распадались — в основном — подобным образом: дискредитация элиты, отсутствие лидеров, стихийные движения, исчезновение центра и автономизация (суверенизация) отдельных частей. С некоторым ужасом употребляет В. Ключевский странно звучащее для русского уха в конце XIX в. слово «федерация». Но первая советская конституция (июль 1918 г.) прокламирует создание Российской Федерации (РСФСР). Федерация (на этот раз подлинная) становится лозунгом русских реформаторов 90-х годов XX в.

Смутное время убедительно продемонстрировало, как государство распадается. В это же время, в последний период Смуты, была произведена демонстрация значительно более сложного и таинственного процесса — как государство возрождается. После неудачи первого ополчения инициатором собирания сил снова становится церковь. Патриарх Гермоген рассылает призывы собраться и идти к Москве, подчеркивая опасность «воренка», т.е. казаков Заруцкого. Настоятель Троице-Сергиевой лавры архимандрит Дионисий звал идти против поляков. Были, следовательно, названы враги, против которых следовало вооружаться, с которыми следовало воевать.

Первым откликнулся Нижний Новгород, богатый город на Волге. По призыву небогатого торговца мясом Кузьмы Минина, «человека большого темперамента и исключительных способностей»[237], горожане, «посадские люди», решили собрать средства на мобилизацию войска. Призыв Минина к согражданам вошел во все русские хрестоматии: «Мое имение, все, что есть, без остатка готов я отдать в пользу и сверх того, заложа дом, жену и детей, готов все отдать в пользу и услугу Отечества». Знаком времени и патриотизма Козьма Минина была готовность заложить «жену и детей». Знаком времени, ибо это не было риторическим красноречием: заклад жены, детей и самого себя, отдача в холопство, было распространенной формой приобретения капитала. Командовать ополчением выбрали князя Дмитрия Пожарского, опытного воеводу, лечившегося неподалеку от Нижнего Новгорода от ран, полученных во время боев в Москве в марте.

Государство, лишенное центра, начало воссоздаваться, заменив вертикальную связь горизонтальной. Города стали сноситься между собой, минуя Москву. С удивительной быстротой к Нижнему присоединялись другие города. Центром движения становился север Московского государства, мало затронутый военными действиями. Север пошел против юга. Программа, составленная в Нижнем Новгороде и разосланная по городам в конце 1611 г., звала идти вместе «на польских и литовских людей», но, прежде всего, называла противником казаков-воров, поддерживающих «Маринкина сына», воренка. Нижегородцы предлагали «всей землей» выбрать нового государя, «кого нам Бог даст».

Движение севера против юга было движением сторонников старого порядка, уставших от хаоса Смуты, против сил, разрушавших старое, стремившихся внести изменения в московскую жизнь. Пожарский учел несчастный опыт Прокопия Ляпунова, взявшего в союзники казаков. Простояв около 4 месяцев в Ярославле, собрав войско и получив согласие шведов на нейтралитет за обещание поставить во время выборов царя кандидатуру принца Филиппа, князь Пожарский подошел к Москве, чтобы отогнать польский отряд гетмана

Ходкевича, шедший на выручку польского гарнизона, державшегося в Кремле. Появление армии Пожарского повлекло немедленный раскол среди казаков, осаждавших Москву. Часть перешла в ополчение, часть, во главе с Иваном Заруцким, ушла на юг, имея в обозе Марину и воренка.

В октябре 1612 г. польский гарнизон, съев церковные пергаментные книги, свечи, седла и ремни, начав есть трупы, сдался. Москва стала свободной. В январе 1613 г. в столицу, сожженную и разоренную, съехались представители 50 городов. Начались выборы нового государя.

Прежде всего собор решил определить, кто не может быть кандидатом: «Литовского и Свийского короля и их детей, за их многие неправды, и иных некоторых земель людей на Московское государство не обирать, и Маринки с сыном не хотеть». Документов, зарегистрировавших споры на соборе, не сохранилось. Но решение исключить из обсуждения Владислава (официально все еще считавшегося царем), Сигизмунда и шведского принца Филиппа свидетельствовало, что их сторонники были. Князю Пожарскому приписывают поддержку Филиппа. Казаки, представленные очень сильно, не переставали мечтать о привилегиях, полученных ими от самозванцев.

После решения о нежелательных кандидатах, начались обсуждения желательных. Кандидатов было немного. Князь Василий Голицын, подходивший по знатности и способностям, был в польском плену. Князь Мстиславский отказался. Василий Ключевский безжалостно констатирует: «Московское государство выходило из страшной смуты без героев; его выводили из беды добрые, но посредственные люди». 7 февраля собор принял решение: царем был избран Михаил Романов, сын Филарета. Оглашение имени нового царя было отложено на две недели: Собор не хотел ошибиться. По городам были разосланы тайные представители выборщиков с заданием выяснить, кого народ хочет царем. Сегодня мы бы сказали: был проведен опрос населения.

Кандидатура Михаила Федоровича Романова не вызывала возражений. 21 февраля 1613 г. Михаил Романов был провозглашен царем в большом Московском дворце, еще не отстроенном после двухлетней польской оккупации. На трон вступила новая династия. Смута официально закончилась.

Глава 4
РОССИЯ МОСКОВСКАЯ

Умом Россию не понять...
В Россию можно только верить.
Федор Тютчев

Итоги смутных времен

Возведен же быть благородный и благоверный от Бога избранный и Богом дарованный великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси самодержец...
Авраамий Палицин

Итог смуты для Авраамия Палицина, как и для всех современников, — избрание царя, ликвидация хаоса, властвовавшего на просторах Московского государства. В 1922 г. русское эмигрантское издательство в Берлине, переиздавая «Героев Смутного времени» Николая Костомарова, объясняло в предисловии: «Мы полагаем, что основательное знакомство с деятелями этой эпохи настоятельно необходимо русским людям теперь... И теперь, как тогда, Российский престол остался пустым, и теперь, как тогда, нет прямого и бесспорного наследника последнего царя, а потому, может быть, и теперь, как и тогда, единственный выход, который нам остается, это повторение 1613 г., т.е. народное избрание на царство монарха, наиболее отвечающего соображениям о благе и чести ВеликойРоссии...»[1]. Через 70 лет после написания этих слов в России вновь ищут, может быть, не монарха, но президента, «наиболее отвечающего соображениям о благе и чести Великой России». Первым итогом смуты было решение политический проблемы — проблемы власти. Она возникала после каждой государственной катастрофы: в 1613, в 1917, в 1991 годах.

Причины избрания Михаила объясняют многое в характере разрушенного государства и в характере государства восстановленного. Прежде чем перейти к спору историков относительно сходств и различий между Московией конца XVI и начала XVII вв., важно подчеркнуть, что сам принцип выбора царя воспринимался с огромным трудом. Как если бы, — писал В. Ключевский, — от них требовали выбирать отца и мать. Утвердившееся представление о божественности царя-отца было одной из главных причин легкого принятия Михаила. Слабый, болезненный юноша (родился в июне 1596 г.), не выделявшийся никакими талантами, был потомком не княжеской, но родовитой фамилии Романовых. Анастасия Романова, первая жена Ивана Грозного, связала семью с царским родом. Историки напоминают, что отец Анастасии, Никита Романов, остался в народной памяти, в былинах как модель боярина, защитника слабых и обиженных. Его сын Федор (в монашестве Филарет) обладал качествами государственного деятеля, но во время выборов находился в польском плену. Его роль была очень важной, однако второстепенной по сравнению с тем,

что Михаил был двоюродным братом (по материнской линии) царя Федора и мог, что он и делал, говорить о себе как прямом наследнике Ивана Г/. Именно эта династическая связь, как бы натянута она ни была, дала основание, как пишет Палицин, видеть в избраннике царя, «Богом избранным и Богом дарованным». Царь Михаил обладал в глазах московских людей необходимой государю легитимностью.

Была и другая легитимность. В ополчении Дмитрия Пожарского казаки составляли важную часть вооруженных сил. Все те, кто претендовал на управление государством или хотя бы на активное участие, ушли с Иваном Заруцким, были разогнаны ополченцами. Но та часть, которая примкнула к Пожарскому, возглавляемая князем Трубецким, продолжала оказывать давление на собор, где была широко представлена. Их кандидатом был Филарет Романов, любимец двух самозванцев. Лжедмитрий I назначил его митрополитом, Лжедмитрий II — патриархом. После поражения Тушино Филарет сохранил только звание митрополита, но не потерял популярности среди сторонников самозванцев. Как обычно, наиболее красочно представил ситуацию на соборе В. Ключевский: казаки, увидя, что не могут добиться выбора сына своего тушинского царя, поддержали сына своего тушинского патриарха[2].

Ничем не запятнанный во время смуты Михаил, связанный родственными узами с исчезнувшей династией, был принят земцами. Сын Филарета, он был принят и казаками. В момент избрания Михаил жил с матерью в Ипатьевском монастыре, близ Костромы. История любит задавать загадки, на которые нет ответа: Николаи II, последний царь из династии Романовых, был убит вместе с семьей в Екатеринбурге, в доме купца Ипатьева.

Избрание нового царя было важным итогом смуты, ее завершением. На этот счет ни у кого сомнений нет. Споры шли и продолжают идти относительно других итогов: что изменили Смутные времена, каким пришли государство и его жители в XVII век после четверти столетия войн, переворотов, разорения, смертей?

Спор о последствиях Смуты сводится, в конечном счете, к поискам ответа на вопрос: возможно ли возвращение назад к старому, к старой системе управления после революции, возможно ли возвращение истории вспять? Николай Костомаров был категоричен: «Чаще всего за потрясениями этого рода следовали важные изменения в политическом, общественном и нравственном строе той страны, которая их испытала; наша смутная эпоха ничего не изменила, ничего не внесла нового в государственный механизм, в строй понятий, в быт общественной жизни, в нравы и стремления; ничего такого, что, истекая из ее явления, двинуло бы течение русской жизни на новый путь в благоприятном или неблагоприятном для нее смысле. Страшная встряска перебурлила все вверх дном, нанесла народу несчетные бедствия... но в строе нашей жизни нет следов этой страшной кары Божией... Самодержавие ничем не было ограничено и приняло тут же прежние, неограниченные формы... Примеры смутного времени прошли бесследно, народная громада после того погрузилась в безгласие и ничтожество глубже, чем было до переворота»[3].

Взгляды либерального Н. Костомарова совпадают с точкой зрения певца самодержавия Н. Карамзина, изложенные на полстолетия раньше. Меняется только знак. То, что Костомаров критикует, Карамзин восторженно приветствует: «...единодушно наименовали Михаила самодержцем, монархом неограниченным ... воспламененные любовью к отечеству, взывали только: Бог и Государь». Историк добавляет: «Самое личное избрание Михаила доказывало искреннее намерение утвердить самовластие»[4]. С этой точкой зрения совершенно согласен в последнем десятилетии XX в. Л.Н. Гумилев: «Люди того времени (он имеет в виду Смуту. — *М.Г.)* полагали (и не без основания), что для уверенности в завтрашнем дне мало безликого правительства, а нужен один государь, который был бы символом власти и к которому можно было бы обращаться как к человеку»[5].

Исследователь Смуты С. Платонов спорит с Н. Костомаровым и другими историками, считавшими, что смута ничего не изменила в ходе московской истории и, в конце концов,

вернула московскую жизнь в старое русло, «как при прежних великих государях бывало». По его мнению: «Смута сделала московскую жизнь иною во многих отношениях»[6].

Изменения, несомненно, были. Прежде всего произошла смена господствующего класса, сходит со сцены родовитое боярство, потомки «княжат», его место займет дворянство. Появляются новые политические понятия. Н. Карамзин отмечает это. Напомнив о существовавшей системе управления — «монарх рядил государство через своих наместников или воевод», — историк констатирует: «Сия восточная простота уже не соответствовала государственному возрасту России, и множество дел требовало более посредников между царем и народом»[7]. Современник Смуты дьяк Иван Тимофеев считал, что в числе грехов, за которые была наказана русская земля, первое место занимает «бессловесное молчание народа», причем, как пишет мемуарист, «согрешили все от головы и до ног, от великих до малых...»[8]. На это В. Ключевский отвечает, что настроение народа переменилось: «С воцарением новой династии в продолжение всего XVII в. все общественные состояния немолчно жалуются на свои бедствия, на свое обеднение, разорение, на злоупотребление властей, жалуются на то, отчего страдали и прежде, но о чем прежде терпеливо молчали»[9].

Несмотря на все изменения, государство и народ вернулись к самодержавию, к Богоданному царю. Смутное время продемонстрировало возможность существования государства с подозрительными царями на троне, даже — хотя коротко — совсем без государя. Открылись возможности для самостоятельной инициативы и деятельности в политической жизни. XVII в. будет временем поисков монархами путей сохранения абсолютной самодержавной власти и искоренения тенденций к ее ограничению.

Важным последствием смуты были территориальные потери. В первые годы царствования Михаила будут заключены мирные договоры с Польшей и Швецией, которые подтвердят лишение Москвы выхода к Балтийскому морю. Арнольд Тойнби видит в дальнейших событиях подтверждение своей концепции вызова и ответа. С его точки зрения, могучее давление на Россию со стороны западного мира в XVII в., которое привело польскую армию в Москву и отдало шведам балтийское побережье, было «главным фокусом русской жизненной силы». На это давление, пишет английский историк, «ответил Петр Великий, построив в 1703 г. Петербург на территории, отвоеванной у шведов...»[10].

Трудное выздоровление

Дикие народы любят независимость, мудрые народы любят порядок, а порядка нет без самодержавной власти.

Н. Карамзин

История России организуется, еще до возникновения понятия «Россия», вокруг главных задач, которые можно назвать стратегическими целями: собирание земель Москвой; преодоление татарского ига; строительство централизованного государства; борьба за море и т.д. Первая половина XVII в. была временем восстановления государства, приведения его в порядок. Эпоха Смуты — демонстрация модели разрушения государства, ответ на вопрос: как государство разрушается? Царствование первого из Романовых дает ответ на вопрос: как государство восстанавливается? Совершенно очевидно, что оба ответа не носят универсального характера, они применимы, прежде всего, к Московскому государству: как оно развалилось и как оно собралось.

Выздоровление началось избранием на престол государства, переживавшего глубочайший кризис, слабого юноши, напоминавшего современникам царя Федора. Ключевский признает: выбрали не самого способного, но самого удобного. К. Валишевский более жесток и пишет: «Восшествие на трон первого Романова, положившее конец Смутному времени, должно служить блестящим опровержением народной пословицы, по которой для приготовления рагу необходим заяц»[11]. К тому же мать Михаила, инокиня Марфа, «своенравная интриганка», по словам того же Ключевского, крепко держала сына в руках. Отец Михаила, который сыграет потом важнейшую роль в жизни государства, был в польском плену.

Михаил Романов вступил на престол в стране, разоренной дотла: города и деревни сожжены, крестьяне бросали пашню и бежали спасать жизнь, в казне не было денег, развалилось войско. К тому же, как выразилась мать Михаила, не желая отдавать сына в цари, московские люди «измалодушничались». Николай Костомаров констатирует: «Прежняя печальная история русского общества приносила горькие плоды». Историк безжалостно называет поколение, вышедшее из смуты, «жалким, мелким, поколением тупых, узких людей, которые мало способны были стать выше повседневных интересов»[12].

В этих условиях началось восстановление государства. Избранный на царство, Михаил дал «крестоцеловальную грамоту», ограничивавшую его власть. Грамота никогда не была найдена, и единственным источником, на который ссылаются историки, говорящие о «грамоте», является упоминание о событии Григорием, Котошихиным. Свидетельство Котошихина, современника и человека, много знавшего, дополняется предшествующими примерами: как правило, цари после Ивана Грозного давали обещание судить по старым законам, никого не судить и не осуждать по своей воле, не вводить новых законов и новых налогов без земского собора. Действительно, в царствование Михаила соборы созывались часто и решали все важнейшие проблемы государственной жизни. Первая половина XVII в. — время расцвета соборной деятельности. Лев Гумилев пишет: «Выбор был крайне удачен, ибо, процарствовав с 1613 по 1645 г., сам Михаил ничего не предпринимал». В 1992 г. историк приходит к любопытному выводу: первоначально «работу по устроению государства выполняли земские соборы... Позже ... в государстве был наведен относительный порядок и нужда в земских соборах отпала»[13]. Иначе говоря, по мнению русского историка, писавшего в конце XX в., представительное учреждение необходимо только в минуты кризиса, в эпохи «беспорядка».

Соборы в царствование Михаила были широко представительными органами, отражая участие в государственных делах всех слоев населения в последний период смуты. Они всегда утверждали царские предложения. Единственный раз, когда собор принял решение, шедшее вразрез с мнением царя, Михаил поступил по-своему. Выборные представители рассматривали свою деятельность в соборе не как право или привилегию, а как обязанность, выполнение долга. Тем не менее, царь рассматривал присутствие собора как ограничение власти. Так видели это и современники. Григорий Котошихин, объясняя, что такое самодержец, сравнивает «своего» царя Алексея Михайловича с отцом, Михаилом Федоровичем. Алексей никакой грамоты не давал. Кроме того, «царь Михайло Федорович, хотя самодержец писался, однако без боярского совету не мог делать ничего»[14]. Царь Алексей обходился без «боярского совета» и поэтому был подлинным самодержцем.

Несмотря на ограниченность его функций, роль земского собора в царствование первого Романова была значительной. Собрания представителей «всея земли» легитимизировали нового царя, новую династию. Это было тем более важно, что Михаил был мягким, послушным окружению человеком. Живший в то время в Москве голландец Исаак Масса писал, что он надеется на Бога, который откроет царю глаза: России нужен новый Иван Грозный, это единственное средство удержаться на троне, русский народ благоденствует только под дланью своего владыки и только в рабстве он богат и счастлив[15]. Чрезвычайно знаменательно, что мнение о необходимости тяжелой царской руки и кровавых

репрессий высказывает гражданин свободной голландской республики. Необходимость деспотии в России для русских станет главной темой, основным выводом всех западных путешественников, приезжавших в империю царей. Возможно, что это связано, прежде всего, с тем, что от самодержавных правителей России иностранцы всегда получали такие привилегии, которые они не могли рассчитывать получить от земских соборов.

Восстановление государства требовало прежде всего наведения хотя бы минимального порядка в государстве. Первым шагом было обуздание разбойничьих банд, гулявших по Руси. Разбойники были «благородные», боровшиеся за какие-то права, против произвола, были и обыкновенные, грабившие всех, кто попадался под нож. Еще долго продолжал беспокоить Москву Иван Заруцкий, которого сопровождала Марина с сыном, «воренком». Отбиваясь от преследователей, отряд Заруцкого уходил все дальше на юг. В июне 1614 г. около 600 волжских казаков, все, что оставались у Заруцкого, были окружены московскими стрельцами. Казаки выдали атамана и Марину с сыном, объявив, что целуют крест Михаилу. В июле пленники были привезены в Москву: Заруцкого посадили на кол, четырехлетнего сына Марины и второго самозванца повесили, а сверженную царицу посадили в тюрьму, где она вскоре умерла от болезни и, как пишет биограф, «с тоски по своей воле». А слухи о спасшемся сыне Марины продолжали жить и пугать Москву...

В северных областях — от Холмогор до Архангельска — хозяйничали банды Баловня и других вожаков: они любили набивать рот и уши жертв порохом и зажигать его.

В центральных областях бушевал Александр Юзеф Лисовский, талантливый кавалерийский командир и безжалостный разбойник. Только в 1616 г. он умер, по-видимому, отравленный. «Лисовчики» были так хорошо известны не только на Руси, но в Польше и других странах Европы, что сейм Речи Посполитой принял специальный закон, освобождавший от наказания того, кто убьет «лисовчика».

Тяжелое положение страны усугублялось наличием на территории Московского государства двух враждебных армий: шведы держали в своих руках территорию вдоль Балтийского побережья и Новгород, поляки не теряли надежды посадить Владислава на московский трон: формально он был московским царем, законно избранным земским собором. Московское войско практически не существовало. Две неразрывно связанные проблемы стояли перед молодым царем: необходимы были деньги для создания войска. Как собрать налоги в разоренной стране, как создать вооруженные силы, способные защитить государство от притязаний поляков, обладавших опытным войском, и шведов, которые под водительством Густава-Адольфа создали самую сильную армию в Европе?

Попытка собрать подати окончилась неудачей: никто не хотел платить; если же сборщики добивались уплаты, то брали деньги себе. В 1616 г. Земский собор постановил собрать со всех торговых людей «пятину», пятую деньгу с имущества (20%), причем обязательно деньгами, а не товарами, а с каждой сохи — по 120 рублей. Самые богатые люди в государстве — Строгановы — должны были заплатить 16 тыс. рублей, а потом от них потребовали дополнительно еще 40 тыс. Главным источником их богатства были сибирские меха — один из важнейших предметов русского экспорта, и соль.

Население, разоренное войнами и поборами, не могло платить того, что требовало государство, подати буквально выбивались палками. Должников били до тех пор, пока они не уплачивали налога или не умирали. В 1620 г. собранным московским купцам было сказано царем: «Ведомо вам всем, что по грехам в московском государстве от войны во всем скудость и государственной казны нет нисколько, кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет»[16]. Питье всячески поощряется, продажа алкоголя является царской монополией: «Опричь государевых кабаков никто питья на продажу не держит». Идут поиски займов. Джон Мерик, управляющий «Московской компанией английских купцов», возникшей в XVI в. и монополизировавшей московский рынок, дал царю заем на 100 тыс. фунтов[17].

Главной задачей была война, которая шла на двух фронтах. Заключение мира с Польшей и Швецией стало самым неотложным делом. Прежде всего начались переговоры со шведами, ибо их притязания носили только территориальный характер. К тому же Густав-Адольф находился в неприязненных отношениях с Польшей и Данией, а, кроме того, имел широкие планы в Германии. В переговорах участвовали в качестве посредников англичане (Джон Мерик) и голландцы. Русские послы, отправившиеся в Голландию договариваться о посредничестве, были так бедны, что в Амстердаме им дали 1000 гульденов на содержание. Несмотря на тяжелое положение, несмотря на поражение московских войск в схватке со шведами, переговоры шли долго и трудно. Наконец 27 февраля 1617 г. был подписан вечный мир. Русские получили обратно Новгород, Старую Ладогу, Гдов и их окрестности, за Швецией оставалось приморье и Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, Корела с уездами. Московское государство потеряло выход к Балтийскому морю и приобрело цель внешней политики на сто лет.

Победа Швеции, страны, насчитывавшей примерно 900 тыс. жителей, а вместе с Финляндией — 1250 тыс., была успехом молодого короля Густава-Адольфа, поощрявшего промышленное развитие страны, ставшей главным производителем и экспортером железа и меди в Европе, и проведшего реформы — финансовую, административную, системы образования. Это дало ему возможности и средства на создание армии, которая была, возможно, лучшей в мире в 30-е годы XVII в., когда она включилась в Тридцатилетнюю войну.

Значительно сложнее были отношения с Польшей. Королевич Владислав продолжал считать себя московским царем и надеялся сесть на трон в Кремле. Его отец Сигизмунд III пришел, наконец, к выводу, что ему самому это не удастся. Он решил довольствоваться достигнутым: захватом Смоленска, триумфом в Варшаве с показом захваченного в плен московского царя Василия Шуйского. 7 апреля 1617 г. глава польской церкви архиепископ Гембицкий напутствовал в варшавском соборе Владислава на поход в Москву, вручив ему меч и хоругвь. Летом 1617 г. королевич отправился в поход. Войском командовал один из самых знаменитых польских полководцев гетман Ходкевич. В сентябре 1618 г. поляки снова были под Москвой. Вместе с ними пришли 20 тыс. запорожцев во главе с Петром Конашевичем Сагайдачным, получившим от Владислава знаки гетманской власти — булаву, хоругвь и бубны. Православные казаки вместе с польско-литовскими католиками не смогли убедить русских в необходимости поддержать польского претендента. У Владислава были аргументы. В грамотах, которые рассылались от его имени, перечислялись лишения, которым подвергались жители московского государства «от советников Михайловых, от их упрямства, жадности и корыстолюбия». Со своей стороны королевич обещал «милость, жалованье и призрение». Собранный в Москве 9 сентября земский собор постановил единодушно стоять за православие и государя, «не щадя своих голов биться против его недруга, королевича Владислава и идущих с ним польских и литовских людей, и черкас». Черкасами называли украинцев.

После неудачного приступа войско Владислава отступило от Москвы и остановилось в Тушино. Странным образом это место влекло тех, кто мечтал о московской короне. Подошедшие московские войска были слишком слабы, чтобы атаковать противника, который, в свою очередь, не имел сил для наступления. 1 декабря 1618 г. Москва и Варшава подписали в Деулине перемирие на 14 лет и 6 месяцев. Москва соглашалась на потерю Смоленска, она не добилась отказа Владислава от притязаний на московский престол. Царь Михаил получил перемирие и своего отца Филарета, который был, наконец, освобожден из польского плена. Далеким откликом на события начала XVII в., свидетельством возможностей, которые дает прошлое политикам, было решение, принятое летом 1993 г. властями молодой суверенной украинской республики. Первый корабль украинского военно-морского флота получил имя «Сагайдачный».

Возвращение отца царя изменило положение в Кремле. Молодой и слабый царь целиком подчинялся своей матери и ее родственникам — Салтыковым. Михаил был самодержцем только в титуле. Филарет, получивший после возвращения в Москву звание патриарха (церемонию совершил находившийся в Москве вселенский патриарх Феофан), был возведен в сан «великого государя». Этот титул обозначал одинаково и царя, и патриарха. Историки говорят о наступившем «двоевластии». Имея одного царя, государство управлялось двумя государями. У Филарета были те качества, которых не хватало его сыну: честолюбие, любовь к власти, жизненный опыт, авторитет. Он не имел религиозного воспитания и был известен своими светскими вкусами. Но в его эпоху это не мешало делать государственную и церковную карьеру. Современником Филарета был Ришелье. Московский патриарх имел сходные взгляды на роль монарха и государства, а кроме того власть, безоговорочно отданную сыном отцу, о которой Ришелье мог только мечтать.

Иностранцы свидетельствуют, что после возвращения Филарета были переменены должностные лица во всех приказах, были приняты меры по исправлению законодательства, прежде всего, усилилась борьба со злоупотреблениями. Одновременно огромные области, находившиеся в управлении патриарха, монастырские владения, вотчины митрополитов освобождались от податей.

Реконструкция государства имела первоначальной целью наполнение казны. Организуется перепись населения и земельных владений (писцовые книги), которая должна дать представление о состоянии государства и облегчить сборы податей. Злоупотребления переписчиков, за взятки вносивших в книги фальшивые данные, обратили внимание собора 1619 г. Тем не менее, писцовые книги давали представление о положении в стране, вышедшей из смуты.

В поисках денег государство не чурается никаких средств: накладывает налог на все, что можно, берет монополию на товары, которые вывозятся за границу: в 1635 г. монополизирована торговля льном, в 1642 г. — селитрой. Охотно использует систему откупов.

В борьбе с разбойничеством, приобретшим пугающие размеры, используется самоуправление, возвращается использованная Иваном Грозным система выборных губных старост. Страна делится на административные единицы — губы, которые выбирают старосту из числа зажиточных дворян хорошего поведения и умеющих грамоте. Случалось, что из-за отсутствия желающих старосты не выбирались, а назначались. Губным старостам поручалось обеспечение безопасности во вверенном им районе, но права их были резко ограничены: они не могли выносить судебные приговоры без согласия Разбойного приказа в Москве, в их деятельность вмешивались воеводы. Положение губных старост — характерная особенность московской администрации, где обязанности, как правило, точно не разграничивались.

Сокращение населения после войн, голодных лет, бегства из разоренных областей в Степь, на окраину, вызвало острую нехватку крестьянских рабочих рук. Дворяне жаловались, что не могут «служить», т.е. становиться в ряды войска, ибо не имеют крестьян для обработки земли. В результате закрепление, закрепощение крестьян усиливается. Лев Гумилев, отмечая, что «крепостного права как такового в Польше не было: каждый крестьянин мог уйти от пана, если хотел», считает, что «отсутствие крепостного права создавало для крестьян условия жизни гораздо худшие, нежели при крепостном праве, имевшем место на Московской Руси»[18]. Крепостное право в Польше было, очень тяжелое на Украине, но русскому историку важно доказать, что жизнь в коллективе, о котором заботится государь, гораздо лучше беспокойной, отягощенной налогами, свободы. Взгляды Льва Гумилева, горячего пропагандиста русской самобытности, удивительным образом совпадают с точкой зрения голландца И. Масса, писавшего, что «народ этот (русский. — *М.Г.)* благоденствует только под дланью своего владыки и только в рабстве он богат и счастлив»[19].

Особенность реконструкции страны состояла в желании вернуться, насколько это возможно, к старым московским традициям, получившим серьезные удары во время Смуты. Происходила реставрация самодержавной системы, которая не встречала сопротивления, главный ее противник — высший боярский слой — был разбит и дискредитирован. «Назревшие в эпоху смуты идеи избирательной и ограниченной монархии не пустили глубоких корней», — замечает историк А. Кизеветтер[20].

Время первого Романова было периодом наплыва в Москву иностранцев. Их видели в столице княжества уже при Иване III, в тесных отношениях с некоторыми был Иван Грозный; самозванцы широко раскрыли ворота для авантюристов, присутствие которых не оставило хороших воспоминаний у населения. Страна оставалась тем не менее закрытой: даже значительное количество чужеземцев, посещавших Московию в разных ипостасях, не меняло этого факта. Все было странным, чужим, иногда отвратительным для иностранцев в московском государстве, для обитателей страны — в иностранцах. Взаимно непонятными, следовательно чужими, что, как правило, значило враждебными, были верования, обычаи, география, климат.

Две главные проблемы, стоявшие перед царем Михаилом, два главных фактора восстановления страны — деньги и войско — были связаны с иностранцами. Зарубежье являлось источником средств, которых болезненно не хватало. Они могли иметь форму прямого займа: 100 тыс. фунтов (превратившиеся в 20 тыс. «благодаря» посредникам), полученных от англичан, форм таможенных пошлин, взимаемых за ввоз или провоз через московскую территорию товаров. Враждебные отношения с католической Польшей определяли «протестантскую» направленность московской внешней, в том числе внешнеторговой, политики. Главными торговыми партнерами Москвы были Англия, Голландия, Швеция (после заключения мирного договора), Голштинское герцогство. Подробности отношений между компанией голштинских купцов и Московским государством особенно хорошо известны, ибо в составе голштинского посольства посетил Москву Адам Олеарий, придворный математик и библиотекарь герцога. Его «Описание путешествия в Московию» (был дважды, в 1633 г. и в 1635—1639 гг.), — ценнейший источник сведений о Руси XVII в. Олеарий сообщает, в частности, что за право возить в течение 10 лет товары в Персию через московскую территорию голштинские купцы внесли в казну 600 тыс. ефимков[21] (в английском фунте того времени было 14 ефимков).

Важной формой связей с иностранцами становится разрешение чужеземцам ставить разного рода «полезные учреждения»: заводы по производству железа, отливке пушек и ядер, выделке стекла, обработке лосиных шкур, фабрику часов и золотых изделий. На этих предприятиях работали почти исключительно иностранцы. На Руси не было мастеров, но правительство не поощряло обучение русских, требовавшее общения, ибо, нуждаясь в иностранцах, не переставало им не доверять, подозревать, видеть в них «латинян» и «люторов» — противников истинной христианской веры. Недоверчивым оставалось и отношение к промышленности. Иностранцы получали значительные льготы и привилегии, за которые они платили, но им разрешалось строить предприятия только вдали от городов, вдали от населения.

Колеблющаяся между необходимостью и чувствами политика по отношению к иностранцам в царствование Михаила вызывает диаметрально противоположные оценки историков. Польско-французский историк К. Валишевский писал в начале XX в., что Михаил и Филарет «предавали страну эксплуатации иностранцами и препятствовали ее свободному развитию». Лев Гумилев в конце XX в. писал: «В отличие от Ивана Грозного и окружения самозванцев правительство при Михаиле Романове ввело строгие ограничения для иностранных купцов... Во внешней торговле Русское государство начало безоговорочно ориентироваться на интересы своих, русских купцов».

Каждый из исследователей прошлого мог бы привести факты, подтверждающие его взгляд. Валишевский мог сослаться на жалобы псковских купцов, которые страдали от

конкуренции шведов, на широкие привилегии, данные голландцам. Для Льва Гумилева важно решение земского собора, отказавшегося предоставить Джону Мерику, главе Английской компании, право торговать по Волге с Персией, по Оби с Китаем. По настоянию «торговых людей», купцов, собор отказал англичанам, недавно давшим заем молодому царю. Собор аргументировал отказ тем, что с Персией москвичи торгуют сами, перекупая товары у англичан, к тому же волжский путь опасен из-за разбойников. Еще опаснее — объясняли Джону Мерику — Обь, постоянно подо льдом, к тому же Китай государство невеликое и бедное. О Китае московские люди кое-что уже знали: в 1618 г. в Пекине побывали первые посланники — казаки Иван Петлин и Андрей Мундов. Делиться с англичанами возникшими возможностями Москва не хотела.

Различная оценка внешнеторговой политики первого Романова связана с тем, что для Михаила и Филарета главным были интересы государства, как они его понимали, т.е. интересы государя. Все другое имело второстепенное значение. Немедленное получение денег — за привилегии, особые льготы — было гораздо важнее долговременных целей, способствовавших развитию городов или облегчению положения населения. Немаловажную роль играли пристрастия царя. Михаил окружил себя врачами, аптекарями, окулистами, алхимиками, часовщиками (царь очень любил часы и во время обеда возле него стояло двое часов), фабрикантами органов.

Олеарий рассказывает, что в Москве во время его визитов жило много иноземцев, в том числе 1 тыс. протестанских семейств. Сначала они селились где хотели и повсюду ставили свои молитвенные дома (кирки). Против этого восстали священники, видевшие опасность в близком соседстве русских и «люторов». Все кирки были сломаны и разрешено иметь одну в Немецкой слободе, вдали от православных церквей. Иностранцы, жившие в Москве и обслуживавшие двор, находились в ведении аптекарского приказа. Им платилось жалованье деньгами и мехами, они получали кроме того довольствие: определенное количество пива, вина, меда, овса и сена.

Прежде всего иностранцы были нужны в армию. Иноземцы служили в московском войске издавна. Во второй половине XVI в. число наемных пехотных солдат, как сообщает Флетчер, достигало 4300 человек, около 4000 казаков (черкасов), около 150 голландцев и шотландцев, около 100 греков, турок, датчан и шведов. По мере роста значения пехоты в московском войске увеличивалось число стрельцов — пехотинцев, употреблявших огнестрельное оружие — мушкеты с фитилями, карабины и пистоли. Для обучения их требовались иностранные специалисты. Это было тем более необходимо, что в XVII в. московское войско сильно отставало по подготовке солдат и вооружению от западных армий. Посетивший Москву в конце века австрийский (имперский) дипломат И. Корб замечает, что только татары боялись московского оружия; западные соседи смеялись и над духом, и над искусством московских ратников[22].

Приглашение иноземцев-наемников было обычной практикой в европейских армиях эпохи. В лучшей из них, шведской, 4/5 армии составляли наемники — шотландцы, англичане, немцы. Но в армии Густава-Адольфа офицерами были шведы, солдатами — наемники. В московское войско приглашали наемников на офицерские, инструкторские должности. В 1626—1632 гг. в московское войско набирают около пяти тысяч наемников-пехотинцев. В инструкции вербовщикам говорилось, что могут нанимать людей всех наций, но только не католиков. Нужда в военных специалистах была очевидной для правительства. Их нанимали за дорогую цену. К ним относились подозрительно и настороженно. Аугустин Мейерберг, опубликовавший в Париже в 1661 г. рассказ о поездке в Москву, приводит высказывания иностранных офицеров на русской службе. Несмотря на высокое жалованье, многие сожалели, что пошли искать счастья в Москву: по выслуге установленного срока не было возможности вырваться домой. Если для удержания иностранца на службе долее срока не помогали разные приманки и награды, упрямца ссылали так далеко, что выбраться оттуда не представлялось возможным[23].

Моделью отношений к иностранцам может быть история неудавшегося бракосочетания дочери Михаила Ирины с иностранным принцем. Эту историю можно назвать романом Вольдемара. Ни один из историков царствования первого Романова не мог пройти мимо этой печальной повести. В 1643 г. в Москву прибыл со свитой в 300 человек сын датского короля Христиана IV Вольдемар. До этого, в результате долгих переговоров, было достигнуто соглашение: королевич берет в жены царевну Ирину, получая в приданое Суздальское и Ярославское княжества и сохраняя свою протестантскую веру. Портрета невесты ему не показали, опасаясь колдовства. Это было в порядке вещей: супруг, как требовали того московские нравы, мог увидеть впервые супругу только в брачной спальне. Григорий Котошихин, описывая свадебные обычаи и возможности подмены невест, которых жених до брака не видел, заключает: «во всем свете нигде такова на девки обманства нет, яко в Московском государстве; а такого у них (т.е. у русских. — *М.Г.)* обычая не повелось, как в иных государствах, смотрити и уговариватися временем с невестою самому»[24]. Хлопоты Вольдемара были связаны с другим обманом. От него потребовали, чтобы он перешел в православие. Когда он отказался и попросил разрешения вернуться домой, ему отказали. Королевич попробовал бежать, но был схвачен. Согласие Вольдемара на то, чтобы будущие дети стали православными, дела не продвинуло. Царь Михаил не хотел ничего слушать. Только смерть Михаила позволила Вольдемару через два года после приезда в Москву вернуться домой.

Принципиальная закрытость Московского государства, продиктованная страхом и самоуверенностью, подозрительностью и гордостью, усиливалась сознанием нужды в презираемых иностранцах. Им много платили, но их всегда рассматривали как шпионов или заложников. Война становилась наиболее простым, самым недвусмысленным выходом из закрытости, оставаясь одновременно наиболее эффективным способом сохранения обособления.

Набор наемников, увеличение армии и улучшение ее подготовки имели совершенно определенную цель. Начиная с 1626 г. идет планомерная подготовка войны с Польшей. Близился к завершению срок перемирия, и Москва собирала силы, твердо намереваясь вернуть захваченные Речью Посполитой русские земли. В апреле 1632 г. умер Сигизмунд III. Покойник был положен в гроб с московской короной на голове, его наследник Владислав IV продолжал считать себя избранным московским царем. Пока шла процедура избрания короля Речи Посполитой, в Москве собрался собор и постановил начать войну с Польшей. Тем более что была готова новая армия — 158 пушек, 32 тыс. воинов, в том числе около 4 тыс. швейцарских и немецких наемников. Командование было вручено боярину Михаилу Шеину, прославившемуся двадцать лет назад обороной Смоленска, и окольничему Артемию Измайлову.

Кампания началась блестяще, были захвачены многие города, но, подойдя к Смоленску, армия остановилась и начала осаду, которая не давала результатов 8 месяцев. За это время, уладив проблемы, связанные с выбором, новый король Владислав IV подошел к Смоленску и в свою очередь осадил осаждающих, войско Шеина. В феврале 1634 г. русские капитулировали, приняв условия победителей. 1 октября 1633 г. умер Филарет, уже знавший о поражении. Царь Михаил жестоко наказал побежденных командиров: Михаил Шеин, Артемий Измайлов и его сын были казнены, их подчиненные наказаны кнутом и сосланы. Суровость наказания была связана со смертью патриарха, покровительствовавшего Шеину, и возвращением к престолу родственников царя Салтыковых, ненавидевших воеводу.

Русские историки говорят о «Смоленской катастрофе». Действительно, поражение Шеина было сокрушительным. Но поляки не воспользовались успехом, несмотря на то что Москва, ведшая военные действия на Западе, подверглась жестокому набегу с юга: отряды крымских татар появились по соседству со столицей. Владислав первым предложил начать мирные переговоры. Мечта о шведской короне, которая не давала спать Сигизмунду III (ее положили рядом с его гробом), мучила и его сына, предпочитавшего Стокгольм Москве. 16

ноября 1632 г. в битве под Лютценом был убит Густав-Адольф. Наследнице Кристине было 6 лет. Владиславу показалось, что его час настал. Он не хотел принимать во внимание того, что не хотят авантюр на севере его польско-литовские подданные, что его не хотят шведы. Урегулирование отношений с Москвой было условием реализации шведских планов польского короля.

В 1635 г., сначала в Кремле, затем в Варшаве, был закреплен «вечный мир» между Московским царством и Речью Посполитой, названный Поляновским по речке Поляновке, на берегу которой встретились парламентеры в марте 1634 г. Москва согласилась отдать «навечно» то, что поляки уже получили по Деулинскому перемирию: Черниговскую землю (с городом Черниговом и Новгород-Северским) собственно Польше, Смоленскую землю (со Смоленском, Рославлем, Трубчевским и др.) — Литве. Победители получили 20 тыс. рублей контрибуции (хотя просили 100 тыс.) Владислав отказался от притязаний на московский престол, было отвергнуто польское предложение разрешить строить в Московском государстве костелы, вступать свободно в брак подданным обоих государств, приобретать вотчины полякам в Московском государстве, русским в Речи Посполитой. Варшавские дипломаты добивались, чтобы Михаил не писался «царем всея Руси», а «царем своей Руси», ибо часть Руси находилась в польском владении. Московские дипломаты категорически отвергли это требование. Наконец, поляки предложили, чтобы мир был утвержден присягой всех чинов Московского государства, на что получили ответ: «Мы холопи государя нашего и во всей его царской воле».

В начале февраля 1635 г. польские послы были приняты в Грановитой палате и поцеловали Михаилу руку. По московскому обычаю царь, давши поцеловать руку иностранцам, немедленно мыл ее из стоявшего рядом с троном рукомойника. Некоторых чужеземцев этот обряд обижал.

Условия Поляновского мира, которые могли быть гораздо более тяжелыми для Москвы, продемонстрировали важную черту московской дипломатии, ее внешнеполитической стратегии. Территориальные потери были тяжелыми, но они были, во-первых, неизбежными, как результат тяжкого военного поражения, во-вторых, ограниченными: Владислав не потребовал практически ничего, кроме того, что уже было в польских руках. Московские послы защищали прежде всего то, что было для них, для царя и государства самым важным — характер московского царства, его закрытость и твердость по отношению ко всем иноземным соблазнам, религиозным и бытовым.

Дополнительным примером отношения к территории как важному, но не единственному фактору государственной силы, стало «Азовское сидение», захват крымской крепости Азов казаками и отношение к этой победе Москвы. Начиная с 1627 г. Москва и Стамбул вели тайные дипломатические переговоры: Турция, воевавшая с Польшей, поощряла Москву, готовившуюся к войне с Варшавой. Константинопольский патриарх (с 1621 г.) кипрский грек Кирилл был ярым врагом «латинян», которых он хорошо знал, преподавая много лет в православных школах в Остроге и Вильне. Во время подписания унии он находился в Бресте, принадлежа к числу активнейших противников объединения церквей. Это принесло ему большой авторитет среди запорожского казачества. Патриарх склонял Москву присоединиться к альянсу протестантских государств, воевавших с Габсбургами и связанной с ними Польшей. Верным союзником протестантов была католическая Франция, враждовавшая с империей. Московское правительство не соглашалось ввязываться в 30-летнюю войну, не видя в этом особых интересов, не желая к тому же растрачивать силы разоренной страны на авантюры. Таковой не считалась, конечно, война с Польшей за «исконные земли».

В июне 1637 г. царь Михаил получил «подарок»: казаки захватили город Азов, принадлежавший Турции. Первый самозванец был убит в момент, когда он готовил поход на Азов, лежащий в устье Дона и препятствовавший выходу русских в Черное море. Царь сделал казакам выговор за самозванство, но велел город не отдавать, послал оружие,

припасы и хлеб. После того как Турция разбила персов, с которыми вела войну, после того как место умершего султана Мурада занял султан Ибрагим, огромное турецкое войско осадило Азов. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», поэтическое описание событий, сделанное современником, подробно рассказывает об осаде, длившейся 93 дня, о предложениях султана казакам уйти из города, захватив всю добычу, и о героическом сопротивлении 7590 казаков трехсоттысячной армии турок, крымских татар и наемников[25]. Осада Азова началась в июне 1641 г., не взяв город, турки ушли, но проблема осталась. Султан потребовал от царя вернуть Азов. Михаил поставил вопрос Земскому собору: стоит ли захваченный казаками город и возможности, открывающиеся перед тем, кто им владеет, войны с Турцией? Собор открылся в январе 1643 г., собравшимся было предложено письменно ответить на вопросы: воевать с турками или нет? Если воевать (война будет долгой), то где взять средства? Все единодушно объявили, что полагаются на государеву волю, но на вопросы отвечали по-разному. Служилые люди высказывались за войну, полагая, что сохранение Азова — в государственных интересах. Торговые и тягловые люди подчеркивали свое крайне тяжелое положение, невозможность платить больше, чем они платят, налогов.

Царь принял решение помириться с турками и отдать им Азов. Сыграло роль, несомненно, нежелание обложить налогами духовенство и монастыри, как предлагали дворяне и дети боярские северных уездов московского государства, и, возможно, понимание опасности усиления поборов с тяглового населения. Но, прежде всего, царь не хотел бросаться в рискованное предприятие, в которое хотели его втянуть «вольные казаки», мало считавшиеся с московскими интересами. Азов станет русским в 1696 г.: его возьмет армия, которой будет командовать внук Михаила — Петр I.

В апреле 1642 г. в Москву приехал посол султана и царь послал на Дон приказ казакам вернуться в свои курени. Далекое продвижение на юг казалось в Москве преждевременным. Пока велись (особенно активно в 1635—1638 гг.) работы по укреплению. Сооружаются города (1635 г. — Тамбов), строятся земляные валы, укрепленные пункты, засеки.

Московское государство потеряло во время смуты, в результате ослабления, территории на западе. Продолжая политику предков, бились в морские ворота Иван Грозный, Борис Годунов, Михаил Романов. Балтийское побережье осталось в руках противников. Более сильных, обладавших более совершенной военной техникой.

С большим напряжением сил защищало московское государство свои южные границы и не решалось, как показал Азов, двигаться вперед. Иначе обстояли дела на востоке. Даже смутные времена не остановили продвижения русских в Сибири. В царствование Михаила движение к океану значительно ускоряется. Власть Москвы закрепляется традиционным административно-династическим способом, внук сибирского царя Кучума, противника Ермака, назначается царем в Касимов (1641). Но, прежде всего, власть московского государства реализуется быстрым продвижением на восток, захватом земель, строительством укреплений, сбором ясака (налога мехами) с местного населения. На востоке Москва была носителем высшей цивилизации, не встречавшей к тому же серьезного сопротивления. В 1621 г. патриарх Филарет посвятил в Сибирь первого архиерея, архиепископа Киприана. В 30-е годы русские колонизаторы дошли до реки Лены, в 1632 г. был поставлен город Якутск.

Главное богатство Сибири — меха — составляли важнейший источник пополнения московской казны. Было очевидно, что закрепление приобретаемых огромных территорий возможно только в случае заселения русскими. Прежде всего, была нужда в земледельцах, пашенных крестьянах, как их называли. Они набирались из добровольцев, крестьянам давалась земля, деньги на обзаведение хозяйством и налоговые льготы на несколько лет. Десятую часть земли они должны были пахать в казну, этот хлеб шел на прокорм служилых людей. Добровольцев не хватало, и правительство переселяло крестьян насильственно из ближних, уже освоенных мест, в отдаленные. Это вело к побегам. Повторялось то, что

хорошо знали центральные районы Московского государства, в Сибири появились беглые, вольные люди Историки отмечают, что пороки тогдашних русских людей проявлялись в Сибири с особой силой. Слабая власть, туземное население, с которым нетрудно было справиться, особый климат создавали условия для проявления самых хороших и самых плохих черт характера. Пьянство дошло до таких размеров, что в Тобольске правительство закрыло кабаки, чего нигде в Московском государстве нельзя было делать, поскольку это наносило ущерб казне.

Потери на Западе не могли компенсироваться завоеваниями на Востоке, но государство, движимое внутренними импульсами, хотело распространяться во всех направлениях. Особенность русской истории в том, что задержка продвижения в одном направлении не мешала успехам в другом. Восток открывал замечательные перспективы. В 1636 г. томские казаки сообщили в Москву о существовании реки Амур, а через некоторое время известили, что достигли ее берегов. Посланники тобольского воеводы князя Куракина, отправившиеся в 1618 г. в Пекин, привезли два письма от императора Минг Ван-ли царю Михаилу. Из-за незнания китайского языка письмо оставалось непрочитанным до 1675 г. Император[26] объяснял, что не может отправить своих послов к царю, ибо дорога очень длинная, но предлагал приезжать с товарами. Пройдет некоторое время, пока предложение китайского императора будет принято. Пока оно спокойно ждало в московских дипломатических архивах.

12 июня 1645 г. царь Михаил умер. Ему было 49 лет, 32 года он провел на троне. Биограф, заключая жизнеописание первого Романова, перечисляет его качества: «Михаил Федорович был задумчив, кроток, послушлив, тих и религиозен». На его долю выпало управлять государством, которое, пережив страшную катастрофу, казалось, развалилось, перестало существовать. Царь передал своему наследнику страну в очень тяжелом положении, но начавшую приходить в себя. Михаилу очень помогал авторитет отца, патриарха, взявшего на себя основную тяжесть правления. Но не государственные таланты на троне были причиной выхода из кризиса. В числе важнейших факторов выздоровления была нацеленность на восстановление в первую очередь системы управления. С 1625 г. царь официально принимает титул самодержца. В это же время принимается множество законов, организующих административную структуру, прежде всего центральную бюрократию. Григорий Котошихин перечисляет, описывая их организацию и функции, 35 приказов, ведавших всеми государственными делами, в числе которых были как внешние сношения (посольский приказ), так и пушкарский, хлебный, ямской и другие. Государство стремилось контролировать все, управлять всеми сторонами жизни. Естественно, что бюрократическая машина московского государства работала со скрипом, медленно, ее необходимо было подмазать взятками, но она гарантировала порядок. Каким бы он ни был. Это было тем более необходимо, что народ вышел из Смутного времени гораздо впечатлительнее и раздражительнее, чем был прежде. Начинается время мятежей, «Бунташное время», как говорили современники. В царствование Михаила «раздражительность», нежелание терпеть лишения и своеволие помещиков и властей, выражается в появлении множества разбойничьих банд. В следующее царство недовольство взорвется мятежами, которые будут трясти государство.

Важным фактором стабилизации государства было международное положение. Михаил вел три войны: одну со шведами, две с Польшей. И все три проиграл. Москва вынуждена была признать территориальные потери, но это не стало трагедией. Ключевский констатирует: «Государство царя Михаила было слабее государства царей Ивана и Федора, но было гораздо менее одиноким в Европе»[27]. Тридцатилетняя война (1618—1648), совпавшая с царствованием Михаила, превратила Московское государство, благодаря, прежде всего, географическому положению, в завидного партнера. Острая враждебность православной церкви по отношению к «латинянам», католикам привлекало к Москве внимание протестантских участников войны (и их союзника Франции). В Москве не любили

«лютеров» тоже. Великолепный мастер слова Иван Грозный обнаружил, что Лютер происходит от русского слова — лютый. Но к «латинству» отношение было совершенно нетерпимым. В 1620 г. церковный собор по настоянию Филарета определил, что при переходе в православие католиков и униатов их следует перекрещивать. Более того, подлежали перекрещиванию и те православные, которых крестил униатский священник.

Внешнеполитическая ситуация принесла с одной стороны помощь московскому государству западных стран, противников католических Габсбургов, а с другой стороны определила первенствующую роль в Москве протестанских государств — Голландии, Дании, Англии, Швеции. Северные страны несли в Московию новую военную технику (в 1632 г. голландцы строят в Туле первый русский современный оружейный завод и арсенал), военную тактику и систему обучения солдат (в 1647 г. в Голландии было напечатано на русском языке первое пособие по подготовке пехотинцев). Административные порядки, организация бюрократической машины также были во многом заимствованы в протестанских странах.

Алексей Тишайший

А нынешнего царя обрали на царство, а письма он на себя не дал никакого, что прежние цари давывали, и не спрашивали, потому что разумели его гораздо тихим, и потому пишется самодержцем и государство свое правит по своей воле.

Григорий Котошихин.

После смерти Михаила никаких проблем с наследованием на царском троне не было. Брачное счастье пришло к первому Романову не сразу. В 1616 г. он выбрал в жены дочь бедного дворянина Марью Хлопову. Мать царя категорически воспротивилась и помешала браку. Восемь лет спустя, в 1624 г., царь женился на дочери князя Владимира Долгорукого, которую также звали Мария. Она умерла через 4 месяца, видимо, была отравлена. Только в 1626 г. Михаил нашел, наконец, себе жену, которая всех устроила, дочь незнатного дворянина Евдокию Стрешневу. Она родила ему десятерых детей, но шестеро умерли в юности. После смерти царя оставались в живых наследник Алексей и три дочери — Ирина, Анна, Татьяна.

Алексей вступил на престол, как и его отец, в 16 лет. Современники удивлялись мягкому, доброжелательному характеру царя, и в русскую историю он вошел под именем Тишайшего. Письма Алексея Михайловича — он любил их писать и писал много — подтверждают впечатление тех, кто встречался с государем. Царское добродушие сменялось иногда вспышками гнева, но он проходил быстро. В пятилетнем возрасте царевича стали учить грамоте: первым чтением были часовники, псалтыри, деяния апостолов. Он не перестанет читать религиозные книги всю жизнь — глубокая религиозность, проявлявшаяся, в частности, в ревностном исполнении церковных обрядов, была одной из важнейших черт его характера.

Биографы упоминают, что в небольшой библиотеке будущего царя были среди религиозных книг лексикон и грамматика, изданные в Литве, а также «Космография» и «печатные листы», т.е. картинки. Они подчеркивают, что ребенком его и брата одели в «немецкое платье». Новые, нетрадиционные формы воспитания наследника были введены воспитателем, «дядькой», как он официально назывался, боярином Борисом Морозовым. После восшествия на престол Алексея Морозов в течение долгих лет был главным

советником царя. Отношения между монархом и советником были очень дружеские, что вообще было характерно для Алексея: он очень привязывался к близким людям, с трудом расставался с ними, даже когда этого требовали обстоятельства. Обладая созерцательной, пассивной натурой, он легко поддавался влияниям, чем, как правило, советники пользовались. Соглашаясь с мнением современников, в первую очередь иностранцев, Сергей Соловьев считает Бориса Морозова умным правителем, который, как выражается историк, «не сумел возвыситься до того, чтобы не стать временщиком».

Умный, образованный для своего времени, не только много читавший всю жизнь, но и писавший — ему принадлежит книга о соколиной охоте, которой он очень увлекался («Урядник сокольничья пути»), отрывки воспоминаний о польской войне (начатые и не законченные), опыты версификации, — Алексей Михайлович правил московским государством в тяжелые времена. Его называли Тишайшим, но вторая половина XVII в. была на Руси необыкновенно шумной. Царствование сына Алексея — Петра Великого — затмит годы правления отца. Но по своему значению в русской истории они, возможно, не менее важны. Во всяком случае, бесспорно, что без успехов, достигнутых в царствование Алексея, реформы Петра I были бы невозможны.

Относительность понятия «успех» не нуждается в доказательствах. В истории это особенно очевидно: вчерашний успех оказывается завтрашней неудачей — и наоборот. Московское государство при Алексее ведет бесконечные войны, в большинстве своем неудачные, его потрясают бунты, мятежи, восстания, налоговый гнет давит все сильнее и сильнее, православная церковь переживает самое тяжелое испытание в своей истории. И одновременно, несмотря ни на что, Москва становится сильнее и сильнее. Могучие соседи. Речь Посполитая и Швеция, которые в начале века, казалось, подписали ей смертный приговор, слабеют и к началу будущего века перестанут быть значащими факторами в истории Европы.

В самом начале XVI в. предсказание монаха Филофея (Москва — третий Рим) было выражением безумной мечты, иррациональной веры в Божественное предназначение, в избрание столицы небольшого княжества, затерявшегося в лесах, центром истинно христианской империи. В XVII в. после всех потрясений, пережитых московским государством, появляется материальная основа, позволяющая верить в возможность реализации пророчества.

Историки, философы, социологи, идеологи давали множество разных объяснений. Особенности русской истории и русского характера находили в географии (пространство и климат, лес и реки), в этнографии (смешение славян, финнов, татар), в геополитике (месторасположение в Евразии). Общий знаменатель разнообразных историософских теорий: выделение как важнейшего фактора феномена отношений между государством и подданными. Василий Ключевский изложил русскую историю в лаконичной формуле: государство тучнело, народ хирел.

Взгляд Ключевского не вызывал и не вызывает возражений. Меняются, в зависимости от взглядов историков, оценки: одни считают, что рост силы государства — это успех, несмотря на хирение народа. Другие, это были, прежде всего, советские марксисты, одинаково высоко ставившие государство и народ, видели в классовой борьбе один из инструментов усиления государства. Николай Бердяев, констатируя «духовный провал идеи Москвы как Третьего Рима», объясняет его тем, что «идеология Москвы как Третьего Рима способствовала укреплению и могуществу московского государства, царского самодержавия, а не процветанию церкви, не возрастанию духовной жизни»[28].

Николай Бердяев, можно сказать, перефразирует Ключевского: государство тучнело, духовная жизнь хирела. Возникает вопрос, почему так происходило? И на этот вопрос есть много ответов. Прежде всего — мессианский. Люди Московского царства, — пишет Н. Бердяев, — считали себя избранным народом. Философ добавляет: «Русское религиозное призвание, призвание исключительное, связывается с силой и величием русского

государства, с исключительным значением русского царя»[29]. Дореволюционные историки объясняли необходимость могучего государства необходимостью защиты от иноземных захватчиков, неизбежностью сильного государства на евразийской равнине. Советские историки, называвшие централизованное государство прогрессивным, ибо более сильным, чем раздробленное, видели его миссию в строительстве социализма.

Во второй половине XIX в. историк Иван Забелин подробно изложил идею «родового начала» как объяснение русского отношения к самодержавию, к государству. Он начал со ссылки на Григория Котошихина, который, объясняя, почему иностранным послам никогда не разрешали передавать подарки своих монархов русским царицам лично, писал: «Для того, что московского государства женский пол грамоте неученые, и не обычай тому есть, а породным разумом простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужества своего у отцов своих живут в тайных покоях, и опричь самых ближних родственных, чужие люди, никто их, и они людей, видети не могут»[30]. И. Забелин видит в описании положения женщины в русском обществе характеристику самого общества, состояние его умственных и нравственных сил, состояние его образованности и гражданской свободы. Историк рассуждает: отчего такому обществу быть гораздо умным и смелым, т.е. свободным, когда оно неученое, умственно неразвитое; когда от младенческих лет и до старости оно живет в тайных покоях, т.е. во всякой умственной и нравственной опеке и цензуре и никогда и ничего не видит, т.е. ничего не знает кроме самых ближних, родственных учений и наказаний Домостроя. Содержание общества, как и женщины в тереме, закрытым, объясняет, «отчего в нем не действует живая сила человеческой свободы и нет в нем развязных свободных движений ума и воли»[31].

Иван Забелин пишет это во второй половине 60-х годов XIX в., в эпоху великих реформ, которые меняли жизнь общества, пробуждали «развязные свободные движения ума и воли». В поисках причин, объяснения характерных особенностей русского общества, человека и государства, историк обращается к древнейшим временам и обнаруживает семью семей, т.е. род, как первоначальную клетку древнего русского общества. Поэтому древняя власть была власть по преимуществу родовая. В семье управлял и властвовал отец, родитель властвовал в роде. Он же властвовал в государстве: «Где бы, в какой бы форме родовая власть ни возникала, она везде и всегда была властью отеческой со всеми своими свойствами: с одной стороны, с непомерной жестокостью безотчетного произвола; а с другой — с той любовной родственностью в отношених, которая всегда ставила ее в непосредственные родственные, братские отношения к подвластной среде»[32].

Родовые отношения — это отношения отца и детей, опекуна и опекаемых. Это было, — пишет И. Забелин, — «начало нашего развития, такое крепкое начало, по которому русский народ даже и до сих пор понимается и ведется как малолеток, недоросль, требующий на всяком шагу, во всех его жизненных стремлениях и движениях неусыпных забот и попечений родительских». И. Забелин пишет «до сих пор» в 1869 г. Он мог бы повторить эти слова более столетия спустя: родовое начало остается, как писал автор «Домашнего быта русских цариц», «нашим нравственным и политическим бытовым воздухом, которым мы жили, дышали в течение всей нашей истории»[33].

Характер родовых отношений определяет принципиальное различие русского общества от западного. Родовой дух препятствует строгому распределению, разграничению прав, все сливается в одну нераздельную массу родства. Личность понимается только по отношению к отцу: старше или младше. Общество на Западе, пишет И. Забелин, является «совокупностью независимых друг от друга равноправных личностей, у нас совокупностью родни».[34] Историк иллюстрирует свою мысль примером. Идеалом западного средневекового общества был рыцарь: он становился рыцарем не потому, что его посвящали в это звание, а потому, что личными качествами и доблестями он воплощал идеал достойного человека. На Руси «идеал хорошего достойного человека личность искала не в себе самой, а в своем отечестве, в своем роде, в своем родовом старшинстве»[35]. По нашим старым понятиям, —

объясняет И. Забелин, — человек почитался в обществе достойным не потому, что на самом деле высок был своими нравственными или умственными качествами или какими заслугами и доблестями, а прежде и первее всего потому, что высок был своим родовым старшинством, т.е. старшинством своего рода или старшинством в своем роде»[36]. Место в обществе человеку указывали его род, его отечество, а не личные заслуги, таланты или доблести. Это значило также особое понимание чести. Рыцарская честь строго охраняла неприкосновенность личности. Честь рыцаря лежала в идее собственного достоинства. Честь русской личности лежала в идее достоинства рода или отечества. И. Забелин высказывает предположение, что само слово честь происходит от слова «отчить», т.е. относиться к человеку, как к отцу, воздавать человеку отеческое уважение. В связи с этим для русского боярина не было никакого бесчестия в наказании, которому его мог подвергнуть государь, воплощение отца.

Иван Забелин отвергает предположение, объяснение, даваемое некоторыми русскими историками, что московское самодержавие было «татарской идеей», формой власти, принесенной и навязанной Батыем. По его мнению, «самодержавие в своей самовластной форме XVI и XVII вв. явилось роскошным цветом, плодом именно родовой культуры, которая заботливо воспитала нас с самых первых времен нашей истории»[37].

В царствование Алексея Тишайшего, длившееся 31 год, произошли события исключительной исторической важности: Украина перешла «под руку» московского царя; православная церковь раскололась на сторонников реформы патриарха Никона и на «старообрядцев», верующих, отказавшихся принять нововведения. Кроме того, государство вело войны с Речью Посполитой, Швецией, Турцией. На фоне этих событий шло усиление самодержавной власти, которая крепла в условиях глубокого социального кризиса.

Осень Московии

Часы на Спасской башне были установлены в 1624—1625 гг. англичанином Головеем. 5 октября 1654 г. во время пожара часы обрушились и сломались. Позже были восстановлены.

Хроника

Немцы изобрели механические часы, кошмарный символ бегущего времени... Первые башенные часы в Германии появились около 1200 г.

О. Шпенглер

Новое время приходило в Москву, и часы на кремлевской башне были тому свидетельством. Менялись нравы. В 1648 г. Алексей Михайлович, 19-летний государь, приказал разослать по всем городам грамоту, запрещавшую «бесовские мирские игры, сатанинские песни и позорища (представления)», ослушников на первый раз велено было бить батогами, а на второй бить батогами и ссылать, все музыкальные инструменты надлежало отобрать и уничтожить. Однако позже царь Алексей позволил прибывшим в Москву странствующим немецким актерам показать во дворце «свое искусство и представлять историю Ассуира и Эсфири, написанную комически». Прошло четверть века после запрещения «бесовских игр», и в Москве появился театр. Историки объясняют, что царь недавно, после смерти жены, вступил во второй брак, а молодая царица, Наталья Нарышкина, была очень веселого нрава и влюбленный в нее Алексей старался доставить ей удовольствие. Несомненно, однако, что изменение отношения монарха к веселию отражало

перемены, наступившие в государстве. Бесспорно также, что изменения шли с запада и из Кремля.

Время не было веселым. Молодой царь обнаружил это очень скоро. Едва достигнув 18 лет, Алексей решил жениться. Собрали около 200 девиц, царю представили шесть, он выбрал ту, которая ему больше всего понравилась. С точки зрения организатора свадьбы Бориса Морозова, выбор был неправильным. Воспитатель царевича стал после восхождения Алексея на престол правителем государства и хотел с помощью брака упрочить свое положение. В царские невесты была выбрана старшая дочь дворянина Ильи Милославского Мария, на младшей дочери женился Морозов. Бракосочетание царя произошло 16 января 1648 г. Брак был счастливый, Алексей очень любил жену, которая родила ему 13 детей. Брак 60-летнего Морозова с юной Анной Милославской не принес радости царскому фавориту. С. Коллинс, английский врач Алексея, в рассказе о своем девятилетнем пребывании в Москве, насплетничал, сообщив, что «вместо детей у Морозовых родилась ревность, и молодой жене старого боярина пришлось изведать кожаную плеть в палец толщиной».

Главными были не семейные хлопоты. 25 мая 1648 г. толпа москвичей остановила царя, возвращавшегося из церкви, чтобы пожаловаться на правление Морозова и его подручных: Леонтия Плещеева, ведавшего земским приказом, куда приходили жалобы населения, и Петра Траханиотова, ведавшего пушкарским приказом и жестоко обходившегося со служилыми людьми. Всех троих обвиняли в повышении налога на соль в несколько раз. Возмущение соляным налогом, введенным в 1647 г., было так велико, что его вскоре отменили, но память о несправедливости была еще очень жива, и недовольные многим другим москвичи требовали наказания инициаторов налога. Царь убедил толпу разойтись, но затем бунт вспыхнул с новой силой, мятежники бросились к Кремлю, разгромили дом Морозова и его соратников. Бунт продолжался и на следующий день. Чтобы спасти своего друга и воспитателя, царь отдал на растерзание Плещеева и Траханиотова, но защитил, не выдал Бориса Морозова. Начавшийся пожар в городе отвлек внимание бунтовщиков. В народе говорили, что пожар прекратился, когда догадались бросить в огонь тело Плещеева. Как сообщает Олеарий, огонь после этого стал утихать. Волнения в Москве вошли в историю под названием «соляного бунта».

Первой причиной бунтов были налоги. Тяжелейший налоговый пресс на московское население объясняет непрекращающиеся бунты, мятежи, восстание Степана Разина, сотрясавшие Москву в XVII в., в особенности в царствование Тишайшего царя. Были и другие причины: не улеглись еще волны Смуты; появление в большом количестве иностранцев, очевидные знаки их влияния вызывали недовольство; завершилось (законодательным путем) закрепощение крестьян, ограничение прав городских жителей равнялось их закреплению по месту жительства. Раскол церкви подольет масла в огонь мятежей.

На соборе 1620 г., созванном для решения вопроса о торговле с Английской компанией Джона Мерика, царь и патриарх ясно сказали: «Ведомо вам всем, что по грехам в московском государстве от войны во всем скудость и государской казны нет нисколько, кроме таможенных пошлин и кабацких денег государевым деньгам сбору нет»[38].

Эти статьи продолжали оставаться главными источниками государственных доходов и при Алексее. Некоторые историки не стесняются называть московское возмущение 1648 г. кабацким бунтом, ибо бунтовщики настаивали, в числе других просьб, на отмене откупной системы на кабаки и виноторговлю. В челобитной царю московские выборные люди писали: «На Москве и около Москвы устроены патриаршие, монастырские, боярские и других чинов людей слободы... В них живут закладчики и их дворовые люди, которые... откупают таможни, кабаки... и от этого они, служилые и тяглые люди, обнищали и одолжали...». Царя просили, чтобы «везде было все государево»[39].

Москвичам, которых безжалостно эксплуатировали частные виноторговцы, казалось, что в «государевом кабаке» напитки будут дешевле. Было в требовании и нежелание дать

обогащаться кому-то, а не государству. В 1652 г. вопрос о кабаках рассмотрел Собор, решивший ввести винную монополию. Частные кабаки были запрещены, а в каждом городе были учреждены кружечные дворы, откуда вино отпускалось во все кабаки и шинки. Ими заведовали двое присяжных, которые должны были ежегодно вносить в казну известную сумму денег. Олеарий сообщает: «В настоящее время таких кружечных дворов во всем государстве считается до тысячи. Они приносят государю огромные деньги»[40]. В кабаках висел указ царя, предупреждавший «Питухов от кабаков не отзывати, не гоняти, ни жене мужа, ни отцу сына, ни брату, ни сестре, ни родне иной, покудова оный питух до крест не пропьется». Крест был единственным предметом, который нельзя было заложить в кабаке. По словам Коллинса, жившего в Москве в период винной монополии, ежегодно в царскую казну поступало в Москве по 10-20 тыс. рублей с кабака. Кабаков, замечает современник, было множество. Государственные напитки стоили действительно дешевле частных: цена была установлена в полтину за ведро (12 литров). Современный исследователь, написавший первую историю водки в России, настаивает на русском приоритете в деле изобретения популярного напитка, но признает, что в русском языке термин появился не ранее XIX в. До этого времени водку называли вином: хлебное вино (по происхождению — спирт делался из хлеба), жженое вино (перевод немецкого «брантвайн») и т.д.

Основной налог взимался с земли — посошная подать. Очень тяжелым был целевой налог (стрелецкие деньги), собиравшийся на содержание войска. В 1618—1663 гг. он увеличился в 10 раз. В 50—60-е годы, когда велись долгие, изнурительные войны с Польшей и Швецией, регулярно проводились сборы «пятой деньги», «десятой деньги», «двадцатой деньги», размер которых равнялся соответственно 20, 10 и 5% всего дохода и имущества. Этот налог взимался с торгово-ремесленного населения городов.

В 1656 г., во время войны с Польшей московское правительство нашло простой и легкий способ пополнить государственную казну: был выпущен медный рубль, который получил официально цену серебряного рубля. Соотношение цен обоих металлов составляло 62,5 : 1. На медные рубли стали скупать серебряные, легкость производства искусила многих: медные деньги появились в количестве, далеко превышавшем государственную эмиссию. Цена медного рубля стремительно падала, цены так же стремительно росли. Народное возмущение достигло точки взрыва, когда стало известно, что активно производит фальшивую монету тесть царя Илья Милославский, ведавший в то время пятью приказами, в том числе Большой казны приказом. По свидетельству современников, отец царицы, глава департамента министерства финансов (как можно перевести на современный язык его пост) отчеканил на свой счет 120 тыс. рублей. О размерах этой суммы можно судить, учитывая, что ежегодно в это время в казну поступало, как сообщает Котошихин, 1311000 рублей.

25 июля 1662 г. Москва взорвалась: толпа отправилась в село Коломенское, где находился царь, с требованием выдать виновников тяжелого положения. Царь вышел на крыльцо и уговаривал москвичей. Они, как записал свидетель, хватали его за пуговицы и кричали: «А чему нам верить?» Царь призвал в свидетели Бога и ударил по рукам с одним из мятежников. «Медный бунт» продолжался еще два дня и прекратился только после вмешательства стрельцов. Мятежники были сурово наказаны: многие были повешены возле Коломенского села, других подвергли пытке и отсекали руки и ноги, менее виновных били кнутом и, заклеймив буквой «б» (бунтовщик), сослали на вечное жительство в Сибирь. Медный рубль был отменен только через год.

Соляной (или Кабацкий) бунт 1648 г. и Медный бунт 1662 г. произвели огромное впечатление на современников и историков, ибо трясли столицу государства. Но полтора десятилетия, отмеченные московскими мятежами, были временем непрерывных волнений, вспыхивавших в разных городах Московского государства: в Новгороде, Пскове, Устюге Великом, Курске, Воронеже, Тотьме и других. География бунтов свидетельствует, что волнения вспыхивали в центре, на юге и на севере страны. Это были преимущественно городские восстания. Во второй половине 60-х годов на Дону начинается казацко-

крестьянское волнение, которое в 1670—1671 гг. превратится в крестьянскую войну, возглавляемую Степаном Разиным.

Недовольны все слои населения, но бунты, мятежи, восстания были выступлениями против порядков, но не против порядка, в центре которого стоял царь. Алексей твердо верит в богоустановленность и даже боговдохновенность своей власти. Мягкий и отзывчивый человек, Алексей резко отрицал наличие каких бы то ни было прав у государевых людей, всех жителей Московского государства, перед верховной властью. «Кого не слушаешь? — упрекал царь боярина, не выполнившего царского указа, — самого Христа?» Народ имел такое же представление о царе, видя в нем источник высшей справедливости. У него искали защиты от произвола властей, от бесправного положения.

Царь действовал, если доходили до него челобитные, вмешивался в работу приказов, организуя (пытаясь организовать) надзор за администрацией.

Народные выступления всегда были направлены против бояр и приказных людей, против «злых советников». Народ не возражает против опеки, но только в том случае, если это будет опека царская. Справедливая по определению, ибо идущая от Бога. В русском языке слово «свобода» не равнозначно слову «воля». Свобода приходит в язык поздно, воля присутствует всегда. Свобода — иностранного происхождения и означает личную свободу. Воля — выход, как правило, насильственный из-под опеки. Философия и практика власти состояли в том, чтобы не давать воли младшему, низшему по положению. Обретение воли становилось актом насильственным. Волю можно было дать, волю можно было взять. Она носит характер материальный, внешний, не имея нравственного смысла свободы. Взять волю можно было в двух случаях: когда человек обладал богатырской силой, позволявшей ему сбрасывать мягкие цепи опеки, или когда ослабевала внешняя сила, охранявшая опеку.

Воля, вырвавшаяся наружу, приобретала нередко формы необузданного самоволия, жестокого веселия вседозволенности. В XIX в. Пушкин, оглядываясь на историю своей страны, предупреждал об опасности русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Бунт, казавшийся великому русскому поэту из рационального XIX в. бессмысленным, имел для мятежников XVII и XVIII вв. свой глубокий, очевидный им смысл: участники Соляного и Медного бунтов ходили искать правду к царю, в армии повстанцев Степана Разина два струга — один был покрыт красным, другой черным бархатом — были отведены «царевичу Алексею Алексеевичу» (умершему до начала восстания сыну царя) и «патриарху Никону». Почетных гостей разинской армии никто никогда не видел, но это не мешало восставшим воевать против бояр, воевод и приказных, за царевича, Никона и Степана Разина. Разницы выражали недовольство царем Алексеем, но смягчали его, перенеся свою веру в царя на его сына.

Через несколько недель после Соляного бунта царь, посоветовавшись с церковными иерархами и думскими боярами, приказал пересмотреть и исправить существующие законы. К. Валишевский, указывая, что законодательная деятельность была главной задачей века, добавляет: «Москва опередила в этом отношении Францию Людовика XIV и Кольбера, где лишь в 1663г. приступили к составлению «французского права»[41]. Комиссия под председательством князя Никиты Оболенского принялась за работу 16 июля 1648 г. В ее задачу входило выбрать из апостольских правил, писаний отцов церкви, из византийских законов («номоканона») статьи, пригодные для царской юстиции, сверить указы прежних государей и решения боярских дум с постановлениями древних уложений, отредактировать выбранные тексты, добавить необходимые новые постановления. Работа была выполнена в необыкновенно короткий срок. 1 сентября 1648 г. был созван Собор, а в январе 1649 г. Уложенная книга, или Уложение, т.е. свод законов, была утверждена. Уложение действовало почти два века, до составления свода законов в 1833 г. Ироничный Ключевский считает, что «это говорит не о достоинствах Алексеевского свода, а лишь о том, как долго у нас можно обойтись без удовлетворительного закона».

Бесспорно, Уложение постаралось ответить на все вопросы. В нем было около тысячи статей. Оригинальный текст, обнаруженный в 1767 г. в кремлевской Оружейной палате, представлял собой свиток шириной в 22—26 см и длиной в 308 м. Он был составлен из 959 листов пергамента.

Свод законов — Уложение — регламентировал обязанности общества по отношению к государству и упорядочивал систему управления. Московское общество, вышедшее из Смуты, состояло из четырех основных групп: 1) люди служилые, 2) тяглые посадские, 3) тяглые сельские, 4) холопы. Они различались, прежде всего, родом повинностей: служилые служили государству в армии или администрации, посадские (жители городов) платили налоги от торговой или промысловой деятельности, сельские тяглые (крестьяне) платили сельскохозяйственными продуктами. Уложение установило, возможно, не имея этого в виду, точную классификацию социального положения всех групп населения, установив тариф наказаний за оскорбление чести. Думные люди — бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки — стояли на самой высокой ступени социальной лестницы (вслед за царевичами — потомками мусульманских правителей, принявших христианство, и князьями). За бесчестие, нанесенное им, наказывали кнутом и тюрьмой. В остальных случаях за бесчестие платили штраф от 5 рублей до 1 рубля: его размер соответствовал социальному положению оскорбленного. Особый класс составляли Строгановы, богатейшие купцы, поставщики серебра. Их бесчестие «стоило» 100 рублей. Кара за бесчестие, нанесенное женщине, была вдвое выше, чем за оскорбление мужчины, а за девицу платили вчетверо. Холоп не получал за бесчестие ничего и ценился по закону в 50 рублей.

Особенностью московской социальной структуры была ее подвижность, между группами имелись подгруппы: посадские занимались земледелием, крестьяне — торговлей, желавшие уйти от тягла записывались в кабальную зависимость к помещику. Уложение ликвидирует мобильность, закрепляет посадских в городе, запрещая им записываться на службу, отдавать себя в кабалу и даже переходить из посада в посад. Город превращался в административный центр, где жили чиновники и обслуживавшие их нужды посадские, и не играл важной роли в экономической и социальной жизни страны.

Уложение окончательно и безоговорочно закрепощает крестьян. Закон запрещал переход от помещика к помещику, крестьянин прикреплялся к земле. Были отменены сроки давности поисков беглых, беглеца возвращали хозяину, независимо от времени, прошедшего после побега: крестьянин прикреплялся к помещику. Он одновременно прикреплялся к государству: труд на помещика рассматривался как род службы на государство, как материальное обеспечение служебных обязанностей помещика. Закрепление крестьян значительно увеличило удельный вес дворян, класса, ставшего после разгрома боярства в смутное время, господствующим военно-служилым и землевладельческим классом. Перепись 1678 г. свидетельствует, что в стране насчитывалось 888000 дворов, из них крестьянам или свободным мещанам (посадским) принадлежало 10,4%, церкви — 13,3%, двору — 9,3%, боярам — 10%, дворянам — 57%[42].

Крепостное право, крепостная зависимость крестьян, подавляющего большинства населения, на протяжении последующих двух столетий будут основной особенностью русской государственной системы, источником ее силы и ее слабости, фактором, определяющим превращение московского государства в российскую империю и отсталость страны. Характер крепостной зависимости крестьян будет меняться, но в главном останется таким, каким определило положение сельского тяглового населения Уложение 1649 г. Уложение подчеркнуло различие в положении крепостного крестьянина и холопа, раба. Может быть, самым красноречивым выражением сути крепостничества было вписанное в закон запрещение крепостному крестьянину продавать себя в холопство, в полное рабство, что, как упоминалось выше, делалось для ухода от уплаты тягла. Основное различие между холопом и крепостным заключалось в том, что первый являлся частной собственностью владельца, второй, как настаивает и подчеркивает Уложение, — собственностью

государства. Василий Ключевский объясняет: «Государство, воспрещая лицу частную зависимость, не оберегало в нем человека или гражданина, а берегло для себя своего солдата или плательщика. Уложение не отменяло личной неволи во имя свободы, а личную свободу превращало в неволю во имя государственного интереса». Как обычно, историк резюмирует лаконичной формулой: «Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутом».

«Личная свобода», о которой говорит В. Ключевский, была свободой крепостного состояния, если можно использовать взаимоисключающие понятия. Крепостной мог считаться «свободным», ибо, в отличие от холопа, личной собственности помещика, он был прежде всего собственностью царя. Иван Посошков (ок. 1652—1726), первый русский политэконом, выпустивший в царствование Петра I «Книгу о скудности и богатстве», писал, что помещики владеют крестьянами временно, а «царю они вековые». Царь передал крестьян помещикам, возложив на них заботу о сборе тягла, сделав их финансовыми агентами государства. Существование высочайшего хозяина и покровителя не смягчало тяжести крепостного состояния, но крепостной не ощущал себя полным рабом помещика, ибо над помещиком и над ним был царь.

Отражением особого характера крепостной зависимости была община, возникающая в XVI—XVII вв. Не замечаемая и внезапно «открытая» в XIX в., община превратится в объект беспощадных идеологических споров, эхо которых слышно и в конце XX в. Община, включавшая всех обитателей деревни, возникла как инструмент, способствовавший взиманию налогов с крестьян. Члены общины были связаны коллективной ответственностью за уплату тягла, которое разделялось между всеми. Постепенно община становилась формой самоуправления, распределяла земельные участки, обрабатываемые крестьянами, предотвращала бегство (сокращение числа членов увеличивало налог, который должны были платить оставшиеся), позднее определяла, кому служить в армии и т.д. Решения принимались общим собранием всех членов общины. Община была формой прямой демократии. Автор «Восточного деспотизма» Курт Витфоегль называет ее «демократией нищих». Для членов общины она была формой существования, миром. До реформы русской орфографии, проведенной в 1917 г. Временным правительством, можно было по написанию знать, идет ли речь о мире — планете, земном шаре, или о мире — общине. После реформы оба слова пишутся одинаково, подчеркивая общность понятий. Для русских крестьян мир — община был миром, в котором они жили, не зная часто о наличии внешнего мира, в котором все были равны, ибо никто не имел прав, а на всех лежали одинаковые обязанности.

Борис Чичерин (1828—1904), консервативный историк и правовед, представил очень сжато русскую историю как процесс закрепощения: в средние века, хотя и существовали рабы, значительная масса населения была свободной. Бояре, слуги и крестьяне ходили с места на место, из одного княжества в другое, вступая только в срочные связи на основании свободного договора. Это бродячее состояние было несовместимо с новым государственным строем. Когда московские цари стали строить единое здание государства, они наложили на все сословия государственное тягло. Переход был воспрещен; свобода исчезла. «Прежде всех укреплены были бояре и слуги: из вольных людей они превратились в холопей государя, обязанных служить ему всю свою жизнь. Затем укреплены были посадские; наконец дошла очередь и до крестьян. Для того, чтобы служилые люди могли нести свою службу, им необходимы были средства, а пустая земля, которую они получали от правительства, средств не давала; пришлось прикрепить к ней население. Таким образом, закрепощение одних влекло за собой закрепощение других». Борису Чичерину эта стройная схема нравится, ибо он пишет через 20 лет после того, как были освобождены крестьяне и завершился обратный процесс — раскрепощения России. Он шел, по мнению историка, от освобождения дворян, потом городского сословия и, наконец, крестьянства.

«Всеобщее крепостное право, — подводит итог Борис Чичерин, — несомненно содействовало общественному развитию; благодаря ему Россия сделалась великим и образованным государством»[43].

Закрепив на месте население, подробно определив положение дворян, нового господствующего общественного слоя (поместья были приравнены к вотчинам, т.е. могли передаваться по наследству), Уложение дает ответ на вопрос об управлении государством, в котором все расставлены по полкам, имеют свое место. Изменения не носили характера реформ, они диктовались практическими нуждами, т.е. прежде всего неудовлетворительностью старых учреждений. Целью изменений были поиски новых средств для лучшего решения старой, но ставшей во второй половине XVII в. особенно актуальной задачи: извлечение из населения наибольшего количества средств, необходимых войску.

Первым средством была централизация. Уложение сделало попытку навести некоторый порядок в необыкновенно сложном аппарате центрального управления, насчитывавшем около 50 приказов и подведомственных им ведомств. Каждый из них старался захватить себе как можно больше функций, что вело к переплетению обязанностей и полной неразберихе. Приказ Большого дворца, объединявший все другие, обеспечивавшие функционирование царского двора, не мог доставлять государю чулок и перчаток, ибо это было обязанностью посольского приказа, ведавшего иностранными делами. Приказ тайных дел, в котором некоторые историки видят зародыш политической полиции, занимался прежде всего соколиной охотой, великим любителем и знатоком которой был Алексей, а также производством гранат; через него царь вел личную переписку, особенно по дипломатическим и военным делам. Наблюдение за порядком в стране входило в функции Разбойного приказа. Уложение включило в систему управления приказ «слова и дела государева», который и был прообразом политической полиции. Достаточно было произнести «слово и дело государево», что означало наличие информации о государственном преступлении, чтобы оказаться перед следователем. Ограничением волны доносительства был принцип «доносчику первый кнут». Несмотря на изъявленное доносчиком добровольное желание поделиться сведениями о преступлении, его подвергали порке кнутом, чтобы проверить подлинность показаний.

Архаическая приказная система не была изменена, если не считать таковым увеличение числа приказов. Нововведением были перемены в управлении областями. Органом централизации стала должность воеводы. До сих пор воеводами называли командующих войсками, Уложение назвало воеводами представителей центральной администрации, присылаемых в области для управления от имени государя. Воеводы заменили наместников, которых посылали кормиться в награду за службу: он «собирал» «корм» для себя. Теперь воевода действовал как представитель государства. Древняя и архаичная система «кормления» была ликвидирована в 1556 г., но нравы не переменились. Воеводам жалованья от правительства не полагалось, зато они могли получать добровольные приношения, «подарки» от управляемых. Земские учреждения, существовавшие в уездах, ведавшие судебно-полицейскими делами, были подчинены воеводам, ставшим полновластными хозяевами подчиненной им территории, ответственными перед приказами, перед центральной администрацией.

Уложение 1649 г. стремится улучшить деятельность старой машины путем увеличения контроля, подчинения всех государственных функций надзору. Начинается медленный переход — он будет завершен при сыне Алексея Петре — к новой форме государственного управления, к полицейскому государству. Его главные черты: правительственная опека и полицейское вмешательство во все области жизни, подчинение экономики казне, наличие широко разветвленной бюрократии. Полицейское государство не только устанавливает правовые нормы, но и берет на себя заботу о благополучии подданных. Московское полицейское государство доводило заботу о благе подданных до крайних

пределов. Запрещалось (но когда финансовые трудности были очень велики, разрешалось) курить или нюхать табак. В разгар антитабачной кампании (против дьявольского зелья) за курение отрезали нос. Определялись нормы питья водки (при острой фискальной необходимости питье поощрялось). Предписывалось хождение в церковь и число говений в году. Наказания в московском государстве в XVII в. не были более жестокими, чем в европейских государствах того времени. Они только применялись чаще, ибо государство больше заботилось о своих детях. Уложение предусмотрело наказание кнутом в 141 случае. Кроме кнута, короткой, утончавшейся к концу веревки из пеньки или свитых ремешков, часто использовался батог — гибкая палка толщиной в мизинец.

Раскол

Русским церковным расколом называется отделение значительной части русского православного общества от господствующей русской православной церкви.

В. Ключевский

...Начиная от бездушных реформ Никона и Петра... началось вытравление и подавление русского национального духа...

А. Солженицын. 1974

Сдержанное объективное определение понятия «раскол», сделанное русским историком во второй половине XIX в., резко контрастирует со страстным, гневным обвинением патриарха Никона нашим современником во второй половине XX в. Можно бы сказать, что актуальность «раскола» возросла.

Католическая церковь пережила, начиная с XVI в., реформу и контрреформу. Употребление этих понятий по отношению к православной церкви было бы неверным. Раскольники, которые называют себя старообрядцами или староверами, не расходятся с официальной православной церковью, «никонианцами», ни в одном догмате веры, ни в одном основании вероучения. «Поэтому, — пишет В. Ключевский, — мы и считаем их не еретиками, а только раскольниками».

Одно из важнейших событий XVII в., последствия которого продолжают жить в конце XX в., было вызвано множеством религиозных, политических, психологических проблем. В нем отразились главные вопросы русской жизни: место и характер веры, отношения между церковью и государством, роль русского православия, борьба старого и нового, отношение к науке и искусству.

Со времен Максима Грека были замечены расхождения в богослужебных книгах. На протяжении веков переписчики накапливали ошибки переводчиков и свои собственные. Патриарх Филарет приказал собрать по всем городам древние списки и начать сравнение и исправление текстов. Работу продолжил его преемник патриарх Иосиф, собравший в Москве справщиков, которые должны были сверить переводы. Однако сами справщики не вызывали особого доверия. Приглашенный в Москву грек Арсений писал о них: «Иные едва азбуке умеют, а уж наверное не знают, что такое буквы согласные, двоегласные и гласные, а чтоб разуметь восемь частей речи и тому подобное, как-то: род, число, времена, лица, наклонения и залоги, то этого им и на ум не приходило».

В 1652 г. по настоятельному желанию царя патриархом на освободившееся после смерти Иосифа место был избран Никон. Он заставил долго себя уговаривать и согласился занять патриарший престол только после того как царь, став на колени, стал кланяться ему в

ноги, умоляя принять сан. «Будут ли меня почитать как архипастыря и отца верховнейшего, и дадут ли мне устроить церковь?» — спросил Никон. Царь, духовные власти и бояре поклялись подчиняться будущему патриарху во всем.

Василий Ключевский категоричен: «Из русских людей XVII в. я не знаю человека крупнее и своеобразнее Никона»[44]. Это поразительная оценка, если учесть, что человеком XVII в. был и Петр I. Николай Костомаров подтверждает оценку: «Патриарх Никон, один из самых крупных, могучих деятелей русской истории»[45]. Биография шестого русского патриарха по быстроте и неожиданности взлета может быть сравнима только с жизнью первого самозванца. Будущий патриарх родился в 1605 г. в крестьянской семье. Позднейшие враги никогда не забывали напомнить, что его отец был черемис, а мать — татарка. Рано выучившийся читать, увлеченный божественными книгами, он в 20 лет стал священником, его начитанность обращает на себя внимание московских купцов, пригласивших молодого попа в столицу. Потрясенный смертью своих трех детей, он уговаривает жену постричься в монахини и постригается сам, приняв имя Никона. Выбранный настоятелем Кожозерского монастыря, Никон приезжает в 1646 г. в Москву, чтобы, по обычаю, представиться царю. 40-летний монах производит неизгладимое впечатление на Алексея. По настоянию царя Никона посвящают в архимандриты Новоспасского монастыря, где была родовая усыпальница Романовых и куда часто приезжал Алексей. В 1648 г. его возводят в сан митрополита новгородского — он занимает второй по значению пост в русской церковной иерархии. В Новгороде митрополит проявил те черты характера, которые потом — на патриаршем престоле — развернутся во всю ширь: властолюбие, крутой, не терпящий прекословия нрав. Царь всегда был на его стороне. В 1651 г. Никон продемонстрировал свои взгляды на взаимоотношения между церковью и царем, убедив Алексея перенести мощи св. митрополита Филиппа, убитого по приказу Ивана Грозного, из Соловецкого монастыря в московский Успенский собор. В грамоте, отправленной в Соловецкий монастырь, царь по совету Никона умолял святого простить царю Ивану грех, совершенный «нерассудно завистью и неудержанием ярости». Церемония должна была доказать превосходство церкви, ее правоту, обличить неправду светской власти, посягнувшей на власть церковную.

Причин раскола, как сказано выше, было много. Форма, которую принял конфликт, разорвавший православную церковь, была результатом характера патриарха и характера отношений между ним и царем. Письма, которые Алексей писал Никону, производят странное впечатление. Царь называет патриарха. «Великое солнце сияющее»; «наставник душ и телес», «возлюбленный мой и содружебник»; «друг собинный». При отце Алексея Михаиле стоял патриарх Филарет, деливший трон с царем. Но Филарет был отцом Михаила. Алексей ставит рядом с собой патриарха, ибо беспредельно верит в него, доверяет ему, любит его. Никон титуловал себя: «... Государь, старейший Никон, архиепископ московский и всея Великия, Малыя и Белыя России и многих епархий, земли же и моря сея патриарх».

Патриарх Никон принял русскую православную церковь, чтобы навести в ней порядок. Прежде всего укрепить дисциплину. А также завершить начатое уже давно исправление богослужебных текстов.

Раскол нередко представляют как борьбу старого с новым, недаром противники Никона назвали себя «старообрядцами». Это, однако, совсем не очевидно. Подлинным защитником старины был Никон, который решил обратиться к первоисточникам, древним византийским текстам, чтобы очистить русское богослужение от «нового», от изменений, возникших в результате ошибок переводчиков и переписчиков. На первый взгляд, повод для раскола, для жесточайших преследований и репрессий не был серьезным. Среди поправок были изменения в написании имени Христа: вместо принятого «Исус» реформа возвращала форму «Иисус», вместо крещения двумя пальцами было введено крещение тремя перстами. С точки зрения Никона, эти изменения были возвращением к старому, древнему, с точки зрения многих православных это были новшества, отвергавшие привычное, традиционное, русское.

Спор кажется несерьезным только на первый взгляд. Противники Никона стояли на очень прочной почве, на почве традиции. Француз Анатоль Леруа-Болье обнаруживает в этом туманном средневековом споре главную причину раскола: «дословный культ буквы, формализм». Для русского народа, пишет автор «Империи царей и русских», «оставшегося наполовину языческим в христианском облачении, религиозные воззвания были чем-то вроде магических формул, малейшее изменение которых разрушает их силу»[46]. Французский историк почти дословно повторяет мысль русского историка Н. Костомарова, писавшего: «Благочестие русского человека состояло в возможно точном исполнении внешних приемов, которым приписывалась символическая сила, дающая Божью благодать»[47].

Два источника питали враждебное отношение к поправкам Никона. Первым было подозрительное и надменное отношение к участию разума и научного знания в вопросах науки. Для того, чтобы обнаружить подлинные оригинальные тексты, по приказу Никона были собраны рукописи и древние книги, которые сверялись справщиками. Это ставили в вину патриарху. «Гадливое и боязливое чувство, — пишет В. Ключевский, — овладевало древнерусским человеком при мысли о риторской и философской еллинской мудрости». Историк цитирует древнерусского книжника: «Аще не учен словом, но не разумом, не учен диалектике, риторике и философии, но разум христов в себе имею»[48].

Вторым источником было отношение к византийскому прошлому, к грекам. Царь Алексей питал сильную симпатию по отношению ко всему греческому, считая греческий восток древнейшей частью православного мира. Грекофильство перешло к Алексею от его деда патриарха Филарета, видевшего в московском царе преемника греческих православных царей (византийских императоров). Алексей считал себя не только царем всея Руси, но царем вселенским, всего православного востока. В этом его с энтузиазмом поддерживал Никон, также ярый грекофил. Внесение поправок в богослужебные книги виделось Никону важной мерой устранения разногласий с греческой церковью, возникших в результате ошибок в русских священных книгах. Противники Никона не спорили с концепцией русского царя как царя вселенского. Они отвергали необходимость искать источники истинного православия у греков. Грекофилии Никона его противники противопоставляли грекофобию. Падение Византии они считали наказанием за согласие (хотя оно было временным) на объединение церквей, данное на Флорентийском соборе; греческую церковь, жившую под игом турок, не хотели рассматривать как авторитет. С точки зрения противников Никона, это греческая церковь должна была принять русские религиозные обряды и тексты, а не наоборот.

В. Ключевский называет «органическим пороком древнерусского церковного общества» то, что оно считало себя единственным истинно правоверным в мире, свое понимание божества — исключительно правильным, творца вселенной представляло своим собственным русским Богом[49]. Можно считать, однако, эти убеждения источником силы, связью, державшей русское общество в самые тяжелые, смутные времена. Леруа-Болье полагает, что «привязанность московского народа к своим обрядам и текстам была тем менее оправданной, чем более в них было изменений»[50]. Но это взгляд французского рационалиста. Убедительнейшим оправданием споров вокруг действий Никона, приобретших неистовый, беспощадный, кровавый характер, было желание обеих сторон видеть Москву Третьим Римом. Патриарх был таким же врагом «латинства», как и главный его противник Аввакум, ставший знаменем раскола. Они расходились в одном: Аввакум довольствовался достигнутым, он хотел только оградить Третий Рим от врагов, угрожавших истинному православию, изолироваться от внешнего мира и жить в своем, московском мире. Патриарх искал пути превращения русской церкви во вселенскую, выходя за пределы Москвы, привлекая в нее все, что может способствовать укреплению, расширению влияния и власти русского православия, русской веры.

На поверхности спор шел о том, являются ли русские обряды, которые со свойственной ему страстностью отвергал патриарх, — двуперстие, восьмиконечный (вместо четырехконечного греческого) крест, хождение во время совершения обрядов «посолонь», по

солнцу, или в другую сторону и ряд других — истинными или возникшими в результате искажения богослужебных книг? В глубине спор шел о том, каким быть русскому государству. Будучи религиозным, он носил несомненный политический характер. Но также — и психологический.

Советский историк говорит о том, что в 60—80-е годы XVII в. возникает раскол, «новая в русской истории форма массового антифеодального движения». Основанием для такого утверждения является участие старообрядцев в бунтах, восстаниях, в том числе в движении Степана Разина. В действительности раскол не имел антифеодальной направленности. Немало «феодалов» покинуло «никонианскую» церковь, приняв мученическую смерть за веру. Одно из украшений московской Третьяковской галереи — картина В. Сурикова (1848—1916) «Боярыня Морозова». Художник изобразил высылку Федосьи Морозовой: на простых дровнях вывозят из Москвы неистовую противницу Никона, которая, не сдаваясь, поднимает высоко над головой два перста, знак верности старой вере. Федосья Морозова была женой одного из виднейших бояр при дворе Алексея, брата царского воспитателя и любимца Бориса Морозова. По отцу она была родственницей царицы. Федосья и ее сестра княгиня Урусова после страшных пыток, имевших целью вынудить отречение от старой веры, умерли в тюрьме.

Раскол был бунтом — идеологическим — против нового, чужого, следовательно враждебного. Страх перед новым и чужим оказался у части верующих сильнее чувств к царю. Не к царю вообще, но к Алексею, поддерживавшему патриарха. Вместо Алексея ждали «настоящего царя», «избавителя». Это ожидание приняло форму религиозного экстаза.

Столкновение между двумя концепциями русского государства было неизбежно. Мученическая казнь Федосьи Морозовой и Евдокии Урусовой, представителей высшей московской аристократии, увещеваемых царем и патриархом, свидетельствовала о готовности сторонников политики «открытости» идти до конца. Это не была только политика Никона, который наводил порядок в церкви (имея, впрочем, и более широкие амбиции), но также царя и его ближайших советников. Они менялись: после Бориса Морозова пришел Афанасий Ордин-Нащокин, канцлер и глава посольского приказа, затем Артамон Матвеев, но каждый из них, имея свои взгляды на внешнюю политику, действовал в пользу расширения внешних связей, активной русской заграничной политики.

Расширение связей с Малороссией, начавшееся еще при Михаиле, продолжалось, усиливаясь, при Алексее. Николай Костомаров считает, что «перенесение киевской учености в Москву было важнейшим событием в истории русской образованности XVII в.[51]. Прежде всего, речь шла о перенесении «богословской образованности». Киевский митрополит Петр Могила (1633—1647) привел в порядок православное богослужение в 30—40 годы, опередив Никона на несколько десятилетий и не вызвав на Украине ничего, подобного протестам старообрядцев. Важнейшим делом Петра Могилы было создание в Киеве коллегии, готовившей образованных духовных лиц, каких не было в московской церкви. Осип Ртищев, министр двора, которому очень доверял царь Алексей, пригласил в Москву киевского монаха Епифания Славинецкого, студента, а потом преподавателя киево-могилянской коллегии. Епифаний, вместе с группой приехавших с ним монахов, а также грек-монах Арсений, осуществили работу по введению поправок и изданию в поправленном виде богослужебной литературы. Никон, встретивший приезжих недоверчиво, вскоре переменил отношение к Епифанию Славинецкому, поддерживая его в работе. Тот факт, что внесением поправок занимались киевские монахи, изучавшие в коллегии латинский язык, соприкасавшиеся с польскими католиками, а также грек Арсений, бывший католик, перешедший в православие, вызывали недоверие и прямую вражду к «никонианцам».

Александр Солженицын через два столетия после «бездушных реформ Никона» убежден, что они начали «вытравление и подавление русского национального духа»[52]. На церковном соборе 1656 г. Никон изложил свое кредо, объявив: «Я — русский, сын русского,

но моя вера — греческая». Патриарх не был менее русским, чем его противники, прежде всего самый знаменитый из них, протопоп Аввакум. Патриарх не меньше противников поправок ненавидел латинскую веру, включая латинский язык. «Ты зачем говоришь со мной на проклятом латинском языке?» — бросил Никон в лицо митрополиту газскому греку Паисию Лигариду, явившемуся увещевать порвавшего с царем патриарха. Упрек Александра Солженицына Никону справедлив только в том случае, если автор «Красного колеса» принимает точку зрения старообрядцев, которые превратили православие в национальную монополию, или, как выразился В. Ключевский, «национализировали вселенскую церковь». Петр I, продолжавший, по мысли А. Солженицына, борьбу с «русским национальным духом», осуществил «национализацию» православия в современном понимании этого термина — он огосударствил церковь.

Раскол был спором религиозным, конфликтом, поделившим церковь и верующих. Но в конце патриаршества Никон в разговоре с раскаявшимся бывшим противником Иваном Нероновым о старых и исправленных книгах, соглашался: «И те, и другие добры; все равно, по коим хочешь, по тем и служишь». В значительно большей степени раскол был спором политическим. Старообрядцы выступали, возможно, не сознавая этого, противниками имперской идеи. Начиная с XV в. Москва шла, останавливаясь, но не сбиваясь с курса, к империи. Старообрядцы уводили государство в сторону, отвергая, под предлогом защиты «старины», динамику расширения границ и развития. Никон построил неподалеку от Москвы монастырь — дворец, названный Новый Иерусалим. Плита в зале возвещала: «Здесь центр земли». Столетия спустя Маяковский напишет: «Как известно, от Кремля начинается земля». Для Никона было несомненно, что центр вселенной находится в столице Третьего Рима. Но для Никона было целью превращение Москвы в столицу вселенской православной церкви. Помощь греков была нужна для ее достижения. Старообрядцы защищали, не щадя жизни, свершившееся. Их цель была достигнута, у них не было сомнений: православная вера есть русская вера, не русская вера — не православная вера.

Николай Бердяев написал в 1937 г.: «Московское православное царство было тоталитарным государством»[53]. Не придавая еще малопопулярному до начала войны термину позднейшего смысла, философ хотел подчеркнуть неразрывность в московском государстве православия, т.е. веры, и царства, т.е. власти. В качестве примера Н. Бердяев ссылается на «замечательного теоретика самодержавной монархии», который учил, что царь должен не только управлять государством, но и спасать души.

Истинный царь был хранителем веры. Царь Алексей, посягнувший на древние русские обряды, не мог быть подлинным царем. Властью овладевает антихрист. Происходит разрыв «тотальности», органической связи между властью и верой. Московское государство, видевшее себя Третьим Римом, было одновременно царством Христовым — царством правды — и государственной властью, управлявшей неправдой. Раскол, пишет Николай Бердяев, «нанес первый удар идее Москвы, как Третьего Рима»[54], идее слитности двух царств в одном. Он добавляет: второй удар был нанесен реформой Петра Великого. Александр Солженицын, говоря о бездушных реформах Никона и Петра, соглашается с Бердяевым, но оценивает по-своему эти удары, считая, что они были направлены против русского национального сознания.

Старообрядцы усомнились в истинности царя, они заподозрили его в измене. Не менее тяжкий удар по идее Третьего Рима нанес главный борец за исправление книг, за восстановление чистоты обрядов, главный враг старообрядцев патриарх Никон. Он посягнул на вторую часть двухчленной формулы Третьего Рима — вера и власть. По убеждению патриарха, «священство царства преболее есть», иначе говоря, власть церковная, т.е. власть патриарха, выше царской власти. Видный славянофил Юрий Самарин (1819—1876) писал, что Никон хотел «основать в России частный национальный папизм»[55].

Рядом с факторами религиозными, политическими выступили факторы психологические, персональные. В предисловии к исправленному Служебнику 1655 г. о царе

Алексее и патриархе Никоне говорится как о «богоизбранной и богомудрой двоице», за которую «вси живущие под державою их ... и под единым их государским повелением утешительными песньми славити имут воздвигшего их истинного Бога нашего». Двоевластие в Московском государстве всегда означало смуту. Положение Никона вызывало нараставшее недовольство царского двора. Патриарх делал все, чтобы восстановить против себя всех. Безудержное самовластие, вулканический темперамент, безмерная гордыня пугали и возмущали тех, кто попадал под руку патриарха. Он был строг и неумолим, нередко мелочен в административных делах. Для наблюдения за духовенством он имел свою полицию и стрельцов. Своим высокомерием и властолюбием, своим постоянным вмешательством в мирские дела он восстановил против себя бояр. Наконец началось охлаждение чувств всемогущего покровителя — царя. Николай Костомаров, рисуя портрет Алексея Михайловича, заметил, что царь не мог жить без друзей и всегда подпадал под их влияние, но, спохватившись и увидев свою зависимость, начинал тяготиться дружбой[56].

Обнаружив изменение отношения к нему царя, Никон в июле 1658 г. сложил с себя патриарший сан. Нерешительность Алексея, не желавшего слишком строго осудить бывшего друга, споры иерархов о процедуре лишения сана патриарха, привели к тому, что церковь оставалась без главы до ноября 1666 г. Собор в присутствии александрийского и антиохийского патриархов осудил Никона за то, что он назвал царя латиномудренником, т.е. приверженцем латинской веры, и мучителем, за то, что он обвинял русскую церковь в принятии латинских догматов, и постановил лишить его сана и сослать в Белозерский Ферапонтов монастырь. Никон был переведен затем в более тяжкое заключение в Кирилло-Белозерский монастырь, где умер в 1681 г.

Историки отмечают (на основании свидетельств современников) немало положительных черт в характере Никона. Главную роль в его падении и, что несравненно важнее, в расколе русской церкви сыграли его отрицательные качества. Есть все основания полагать, что исправление богослужебных книг могло произойти без взрыва. Пример киевского митрополита Петра Могилы достаточно убедителен. Можно также предположить, что если бы Никон не покинул патриарший престол, оставив в разгар конфликта церковь без руля, раскол не принял бы характера открытой беспощадной репрессии со стороны официальной церкви. Не было бы отчаянного сопротивления, принявшего форму бегства в леса, пустыни, массовых коллективных самосожжений со стороны старообрядцев.

Сторонники древних обрядов, проверенных и подтвержденных в их глазах тем, что русские святые, обращавшиеся к Богу «по-старому», были им услышаны, выделили из своей среды талантливых проповедников, пылких распространителей «истинной веры». Одним из первых, самых выдающихся борцов с нововведениями Никона был протопоп Аввакум (1620—1682). Поразительно сходство двух главных деятелей раскола. Аввакум, как и Никон, родился в крестьянской семье, приобрел известность как ревнитель веры, занимавшийся и изгнанием бесов; в 1647 г. входил вместе с будущим патриархом в кружок ревнителей благочестия, хорошо знакомый царю, был включен в число правщиков. Увидев в «новшествах» покушение на православие, начал борьбу с Никоном и «никонианцами», проявляя беспредельную самоуверенность (в рассылаемых по всей Руси проповедях он называл себя «посланником Иисуса Христа»), волю к власти духовной, нетерпимость.

Его символ веры был прост, не допускал никаких толкований: «Держу до смерти яко приях... до нас положено — лежи оно так во веки веков!». Защищая эти взгляды, Аввакум претерпел чудовищные мучения. Последние 14 лет жизни он просидел в земляной тюрьме в г. Пустозерске на хлебе и воде. Дерзкое письмо, посланное сыну Алексея царю Федору, в котором Аввакум поносил покойного Алексея Михайловича и патриарха Иоакима, решило его участь. 1 апреля 1682 г. он был сожжен вместе с двумя соратниками.

Идейный противник науки — «понеже ритор и философ не может быть христианин», гордо настаивавший на своем невежестве, «простец человек и зело исполнен неведения», Аввакум оставил после себя более 50 сочинений разного характера: религиозные беседы,

полемика по догматическим вопросам, богословские сочинения. Особое место среди них занимает «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (1672—1675), которое было первым, замечательно удавшимся, опытом использования разговорного русского языка в литературе. В одном из посланий царю Аввакум убеждал его отказаться от греческого языка: «Ты, ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не унижай его ни в церкви, ни в дому, ни в простой речи... Любит нас Бог не меньше греков, предал нам и грамоту нашим языком через Кирилла и Мефодия. Чего же нам еще хочется лучше того? Разве языка ангельского? Да нет, ныне не дадут — до общего Воскресения».

«Житие» не было написано ангельским языком (Аввакум широко употреблял «непристойные» слова, так называемую ненормативную лексику), но, пишет историк русской литературы, «то, что он сделал с русским языком, ставит его в первый ряд русских писателей». И заключает: «Ни один русский писатель еще не превзошел его в силе и аромате, в искусстве призвать все выразительные средства каждодневного разговорного языка для создания максимального литературного эффекта»[57].

«Житие» Аввакума, первая автобиография, написанная русским и по-русски, книга борца, не знающего пощады врагам, до смерти защищающего свои взгляды, отважно бросающего вызов власти, духовной и светской, начинает новую русскую литературу. Типично русским парадоксом было то, что начало новой русской литературе дала книга, неистово защищающая старое, старую веру, старые идеи, проповедующая борьбу с «иностранщиной», с заграницей.

Важным результатом раскола была потеря церковью политической роли, которую она играла много веков. Она еще сохраняет некоторые привилегии: имущественные, право суда, благодаря нерешительности, колебаниям царя Алексея. Решительный Петр I завершит полное подчинение церкви государству. Причиной ослабления церкви было усиление государственной власти, которое в свою очередь было функцией слабости церкви. Николай Костомаров, рассказав о мятеже Соловецкого монастыря, отказавшегося служить по исправленным книгам и в течение нескольких лет отбивавшего атаки царских войск, посланных силой оружия заставить молиться «правильно», заключает: «Смело можно сказать, что половина Великой Руси отпала тогда от церкви». К расколу, пишет историк, «примыкало все, что было в русском народе недовольного властями и светскими, и духовными»[58]. Павел Милюков говорит то же, но несколько иначе: «За церковью (он имеет в виду официальную. — *М.Г.)* пошли немногие, переросшие старую веру, и все равнодушные к религии»[59]. Отпадание горячо верующих означало внутреннее ослабление религиозного рвения среди тех, кто оставался в «ограде церкви».

Социальный анализ сторонников старины раскрывает содержание понятия «половина Великой Руси», употребленного Костомаровым. Против новшества Никона прежде всего восстало рядовое духовенство. Затем к «раскольникам» примкнули посадские люди, городские жители, изнемогавшие под тяжестью налогов, имевшие в Никоне жестокого противника, страдавшие от конкуренции с иностранными купцами, пользовавшимися в Московском государстве рядом привилегий. Посадское население, значительно более энергичное, предприимчивое, по сравнению с крестьянством, более зажиточное, составляло собой внушительную социальную силу. Она была тем значительнее, что к нему примыкало стрелецкое войско, смыкавшееся частью с посадскими людьми, частью с крестьянством. Позднее к старообрядцам примкнуло крестьянство, окончательно закрепощенное и жившее в крайней нужде. Наконец, против официальной церкви выступила и часть боярства. Осколки знатных боярских родов, помнившие страшные удары, нанесенные им государством, начиная с Ивана Грозного, присоединились к мятежникам.

Удар, нанесенный расколом идее Третьего Рима, не разрушил ее, но трансформировал. Пророчество Филофея, ставшее идеологическим обоснованием тесного союза между государством и церковью, было благотворно для обоих, способствовало их возвеличению. Государство извлекло из союза с церковью все возможности, какие давало

сотрудничество, а когда партнер ослаб, отвело ему служебную функцию. В начале следующего века Московское государство станет официально Российской империей. Москва уступит место новой столице Третьего Рима — Санкт-Петербургу.

Преобразование доктрины будет завершено: в определении «православная Россия» главным станет — Россия, т.е. государство.

В 1993 г. русский писатель объявит: «Россия — вот наша вера!.. Бог хочет, чтобы Россия возродилась, это мозг и сердце планеты»[60].

На юг и север

Войны, по происхождению своему оборонительные, сами собой, незаметно, помимо воли московских политиков превратились в наступательные...

В. Ключевский

Не только русская история знает феномен превращения войн оборонительных в наступательные: успех в обороне редко не побуждает переходить в наступление. В. Ключевский констатирует, что превращение произошло «помимо воли» Москвы, но добавляет, что эти войны «были прямым продолжением объединительной политики прежней династии, борьбой за такие части Русской земли, которыми Московское государство еще не владело»[61]. Популярнейший русский историк XIX в. отлично выразил главное в традиционном отношении к важнейшему эпизоду в истории Российской империи — включению в состав Московского государства — государства Малороссии.

«Помимо воли московских политиков» — характеризует выжидание царя Алексея, долго не решавшегося принять неслыханно богатый подарок — Малороссию. «Прямое продолжение объединительной политики» характеризует непрерывность стратегической линии от Ивана IV Рюриковича, заложившего первый камень империи, завоевав Казань, до Алексея Романова, принявшего то, что никогда не было частью Москвы, но много столетий назад было частью Русской земли, территорией древней Киевской Руси. Для В. Ключевского не было никаких сомнений: произошло «объединение». Не было в этом сомнений для всех других русских историков (независимо от их политических взглядов) и советских исследователей прошлого. Согласны были с этой точкой зрения и западные историки. Анатоль Леруа-Болье писал в конце XIX в., что «по отношению к Западу малоросс такой же русский, как и великоросс», что мечты о независимости Украины находят такой же примерно отклик, какой во Франции в 1870—1871 гг. имели проекты Южной лиги. Наконец, пишет французский ученый, «украинофилизм и малорусские поэты не более опасны для России, чем для единства Франции возрождение провансальской литературы[62]. В 1992 г. Лев Гумилев, имея в виду переход Малороссии «под высокую руку московского царя» в 1654 г., пишет: «Выбор, сделанный на основе естественного мироощущения народа, оказался правильным»[63]. Если историк имел в виду «вечную дружбу» русского и украинского народов, — он ошибся, ибо не успела высохнуть типографская краска в его книге, как Украина вышла из СССР, объявила себя суверенным государством. Независимая Украина называет себя продолжательницей истории Киевской Руси, Малороссии Богдана Хмельницкого, украинского государства, недолго существовавшего после революции 1917 г.

«Малороссийский вопрос», как некоторые историки называют события второй половины XVII в., был, прежде всего, внутренним польским вопросом, прежде чем он стал московской проблемой. Границы Украины следует искать в середине XVII в. на картах Речи

Посполитой. Слово Украина обозначало окраинные земли на юго-восток от Варшавы и Кракова, лежавшие по обоим берегам Днепра, граничившие с Москвой, татарским Крымом, Оттоманской империей, владевшей дунайскими княжествами, с Венгрией, тоже вассалом султана.

После нашествия Батыя Южная Русь стала частью Литовского княжества. После Люблинской унии, подписанной в 1569 г. Польшей и Литвой, создавшими объединенное государство Речь Посполитую, земли перешли в польские руки. В Литве около 9/10 крестьян были свободными землевладельцами, в Польше свободного крестьянского населения не было. Получая от правительства плодородные южно-русские земли, польские магнаты приносили с собой крепостное право. Как правило, владения были огромными латифундиями, дававшими огромные доходы благодаря беспощадной эксплуатации крепостных крестьян. Особенностью положения на Украине была арендная система эксплуатации. Польские магнаты отдавали свои земли в аренду евреям, которые взимали все налоги, замещая владельца и пользуясь всеми его правами. Весь гнев концентрировался на арендаторе.

Тяжелое положение украинского крестьянства было, возможно, менее трудным, чем положение русских крестьян, эксплуатируемых русскими православными помещиками. Отличие положения на Украине и в Московском государстве состояло в существовании казачества. Создание в половине XVI в. Запорожской сечи, вольной казачьей республики, поставило польское правительство перед неразрешимой задачей. Свободное крестьянство, которое польские магнаты нашли в южных степях, было превращено в крепостных. Казаки в государственные рамки не вмещались, но уничтожить их было невозможно. К тому же Речь Посполитая в случае нужды звала казаков на помощь в борьбе с татарами, турками, шведами, Москвой. В 1646 г. 2400 казаков отправились с согласия польского короля во Францию и участвовали во взятии Дюнкерка у испанцев.

Казаки были нужны, но своевольны и опасны. Главным их промыслом, «казачьим хлебом», как они выражались, были набеги на татарские и турецкие земли. Великолепные кавалеристы, они были также непревзойденными мастерами вождения легких лодок — чаек. За шесть недель казаки изготовляли лодку из дерева, обшитую липовой корой и обмазанную дегтем, которая поднимала от 40 до 60 человек. Два руля, спереди и сзади, от 10 до 16 весел давали чайке скорость и подвижность, с которыми не могли сравниться турецкие корабли. Кавалерийские рейды на суше, морские экспедиции к берегам Анатолии раздражали и пугали турок, жаловавшихся польскому королю. Стефан Баторий нашел способ, как сделать казачество безвредным, сохраняя его пользу. Был введен реестр. Польское правительство приняло на службу строго ограниченное число казаков (сначала — 500, в разгар войны Баторий согласился увеличить реестр до 6 тысяч), которым платили жалование. Они делились на полки, каждый из которых управлялся выборным полковником, все войско выбирало гетмана, есаула (его помощника), генерального писаря и судью.

Кроме реестровых казаков существовали сечевые — вольные, подчинявшиеся только своему гетману, впрочем, лишь во время войны.

Казачья свобода, по мере усиления тяжести крепостного гнета, все больше привлекала крестьян окраинных польских земель. Все хотели быть казаками. Конфликт обострялся — одно за другим вспыхивают восстания, жестоко подавляемые Варшавой. Социальный и национальный конфликты были резко обострены конфликтом религиозным. Брестская уния 1596 г. дала сигнал к наступлению на православную церковь: отбирали храмы, была ликвидирована церковная иерархия, преследовались верующие. Казаки выступили в защиту веры. Это не было следствием их религиозности. В Запорожье не было ни одной церкви, туда не допускались священники. Во время набегов казаки с одинаковой легкостью грабили православные и католические храмы. Защита православия стала знаменем, ибо освящала их борьбу. В 1620 г. предводитель запорожских казаков Петр Сагайдачный, ходивший в

Смутное время с поляками против Москвы, убедил проезжавшего через Киев иерусалимского патриарха рукоположить киевского митрополита и посвятить епископов.

Тяжелое положение украинских крестьян понималась и трезвомыслящими поляками. В их среде появилось четверостишие на латинском языке, убедительно объяснявшее причины восстаний: «славное польское королевство — небо для знати, рай для евреев и ад для крестьян». Казацко-крестьянское недовольство, естественно, выливалось в вооруженные выступления, ибо не только казаки, профессиональные воины, но и крестьяне, частые жертвы татарских набегов, были вооружены. Вспыхивавшие одно за другим восстания не были направлены против королевской власти, они были своеобразными обращениями к королю с просьбой восстановить справедливость, попираемую магнатами, евреями, униатскими и католическими прелатами.

В 1632 г. казачья делегация, приехавшая после смерти Сигизмунда III в Варшаву и потребовавшая права участвовать в выборах нового короля, основываясь на том, что казаки такая же часть государственного организма Речи Посполитой, как и шляхта, услышала в ответ: волосы и ногти тоже части организма, но их подстригают, когда они слишком вырастают.

Разгром очередного восстания в 1638 г., казалось, положил конец казачеству. Реестр был сокращен до 1200 человек, у казаков отобрали право выбирать гетмана и старшин, Варшава прислала правительственного комиссара, отнимались казачьи земли. Следующее десятилетие — время быстрой, интенсивной польской колонизации Украины.

Личная обида, нанесенная казачьему сотнику Богдану Хмельницкому (сосед-шляхтич захватил его имение, украл любимую жену, запорол до смерти десятилетнего сына) стала искрой, зажегшей пожар. Богдан Хмельницкий бежал на Сечь и поднял запорожцев на борьбу за казачьи права. Талант полководца и дипломата, привлекательность личности, популярность лозунгов, слабость польского правительства принесли победу, поразившую своей неожиданностью самих победителей — казаков.

Готовясь к восстанию, Богдан Хмельницкий не только разослал по всей Украине гонцов, звать на бой за веру и против панов, он сам отправился в Крым просить помощи у хана. 4 тысячи татарских всадников явились на Украину поддержать казаков и пограбить вволю. Казацко-татарское войско одерживает одну за другой сокрушительные победы над поляками (под Желтыми водами и Корсунем): берет в плен командующих и офицеров, захватывает оружие. В руках Богдана Хмельницкого оказывается вся юго-западная Русь.

Разрушение мифа о могуществе польской армии увеличивает силы восставших: казачье войско пополняется тысячами крестьян, поднимающих оружие против помещиков. Смерть короля Владислава в мае 1648 г., сразу же после поражения поляков под Желтыми водами, отвлекает внимание Варшавы от войны на Украине. Пользуясь этим, татары и казаки, под водительством Хмельницкого, осадили Львов и подошли к Замостью, вступив на территорию собственно Польши. Казалось, запорожский гетман открыл себе дорогу к Варшаве. Но Богдан Хмельницкий не вел войны с Польшей. Николай Костомаров, автор трехтомной биографии гетмана, упрекает Хмельницкого в нежелании продолжать победоносное шествие в глубь Речи Посполитой: «Он мог бы заставить панов согласиться на самые крайние уступки... совершить коренной переворот в Польше, разрушить в ней аристократический порядок, положить начало новому порядку, как государственному, так и общественному». Историк заключает: «Он не был ни рожден, ни подготовлен к такому великому подвигу». И объясняет это тем, что «сын своего века, Хмельницкий усвоил польские понятия, польские общественные привычки, и они-то в нем сказались в решительную минуту»[64].

Костомаров несомненно прав, называя Богдана Хмельницкого «сыном своего века», и прав, подчеркивая «польскость» гетмана. В молодости Богдан участвовал в знаменитой битве поляков с турками под Цецорой, в ней погиб его отец. Выступление против поляков

было продиктовано личной обидой, а не враждой к Речи Посполитой. Решив не продолжать осады Замостья, Богдан Хмельницкий приехал в Киев, где ему был устроен триумф. Киевляне называли Хмельницкого спасителем народа, Моисеем, выведшим его из рабства. Задержавшийся в Киеве по дороге в Москву иерусалимский патриарх Паисий поздравил гетмана с победами, отпустил грехи и благословил на новую войну против латинян.

Разгром польского войска стал сигналом для беспощадной резни поляков и евреев. Еврейский погром, вошедший в историю еврейского народа под названием «катастрофы», превзошел все, что знала Европа после крестовых походов. Число жертв никогда не было точно подсчитано. Убитые исчисляются десятками тысяч, было разгромлено около семисот поселений. Современники сохранили память о чудовищной, изуверской жестокости, с какой казаки и крестьяне расправлялись с евреями, не щадя женщин и детей. В это время архимандрит Иоанникий Галятовский, плодовитый автор книг о католицизме, исламе и еврействе, призывал в сочинении «Мессия Правдивый», написанном на украинском языке и посвященном царю Алексею: «Мы, христиане, должны ниспровергать и сжигать жидовские божницы, в которых вы хулите Бога; мы должны у вас отнимать синагоги и обращать их в церкви; мы должны вас как врагов Христа и христианства изгонять из наших городов, из всех государств, убивать вас мечом, топить в реках и губить различными родами смерти»[65].

Нет оснований подозревать казаков и крестьян, резавших, топивших и другими способами убивавших евреев, в чтении И. Галятовского. Но его сочинения верно отражали настроения православного духовенства на Украине.

Летом 1649 г. огромная армия Хмельницкого, насчитывавшая, по некоторым сведениям, до 150 тыс. казаков и крестьян, также считавших себя казаками, поддержанная крымскими татарами, которых привел хан Ислам-Гирей, двинулась против поляков. Битва под Зборовом, начавшаяся удачно для казаков, ворвавшихся в польский лагерь, где находился недавно выбранный король Ян-Казимир (брат Владислава), не была доведена до победы, крымский хан, получивший подарки и обещания короля, вышел из боя.

Был подписан Зборовский договор. Десять лет назад его условия показались бы великолепными. В 1649 г. они выглядели недостаточными. Речь Посполитая соглашалась взять на службу, т.е. вписать в реестр сорок тысяч казаков — их выбирал гетман; на казачьей территории не могли находиться королевские войска; там запрещалось поселяться евреям; города сохранили магдебургское право: самоуправление для мещан, собственный суд, разделение ремесленников на цеха, имевшие свои гербы и печати; митрополит киевский стал членом сената. Со своей стороны Богдан Хмельницкий, признанный пожизненным гетманом, согласился на сохранение прежнего положения украинских крестьян, пошедших за ним в надежде стать казаками, свободными земледельцами. Польские помещики возвращались на Украину.

Богдан Хмельницкий соглашался на широкую автономию, не решаясь еще порвать с Речью Посполитой, но в то же время искал помощь Москвы, предлагая отдать себя в подданство царя, и помощь султана, обещая стать его вассалом. Гетман вел переписку и с западными государствами. По случаю побед над поляками Хмельницкий получил письмо от Кромвеля, звавшего гетмана уничтожать польскую знать, римское духовенство, идолопоклонство и евреев. Некоторые историки считают письмо апокрифом, хотя в нем точно изложены взгляды лорда-протектора.

Польский сейм отказался ликвидировать унию (это было одним из главных требований казаков), отказался принять митрополита в сенат. Война стала неизбежной. В мае 1650 г. под Берестечем снова столкнулись казацко-татарская армия Хмельницкого и польские войска. В разгар битвы татары обратились в бегство и захватили с собой гетмана. Потерявшее управление казачье войско было разбито. Новое соглашение, подписанное под Белой Церковью в сентябре 1651 г., сокращало регистр до 20 тыс. казаков, гетман обязывался подчиняться польскому великому гетману (главнокомандующему войска Речи Посполитой), казачья территория была сокращена до киевского воеводства (Черниговское и

Брацлавское отобраны), евреи вновь получили право брать в аренду королевские и частные поместья на Украине.

Богдан Хмельницкий просил помощи Москвы с начала восстания. Москва не торопилась ее оказывать по многим причинам. Казаки, черкасы, как их называли, не пользовались особой любовью: еще жива была память о Заруцком, Лисовском, о казачьих полках самозванцев. Московский мятеж 1648 г. был свежим примером того, на что способна «вольница». Неясным было поведение гетмана, просившего Москву о покровительстве, но ведшего тайные (известные Алексею) переговоры с Турцией и не рвавшего окончательно связи с Речью Посполитой. Наконец, выступление на стороне Хмельницкого означало войну с Польшей, чего царь Алексей не хотел, считая себя не готовым. В 1649 г., отвечая на просьбу Хмельницкого, царь выразил согласие принять «под покровительство» казаков, при условия согласия на это Польши. Горячим сторонником присоединения Украины был Никон, убеждавший царя в необходимости распространения православного мира, находящегося под рукой Москвы.

Московская дипломатия действовала медленно, осмотрительно, ожидая, пока ситуация созреет. Важно было не оттолкнуть окончательно Хмельницкого и, одновременно, сохранить нормальные отношения с Польшей. В июле 1650 г. в Варшаву прибыл московский посол с жалобами. Во-первых, в некоторых официальных бумагах поляки не точно писали царский титул; во-вторых, в Польше печатались «бесчестные книги», в которых неуважительно говорилось о царе и московском народе. Посол потребовал, чтобы книги были сожжены, а владельцы типографий, печатники и владельцы имений, где находились типографии, казнены. Поляки сожгли некоторые книги, но остальные требования отклонили, выразив недоумение, что царь грозит войной по таким незначительным поводам. Три года спустя в Варшаву явился новый посол с прежними жалобами. И получил тот же решительный отказ. На этот раз полякам был предложен выбор: царь соглашался простить виновных в оскорблении его чести, если будет уничтожена уния и прекратится преследование православных на территории Речи Посполитой.

Новые, невозможные для поляков требования означали, что Москва приняла решение. 1 октября 1653 г. царь созвал Земский собор, которому был поставлен вопрос: принимать ли гетмана Богдана Хмельницкого со всем Войском Запорожским под царскую руку? Собравшихся известили, что турецкий султан зовет казаков под свою власть. Собор постановил, что поскольку король Ян-Казимир преследует православие, гетман и все Войско Запорожское освобождаются от присяги королю, становятся вольными и могут быть принятыми под высокую государеву руку.

Московские послы прибыли 31 декабря 1653 г. в ставку Богдана Хмельницкого Переяславль. 8 января генеральная рада запорожского войска, выслушав призыв гетмана отдаться «православному христианскому царю восточному», постановила присоединиться к Москве под именем Малая Россия. В благодарственном письме Богдан Хмельницкий, называя себя «наинижайшим слугой», «верным слугой и подданым», титуловал Алексея Михайловича уже по-новому — «царем и великим князем Всея Великия и Малые России самодержцем».

Земский собор решил принять «под высокую царскую руку» запорожского гетмана Богдана Хмельницкого и Войско Запорожское. Только с ними и было подписано переяславское соглашение. Число казаков устанавливалось в 60 тыс., за ними подтверждались все права и вольности. На жалование царь прислал 1800 тыс. ефимков. Все права сохранялись за шляхтой в том случае, если она присягала царю. Магдебургское право, о котором ничего не знали русские города, сохранялось в городах Малороссии. Резко ограничивались права гетмана вести дипломатическую деятельность, ему запрещалось иметь отношения с польским королем и крымским ханом (без царского разрешения). Малороссийские города, в том числе Киев, обязались принять московских воевод, которые не будут вмешиваться во внутренние дела Запорожского войска. Казачья территория

расширялась по сравнению с Белоцерковским договором, оставаясь в границах Зборовского договора.

После того как представители рады присягнули, обещая свято выполнять договор, и потребовали, чтобы московские послы присягнули за царя, им было отказано. Пример польских королей, присягавших подданным, был отвергнут, ибо «польские короли неверные, несамодержавные, не хранят своей присяги», а московский царь-самодержец своего слова не меняет.

Чрезвычайную сдержанность проявило малороссийское духовенство, долгое время отказываясь присягать царю. В июле 1654 г. в Москву было отправлено посольство от духовенства, которое просило: оставить малороссийскую православную церковь под властью константинопольского патриарха, т.е. не передавать ее в юрисдикцию московского патриарха; не присылать на духовные места в Малороссию москвичей; не отсылать осужденных духовным судом в Москву. Только после получения удовлетворения малороссийский клир присягнул царю.

Начав в 1648 г. войну с поляками, Богдан Хмельницкий и его Запорожское войско после одержанных побед стали мечтать о независимой Украине. Москва виделась протектором, защитником. В Москве принимали Малороссию в подданство, соглашаясь на время сохранить некоторые атрибуты самостоятельности, но немедленно отправив в присоединенный край воевод и армию московских чиновников. Украинский историк Грушевський подводил итог происшедшему элементарно просто: «Украина жила как самостоятельное государство: выбранный гетман вместе со старшиной и войсковой радой управлял всей страной. Хмельницкий и старшина хотели сохранить этот строй, приняв покровительство московского царя. Но в Москве с этим не согласились, ибо московская держава не была свободным государством»[66].

Торговались о правах и привилегиях казаки, духовенство, города. Совершенно не затронутым ни военными успехами Хмельницкого, ни решением Переяславской рады сохранилось положение крестьянства: они остались крепостными, которые работали на прежних хозяев, польских помещиков, присягнувших царю, и на новых — казаков и московского царя, собиравшего налоги.

Очевидцы записали, что вскоре после принятия «высокой царской руки», почувствовав ее тяжесть, Хмельницкий плакал, повторяя: «Не того мне хотелось и не так было тому делу быть». Сетования гетмана запоздали, Москва начала войну с Польшей за свои новые владения. Предлогом были все те же ошибки в написании царского титула и антимосковские книги. Ослабленная войной с казаками, Польша терпела одно поражение за другим. Русская армия двинулась в поход в феврале 1654 г., а в сентябре капитулировал Смоленск. Польский гарнизон сложил знамена к ногам победителей в том самом месте, где в 1634 г. сдалась полякам армия воеводы Шеина. Летом 1654 г. московское государство стало жертвой чумы. Никон, оставленный правителем в Москве (царь был в армии), убедил царицу и двор покинуть столицу, а затем уехал сам. Эпидемия была страшной: смертность (там, где были собраны сведения) колебалась от 85 до 97%. Способность московской армии успешно продолжать военные действия, несмотря на эпидемию, свидетельствовала о силе государства. В 1655 г. русские войска овладели Белоруссией и главными литовскими городами: Вильно, Ковно, Гродно. Царь Алексей стал «царем и великим князем всея Великия, Малые и Белые России». В марте 1656 г. молдавский воевода Стефан попросил царя принять в подданство Молдавию. В июне московский царь согласился взять под свою «высокую руку» православную Молдавию, которая была вассалом турецкого султана.

Ведя войну с Польшей, Москва бросила вызов Турции. Одновременно вспыхнул конфликт со Швецией. Отказавшись от престола, шведская королева Кристина передала трон своему двоюродному брату Карлу Густаву, который короновался под именем Карла X. Польша, теснимая Москвой, показалась шведам великолепной добычей. Момент — удобным для решения старых споров. В июле 1655 г. шведская армия обрушилась на Речь

Посполитую. К сентябрю в руках завоевателей была почти вся страна, включая Варшаву и Краков. В польской истории поход шведов называют «потопом». Неизбежной была встреча двух врагов Польши: она произошла в Литве, куда явились шведские войска, но где уже были московские полки. Великий гетман литовский Радзивилл, не имея возможности сопротивляться, выбрал Швецию и подписал договор о переходе Литвы в шведское подданство.

Малороссийский узел закручивался все туже. Начинается шведско-московская война, шведы, по своему обыкновению, идут в направлении Пскова. Не доходя до города, довольствуются разграблением Печерского монастыря. В борьбу включается трансильванский князь Ракочи, вступающий в союз со Швецией. С ним устанавливает связь Богдан Хмельницкий, серьезно помышляющий о разрыве с Москвой. Карл X, Ракочи, Хмельницкий составляют планы раздела Польши: шведский король выражал желание приобрести центральную Польшу, Померанию с Данцигом и Ливонию, трансильванскому князю досталась бы Малороссия, Мазовия и Литва вместе с королевским титулом. Кое-что перепадало Радзивиллу и казакам.

Необыкновенную изворотливость проявил электор Бранденбургский Фридрих-Вильгельм. Владелец небольшого бранденбургско-прусского княжества, которое находилось в вассальной зависимости от Польши, он ухитряется стать независимым от Польши, перейдя к шведскому сюзерену, а затем освободиться от Швеции, предложив свое посредничество в шведско-московском конфликте. Москва отказалась, но Пруссия впервые заявила о себе на дипломатической арене.

В октябре 1656 г. в Вильно был подписан мир между Москвой и Варшавой. Условия его кажутся неожиданными: в обмен на твердое обязательство поляков, что царь Алексей после смерти Яна-Казимира будет избран польским королем, русские вернули все завоеванные территории. Вильненский договор отражал спор о направлении московской внешней политики, который вели советники царя. Присоединение Малороссии вынуждало делать выбор между югом и западом. Афанасий Ордин-Нащокин, в 50— 60-е годы ближайший советник Алексея, выдающийся дипломат и государственный деятель, в 1667—1671 гг. первый русский канцлер, предшественник многих петровских реформ, был против «малороссийского направления». Он настаивал, что Малороссия не стоит приносимых ради нее жертв, что главной целью московской внешней политики должно быть завоевание балтийского побережья, выход к морю. В связи с этим, считал Ордин-Нащокин, главным врагом Москвы была Швеция, а не Польша. Украинцы считали канцлера своим главным врагом в Москве. Сторонником примирения с Польшей был и Никон, мечтавший о союзе христианских народов против неверных.

Договор с Польшей был заключен без уведомления Хмельницкого, его представители, посланные в Вильно, к переговорам допущены не были. Им объявили, что Хмельницкий и казаки — подданные, а потому не должны выражать свое мнение там, где их судьбу решают послы государей. Хмельницкий ответил на это заключением тайного договора со Швецией и Ракочи, направленным против Польши. Смерть Богдана Хмельницкого летом 1657 г. оборвала эти планы. Но московские хлопоты с Малороссией только начинались.

Еще при жизни Хмельницкого его преемником был избран 16-летний сын Юрий. После смерти отца он от булавы отказался, и казаки выбрали соратника гетмана, занимавшего должность генерального писаря Ивана Выговского. Против него поднял бунт казачий полковник Пушкарь, опиравшийся на голоту — бездомных, безземельных крестьян, ждавших награды за участие в освободительной войне и мечтавших стать казаками, т.е. попасть в реестровый список. Москва поддержала Выговского, который разбил бунтарей. Но отношения между казачьей старшиной и московским правительством обострялись по мере того, как росла власть воевод, присланных в Малороссию. Когда Выговский в письме царю назвал казаков «вольными» подданными, ему был сделан выговор и приказано называть казаков «вечными подданными».

Гетман вступает в переговоры с Польшей. В русской истории место Ивана Выговского закреплено безоговорочно: изменник. Современный историк выражает эту точку зрения ясно и четко: «...Выговский принял польскую сторону и заключил с Польшей политический союз — Гадячскую унию, возвращая Украину Речи Посполитой»[67]. Обвинение дополняется объяснением: Выговский был польским шляхтичем. Это верно, но таким же шляхтичем был и Богдан Хмельницкий. План был поддержан Запорожским войском. 6 сентября 1658 г. рада, собравшаяся в Гадяче (такая же, какая собралась 8 января 1654 г. в Переяславле) одобрила договор с Польшей.

Важнейшей статьей договора было признание Польшей самостоятельной Украины, которая называлась Великое княжество русское. Это значило, что Речь Посполитая расширяется, включая в федерацию Польши и Литвы третьего члена — Украину. Не любивший Польшу украинский историк Михаиле Грушевский неохотно признает: «С политической точки зрения это имело свои положительные стороны». Знакомство с условиями Гадячского договора позволяет говорить о замечательном успехе Выговского. Договор предусматривал: полное равенство православия и католичества на всей территории Речи Посполитой; места в сенате для киевского митрополита и пяти архиепископов; 60 тыс. реестровых казаков, в сенат выбираются не только католики, но и православные; Великое княжество русское находится под управлением гетмана, который имеет право чеканить монеты; княжество не платит податей Варшаве; в случае войны между Польшей и Москвой Малороссия может сохранять нейтралитет, но в случае нападения Москвы на Малороссию поляки приходят ей на помощь; в Киеве разрешалось открыть академию, которая пользовалась бы теми же правами, что и краковский университет; разрешалось свободно устраивать коллегии, училища и типографии, свободно печатать книги (запрещалось только оскорблять короля).

Сейм после бурных споров утвердил договор. Некоторые историки считают, что Польша не имела намерений выполнять условия договора. Он несомненно свидетельствовал, что часть казачьей старшины была недовольна присоединением к Москве, которая ответила на решение Гадячской рады, двинув войска воеводы Трубецкого против Выговского. В битве при Конотопе (июнь 1659 г.) казаки, позвавшие на помощь татар, разгромили московскую конницу, потерявшую не менее 5 тысяч человек.

Москва поспешно заканчивает войну со Швецией, которая шла больше трех лет. Кардисский мир, подписанный после долгих переговоров в 1661 г., подтвердил потерю Москвой всех завоеваний в Ливонии. Начинается вторая война с Польшей. На этот раз московские войска терпят поражение за поражением. Но это не мешает укреплять царскую власть в Малороссии. Москва умело использует разногласия между старшиной и голытьбой, междоусобицу в казачьей среде. Казачья рада, свергшая Выговского и выбравшая гетманом Юрия Хмельницкого, составила условия подчинения Москве, дополнив старые статьи Богдана Хмельницкого некоторыми новыми, взятыми из Гадячского договора. Воевода Трубецкой отверг их. В сентябре 1659 г. в Переяславле была созвана рада в присутствии московских войск. Трубецкой вынудил казаков принять новые условия, дополнявшие первый переяславский договор. Они сильно ограничивали власть гетмана и расширяли число городов, в которые назначались московские воеводы.

В Малороссии начинается смутное время: гетманы сменяют один другого, иногда одновременно два правят казачьим войском. Все более отчетливо разделяются два берега Днепра: восточная и западная, левобережная и правобережная Украина. Число гетманов увеличивается, ибо на каждом берегу появляется свой, а иногда — по два.

Идут поиски места на карте, поиски протектора, если не союзника. На протяжении полувека Украина испробовала все возможные варианты альянса с соседями. Хмельницкий выбрал Москву, Выговский — Польшу, Петр Дорошенко (в 1668 г.) выбрал турецкого султана (казачья рада, которой гетман предложил на выбор, кому подчиниться — москалям, полякам или туркам, высказалась за турок); наконец, в 1708 г. Мазепа выбрал шведов.

Малороссийские гетманы ищут в первую очередь возможность сохранить свою власть и зовут себе на помощь русских или татар, поляков или турок.

Московское государство, не торопившееся с ответом на призывы Хмельницкого, приняв решение присоединить Малороссию, не жалеет сил и средств для удержания приобретенной территории. Неудачи в ходе второй войны с Польшей побуждают царя Алексея начать поиски мирного решения. О пользе мира и даже союза с Польшей не перестает говорить Афанасий Ордин-Нащокин. Выражает согласие вступить в переговоры с Москвой польский король: переход атамана правобережной Украины Дорошенко в турецкое подданство создал угрозу вторжения султана в Польшу. Еще более ослабил Яна-Казимира мятеж (рокош) одного из влиятельнейших польских магнатов Ежи Любомирского. Польские историки считают Любиморского таким же ответственным за потерю Украины, как и Богдана Хмельницкого.

По Андрусовскому перемирию Литва осталась за Польшей, но Москва приобрела Смоленск, Северскую область и левобережную Украину. Ордин-Нащокин, ведший переговоры, добился передачи Москве Киева, стоявшего на правом берегу. Русский дипломат уговорил поляков оставить Москве Киев на два года. Киев — «мать городов русских» — уже никогда не был возвращен Польше. Современники высоко оценили успех Ордина-Нащокина: «Гремевшая в Европе слава тринадцатилетнего перемирия, которого ждали все христианские народы, воздвигает Нащокину благороднейший памятник в сердцах потомков»[68].

Во время переговоров Ордин-Нащокин вынужден был преодолевать не только аргументы поляков, но и сопротивление Алексея, считавшего, что дипломат слишком уступчив. Ордин-Нащокин убеждал царя в необходимости мириться с поляками на умеренных условиях: «Взять Полоцк да Витебск, а если поляки заупрямятся, то и этих городов не надобно». Эти города остались у Польши. Но Ордин намекал в докладе царю на возможность отступиться от всей Малороссии, а не только от правобережной, ради прочного союза с Польшей. Алексей категорически такую вероятность отверг: «Собаке не достойно есть и одного куска хлеба православного (полякам не подобает владеть и западной Малороссией): только то не по нашей воле, а за грехи учинится»[69].

Московский дипломат искал союза с Польшей не потому, что он питал особенно нежные чувства к полякам, которых он считал «зело шатким, бездушным и непостоянным» народом. Союз с Польшей представлялся ему началом реализации великого проекта. После заключения мира между Москвой и Варшавой присоединятся к православному царю православные христиане, живущие под султаном (молдаване, волохи). А затем соединятся все славянские народы от Адриатического до Немецкого моря и до Северного океана. Фундаментом такой будущей державы должен был быть династический союз с Польшей после избрания московского царя польским королем.

В последней четверти XVII в. план казался фантазией — прошло всего полвека после Смутного времени, которое, казалось бы, вычеркнуло Москву с геополитической карты. Не пройдет и столетия, как утопический проект Афанасия Ордина-Нащокина начнет превращаться в реальность.

Москва вынуждена была (за грехи, как полагал царь Алексей) довольствоваться левобережной, т.е. восточной Малороссией. Она укрепляет свое присутствие, не перестает ограничивать права казаков. В марте 1669 г. на раде в Глухове в присутствии пограничного воеводы князя Ромодановского был избран новый гетман — Иван Многогрешный — и приняты так называемые глуховские статьи, определявшие отношения между Москвой и Малороссией. Запорожское войско было сокращено до 30 тыс. казаков, гетман терял право непосредственного сношения с царем, в главных городах учреждаются московские воеводы. Характер новых отношений иллюстрирует судьба гетмана Многогрешного. Невоздержанный на язык, как писали современники, особенно в нетрезвом виде, гетман дерзко отозвался о

царе, был обвинен в измене, приговорен к смертной казни, но помилован и сослан в Сибирь. После Переяславской рады прошло 18 лет.

Василий Ключевский критикует внешнюю политику царя Алексея, считая главной причиной ее неудач «малороссийский вопрос». По мнению русского историка, «малороссийский вопрос своим прямым или косвенным действием усложнил внешнюю политику Москвы»[70], «затруднил и испортил внешнюю политику Москвы, завязил ее в невылазные малороссийские дрязги, раздробил ее силы в борьбе с Польшей...»[71]. Норман Девис, современный историк Польши, оценивает, политику Алексея совершенно иначе: «Практически говоря, Украина попала в зависимость от Москвы. Вечные притязания московского княжества на статус «российской империи» быстро приобретали реальный фундамент»[72].

Упреки В. Ключевского могут показаться странными: каждое завоевание «усложняет» политику: появляются новые соседи, необходимо «переварить» проглоченную территорию. Смысл недовольства историка разъясняется, когда он пишет, что по Андрусовскому перемирию Москва отказалась из-за «невылазных малороссийских дрязг» от «Литвы и Белоруссии с Волынью и Подолией и еле-еле удержала левобережную Украину с Киевом на той стороне Днепра». Упреки В. Ключевского в конечном счете сводятся к тому, что присоединение Малороссии шло не так быстро и не так хорошо, как ему бы хотелось.

Взгляд на карту не оставляет сомнений: Речи Посполитой был нанесен мощный удар. Она вернула Москве все завоевания, сделанные в Смутное время, признанные русским царем в 1619 г., подтвержденные вечным Поляновским мирным договором в 1634 г., и отдала новые территории. Ослабление Польши и следовавшее за этим усиление Москвы имело одним из результатов необходимость конфронтации со Швецией. Но после Андрусовского перемирия возникла возможность московско-польского союза против северного противника. Переход правобережной (западной) Малороссии под «высокую руку турецкого султана» (что было, в частности, результатом ослабления Польши) стало сигналом к войне с Турцией, которая будет длиться последние четыре года жизни Алексея и все царствование его сына Федора. Тяжелая война, шедшая на территории Малороссии и Крыма, имела побочным результатом включение Московского государства в концерн европейских держав, не переставших искать союзников для борьбы с Оттоманской империей, захватившей Балканы и лелеявшей далеко идущие планы продвижения на Запад.

Включение Малороссии в Московское государство имело последствия немедленные, но еще больше дальние, накапливавшиеся постепенно, решающим образом влияя на судьбу страны. В числе первых, очевидных, было ослабление Польши, что само по себе означало усиление Москвы. В числе дальних было «перенесение в Москву киевской учености», как выразился Костомаров.

В начале XVI в. капитан Маржерет констатировал: «Невежество русского народа есть мать его благочестия: он ненавидит учение, в особенности латинский язык; он не знает ни школ, ни университетов; одни священники наставляют юношество чтению и письму, но, впрочем, и этим занимаются немногие». Государство не страдало от невежества населения, нанимая, в случае необходимости, для выполнения технических функций иноземцев. Вопрос о грамотности был поднят церковью, когда началось исправление богослужебных книг. Во-первых, понадобились правщики. Во-вторых, когда произошел раскол, понадобились проповедники, умевшие доказывать правоту официальной церкви. Знания становились оружием в борьбе с раскольниками, главный идеолог которых — Аввакум — утверждал, что «ритор и философ не может быть христианином», и гордился тем, что он «простец человек и зело исполнен неведения». Церковь объявила о необходимости грамотности — не народа, конечно, но духовенства. Собор 1666—1667 гг. постановил: «Повелеваем, чтобы всякий священник детей своих научил грамоте».

Этого было недостаточно, ибо далеко не всякий священник знал грамоте. Начинает ощущаться необходимость в школах. Обращение к образованным православным, близким по

языку украинцам было неизбежным. Московская православная церковь, жившая в полном симбиозе с государством, могла спокойно пребывать в сознании своего благочестия, уверенная, что, будучи церковью Третьего Рима, не нуждается в других знаниях, кроме тех, что дают апостолы. Украинское православие не имело защиты от государства, подвергалось преследованиям со стороны католической церкви, наконец вынуждено было противостоять Унии, отрывавшей верующих. Образование было сильнейшим оружием против православия. Иезуитские школы (коллегии) растут, как грибы после дождя: в Вильне, Полоцке, Ярославле Галицком, Львове, в Луцке, Перемышле, в 1620 г. в Киеве, в 1624 г. в Остроге и т.д. Образование открывало многие возможности в Речи Посполитой. Иезуитское воспитание влекло за собой отказ от православия. Шляхта украинского происхождения переходила прямо в католичество, горожане переходили в униатскую церковь.

Петр Могила, потомок древнего знатного молдавского рода, в 1633 г. назначается митрополитом в Киев. Его усилиями создается киевская коллегия, затем академия, которая дает образование православным. Н. Костомаров, биограф киевского митрополита, пишет. «Идеалом Могилы был такой русский человек, который, крепко сохраняя и свою веру, и свой язык, в то же время по степени образования и по своим духовным средствам стоял бы в уровень с поляками, с которыми судьба связала его в государственном отношении»[73].

Киевская академия, ее выпускники становятся источником, в котором Москва ищет «специалистов», способных помочь повысить уровень образования московского духовенства, помочь в борьбе с расколом.

В 1640 г. Петр Могила писал царю, уговаривая устроить в Москве монастырь, в котором бы киевские монахи обучали греческой и славянской грамоте. Только через некоторое время идею Петра Могилы осуществил ближний боярин Алексея, воспитатель его старшего сына Федор Ртищев. В числе приглашенных им киевских ученых был воспитанник киевской академии, потом преподававший в ней Епифаний Славинецкий. Он стал затем главным правщиком религиозных книг, переводчиком отцов церкви, ему был поручен новый перевод Библии. До смерти он успел закончить только Новый завет и Пятикнижие. Важную роль в развитии культуры сыграл еще один воспитанник киевской академии Симеон Полоцкий, приглашенный в Москву царем. Ему принадлежат богословские сочинения, защищавшие в разгар борьбы с раскольниками официальную точку зрения, но им же написаны силлабическими рифмованными стихами комедии, которые представлялись царю. Так начиналась светская русская литература, хотя сюжеты своих комедий Симеон Полоцкий брал только из Священного писания.

«Перенесение киевской учености» в Москву было процессом трудным. Прежде всего, источник знаний казался подозрительным, зараженным «латинством», латинский язык считался «проклятым». Наука была неожиданно тяжелой. После того как стала распространяться грамота, начали ходить слухи, что самого чтения или умения писать недостаточно, что существует какая-то грамматика, различающая части речи, предложения и т.п.[74] Первая «Грамматика» славянского языка была напечатана в 1629 г. Мелентием Смотрицким, бывшим некоторое время ректором киевской коллегии. Поколения русских учились по этой грамматике, несмотря на шаткость религиозных взглядов Смотрицкого, покинувшего православие и принявшего унию.

Малороссийское влияние ощущалось всюду: в богословии, — естественно, оно было наукой наук, — но также в литературе, в вопросах воспитания, морали. Катехизис, составленный Симеоном Полоцким, излагал символ веры, десять заповедей, но также давал примеры вопросов, которые могут задавать священники во время исповеди, и помогал в ответах. В катехизисе, в частности, имеется определение пьяного человека: «Тот истинно пьян, кто на другой день не помнит, что он делал и говорил, с кем шел, как домой добрался и как спать лег, а тот еще не совсем пьян, кто хотя и шатается, но все помнит». Исходя из этого определения, священник мог решать о степени греховности исповедуемого.

Через Малороссию приходит в Москву архитектурный стиль, называемый украинское барокко. Он шел с запада, через Польшу и Малороссию. Строится много церквей в Москве и Подмосковье, нарушающих прежнюю традицию. Нововведения в архитектуре свидетельствовали о силе иноземного влияния, ибо московское правительство строго следило за соблюдением норм, образцом был Успенский собор, построенный при Иване III, и предписывалось «ничего не претворять по своему замышлению».

«Киевская ученость» встречает резкое сопротивление в Москве. Это не было столкновение «прогрессистов» и реакционеров. Аввакум дословно повторяет изречение малороссийского проповедника Иоанна Вишенского: «Будь ты, мудрый латынник, с своей верой и мудростью сам по себе; а мы с своей верой и с апостольской глупостью — сами по себе». Николай Костомаров заключает портрет историка и проповедника Иоанникия Галятовского, автора книг против евреев, мусульман и католиков, словами: «Со всем своим ученым невежеством, с простонародными суевериями, привитыми в младенчестве и не выбитыми школой (которая и не старалась об их искоренении), с легковерием ко всему печатному, с раболепством ко всему, что только носит на себе притязание православной церковности, с диким изуверством, готовым жечь, топить в воде, резать всех, кто верует не так, как следует, но вместе с тем с несомненным дарованием, которое видимо в стройности изложения, в ясности слога, в удободоступности речи, и, главное, в той живости, которая всегда бывает признаком дарования... Галятовский, более всякого другого, может назваться представителем своего века в южно-русской литературе»[75].

Появление малороссов вызвало осуждение в Москве, ибо их ученость, которой они хвастались, унижала местное духовенство, нарушение традиций казалось подрывом устоев, предпочтение латинского языка греческому представлялось отравлением религии. Но споры, носившие ожесточенный характер, втягивали московскую церковь в круг новых идей, вынуждали обсуждать то, что вчера еще было неприкосновенной истиной. В 1691 г., в самом начале царствования Петра московский собор признал неправославными сочинения Симеона Полоцкого, его ученика Сильвестра Медведева, казненного за участие в политическом заговоре, Галятовского, Петра Могилы и других представителей «киевской учености». Но 10 лет спустя малороссы, по инициативе Петра I, занимают места преподавателей созданной в 1686 г. московской духовной академии, названной греко-латино-славянской; преподавание идет по киевскому образцу; большинство учеников приезжают из Малороссии. Наконец, все важнейшие духовные места занимают малороссы. Московская академия была, по словам историка С. Соловьева, «цитаделью, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении с иноверным Западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал». Но создание духовной академии, несмотря на охранительный характер ее функций, было важным шагом в повышении уровня православного духовенства. Таковы оказались последствия включения в состав московского государства восточной Малороссии.

Лев Гумилев, видящий причину раскола в конфликте между московской и украинской православными традициями, подчеркивает правильность выбора Малороссией Москвы тем, что «никакой дискриминации украинцев в составе России не было». Это совершенно справедливо, но касается украинцев индивидуально, а не Украины, части Московского государства, а затем Российской империи. Как Польша до нее, Москва поглощала правящий класс Малороссии. Поляки старались овладеть элитой завоеванной территории через религию, русские — открывая украинцам возможность участия в государственной жизни через администрацию, армию, церковь.

Продвижение на юго-запад было не единственным успехом экспансионистской политики Москвы. Другим направлением был север, Сибирь. Русские конквистадоры, казачьи атаманы с горсткой «вольных охотников» захватывают огромную территорию, населенную малочисленными племенами, не знавшими огнестрельного оружия. Открытое пространство, слабое сопротивление местных жителей, богатства в виде серебра, пушнины

неудержимо влекут завоевателей. Василий Поярков доходит до Тихого океана, открывает Амур. Семен Дежнев, обогнув восточную оконечность евразийского материка, открыл пролив между Азией и Америкой за 80 лет до Беринга (именем которого пролив будет назван). Ерофей Хабаров завоевывает приамурские земли и Даурию. Енисейский воевода Афанасий Пашков проникает в бассейн Амура со стороны Забайкалья. Аввакум в жизнеописании посвящает много страниц своему мучителю Пашкову, жестокому, бессердечному человеку, оставляя в стороне его качества строителя империи.

Дойдя до Амура, русские впервые встретились с Китаем, претендовавшим на принадлежность этой территории богдыхану. В 1652 г. Хабаров разбил китайский отряд, мешавший его продвижению. Конфликт с неизвестной державой вызывает интерес в Москве. В Китай в 1654 г. направляется посол Федор Банков с письмом от царя Алексея, в котором перечисляются все титулы московского государя и рассказывается его родословная от императора Августа и его родственника князя Рюрика. В инструкции Байкову (она свидетельствует, что некоторые сведения о Китае в Москве имелись) запрещается падать ниц перед императором и целовать ему ногу, поцеловать руку разрешалось. Федор Байков, строго придерживавшийся инструкции, не был принят императором. В 1665 г. русские строят крепость Албазин, последующие четверть века вокруг нее концентрируется русско-китайский конфликт. В 1683 г. китайцы осаждают крепость, в 1685 г. ее захватывают и разрушают. Затем русские отстраивают Албазин, в 1686 г. китайцы вновь его осаждают. В 1675 г. русский посланник Николай Спафари был принят китайским императором, но, поскольку он отказывался падать ниц, его миссия закончилась, как и первая, ничем. Дипломатические сношения становятся более частыми, увеличивается число спорных проблем, поскольку русские принимают в подданство народы, находившиеся в зависимости от китайского императора.

В 1689 г. в Нерчинске открываются переговоры между противниками. Китайскую делегацию сопровождала 10-тысячная армия. Переводчиками служили прибывшие с китайцами два иезуита. Жербийон и Перейеза. В августе был подписан Нерчинский договор, определявший границу между двумя государствами по рекам Аргунь и Горица. Албазин, по соглашению двух сторон, был разрушен, русский гарнизон эвакуирован. Стороны договорились об условиях русско-китайской торговли.

Нерчинский договор был подписан в последний год правления Софьи, московское государство переживало очередной династический кризис. Одним из последствий договора был отказ от амурского края, который уже находился в русских руках. Но продвижение все дальше и дальше было не остановлено, а задержано. Во второй половине XIX в. российская империя вернет себе территории, утраченные в конце XVII в.

Современный историк Польши, отмечая настойчивость московского государства, откладывавшего, в случае неудачи, достижение цели, но никогда от нее не отказывавшегося, называет это качество «великолепной выдержкой москвичей, характеризующей их историю»[76]. Русский историк, цитируя дипломатические документы XV и XVI вв., иллюстрирующие расширение московского княжества, пишет: «На самого хладнокровного читателя сухих посольских донесений этот тяжелый, размеренный шаг Московского «каменного гостя» способен произвести впечатление какого-то давящего кошмара»[77]. Стоит отметить, что автор этого впечатляющего образа, Павел Милюков, когда стал в 1917 г. министром иностранных дел Временного правительства, считал главной своей задачей овладение Константинополем и проливами, иначе говоря, дальнейшее расширение российской империи, которая в это время была демократической республикой.

Два наблюдателя: Григорий Котошихин и Юрий Крижанич

Они не были похожи, русский Григорий Карпович Котошихин, родившийся в 1630 г. (или несколько позже), обезглавленный в Стокгольме в 1667 г., и хорват Юрий Крижанич, родившийся в 1618 г., католический священник, приехавший в 1659 г. в Москву, отправленный год спустя в ссылку в Сибирь (Тобольск), отпущенный из Московского государства в 1677 г., умерший в 1683 г. Они сходны тем, что написали ценнейшие свидетельства о московском государстве XVII в. Сходство и в том, что их сочинения были открыты через два столетия после написания — непрочитанные современниками, они стали важным источником для потомков.

Жизнь Григория Котошихина не послужила материалом для увлекательнейшего исторического романа прежде всего, видимо, потому, что жанр этот был малопопулярен в русской литературе, но, возможно, и потому, что автор «О России в царствование Алексия Михайловича», беглец и изменник, казался персонажем отрицательным.

Писец, а потом подьячий в Посольском приказе, ведавшем иностранными делами государства, Григорий Котошихин делал скромную карьеру, участвовал в переговорах со шведами, которые привели к подписанию в 1661 г. Кардисского мира. В докладной записке царю о ходе переговоров, которую писал Котошихин, он допустил ошибку: следовало написать Великому Государю, а было написано — Великому. Слово Государь подьячий пропустил. Послам был сделан строгий выговор, а Котошихина били батогами. Впрочем, на дальнейшую службу это не повлияло. Вместе с дипломатическими представителями Москвы Котошихин был в Дерпте, в Ревеле, затем послан гонцом в Стокгольм. В 1663 г., когда в Москве начались переговоры со шведами относительно денежных претензий, Григорий Котошихин был подкуплен шведским представителем Эберсом и передал ему тайные сведения о московских намерениях. Изменнику было заплачено 40 рублей (документ обнаружен в шведском архиве). Это была значительная сумма: жалование подьячего составляло 20 рублей в год, которые уплачивались в это время медными деньгами. Эберс заплатил серебром, а может быть, даже золотом.

Шпионская деятельность Григория Котошихина вскоре прервалась, ибо он был послан вести канцелярию в московскую армию, стоявшую под Смоленском. Вскоре командующий войском князь Черкасский был отозван, а назначенный на его место князь Долгорукий потребовал от Котошихина составить ложный донос на своего предшественника. Понимая, что согласие или отказ могут быть для него одинаково губительными, Котошихин летом 1664 г. бежит в Польшу. Он предлагает свои услуги польскому королю, но, не удовлетворенный условиями, перебирается в Стокгольм. В 1666 г. его зачисляют в штат государственного архива и предлагают написать то, что он знает о России, с жалованьем в 300 риксдалеров. Автор предисловия к первому шведскому изданию «О России Алексия Михайловича» пишет, что государственный канцлер граф Магнус Делагарди, «узнав острый ум Котошихина и его особенную опытность в политике, дал ему средства и возможность закончить начатый труд»[78]. Котошихин написал свою работу за 8 месяцев, полагаясь только на свою память, почти без всяких пособий.

В ссоре с приревновавшим московского беглеца к своей жене хозяином дома, где поселился Котошихин, он смертельно ранил ревнивца. В ноябре 1667 г. Григорий Котошихин был обезглавлен, перейдя перед смертью в лютеранскую веру.

В 1837 г. профессор Гельсингфорского университета С.В. Соловьев нашел в Стокгольмском государственном архиве перевод работы Котошихина, а год спустя в библиотеке Упсальского университета — оригинал. Через три года, в 1840 г., книга была опубликована в России и преподнесена императору Николаю I. Она переиздавалась в XIX в. еще дважды (1859, 1884). В XX в. «О России Алексия Михайловича» (название дано первым публикатором) издавалась только один раз, в 1906 г.

Личность автора не менее интересна, чем его книга. Первым русским эмигрантом называют князя Андрея Курбского. Это не совсем справедливо, ибо бегство друга Ивана Грозного было выражением обиды феодала на сюзерена, проявлением своеволия князя, считавшего уход от московского великого князя своим правом. Бегство Григория Котошихина, мелкого чиновника посольского приказа, сына незначительного служилого человека, было бунтом рядового обитателя московского государства, холопа, которого за ошибку в царском титуле били батогами. Почти одновременно бежал в Польшу сын руководителя русской внешней политики — Воин Ордин-Нащокин. Огорченный отец ждал жестокой опалы, но царь, очень благосклонно относившийся к Афанасию Ордину-Нащокину, утешал отца, написав ему: «Он человек молодой ...яко же и птица летает семо и овамо и полетав довольно, паки к гнезду своему прилетит». Царь Алексей оказался прав: Воин Ордин-Нащокин, «полетав» в Польше и Франции, вернулся домой, где был наказан очень легко. Такого «либерального» отношения не мог ожидать подьячий, которого официально звали «Гришка Котошихин».

Московская «Краткая литературная энциклопедия» (КЛЭ), желая придать «вес» сочинению Котошихина, называет его «русский общественный деятель и писатель»[79]. В действительности автор «О России в царствование Алексия Михайловича» не был ни общественным деятелем, ни даже писателем в общепринятом смысле этого слова. Он был, по выражению Ал. Маркевича — автора единственной биографии Григория Котошихина, написанной в 1895 г., — «рядовым чиновником, хорошо изучившим канцелярское дело в своей специальной области и ловко разбиравшимся в окружающей его жизненной атмосфере»[80]. Очевидно, делает очень важный вывод Ал. Маркович, что «в служебных сферах Московского государства, и особенно в органах центрального управления, уже сформировался известный тип людей, очень ловких, наблюдательных, сведущих в своем деле, практических, хорошо знавших жизнь, дельцов на все руки, даже развитых для своего времени»[81].

Это было новое поколение русских, выросшее после Смуты. Григорий Котошихин был его представителем, «заурядным чиновником», но очень незаурядным человеком. Автор предисловия к первому шведскому изданию «России при Алексии Михайловиче», лично знавший Котошихина, говорит о его блестящих способностях, о том, что он был «человеком выдающимся», «ума несравненного». Его первый русский биограф подчеркивает иное качество, возможно, еще более редкое: «Котошихин легко может ошибиться, но не солгать»[82].

Историки, использующие, начиная с XIX в., работу Григория Котошихина, находят в ней очень мало ошибок. Главная ценность сочинения первого русского эмигранта в том, что оно было первым. «До второй половины XVII в., — констатирует исследователь сказаний иностранцев о России, — мы не знаем ни одного русского произведения, которое рисовало бы нам общую картину состояния тогдашнего общества»[83]. До Григория Котошихина о России писали только иностранцы: отстраненность давала им возможность увидеть то, чего могли не видеть русские, но она же ограничивала понимание тех сторон жизни, которые были им незнакомы и чужды. Котошихин знает Московское государство изнутри и знает его великолепно. Самая обширная глава посвящена органам центрального управления — приказам, большое внимание уделено организации дипломатической службы, церемонии приема послов, военному делу, торговле, положению крестьян, царскому придворному хозяйству. Автор не забывает о частной жизни обитателей московского государства, описав

праздники, свадебные обычаи, угощения и т.д. Слог Котошихина — официальный московский XVII в., отличающийся деловитостью, сухостью, точностью. Язык ясный, точный, непохожий на темпераментную, нередко выспреннюю речь Аввакума. Автобиография неистового протопопа и спокойная реляция подьячего свидетельствуют о высоком уровне русского литературного языка, о наличии в середине XVII в. фундамента для будущей литературы. Сухой котошихинский стиль оживляется сарказмом, приоткрывающим характер московского человека, современника царя Алексея. В кратком историческом очерке, которым Котошихин предваряет описание Московии, он, например, замечает: «Когда у Грозного не было войны, он вместо того мучил подданных».

Григорий Котошихин составлял свое описание Московского государства по заказу шведов, противников Москвы, но нигде писатель не старается угодить заказчику. Например, он мало пишет о московском войске, что, казалось, должно было специально интересовать шведов. Котошихин стремится очень точно и правдиво представить состояние государства, которое он великолепно знает, потому что он там жил и потому что он оттуда бежал. Знакомство с немосковским миром, — Польшей, Ливонией, Швецией — дало эмигранту возможность по-настоящему увидеть московские порядки. Григорий Котошихин ничего не обобщает и очень сдержанно выражает свое отношение к описанному, но его рассказ не оставляет никакого сомнения в главном выводе писателя: Московское государство — неблагоустроенно, отстало, причем не только в образовании, но и в нравах, по сравнению с западом.

Автор «Московского государства при Алексии Михайловиче» с удивлением, раздражением, возмущением описывает состояние родной страны, но все эти чувства вызваны тем, что он знает — есть другая жизнь, другие порядки и нравы.

Князь Андрей Курбский видел причины московских бед в самодержавной власти великого князя. Подьячий Григорий Котошихин видит источник бед московского государства в необразованности. Он рассказывает о том, что на заседании Боярской Думы «иные бояре, бради свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, а по великой породе, и многие из них грамоте не ученые». Но одинаково скорбит писатель о том, что «Московского государства женский пол грамоте неученые...». Одну из основных причин необразованности Котошихин видел в замкнутости Москвы, в ее отчужденности от Европы. Пройдет четверть века, и многие из его критических замечаний лягут в основу изменений, потрясших Россию в эпоху реформ Петра I.

Сочинение Григория Котошихина было описанием Московского государства, завершавшего свою историю, ждавшего необходимых для дальнейшего существования перемен. Первая русская публикация книги вызывает оживленный интерес, описание Московского государства второй половины XVII в. становится предметом споров между западниками и славянофилами, двумя умственными течениями, совсем недавно возникшими в русском обществе. Для западников Котошихин был убедительнейшим аргументом в пользу реформ, осуществленных Петром. В. Белинский был очень доволен: «Читатели наши могли видеть верную картину общественного и семейного быта России... Сколько тут азиатского, варварского!... Сколько унизительных для человеческого достоинства обрядов... Все это было следствием изолированности от Европы исторического развития, следствием влияния татарщины»[84]. Западники объясняли бегство Григория невозможностью для развитого человека дышать московской атмосферой. Крайние славянофилы отвергали свидетельство Котошихина (не умея опровергнуть его документами), ибо он был враг народа. Историк Михаил Погодин, автор официальной теории народности, не отрицая справедливости показаний эмигранта, доказывавших необходимость петровских реформ, остро осуждал западничество Котошихина, восклицая: «Избави нас Бог от котошихинского прогресса!»[85].

В 1993 г. русский исследователь эмигрантской литературы, о которой стало можно говорить без ругательств, высоко оценивает свидетельство, несмотря на характер автора: «В далеком Стокгольме на шведские деньги создана острым и безнравственным перебежчиком

Григорием Котошихиным талантливая книга о Московском государстве, луч реальной правды среди велеречивых легенд и этикетного официоза»[86]. Не прекращается спор о русском прошлом, и поэтому не перестает выплывать на поверхность правдивый рассказ о переломной эпохе, написанный свидетелем, которого д-р Йерне, шведский автор первой биографии Григория Котошихина, написанной в 1881 г., назвал человеком несравненных способностей[87].

Григорий Котошихин был основоположником критической литературы. Его современник Юрий Крижанич был прототипом иностранца, настолько зачарованного Россией, что в ней он находит воплощение особого пути развития. В последующие три столетия Россию будут навещать чужеземцы, которые в рассказах об увиденном выберут, часто не подозревая об этом, либо модель Котошихина, либо модель Крижанича.

Судьба Юрия Крижанича и его сочинений также могла бы дать пищу романисту. Крижанич родился в Хорватии в 1617 г., окончил в Вене курс католической духовной семинарии, в Риме был подготовлен для миссионерской деятельности среди православных сербов в пользу унии. В 1646 г. впервые приехал в Московию, где прожил четыре года, продолжая свою работу. В 1660 г. он снова приехал в Москву, скрыв свой католицизм и свой сан каноника, выдав себя за серба. В 1661 г. Юрий Крижанич по неизвестной причине был сослан в Тобольск, один из важнейших в то время русских центров в Сибири. Он прожил там более 15 лет, до смерти царя Алексея. Выпущенный из России, уехал в Польшу. После 1680 г. его следы теряются. Рукописи многочисленных сочинений, написанных в ссылке, неясным путем попали в Москву, где полтора столетия пылились на полках Синодальной библиотеки. Открытые историком П.А. Безсоновым работы Юрия Крижанича были опубликованы частично в 1859 г. как приложение к журналу «Русская беседа». Вызвав значительный интерес, мысли хорватского путешественника были вскоре снова забыты. Первое полное издание сочинений Крижанича было осуществлено в Москве в 1965 г. Публикация 1859 г. носила почти то же название, что и сочинение Котошихина («Русское государство в половине XVII в.: Рукопись времен царя Алексея Михайловича»). Второе издание озаглавлено: «Политика», что хорошо отражает замысел автора, пользовавшегося в качестве образца «Политикой» Аристотеля и назвавшего сочинение «Беседы о правлении».

Историки спорят относительно распространенности мыслей Крижанича. Одни говорят, что его сочинения имелись у царя (первоначально покровителем славянского гостя был боярин Морозов), в Посольском приказе, в библиотеке В.В. Голицина, руководившего русской внешней политикой при Софье. Другие не находят этому доказательств. Историк А.Г. Брикнер назвал Крижанича «оратором без аудитории, проповедником без кафедры». П. Милюков замечает, что независимо от степени распространения и выполнимости «идеи и наблюдения Крижанича имеют для нас огромное значение, как более сознательное выражение того, что многими смутно думалось и чувствовалось на тогдашней Руси»[88]. Справедливость этого наблюдения подтверждается и тем, что «идеи и наблюдения» хорватского гостя остаются предметом острых споров в конце XX века. Утопия Юрия Крижанича, сформулировавшего светскую версию пророчества Филофея о Третьем Риме, продолжает оставаться источником вдохновения для идеологов русского мессианства.

Широкая образованность, значительно превышавшая московский уровень, отличное знание Запада, какого не могли иметь московские люди, но также место рождения — Хорватия, славянская страна — поле битвы турок и немцев, позволили Юрию Крижаничу увидеть, понять и сформулировать то, что русские чувствовали. Автор «Политики» рассказывает, что в 1658 г., оказавшись в Вене, он явился в гостиницу «Золотого быка», где остановился московский посланник, приехавший набирать иноземцев, желавших поступить на царскую службу. Юрий Крижанич вспоминал, что его возмутило неряшество и зловоние помещения, которое занимал посол. Но это не помешало ему предложить свою службу царю. В этом эпизоде весь Крижанич: он прекрасно видел все недостатки русских и московского государства, но это не мешало ему поверить в историческую миссию России как центра,

собирателя и покровителя славянских народов. Василий Ключевский говорит о парадоксе: Крижанич, хорват и католик, искал будущий славянский центр не в Вене, не в Праге, даже не в Варшаве, а в православной по вере и в татарской, по мнению Европы, Москве. Историк добавляет: «Над этим можно было смеяться в XVII в., можно, пожалуй, улыбаться и теперь; но между тогдашним и нашим временем были моменты, когда этого трудно было не ценить»[89]. Между второй половиной XIX в., когда Ключевский писал о Крижаниче, и концом XX в. было еще немало моментов, когда «славянская идея» служила русскому государству.

Юрий Крижанич открыл еще неосознанную в Москве славянскую миссию России. В его глазах эта миссия имела предназначением спасение славянских народов, а в первую очередь спасение русского народа, оказавшегося во второй половине XVII в. перед страшной опасностью быть зараженным чужеземным ядом.

Один из разделов «Политики» называется «О чужебесии», которое автор определяет как «бешеную любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам». Крижанич констатирует: «Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ»[90]. «Наш народ» для Крижанича — славяне. Автор «Политики» принес русским национализм.

Источником могущественного идеологического воздействия формулы Филофея была ее простота: два Рима пали, третий — Москва — стоит, а четвертому не быть. Будущее не имело тайны, все было ясно. Простота и ясность были прежде всего связаны с тем, что «Москва стоит», то есть не только существует, но и растет. Со времен Филофея, с начала XVI в. московское княжество, а затем московское царство не переставало «двигаться», распространяться, раздвигать свои границы все дальше и дальше. Московское государство называли «литургическим»: все члены общества служат государству, как жизнью, так и имуществом[91]. Внешняя экспансия, бывшая основной целью княжества, а потом царства, приводила его в соприкосновение с противниками, чужеземцами. Влияние врагов, традиционных соперников бывает, как правило, очень сильным, в особенности если противник одерживает победы.

Татарское присутствие на Руси оказало сильнейшее влияние на все стороны средневековой русской жизни. Иностранцы, рассказывавшие о своем пребывании в Московском государстве в XVI и XVII вв., отмечали странную, по их понятиям, посадку русских всадников. Это была татарская посадка с поджатыми ногами. В свое время для борьбы с татарами, знавшими только лук да саблю, она считалась прогрессом военной техники. Когда появился другой враг, польско-литовская конница, вооруженная копьем, татарская посадка оказалась «отсталой»: русский кавалерист не выдерживал сильного удара копьем, вылетал из седла. Посадка изменилась.

Иностранцы с Запада начинают проникать в Московское княжество при Иване III, им покровительствует Иван IV. Смутное время открывает для чужеземцев настежь московскую Русь. По мере выхода из кризиса регламентируется число и положение иностранцев. В конце XVII в. в Москве, в немецкой слободе, квартале, отведенном чужеземцам, насчитывалось более 1000 «торговых людей». Проникший в это время в Москву иезуит (по закону проживание в Московском государстве иезуитов было строго запрещено) обнаружил, к своему изумлению, «почти все европейские народности», в том числе и католиков. Но большинство составляли «еретики-протестанты», прежде всего голландцы (их было более 300), а затем англичане.

Не менее важную роль, чем в торговле и промышленности, иностранцы играли в московских войсках. По списку 1696 г., число иностранцев — генералов и офицеров (до прапорщиков включительно) составляло 231, в пехоте — 723. Одних генералов и полковников императорский посол Мейерберг насчитал более 100 человек. В списке 1632 г. имелось только 105 иностранных офицеров. Но в это время войско иностранного строя (пехота и конница) насчитывало всего 6118 человек. В конце века численность войска

возросла в 15 раз, соответственно увеличивалось число иностранных профессионалов, строивших в Москве армию европейского образца[92].

Численность, можно сказать многочисленность иностранцев в решающих областях жизни московского государства, проникновение западного влияния в культуру, заметного в изменении нравов и моды на одежду прежде всего в придворных кругах, отражали новые задачи, решение которых становилось все более неотложным. Нарастал конфликт между традиционной московской умственной структурой и необходимостью развития государства.

Одной из причин раскола было ощущение конфликта, страх перед чужеземным влиянием, угрожавшим чистоте православия. Восстание против исправления богослужебных книг было православной реакцией на возраставшую роль чужеземцев. Максим Грек говорил о необходимости исправления переводов и не встречал сопротивления. Столетие спустя действия Никона раскололи церковь.

Юрий Крижанич сформулировал идею националистической реакции на чужеземное наступление. Ощущение «своего» и «чужого» было присуще русским, как и всем другим народам. Но в Московском государстве признаком различия была религиозная принадлежность. Для Крижанича не православие, но славянство было фактором, определявшим уникальность Руси. Юрий Крижанич приехал учителем национальных чувств и пророком страшной опасности, нависшей над Москвой. Страстные осуждения ужасных результатов ксеномании — чужебесия более трехсот лет спустя продолжают оставаться актуальными для русских идеологов крайнего национализма: «Все беды, которые мы терпим, — утверждал Крижанич, — проистекают именно из-за того, что мы слишком много общаемся с чужеземцами и слишком много им доверяем». «Чужеземное красноречие, красота, ловкость, избалованность, любезность, роскошная жизнь и роскошные товары, словно некие сводники, лишают нас ума». «От кого, как не от чужеземцев, исходят голод, жажда, притеснения, частые мятежи и разорения и всякие беды, печали и неволи всего народа русского?»[93].

Юрий Крижанич видит Россию стоящей на перекрестке. Перед ней две дороги: одна — в опасную даль новизны, другая — в густые потемки старины. «Есть два народа, искушающие Россию приманками противоположного характера, влекущих и разрывающих ее в противоположные стороны. Это — немцы и греки»[94]. Автор «Политики» полагает, что оба одинаково плохи, но опаснее для русских — немцы. Ибо им принадлежит будущее, и бороться с ними можно только их же оружием — дальнейшим развитием собственной культуры.

Юрий Крижанич говорит о третьем пути между «греческой стариной» и «немецкой новизной». Для защиты национальной самобытности русских необходимы, по мнению Крижанича, строжайшие запретительные меры. Он предлагает выгнать из страны иностранных купцов и офицеров (полковников). В особом разделе книги «О гостогонстве» певец славянского королевства вспоминает о «славном спартанском законе — ксениласии, по-русски «гостогонстве» или «очищении народа и державы от дурного плевела»[95]. Одобрительно отзывается Крижанич о запрещении жить на Руси еретикам, евреям и цыганам.

Интерес «славянского королевства», о котором мечтает Юрий Крижанич, диктует ему проекты обустройства всех сторон жизни Московского государства, которое объединит славян. Для него духовное превосходство русской жизни несомненно. Европейцы «высшей задачей человека считают наслаждение», русские живут в христианской простоте: русский человек, кое-как выспавшись на лавке или на печи под собственным платьем вместо одеяла и на соломенной подстилке вместо тюфяка, спешит спозаранку на работу или на царскую службу. Иностранец нежится до полудня на пуховиках и перинах, и, едва встав с постели, тотчас принимается за вкусный завтрак[96].

Крижанич отлично видит недостатки русской жизни. Он замечает, в частности, что «нет нигде на свете такого мерзкого, отвратительного, страшного пьянства, как на Руси, а всему причиной кабаки». Предлагаемые им проекты улучшений должны, как он убежден, превратить Москву в могучий центр славянства.

Московская государственная система — самодержавие, или, как выражается Крижанич, «совершенное самовладство», представляется ему «наилучшим правлением»[97]. Именно самодержавие позволит устранить путем необходимых изменений то единое, что препятствует развитию Руси — незнание, недостаточный уровень культуры. Источник всех зол — «худое законоставие», плохие законы. Самодержавный царь может провести необходимые реформы, избавив тем самым Русь от всех зол. Русское «самовладство» кажется Крижаничу несравненно более человечной системой правления, чем польская: «На Руси есть только один господин, который располагает жизнью и смертью подданных. А у поляков сколько властителей — столько королей и тиранов, сколько бояр — столько судей и палачей». Польское правление — самая худшая система: «Если бы кто-нибудь обошел кругом весь свет, чтобы отыскать наихудшее правление, или если бы кто-нибудь нарочно захотел выдумать наихудший способ правления, он не смог бы найти более подходящего способа, нежели тот, коим ныне правят в Польской земле». Главные, страшные опасности, которые, предупреждает Крижанич, грозят Москве: своевольство, чужебесие и чужевладство[98].

Проповедник «третьего пути», «середины», автор «Политики» резко осуждает «людодерство», тиранию, в которую «самовладство» может выродиться. Моделью «людодера», безжалостного тирана был для Крижанича Иван Грозный, которого он упрекал также и в том, что царь «хотел сделать из себя варяга, немца, римлянина, кого угодно, только не русского и не славянина». Самовладство царя включает в проекте Крижанича самоограничение: «Пусть царь даст людям всех сословий пристойную, умеренную, сообразную со всякой правдой свободу, чтобы на царских чиновников всегда была надета узда, чтобы они не могли исполнять своих худых намерений и раздражать людей до отчаяния»[99]. Самовладство без людодерства со свободами. — «пристойными и умеренными», — возвещает систему просвещенного абсолютизма.

Внешнеполитическая программа Крижанича нацеливала Русь на юг. Не видя никакой необходимости в продвижении на восток и север — в Сибирь и Китай, он считал ненужной борьбу за Варяжское море (Балтика). Главную задачу Крижанич видел в завоевании Крыма, который будет производить вино, хлеб, масло, мед, годных к военному делу лошадей. Кроме того, Крым обладал выходом в Черное море. Для войны с татарами автор «Политики» предлагал пригласить поляков, а после завоевания Крыма рекомендовал изгнать из страны всех мусульман, отказавшихся принять крещение.

Пришелец со стороны, Юрий Крижанич увидел, нередко в увеличительное стекло, многие важнейшие проблемы Московского государства и его жителей. Отсутствие закона о престолонаследии, введение которого он считал необходимым, вскоре подтвердило правоту хорватского каноника. Но главным в сочинениях Крижанича были не детали, а ощущение опасности неизбежного для Москвы выбора между востоком и западом. Непрочитанный в свое время, Юрий Крижанич внимательно читался в XIX—XX вв. У него черпали аргументы сторонники противоположных взглядов: западники опирались на него, настаивая на реформах, славянофилы находили у него похвалу самовладству. И те, и другие обращались к «Политике», рассуждая о русском национализме, об отношении к Западу. Противоположные взгляды на наследие Крижанича двух историков XIX в. иллюстрируют его вклад в русскую политическую мысль и отношение к нему. Николай Костомаров отдает должное дальновидности Крижанича, увидавшего опасность, грозившую Руси со стороны немцев, а также в результате «обезьяннического перенимания приемов чуждой образованности». Костомаров пишет: «Русский человек не сделался менее невежествен, беден и угнетен оттого, что Россия наводнилась иноземцами, занимавшими государственные и служебные

должности, академические кресла и профессорские кафедры, державшими в России ремесленные мастерские, фабрики, заводы и магазины с товарами. Курная изба крестьянина нимало не улучшилась, как равно и узкий горизонт крестьянских понятий и сведений не расширился оттого, что владелец сделался полурусским человеком, убирал свой дом на европейский образец, изъяснялся чисто по-немецки и по-французски и давал возможность иноземцам наживаться в русских столицах на счет крестьянского труда. Русский дух не приобрел способности самостоятельного творчества в области науки, литературы, искусств оттого, что в России были иноземцы и обыноземившиеся русские, писавшие на иноземных языках для иноземцев, а не для русских». Костомаров признает, что Юрий Крижанич впал в крайность, в нелепость, требуя принять против иноземцев жестокие ограничительные меры, но «он был прав в тех опасениях, которые привели его к этой нелепости»[100].

Павел Милюков согласен с тем, что много из того, о чем предостерегал Крижанич в царствование Алексея, осуществилось: вся внешность европейской культуры была усвоена без всяких изменений, совершенно механически; сладкая еда, и мягкие постели, и изящная праздность высшего класса, и роскошь обстановки, костюма, жилья стали обыденными явлениями, Русь пережила даже чужевладство — на престоле сидела иностранка и женщина. И тем не менее, констатирует историк, денационализации России не произошло, она постепенно ассимилировала воспринятые механические элементы иноземных культур. Доза иноземного яда, которую получил русский организм, не отравила его, как боялся Крижанич. Эта доза, заключает Павел Милюков, была едва достаточной, «чтобы произвести действие целительной прививки»[101].

Второе важнейшее, наряду с национальной идеей, открытие Юрия Крижанича: славянская идея никогда не стала ведущей в русской политической мысли, хотя в разное время пользовалась успехом и отражалась во внешней политике. Славянская идея, концепция «славянского царства» не получила того значения, о котором мечтал Крижанич, ибо вступала в противоречие с имперской идеей, ограничивала ее. Москва — Третий Рим — не могла довольствоваться только славянскими народами, она видела себя в центре православного мира. Православная империя не могла себя ограничивать славянством. Империя не могла наглухо загородиться от иностранных влияний. Противоречивый характер «Третьего Рима», вытекающий из открытий, сделанных Юрием Крижаничем, не перестает питать дискуссии, переходящие в непримиримые споры о характере Российской империи.

В ожидании Петра

После смерти королей чаще всего наступают междоусобные войны и раздоры из-за замещения престола.

Юрий Крижанич

Царь Алексей умер 47 лет 30 января 1676 г., проведя на троне 31 год. Со времени коронования первого Романова — Михаила — прошло 63 года. Отец и сын правили Московским государством в эпоху реконструкции, восстановления страны, пережившей Смуту. Восстановление шло по старым образцам, что позволило добиться быстрых и значительных государственных успехов. Одновременно положение населения, истощенного поборами, ухудшалось. Николай Костомаров рисует картину жизни страны в десятилетия царствования двух первых Романовых: «Это был период господства приказного люда, расширения письменности, бессилия закона, пустосвятства, повсеместного обирательства работящего народа, всеобщего обмана, побегов, разбоев и бунтов»[102]. Историк видит

важнейшую причину бед в «малосамодержавности самодержавия», в слабости Михаила и Алексея, позволявших действовать от их имени боярам и дьякам.

Исчерпанность старых традиционных форм управления, форм жизни становилась все очевиднее. Чужеземные влияния, несшие новые идеи, понятия, нравы, все настойчивее стучались в стены Кремля. Царь Алексей, человек нерешительный, предпочитавший оставлять инициативу своим приближенным, которых он то и дело менял, «никуда не шел и даже не стоял: он просто спокойно возлежал на груде обломков старого и нового, не разбирая, откуда что идет, и подобрав под себя, что было помягче»[103].

Первая забота монарха — дать царству наследника. Отсутствие законного продолжателя династии Рюрика было одной из важных причин Смутного времени. Царь Алексей оставил слишком много наследников. Его пережили два сына и шесть дочерей от первого брака, сын и две дочери от второго. Положение осложнялось тем, что семья распадалась на два рода по происхождению цариц: на Милославских и Нарышкиных.

По непонятным причинам дочери от первого брака были здоровые и энергичные, а сыновья Федор и Иван — слабые и больные. Сильного и умного мальчика — Петра — родила Наталья Нарышкина, но могучий клан Милославских решил посадить на трон законного наследника, 15-летнего Федора, пораженного неизлечимой болезнью, едва ходившего. Наставником наследника был Симеон Полоцкий, прививший ученику любовь к наукам. Биограф Федора сообщает, что «царь знал хорошо латинский и другие иностранные языки, математику, любил поэзию и музыку»[104]. Образованность юного царя была знамением новых времен. Боярские раздоры, начавшиеся немедленно по короновании Федора, были продолжением вековых традиций.

«Шестилетнее царствование Федора Алексеевича, — резюмирует автор биографии царя, — протекло без всякого следа в историческом отношении»[105]. Главным внутренним событием были гонения на сторонников Нарышкиных. Первым подвергся репрессиям ближайший советник Алексея в последние годы его правления боярин Артамон Матвеев.

Молодой царь, лучше сказать, его советники продолжали то, чего не успел завершить Алексей. Принимались меры по упрощению администрации, что вело к расширению власти воевод. Началась реорганизация армии, необходимая в связи с прогрессом в военном деле, достигнутым неприятелем, — шли поиски ответа на «нововымышленные неприятельские хитрости». В рамках военной реформы было окончательно уничтожено «местничество», требовавшее назначать на командные посты не по способностям, но по родовитости. Практически оно исчезло уже при Алексее, при Федоре древний обычай был ликвидирован окончательно: царь приказал сжечь все разрядные книги, регистрировавшие происхождение и службу. Возбуждение, вызванное расколом, не только не утихало, но усиливалось и распространялось, приобретая мрачный, фанатический характер. Все чаще раскольники самосжигались, предпочитая мученическую смерть «поклонению идолам». В 1682 г. церковный собор передал дело борьбы с раскольниками светской власти: против непослушных официальной церкви высылались войска.

Федор учредил в Москве славяно-греко-латинскую академию, первое на Руси высшее богословское училище. В него принимались только русские и греки, но последние только после свидетельства от патриархии, что они исповедуют подлинную православную веру. Указ об открытии академии одновременно запрещал держать домашних учителей и обучаться дома греческому, латинскому и польскому языкам. Строго запрещалось хранить дома волшебные, чародейные, гадательные и прочие еретические книги.

Биограф Федора сообщает, что «первая политическая мысль юного царя была мысль возвратить Ингерманландию с частью Лифляндии, а в особенности Нарву». Можно усомниться в том, что первая «политическая мысль» Федора, едва достигшего 15 лет, обратилась в сторону Прибалтики, но давняя цель русской внешней политики не могла не интересовать его советников. К тому же, казалось, была возможность: Швеция, владевшая

Нарвой, вела войну с Данией. Датчане очень уговаривали русских выступить против шведов, не жалея обещаний. Федор отправил 9 тыс. пехотинцев и конников к границам Швеции, но отозвал их, ибо события на Украине потребовали всех сил.

Турция, принявшая под свое покровительство правобережную Украину, готовилась к захвату левобережной Малороссии. В 1678 г. московские войска потерпели поражение под Чигирином. Одновременно не были урегулированы отношения с Польшей. Активная деятельность московской дипломатии, отправка посольства в Вену и Париж с целью получения поддержки в войне с Турцией, переговоры с поляками принесли результаты. В 1680 г. был подписан мирный договор с Польшей: делегация Речи Посполитой явилась в Москву и после 23 заседаний, «по истощении всех хитростей, уловок и дипломатических тонкостей»[106] было достигнуто соглашение о перемирии на 13 лет. В 1681 г. в Бахчисарае было подписано соглашение о 20-летнем перемирии с Турцией. Москва соглашалась с уступкой правобережной Украины, за исключением Киева, султану.

Богемец Таннер, сопровождавший польское посольство в Москву, опубликовал в 1689 г. в Нюрнберге на латинском языке описание столицы царства Федора Алексеевича. Внимательный дипломат заметил и зарегистрировал множество деталей города и городской жизни. Он подробно описал роскошный прием послов, торжественный обед, во время которого было подано 200 блюд, но все из рыбы: из белужины было изготовлено с помощью муки множество гусей, кур, индеек и уток. Отметил наличие множества храмов (ему сообщили, что их 1700), купола которых придавали величественную красоту городу. Но только две улицы в Москве были вымощены деревянными брусьями: по одной из них царь выезжал из города, вторая вела от дворца к Посольскому приказу. «Все прочие, — сообщил наблюдатель, — устланы бревнами, а посему как летняя, так и зимняя езда там весьма неприятна». Зато в городе очень много извозчиков, которые возят за весьма умеренную плату и чрезвычайно искусны в своем деле. Приятно удивило дипломата множество жемчуга и драгоценных камней на Руси, которые продавались очень дешево.

Таннер побывал во всех уголках города, разговаривал с москвичами, пробовал их еду и напитки. Он заметил, что на всех концах улиц и перекрестках стоят квасники. Кроме меда и пива, делится наблюдениями богемец, русские делают яблочный квас, который весьма любят. «Да и я его вечно не забуду, — добавляет он, — напившись только однажды этого квасу, промучился я 12 суток в лихорадке». В. Берх, биограф Федора, подробно излагающий сочинение Таннера, упрекает его в излишнем натурализме: «Он судил о россиянах по тем людям, коих встречал на Вшивой бирже (гигантской парикмахерской под открытым небом); в бане и Толкучем ряду»[107]. Видимо, скромность историка не позволила ему вспомнить о том, что Таннер посетил также Красный кабак, находившийся за городом, куда собирались гуляки, чтобы «пировать с Бахусом и Венерой».

Смерть царя Федора 27 апреля 1682 г. никого не удивила — кончины болезненного государя ждали давно, но повергла в смятение. Отсутствие закона о престолонаследии породило ситуацию, напоминавшую тревожные дни после смерти Ивана Грозного. Снова необходимо было делать выбор между двумя сыновьями: 16-летним болезненным, поврежденным в уме, как осторожно выражались современники, Иваном и здоровым, но всего лишь 10-летним Петром.

В день смерти Федора патриарх Иоаким собрал светских и духовных сановников и предложил немедленно выбрать царя. Большинство было за Петра, но часть присутствовавших настаивала на правах старшего сына, Ивана. Патриарх предложил обратиться к народу. На площади перед Кремлем были собраны «все чины Московского государства», т.е. представители всех сословий. Они были вызваны в Москву в декабре 1681 г. на собор, который должен был рассмотреть в очередной раз порядок взимания налогов. Собор не состоялся, но выборные находились еще в Москве. Замечательный знаток XVII в. Сергей Платонов считает, что на площади были собраны «случайные люди». Называет

процедуру избрания (народ кричал, что хочет Петра) «поспешной и сомнительной в моральном смысле»[108].

Вполне возможно, что избрание «царем и самодержцем всея Великие и Малые и Белые России» Петра Алексеевича не вызвало бы серьезного сопротивления, если бы на политической сцене не появился неизвестный ранее на Руси фактор: женщины. После смерти царя Алексея осталось шесть дочерей: молодых, сильных, мучительно тяготившихся своей жизнью в тереме. Старшей из царевен — Евдокии — было 32 года, младшей — Феодосии — 19 лет. Самой сильной, властолюбивой, энергичной Софье было около 25 лет. Царевны, Милославские по матери, ненавидели вторую жену Алексея Наталью Нарышкину, которая стала их мачехой. Автор «Домашнего быта русских цариц» пишет: «Для Милославских царица Наталья Кирилловна была уже тем ненавистна, что она была им мачехой». В год смерти Федора ей было 25 лет.

Терем, поддержанный двумя дочерьми царя Михаила, начинает борьбу за избрание царем Ивана. Возглавляет интригу Софья. Инструментом борьбы за власть становятся стрельцы.

Пехотинцы, вооруженные пищалью, несовершенным ружьем, стреляющим на небольшое расстояние, — стрельцы появляются в московских войсках в середине XVI в. Малая дальность стрельбы делала стрельцов малопригодными в полевых сражениях, и они употреблялись прежде всего для защиты города, неся часто и полицейские функции. Жак Маржерет писал о 10 тыс. стрельцов во время смуты. В конце XVI в. их насчитывалось не менее 40 тыс. Они составляли гарнизоны в Астрахани, Казани, Архангельске, Нижнем. Более половины (22 тыс.) стояли в Москве, защищая столицу и особу царя. Служба в стрелецком войске была пожизненной, наследственной и давала значительные привилегии: стрельцы могли беспошлинно заниматься торговлей, огородничеством, ремеслами, иметь собственные дома. В Москве они жили в особом квартале — Стрелецкой слободе, где больше никому не разрешалось жить, кроме торговцев пивом, хлебом и овсом.

Юрий Крижанич, подчеркивая нужду в законе о престолонаследии, говорил об опасности появления в качестве «делателей королей» янычар или преторианцев. События после смерти царя Федора подтвердили точность его наблюдения. Свидетельства современников единодушны: Софья дала сигнал к перевороту. Нарушая все обычаи, она шла за гробом Федора в собор, обращая всеобщее внимание громкими воплями скорби. По выходе из собора она обратилась к народу, объявив, что «брата нашего, царя Феодора отравили враги», брата Ивана не выбрали на царство, остались мы сиротами, «отпустите нас живыми в чужие земли, к королям христианским»[109]. Иван Грозный мог бы быть доволен своей очень дальней родственницей.

По рассказу современника, слова Софьи произвели очень сильное впечатление на московский люд. Стрельцов, которые имели свои счеты с полковниками, заставлявшими их работать на себя, эти слова побудили к прямым действиям. 15 мая они явились в Кремль, имея неизвестно кем составленный список «врагов». В нем было 46 имен сторонников Нарышкиных, а также имя доктора, якобы отравившего царя. Николай Карамзин отмечает три характерные черты времени: самовольство вельмож, наглость стрельцов, властолюбие Софьи[110].

На три дня власть в Москве перешла в руки стрельцов: они убили начальника Стрелецкого приказа князя Долгорукого, братьев царицы Натальи, бывшего главного советника царя Алексея — Артамона Матвеева. С высокого царского крыльца бояр сбрасывали на стрелецкие копья, а затем рубили на куски бердышами. Тех, кого не нашли в Кремле, искали дома, убивали, грабили, жгли. Иван Забелин в биографии Софьи резюмирует действия стрельцов: «Так постепенно, шаг за шагом, терем очищал себе место и пролагал дорогу к царственной власти, истребляя или удаляя враждебных и потому опасных для него людей. Стрельцы служили действительно очень усердно и стоили награды»[111].

Софья наградила мятежников, выдав каждому по 10 рублей, было велено продавать имущество опальных бояр по самой низкой цене и только стрельцам, которым было дано почетное имя — надворная пехота. Совершенные ими убийства были объявлены «побиением за дом Пресвятыя Богородицы».

По требованию стрельцов решение «всех чинов государства» о выборе царем Петра было пересмотрено. Дума, собравшаяся для рассмотрения желания стрельцов, удовлетворила их требование: было решено иметь в Московском государстве двух царей, старшего Ивана и младшего Петра. В связи с малолетством царей сами цари, царица, патриарх и бояре обратились к Софье с просьбой принять на себя бремя правления государством. После недолгих уговоров она согласилась, приняв скромный титул «великой государыни, благоверной царевны и великой княжны Софьи Алексеевны».

До нее только дважды в русской истории женщины управляли государственными делами: Ольга в Киеве и Елена Глинская — регентша при малолетнем сыне — Иване IV, будущем Грозном. После Петра на протяжении большей части XVIII в. на русском троне будут восседать женщины. Правление Софьи как бы открывает эпоху преобладания «слабого пола» в истории России. Годы царствования императриц не будут — в целом — ни лучше, ни хуже времени царствования императоров. Немалую роль будут играть советники цариц, но это относится в такой же степени и к царям.

Правление Софьи началось 16 мая 1682 г., когда она назначила главных министров. Начальником Посольского приказа, канцлером стал князь Василий Васильевич Голицин. «Милый друг» царевны еще в царствование Федора, Василий Голицин был самым образованным человеком своего времени, горячим сторонником западной культуры. Стрелецкий приказ возглавил князь Иван Хованский, а Иноземский, Рейтарский и Пушкарский приказы (т.е. армию) — дядя царевны князь Иван Милославский.

Удовлетворение всех требований стрельцов не погасило недовольства, жившего давно и поощряемого очевидной слабостью правительства, неясностью положения на троне, где теснились два царя и правительница. Советские историки-марксисты старались представить стрелецкий бунт выражением классового недовольства народа угнетателями — боярами и помещиками. Фактический материал не подтверждает этот взгляд. В Москве помнили казнь в июне 1671 г. Степана Разина, который в течение двух лет во главе казаков и крестьян вел войну с боярами. Его подвиги и бесчеловечная жестокость стали уже сюжетом легенд и песен, но московские холопы не поднялись за стрельцами, которые пытались увлечь их за собой, соблазняя освобождением. В. Ключевский замечает: «Холопы, которых в боярской столице было вдвое больше стрельцов, ждали только знака от своих господ на усмирение мятежников и не дождались»[112].

Нерешительность власти выразилась и в отношении к духовному кризису, переживаемому в стране. Раскол в церкви продолжал волновать умы. Историки отмечают необычайное оживление в обществе: «В Москве в богатых хоромах и в бедных избах, на улицах, на площадях... раздавались горячие толки и споры, суждения и рассуждения о том, как веровать, как спасти себя; толковали и спорили о правой вере, о старом благочестии и о новом нечестии; о том, как складывать персты, сколько раз говорить аллилуйя, сколько просфор употреблять в служении, сколько концов должно иметь изображение креста, как писать имя Иисус...»[113]. Симеон Полоцкий констатировал, что о богословии говорят взрослые и дети, что споры идут в лесах и на ярмарках, не говоря уже о кабаках. В спорах участвуют, с удивлением регистрирует учитель Федора и автор хвалебных стихов в честь Софьи, даже женщины.

Склонность нового начальника стрельцов князя Хованского к старому обряду сделало ситуацию взрывной. Стрельцы, добившись удовлетворения всех требований, поднялись вновь, на этот раз в защиту старого благочестия. Под нажимом стрельцов Софья согласилась на проведение диспута между патриархом и староверами, которых представлял Никита Пустосвят, в Грановитой палате Кремля при огромном стечении народа. Не закончившийся

ничем диспут в Кремле продолжался на улицах. Софья решила действовать энергично. Пригласив к себе стрельцов, дав им денег и вина, правительница добилась их нейтралитета. «Нам нет дела до старой веры», — объявили они Софье и вернулись к себе в слободу. Правительница велела схватить Никиту Пустосвята и казнить его на Красной площади.

Новая опасность пришла со стороны князя Хованского. Начальник стрелецкого приказа, как считали Милославские, начал вести себя слишком заносчиво, появилась угроза военной диктатуры. Князь Хованский считался человеком глупым, москвичи звали его «Тараруй». Но в его руках была военная сила. Двор покинул Москву и переехал в Коломенское. Кремль захватили стрельцы. Опера Мусоргского «Хованщина» вводит некую логику в поведение Ивана Хованского, стрельцов и раскольников, которую трудно обнаружить в событиях. Софья призвала на помощь дворянское ополчение. Хованский был приглашен в Коломенское, перехвачен по дороге и на месте казнен вместе с сыном. Автор «Истории Петра Великого» А. Брикнер объясняет: «Нужно было действовать быстро, решительно, даже пренебрегая правилами нравственности»[114]. Оказавшись без командующего, сидевшие в Кремле стрельцы одумались, явились к Софье с повинной, захватив с собой плаху и топор. Казнив несколько верховодов, правительница помиловала мятежников, но столб на Красной площади, памятник первому бунту и победе, был сломан. Начальником стрелецкого приказа был назначен думный дьяк Федор Шакловитый, человек решительный, которому Софья доверяла. 6 ноября 1682 г. двор вернулся в Москву, началось правление Софьи. Оно длилось около семи лет.

«Во внутренних делах, — пишет Н. Костомаров о семилетнем эпизоде Софьи, — не происходило никаких изменений, кроме кое-каких перемен в делопроизводстве»[115]. А. Брикнер пишет о «ничтожности эпохи правления царевны Софьи». А между тем необходимость реформ ощущалась все острее, тем более что все сильнее ощущалось в Москве западное влияние. К тому же имелся и реформатор, который был одновременно убежденным «западником» — канцлер Василий Голицин, возлюбленный правительницы, имевший все возможности для реализации необходимых изменений.

Князь Василий Голицин был великолепно подготовлен к проведению реформ. В его библиотеке имелись латинские, польские и немецкие сочинения, относящиеся к государственным наукам, книги по богословию, церковной истории, драматургии, ветеринарному делу, географии, зоологии и т.д. В переписи книг упоминается и «рукопись Юрия Сербинина», т.е. одно из сочинений Юрия Крижанича. Имелись и обширные планы, о которых известно из разговоров, которые канцлер вел на латинском языке с французско-польским дипломатическим агентом Невиллем, опубликовавшим в 1699 г. в Гааге рассказ о пребывании в Москве. Программа Василия Голицина включала: организацию регулярной армии и постоянных сношений с заграницей; полную свободу совести и веры; замену натурального хозяйства денежным и даже освобождение крестьян с землей (этого придется ждать 180 лет). Канцлер хотел также: заселить окраины, оживить торговлю и наладить пути сообщения с Сибирью. Невилль резюмирует планы князя Голицина с французским красноречием: он хотел нищих сделать богатыми, дикарей превратить в людей, хижины — в каменные дворцы. Легко узнать в проектах Василия Голицина многие идеи, которые будут реализованы Петром I. Павел Милюков замечает: «В.В. Голицин имел в своем распоряжении целых 7 лет, в течение которых мог бы так же далеко уйти в своей реформе, как Петр, если бы он, подобно Петру, был человеком дела». Разница между двумя реформаторами, канцлером Софьи и будущим императором, состояла в том, что Петр начинал делать, а потом думал, а Голицин думал и не переходил к делу.

Внешняя политика Московского государства лежала на ответственности князя Голицина, как начальника Посольского приказа. В этой области он был вынужден действовать. С одним из традиционных противников Москвы, со Швецией, отношения были спокойными: велись переговоры по различным вопросам, ни одна из сторон не искала обострения. Отношения оставались напряженными с двумя другими противниками:

Польшей, которая все еще не примирилась с потерей Малороссии, и Оттоманской империей, прежде всего с вассалом султана — крымским ханом.

Москва стояла перед выбором: союз с Польшей против татар или союз с татарами против Польши. Юрий Крижанич, размышляя о внешней политике России, доказывал необходимость и пользу мира с Польшей и Швецией и войны с татарами, завоевания Крыма. Василий Голицин придерживался этой же точки зрения. Она совпадала с расстановкой сил на политической шахматной доске. В ответ на оттоманскую экспансию с начала 1680-х гг. возникла антитурецкая коалиция, душой которой был Рим, а наиболее активными участниками Венеция, Польша, Австрия. Москва получила приглашение присоединиться к альянсу, выступив против Крыма. В 1683 г. польский король Ян Собесский разгромил турок под Веной, остановив их продвижение в Европу. В 1684 г. венецианцы начали военные действия против турок, вытесняя их из Греции. В январе 1684 г. в селе Андрусове, где был подписан временный мир с Польшей, начались переговоры о «вечном мире». Поляки не соглашались уступить навсегда Киев, русские не соглашались дать помощь против турок.

Противники польско-русского соглашения были и в московском стане. Главным выразителем этих взглядов был малороссийский гетман Иван Самойлович. При его содействии русскому правительству удалось добиться того, чтобы киевский митрополит, который посвящался константинопольским патриархом, стал посвящаться в Москве. Это стоило большого труда и немалых денег. Самойлович опасался, что союз Москвы с Варшавой ослабит русскую позицию на Украине. Гетман говорил, что Польше нельзя верить, что поход на Крым — чрезвычайно трудное военное предприятие. Он отвечал на аргументы сторонников «крестового похода» против татар и турок ради освобождения славянских народов, находившихся под оттоманским игом, что Москва пока еще освободить их не в состоянии, что они могут прекрасно подождать в турецкой неволе, которая, во всяком случае, лучше католической.

Спор о направлении наступления, разногласия относительно пользы или вреда войны с Крымом отражали противоречивые взгляды на миссию России. Через двести лет после споров о походе на Крым в правление Софьи теоретик русского национализма Николай Данилевский в своем главном труде «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-римскому» почти дословно повторяет аргументы гетмана Самойловича. «Существенный смысл магометанства, — писал Н. Данилевский, — заключается в той невольной и бессознательной услуге, которую оно оказало православию и славянству, оградив первое от напора латинства, спасши второе от поглощения его романо-германством»[116].

В 1925 г. историк Г. Вернадский, певец евразийства, решительно осуждает решение В. Голицина вступить в союз с Польшей и отправиться в поход на Крым. «Москва, — пишет он, — пошла в хвосте латинско-униатской коалиции»[117]. В 1992 г. Лев Гумилев, историк и евразиец, однозначен: Софья и Василий Голицин «поддались на увещевания поляков-иезуитов вопреки мнению такого опытного военачальника, как Самойлович»[118].

В начале 1686 г. в Москву прибыли польские дипломаты. После семи недель переговоров, в которых принимал личное участие канцлер Голицин, Россия и Польша подписали вечный мир: Москва получила Киев (заплатив 146 тыс. рублей) и соглашалась разорвать мир с султаном и ханом. Современники высоко оценили договор с Польшей как значительный успех русской дипломатии.

Война, которую антитурецкая коалиция вела с султаном, ставила перед Москвой трудную дилемму. Неучастие в войне означало, что в случае победы турок над поляками можно было ожидать появления янычар под стенами Киева; в случае победы поляков над турками, окрепшая Речь Посполитая предъявила бы свои права на Малороссию и, несомненно, потребовала бы возвращения Киева.

Была еще одна важная причина московского выбора: союз с татарами был невозможен, ибо крымский хан его не хотел.

Подчеркивая значение, которое правительница придавала дипломатической победе — заключению вечного мира с Польшей, Софья стала называть себя «самодержицей» и начала думать о царской короне. Оставалось завоевание Крыма. Лев Гумилев совершенно справедливо замечает, что гетман Самойлович, опытный военный, был против крымской экспедиции, но не сообщает, что другой опытный военный, шотландец Патрик Гордон, давно служивший русскому трону, был за поход. Василий Голицин попросил генерала Гордона, своего военного советника, изложить в особой записке соображения о походе на Крым. Генерал представил соображения политические, отметив, что неудача может ослабить позицию правительницы, остановился на состоянии войска, подчеркнув слабую дисциплину, перечислил выгоды: освобождение из плена многих тысяч пленных, избавление христианства от «ядовитого, проклятого и скверного исчадия», отмщение за вековые обиды. Главное же, генерал Гордон, перечислив трудности (до Перекопа нужно идти несколько дней по безводной степи), объявил успех обеспеченным.

Осенью 1686 г. был объявлен поход на Крым. Письмо от константинопольского патриарха Дионисия, умолявшего царей и правительницу не начинать войну, ибо в этом случае турки обратят свой гнев на христиан в Греции, воздействия не возымело. В 1687 г. московское войско двинулось на Крым под командованием князя Голицина. Не дойдя до Перекопа, оно вернулось назад. В 1689 г. Голицин повел войско во второй поход, который кончился так же полной неудачей, как и первый. Страшная жара, отсутствие воды, корма для лошадей, но, прежде всего, военная бездарность командующего помешали захвату Крыма.

Виновным в поражении был объявлен Самойлович, лишенный звания гетмана. Его заменил по рекомендации Голицина Мазепа. Софья, нетерпеливо ждавшая возлюбленного, посылавшая ему страстные письма, объявила русскому народу о подвигах воеводы Голицина и всего воинства, наградила всех, даже солдат. О приходе новых времен свидетельствовало желание ввести в заблуждение относительно результатов походов в Крым Западную Европу. Через нидерландского дипломата барона Келлера голландские газеты получили и напечатали составленную самим Голициным реляцию о походе, представлявшую действия войск, которыми он командовал, в наилучшем свете. В это же время шведский резидент в Москве доносил своему правительству, что в крымском походе погибло 40—50 тыс. человек.

Неудача походов в Крым сильно поколебала положение Софьи. Отсутствие серьезных мер по наведению порядка в государстве вело к накоплению недовольства, которое питалось, в частности, и тем, что при дворе господствовала латинско-польская партия. Современник и родственник Петра князь Куракин говорит в своих воспоминаниях об эпохе Софьи: «Политес восстановлена в шляхетстве и других придворных с манеру польского: и в экипажах, и в домовном строении, и в уборах, и в столах»[119]. Не было другого времени в русской истории, когда Польша была бы в такой моде при дворе. Это углубляло разрыв правящего слоя с народом, обостряло отношения. Но главной причиной близившегося падения правительницы Софьи был ее брат, царь Петр. 27 января 1689 г. он сочетался браком с Евдокией Лопухиной. По русским понятиям женатый человек считался совершеннолетним.

[416]